

В. А. ГЛАЗЫЧЕВ

ГОРОД БЕЗ ГРАНИЦ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
МОСКВА 2011

УДК 711.4
ББК У040.22
Г52

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ

В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

В. Л. Глазычев, Л. Г. Ионин, В. А. Куренной, Р. З. Хестанов

Г52 Глазычев В. Л.
Город без границ. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – (Серия
«Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 400 с..

ISBN 978-5-91129-072-6

© В. Л. Глазычев, 2011

© Издательский дом «Территория будущего», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ	11
ГЛАВА 2. ПРИСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА	73
ГЛАВА 3. ТЕРРИТОРИЯ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ОСМЫСЛЕНИЯ	144
ГЛАВА 4. МЕЖДУ РЕГИОНОМ И ГОРОДОМ	210
ГЛАВА 5. ПУТЬ К «УМНОМУ» ГОРОДУ-РЕГИОНУ	284
Заключение	394

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга замыкает тройную конструкцию, основание которой было заложено книгой «Архитектура» (2002 г.)¹, а корпус сформирован «Урбанистикой» (2008 г.). Обычно вопросы развития территорий и проблемы развития городов рассматриваются по отдельности, однако такой подход все более расходится с реальностью. Дело не только в том, что уже более половины человечества проживает в городах, а в наиболее развитых странах доля городского населения приближается к 80, а то и к 90%. Притом что население России сокращается, горожане составляют абсолютное большинство в столь разных регионах, как Псковская или Кемеровская область, не говоря уже о Московской или Ленинградской областях. К поселениям, в которых существенная часть жителей занята сельскохозяйственным производством, все менее применимо понятие «село». Еще одно поколение — и к слову «деревня» в толковых словарях будет приписано «уст.».

К этому процессу можно относиться различным образом, но объективный процесс всеобщей урбанизации неумолим. Разумеется, попытки ухода индивидов или небольших групп как можно дальше от влияния города будут продолжаться, но этот вариант эскапизма обречен на то, чтобы быть сугубо маргинальным явлением. Мир движется к тому, что все его население будет городским. Мир уже таков: природные заказники, заповедники, национальные парки будут, надо полагать, увеличиваться в числе и в размерах, но это происходит именно потому, что в их рекреационных возможностях все более заинтересованы те, чья основная деятельность осуществляется в городской среде. Курорт, санаторий, туристический кемпинг, альпинистский лагерь — все они представляют собой эманацию городской среды в природное царство.

Сугубо городским порождением стал в свое время феномен дачи. Городской является расширяющаяся в габаритах среда формально

¹ Автор не несет ответственности за слово «энциклопедия», из коммерческих соображений выставленное на обложку издательством «АСТ» без согласования с ним.

загородных поселков. Интенсивное животноводство и огородничество делят с пригородными жилыми массивами территории с радиусом до сотни километров, они стали уже частью городской цивилизации. Благодаря Интернету и глобальным системам навигации любая точка земного пространства уже ввязана в единую информационную сеть, в пределах которой географическое положение этой точки играет существенно меньшую роль, чем когда-либо ранее. Потребность в личном общении, потребность периодически оказываться «на людях» при этом не исчезает, и потому места интенсивного общения человеческих масс, которые мы по традиции именуем городскими центрами, все в большей степени становятся центральными узлами обширных населенных территорий.

Именно по этой причине целесообразно рассматривать территориальное развитие и эволюцию города как органическое целое. У этого целого долгая история, насыщенная конфликтами. Конфликты и парадоксы, вроде того, что в силу слабости транспортных коммуникаций перемещение от аэропорта до центра города может занять больше времени, чем перелет за пару тысяч километров, остаются и даже нарастают, но это типичный кризис роста. Отчасти этот кризис вызван темпом, в котором разворачивается процесс перехода от индустриальной экономики к постиндустриальной, но во многом этот кризис порожден слабой осмысленностью феномена тотальной урбанизации. Она слабо осмыслена экспертами в первую очередь, потому что над сознанием экспертов тяготеют старые догмы, их интерпретаторами и журналистами — во вторую, властями и горожанами — в третью.

Это универсальное явление. В Германии потребовалось два десятилетия, чтобы осмыслить феномен Рурского района, превратившегося из сосредоточения заводов в ступок научной и культурной работы как единого целого, в котором индивидуальность крупных и малых городов не исчезла, но преобразилась. Европейский союз с немалым трудом интеллектуально осваивает феномен Базельской агломерации, где единым пространственным целым становятся районы, входящие в три национальных системы — немецкую, французскую и швейцарскую. Органичность Ванкуверской агломерации (metropolitan area), где все же удалось выработать модель гармоничных отношений между самостоятельными муниципалитетами, все еще остается обособленным феноменом. Экологическое сообщество смогло убедить властные структуры и население в том, что будто бы снижение плотности населения в грандиозных по площади пригородах создает меньшую нагрузку на природу, чем концентрация людей

в городах масштаба Нью-Йорка, и это притом, что доказательства противного буквально лежат под рукой. Пренебрежение историческим знанием мешает осознать, что наиболее приближенная к идеалу городская среда — это не порождение фантазии, обращенной к неопределенному будущему, а реальный опыт, накопленный в разные времена, будь то средневековая Венеция или город Рестон, расположенный в полчаса езды от Вашингтона. С другой стороны, ностальгическое отношение к прошлому мешает увидеть ценности, создаваемые настоящим, вроде того, что, скажем, в США уже более четверти рабочих мест — это места работы на дому, хотя этот феномен знаменует собой радикальную реконструкцию и образа жизни, и качества среды обитания.

Явление универсальное, но для России, мучительно сменяющей один уклад жизни на какой-то другой, вдвойне важно осмыслить собственное пространство как единое целое, регулируемое развитием городов. Существенно понять, насколько наше прошлое предопределяет рамки возможного и необходимого, насколько существенно преодолеть заблуждения, накопившиеся за десятилетия сначала советского догматизма, затем постсоветской имитации либеральных доктрин и, наконец, эклектического соединения первых со вторыми, столь характерного для последних лет. Бесконечно важно уяснить, как, каким образом в ряде случаев при работе над управлением территориальным развитием удастся создать точки уравновешенности между публичным благом и эгоистическими интересами лиц, групп, корпораций и целых муниципальных сообществ.

Похоже, что близок момент, когда административное сословие страны, убедившись в тщетности построения стратегий развития без погружения в реальность жизни на конкретных территориях, сумеет осознать то, что давно уже понято таким же сословием в развитых странах. Остается надежда: прекратив отмахиваться от специалистов, тщетно пытающихся убедить власть в том, что они способны дать ей основу для выработки стратегий, власть сумеет выиграть гонку со временем в условиях глобальной конкуренции, если поставит перед специалистами по управлению территориальным развитием открытую задачу. Тем важнее, чтобы к моменту, когда разочарование в технократических шаблонах планирования, разорванного по ведомственным «квартирам», перейдет в прозрение, ядро специалистов успело сложиться.

Попытка продвинуться к такому пониманию составляет предмет этой книги. Как представляется, сорок лет осмысления эволюции поселений дают автору право предъявить персональный образ урба-

низации и освоения городской среды в их динамике. Речь об активном размышлении, означающем освоение профессиональной литературы в соединении с непосредственным опытом взаимодействия с властями разного уровня, с экспертами, с общественными деятелями, с жителями столиц и малых городов. Если в результате знакомства с содержанием этой работы читатель захочет продолжить изучение проблем освоения территорий самостоятельно, цель автора будет достигнута. При всем обилии информационного «шума» в Интернете в его недрах, в особенности на англоязычных сайтах, есть огромный объем дельных материалов – от добротной эссеистики до официальных документов по теме.

ГЛАВА 1

ЭВОЛЮЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Система расселения сегодняшней России, ее населенные места и связи между ними унаследованы от иной по существу страны — Советского Союза, в котором ключевыми критериями размещения производств были соображения оборонной устойчивости целого и продовольственной самодостаточности частей, составлявших это целое. В свою очередь Советский Союз унаследовал, но существенно видоизменил систему территориального устройства, сформированную веками пространственной экспансии сначала Московской Руси, а затем Российской империи — когда мирной экспансии, когда военной, но так или иначе практически остановившейся к концу XIX в. Иметь это в виду необходимо уже только потому, что инерционность процессов расселения на территории велика. Так, новейшими исследованиями установлено прямое соответствие между способностью местных сообществ к ведению продуктивного диалога с экспертами и к их соорганизации на конструктивное действие с тем обстоятельством, было ли то или иное место населено государственными крестьянами или крепостными. Войны, революции, коллективизация, индустриализация и ГУЛАГ, перемещение промышленности на восток в годы войны, освоение целины и послевоенные стройки — казалось бы, от модусов сознания полуторавековой давности не должно остаться и следа. Но этот след есть, и он ощутим, в чем, к собственному изумлению, убедились коллеги, работавшие по проекту Всемирного банка. В связи с этим, как ни велико желание начать книгу сразу с современного состояния проблем управления территориальным развитием, представляется необходимым ввести краткий очерк его истории, сначала российской, а затем западной. Отдавая себе отчет в том, что желательно было бы рассмотреть предмет в контексте универсальной истории, включая Восток, мы вынуждены в основном ограничиться западными реалиями, поскольку до настоящего вре-

мени попытки объединить западный и восточный потоки событий даже такими универсалистами, как Фернан Бродель, осуществлялись сугубо механическим образом. Очерк необходим еще и потому, что уже выросли поколения, практически не получившие сколько-нибудь систематического осознания своей причастности к истории.

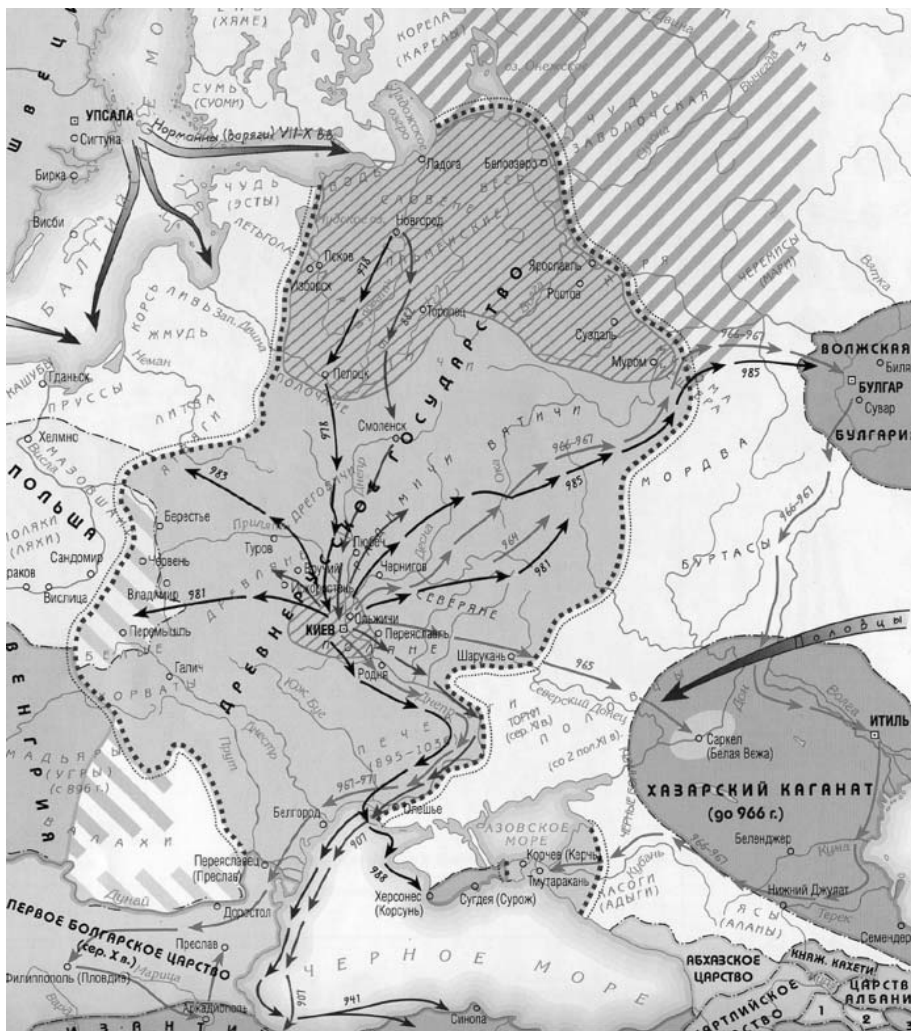
Разумеется, любая обжитая территория несет на себе следы деятельности многих поколений, следы стихийного освоения, мирной или военной экспансии различных племен и народностей, наконец, следы целенаправленной пространственной активности, осуществлявшейся властью, централизованной в большей или меньшей степени. В этом отношении государства, существующие ныне на пространствах Евразии, сходны между собой, однако существенно то, как давно и в какой форме состоялся процесс формирования единого государства из множества частей, обособленных в разной степени. Как правило, специфичность современной России преувеличивается. То ей приписывают прямое наследование от Киевской Руси, то, напротив, акцентируют ее двадцатилетний возраст. Отчасти верно и то и другое, но если культурная преемственность действительно обладает тысячелетней длительностью, то реконструкция государственной рамки прошла множество фаз и не завершена до настоящего времени. Впрочем, полезно помнить, что Германия в сегодняшних границах была оформлена в 1945 г. решением держав – победительниц во Второй мировой войне. Финляндия обрела государственную независимость в 1917 г., а ее современная граница с Россией была закреплена лишь договором 1948 г. Ирландия обрела самостоятельность только в 1949 г., Италия как государство существует с 1870 г., единая Германия возникла лишь годом позже. Шотландия окончательно вошла в состав Великобритании в 1717 г. Исчезли Австро-Венгерская империя и Советский Союз, на протяжении жизни одного поколения была слеплена и исчезла Югославия, в результате Первой мировой войны возникли Латвия, Литва и Эстония, затем они были поглощены Советским Союзом и теперь родились заново. Наконец, из небытия возникли новые государства – Монголия (в 1921 г.), Белоруссия, Украина, Казахстан...

Следует считаться с тем, что такого рода подвижность происходила (и все еще происходит) в пространстве геополитики, затрагивая пространство жизнедеятельности то в большей, то в меньшей степени, но также и приспособляясь к этому пространству. Вне всякого сомнения, любопытно, как именно складывались рисунки освоения территории нынешней России в отдаленные времена, будь то протогорода Трипольской культуры, вроде известного Аркаима в Челябин-

ской области, вокруг которого в последнее время возникла обширная мифология, или следы медных рудников и плавильных печей в Оренбургской губернии. И все же нас интересует в первую очередь историческое время землеосвоения, и не суть важно, с варягами или без варягов сложился первоначальный каркас славянской системы расселения. Важно то, что по большей части ядра этой системы остались на своих местах. Иногда на этих местах существуют относительно крупные города, будь то Великий Новгород или Смоленск, но чаще это теперь маленькие городки, вроде Старой Ладogi. Так или иначе, но первичных слоев расселения на территории современной России несколько: лесная зона угро-финских племен в междуречье верхней Волги и Северной Двины, хазарский каганат на нижней Волге, граничивший с юга с аланскими и адыгскими территориями Северного Кавказа, волжская Булгария. Формирование Руси очевидным образом привязано к двум ветвям транзита по великим рекам. Более известен путь «Из варяг в греки», лишь верхнее плечо которого осталось на нынешней российской территории, тогда как нижнее, днепровское, плечо отошло к Украине. Волжский путь, которым пушнина с Севера шла в Персию через Каспий, значительно менее популяризован в силу устойчивой европоцентристской ориентации российской науки.

Эта ориентация приводила (и до сих пор приводит) к многочисленным подменам смыслов. Действительно, скандинавские источники именуют Русь¹ Гардарикой, что было патриотично, но некорректно переведено как «страна городов». В действительности речь идет о стране гардов, то есть о стране усадеб, что многократно подтверждено трудами археологов, вскрывших истинные размеры городищ, обычно имевших в диаметре от 50 до 100 м. Крупных по тогдашней европейской мере городов было два: Киев и Новгород. Основным экспортным продуктом была пушнина, добыча которой отнюдь не требовала опоры на города, и невольники. В обмен шли предметы роскоши, а также медь и олово, необходимые для отливки колоколов. Собственное ремесленное производство было невелико по объему и концентрировалось вокруг княжеских дворов. Подсечное земледелие не предполагало сосредоточения людей в крупных селах. Внутренний обмен был мал, так что ничто на российских просторах не способствовало расширенной первичной урбанизации.

¹ Если конунг Харальд перед своим средиземноморским походом оставлял в Киеве на хранение золото своему родственнику Ярославу Мудрому, то очевидно, что до конца XI в. близкие контакты правящих кругов Руси и Скандинавии все еще сохранялись.

Территория расселения русских племен и их соседей в X в. Стрелками указаны военные походы, зафиксированные летописями. Карты: Большой атлас России. М.: ДИК, АСТ, Астрель, 2005.

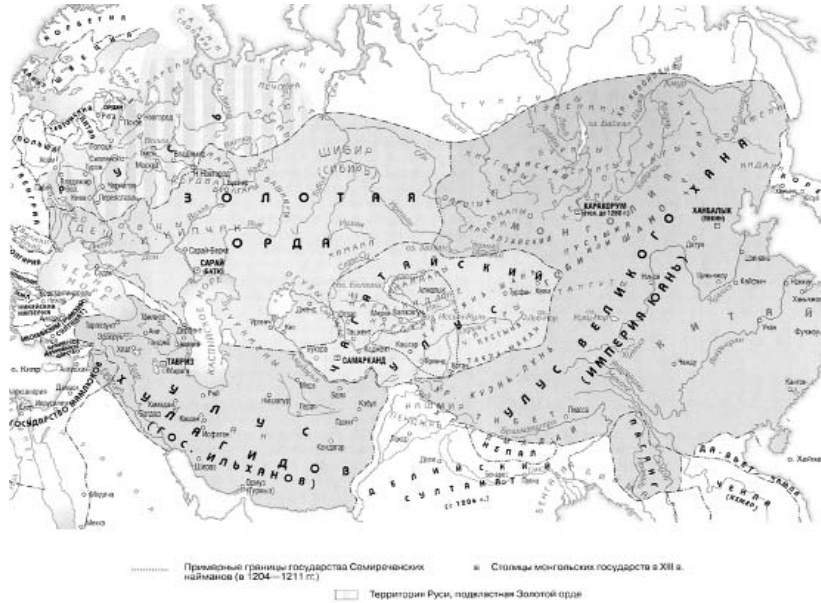
Наступление ислама, захват Персии арабами изолировали Хазарский каганат с его достаточно развитой городской цивилизацией, что облегчило его разгром, учиненный войском киевского князя Святослава, вследствие чего и Булгарское царство, и нижнее Поволжье надолго оказались под контролем степняков. Путь «Из варяг в греки» успел сформировать цепь городов-форпостов от Ладоги до Твери,

контролировавших сбор натуральной дани с лесных территорий. Великий Новгород играл особую роль в этой цепи, включившись в торговую систему Ганзейского союза на правах зависимого партнера², и когда мадьяры приняли христианство, открыв более удобную линию транзита на юг, старый путь с его волоками и половецкой угрозой был заброшен. Погоня за ценной пушниной спровоцировала интенсивную колонизацию заволжских земель новгородцами, что в экономическом смысле отдаляло Новгород от Киева, дни которого были сочтены задолго до монгольского нашествия. Землепашество на киевских и черниговских землях хирело в обстановке чередования половецких набегов и междоусобных столкновений, так что отток населения во Владимиро-Суздальское ополье был вполне естественной реакцией на угрозу. Соответственно, на вторую после Новгорода позицию среди русских городов выдвигается Владимир. Именно здесь формируется первая зона интенсивного сельского хозяйства, от продуктивности которой попадают в зависимость и Новгород, и Псков, и Тверь, которые не были в состоянии обеспечить себя хлебом.

Походы чингизидов кровавым образом завершили историю Булгарского царства и первого русского государства. В то же время господство Золотой Орды над гигантской территорией Евразии несло с собой известные выгоды. Замена подушной подати на подымную (от «дыма», т. е. очага или домохозяйства) весьма быстро привела к восстановлению, а затем и к умножению населения на российских землях. Установление системы ямов со сменными лошадьми и жесткий полицейский контроль безопасности на дорогах обеспечили невиданную ранее связность огромных пространств. Полтора века владимирские, тверские и московские купцы свободно путешествовали, добираясь до золотоордынских городов нижнего Поволжья, Средней Азии и Персии, ставшей на время улусом Хулагидов. Границы понятного мира существенно раздвинулись на юг и на восток. Главное, однако, в том, что, трактуя русских вассальных князей как своих приказчиков, оставив в их руках сбор ежегодной дани и покровительственно относясь к православной церкви³, золотоордынские

² Универсальная технология кредитования, использовавшаяся торговыми домами Европы для закрепления зависимого положения поставщиков, превосходно описана в следующем издании: *Бродель Ф.* Структуры повседневности. Т. I. М., 1986.

³ Золотая Орда перешла в ислам только в середине XIV в., до того культивируя анимизм, христианство несторианского толка и отчасти православие, и отнюдь не случайно в руинах ордынских городов найдено немало рельефных иконок Св. Георгия, одетого в стеганые ватные доспехи.

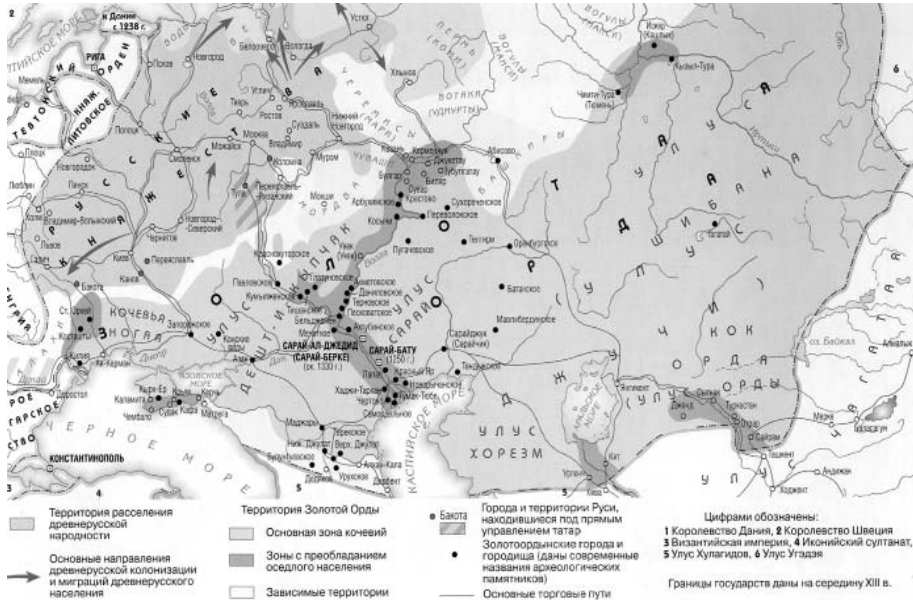

Монгольская империя в период наивысшего могущества (XIII в.), перед распадом на уделы Чингизидов. Земли Великого Новгорода сохранили относительную автономию от Золотой Орды.

ханы проложили дорогу к будущему единовластию Москвы и задали Руси новую модель государственного устройства.

Альтернатива существовала – Великий Новгород, вместе с зависимым от него Псковом при Александре Ярославиче (Невском) установивший с Золотой Ордой полувассальные, полусоюзнические отношения, что в немалой степени способствовало торжеству над попытками Тевтонского ордена разграбить город и расширить свои владения на востоке. И все же альтернатива была сугубо теоретической – Новгород долго владел куда более обширными землями, чем Владимир, Тверь или Москва, но внутренние распри и гордыня боярской республики не позволили ей выстроить сколько-нибудь эффективную политику объединения русских земель. Напротив, Новгород лелеял свою обособленность, тогда как контроль над поставками хлеба давал центральным княжествам принципиальное преимущество перед новгородцами.

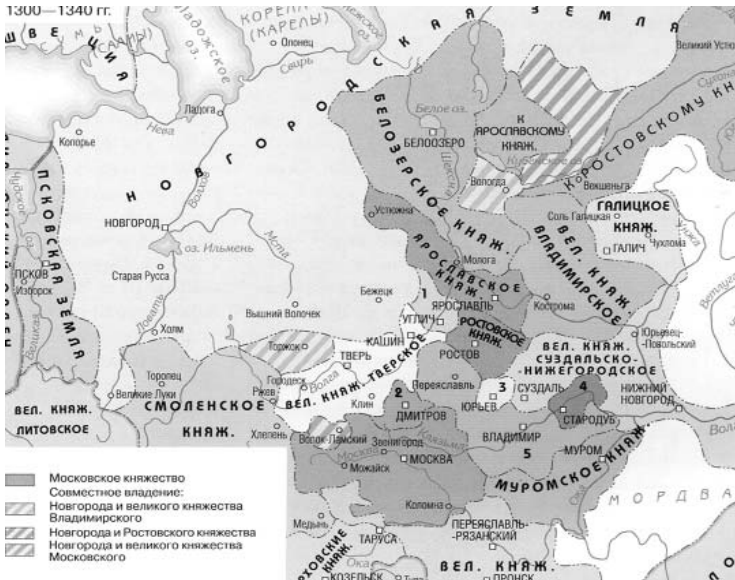
Московские князья переиграли всех своих конкурентов, что приобрело необратимый характер, когда митрополит Петр в 1326 г. переехал из Владимира в Москву, ставшую с этого момента религиозной столицей страны. Иван Калита, будучи верным вассалом Золотой

Русь и Золотая Орда в середине XIII в. Из всех русских городов под непосредственным управлением Орды были только Тула, Коломна, Переяславль, Канев и Бакота.

Орды, использовал ее покровительство в борьбе с Тверью, в приобретении ярлыков на Галич, Углич и Белоозеро и в пресечении попыток Литвы установить контроль над русскими княжествами. Была ведь и другая альтернатива – Великое княжество Литовское, при Гедимине, Ольгерде и Витовте включившее в свой состав подавляющее количество земель бывшей Киевской Руси, так что рубеж с Литвой проходил у Вязьмы. Однако уния Литвы с католической Польшей, внутренний раскол в Литве и исход православных магнатов Великого княжества на службу в Москву предрешили дело, и эта альтернатива осталась одной лишь теоретической возможностью.

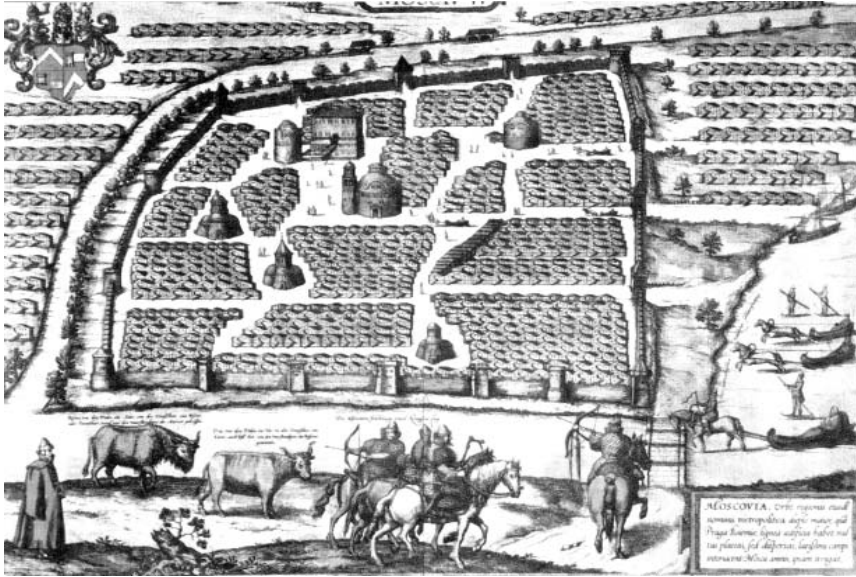
Безальтернативная экспансия Москвы была, однако, процессом непростым и долгим, так что и после Куликовской битвы, имевшей не столько военное, сколько морально-политическое значение, титулом «великий князь» именовали себя князья смоленский, тверской, рязанский, суздальско-нижегородский и ярославский. Чума обрушилась в равной мере на всех, ослабив и русские княжества, и Золотую орду, уже впадавшую в жестокий упадок. Темник Мамай потерпел поражение на Куликовом поле, Тохтамыш вскоре сжег Мо-

Начало возвышения Москвы: при князе Данииле Александровиче Московское княжество отделилось от Великого княжества Владимирского и отвоевало Коломну у Рязани.

скую, брошенную князем Дмитрием Донским, но сам потерпел жестокое поражение от войск Тимура, дошедшего на север до Ельца, прежде чем он повернул на Индию. За череду поколений русские люди настолько привыкли к горькой необходимости (через посредство Москвы как ордынского вассала) выплачивать десятину Орде, что после отказа Москвы от выплаты ордынской дани сбор десятины остался за Московским Великим князем. Именно это обстоятельство предопределило его финансовое доминирование над всеми русскими землями. Сумятица междоусобий продолжалась вокруг московского княжения вплоть до 1453 г., но в 1462 г. по завещанию Василия Темного его старший сын Иван III получил больше уделов, чем трое остальных сыновей вместе, — фундамент под самодержавие был заложен. Тогда же в благодарность за поддержку Василия во время войны с Шемякой было учреждено Касимовское ханство, ставшее в дальнейшем плацдармом для завоевания Казани. Тем не менее с распадом Золотой Орды военная ситуация Московской Руси оставалась весьма сложной, а набеги крымских татар и ногайцев существенно сдерживали экономическую деятельность и к югу от течения Оки, и на востоке.

План Москвы — иллюстрация к книге «Записки о Московитских делах» Сигизмунда фон Герберштейна, в 1517 и 1526 годах побывавшего в городе в составе посольств.

Мы лишь скользнули по тому верхнему слою событий на российской территории, для которого нет надежно документированных оснований говорить о каком-либо целенаправленном развитии. До торжества Москвы над Новгородом после похода Ивана III в 1477 г. мы все еще имеем дело с пространственным расширением, осуществлявшимся по мере сложения выгодных или невыгодных обстоятельств. Сколько-нибудь существенных перемен в технологиях и прежде всего в сельском хозяйстве не обнаруживается. Реальные изменения сопряжены с формальным отторжением от реликтовых остатков Золотой Орды после знаменитого Стояния на Угре 1480 г. Затем последовали претензии на наследование Византии, павшей под натиском турок в 1453 г., в результате женитьбы Великого князя на Софье (Зое) Палеолог, появление в Москве первой группы итальянских инженеров и, наконец, практическое утверждение самодержавия.

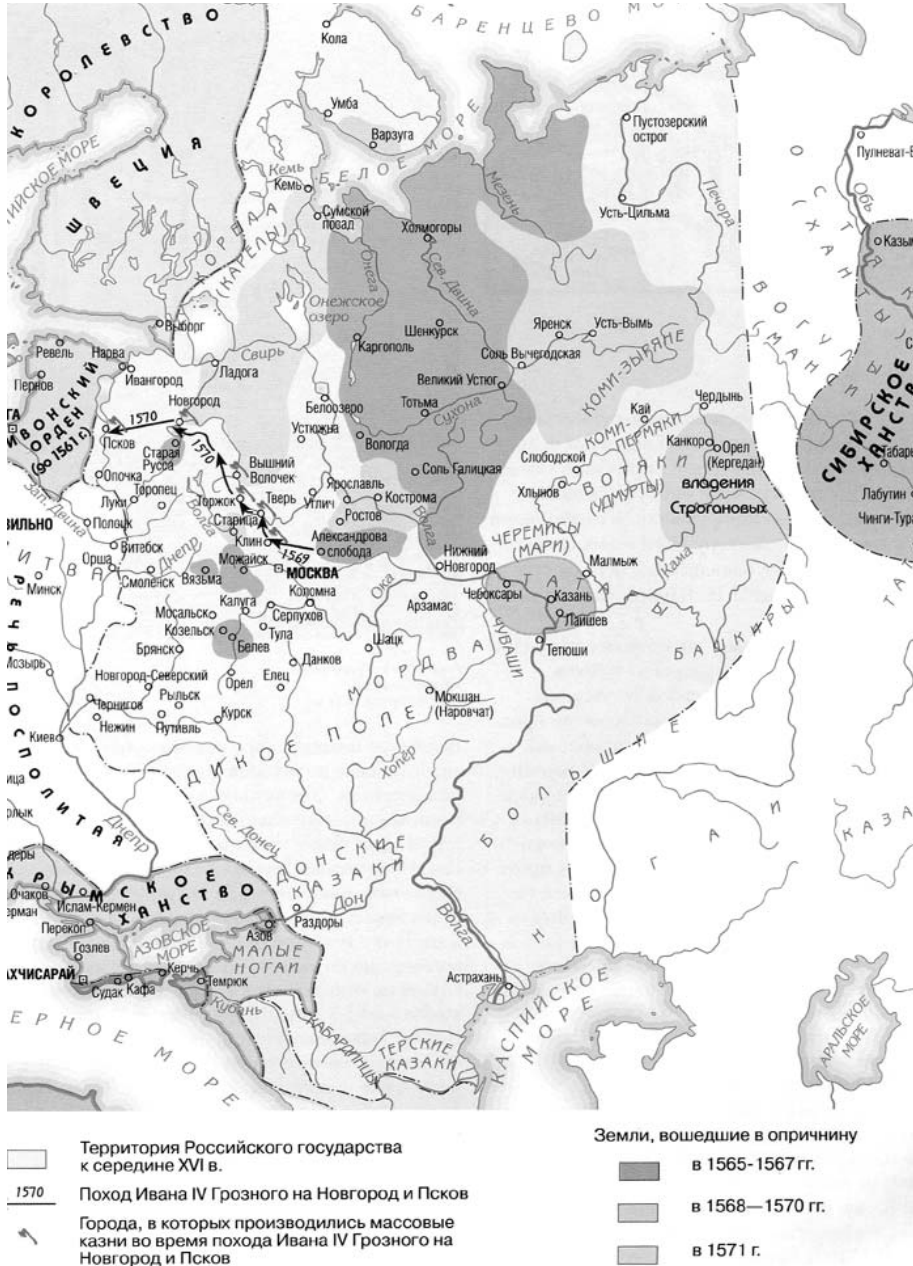
Еще оставалось сделать многое: ликвидировать остаточные претензии удельных князей, чему способствовало формирование великокняжеского двора, где прежние удельные владыки оказались в роли княжеских бояр; выстроить концепцию Москвы как Третьего Рима; надежно удерживать западные рубежи, а на юге и восто-

ке перейти от обороны к наступлению. Взятие Казани продемонстрировало успешное освоение западной военной техники, включая создание опорной крепости Свияжска, под руководством дьяка Ивана Выродкова построенной у Углича, разобранной, сплавленной по Волге и за месяц собранной на острове. Покорение Казанского царства означало включение в состав русских земель обширных пространств, населенных татарами, в основе своей бывшими потомками болгар, чувашами, мари, удмуртами и башкирами. Относительно быстро кровавое завоевание уступило место в целом скорее мирному сожительству разноязычных народов, исповедовавших разные верования. Астраханское ханство было покорено одной лишь демонстрацией силы, и Русь вышла к Каспийскому морю, вступив в прямые торговые отношения с Персией⁴.

Нам здесь не слишком интересны перипетии драматического столетия, завершившегося вместе со Смутным временем и воцарением Романовых, когда Русская земля, истерзанная войнами, чередой неурожаев и террором Ивана Грозного, смогла накопить достаточные силы для качественной метаморфозы. Тем не менее эта будущая метаморфоза была подготовлена рядом действий власти, равно как и реакцией населения на эти действия. Опричнина за пять лет своего существования успела показать, что пространственное устройство страны поддается произвольной переконфигурации. Иван Грозный в несколько приемов помимо земель вокруг Александровой слободы взял в опричнину Поморье, Двинскую землю, Устюг и Вологду, главные центры солеварения; несколько уездов, примыкавших к литовской границе, и форпост на Урале — будущие владения Строгановых. Сценический перенос престола в Александрову слободу, масштабные работы по укреплению кремля в Вологде, куда царь собирался было перенести столицу, кроме затрат и без того ограниченных ресурсов, существенного значения не имели. Опричнина была распущена в 1572 г., однако силовая перестройка карты управления задала образец, имевший уже мало общего с феодальной практикой⁵. Террор расчистил место для укрепления дворянства, для служебного помещичьего землевладения, существенно измельчившего землепользование и тем самым нарастившего зернистость территории — круп-

⁴ См.: Большой атлас России. М., 2005.

⁵ В силу традиции мы говорим о феодализме, хотя, строго говоря, чистого феодализма по европейской модели на российской земле не было, поскольку зрелый феодализм немыслим без сложного баланса сил между баронами-землевладельцами и городами, между городами и окрестными селами.

Территория России в середине XVI в. Темным тоном обозначены земли, вошедшие в Опричнину в 1565–1567 гг. Через 2 года к ним добавились земли коми-зырян, владения Строгановых, Ярославль, Кострома, Ростов.

ные вотчины уступили натиску со стороны средних и мелких помещиков. При устойчивости принципа раздела наследства между детьми, в отличие от майората по европейскому образцу, это обстоятельство имело далеко идущие последствия. Голод и непосильные подати, набеги крымских татар, Ливонская война и террор, впоследствии усугубленные грабежами Смутного времени, привели к гигантской утрате населения на русских землях.

Сохранить в этих условиях какой-то порядок взимания податей и содержания войска можно было единственным способом — закрепить крестьян на земле так, что формально временное упразднение Юрьева дня, 26 ноября всякого года дававшего ранее право на переход от одного господина к другому, почти на 300 лет утвердило фундамент российского государственного устройства. На то же время приходится усиление двух расселенческих процессов, без сочетания которых сложно представить себе закладку основы для освоения грандиозных пространств Евразии.

Меньший по объему поток крестьян, уходивших от всякой власти, давно уже направлялся на север и там крепился гнездами по Двине, Мезени, Онеге и в Поморье, где успешно развился морской промысел. Монастырская колонизация, исходным ядром которой стала Троице-Сергиева лавра, опираясь на монастыри Вологодчины, продвигала на север наиболее эффективные хозяйственные технологии, постепенно устанавливая контроль над формально свободными крестьянами. Крупнейшей монастырской колонией стала Соловецкая обитель — по тому времени наиболее совершенный технологический комплекс в северных широтах. Московской власти оставалось утвердить свой контроль над уже освоенными территориями, что и привело к закладке Архангелогородской крепости в 1584 г. Последнее принципиально важно, так как открыло морской путь для прямых торговых сношений с Англией, получившей от Грозного монопольные права, в обход блокады, которую всегда могло установить польско-литовское государство.

Значительно больший поток беглецов⁶ как из русских земель, так и из Литвы был нацелен на юг, где граница между степняками и оседлым населением оставалась предельно зыбкой. Расцвет казачества приходится на середину XVII в., но еще веком ранее казацкие ватаги, чередуя с охотой и рыбной ловлей стычки со степняками и грабитель-

⁶ Крестьяне отнюдь не составляли большинства среди казачества, значительно больше было бобылей, т. е. крестьян малоземельных или вовсе безземельных, но немало было и «детей боярских» из оскудевших поместий, по поводу которых при поновлении переписей делалась заметка «сбрел в степь, сшел в казаки».

Тюмень была основана в 1586 г., однако в Сибири, где у противников не было артиллерии, город-крепость закладывался так же, по тому же «чину», как и в XI в.

ские налеты на турецкие владения, фактически несли приграничную службу, опираясь на учрежденные московской властью гарнизонные города, построенные «на низу». Это были Ливны, Курск, Царицын, Саратов, Кромь, где складировался хлеб, порох и иногда денежное довольствие. Фактическая роль приграничной стражи не препятствовала тому, что казаки были готовы примкнуть к любому, кто обещал им солидную добычу. Именно такая ватага во главе с атаманом Ермаком была нанята Строгановыми для покорения Сибири. Ермак погиб, мало кто уцелел и из пошедших с ним казаков, и из отряда, посланного Иваном Грозным ему на помощь, однако путь в Сибирь был проложен. Тюменский, Тобольский и Пелымский остроги, Березов, Сургут, Нарым, Кеть – все эти укрепленные городки возникли за десяток лет, и к началу XVII в. Западная Сибирь до Енисея оказалась в подчинении Москве, включившей в орбиту своего господства множество небольших по численности народов и народностей.

Учет населения с различием служилых «по отечеству», т. е. дворян, освобожденных от налогов, и служилых «по прибору»,

Карта Европы, 1595 г. Чем далее на восток, тем туманнее образ. Из русских городов можно распознать Новгород, Вологду, Москву, Смоленск, Нижний Новгород, Казань, Воронеж и Одоев.

т. е. пушкарей и стрельцов, которые «клялись в тягло», облегченное по сравнению с крестьянами, заложил было основу порядка. Однако все попытки посадского строения, предпринятые Борисом Годуновым, были почти полностью сметены Смутным временем. Страна была разорена до чрезвычайности. Не только записки иноземцев, посещавших Москву после воцарения Михаила Романа, но и «росписи» по уездам рисуют картину жестокого упадка. Большая часть пашни была заброшена, численность бобылей нередко в два раза превышала численность крестьян, средние по величине дворянские поместья редко превышали 100 десятин, а тяглых хлебопашцев на эту площадь приходилось во множестве уездов всего по две души. В Елецком, к примеру, уезде из 878 дворян и детей

боярских в 1622 г. числилось 133 безземельных и 296 однодворцев и «пустопоместных»⁷.

Ситуация казалась безвыходной, поскольку служилому сословию приходилось повышать денежное жалованье, а с ним и поземельные налоги, разверстанные по площади пашни, что, в свою очередь, толкало крестьян к сокращению запашки. При всем том нападения крымских татар оставались постоянной и серьезной угрозой, что заставляло предпринять гигантскую работу сооружения новых засечных черт длиной в сотни верст, сторожевых постов при них и укрепленных городов — от Урала до Белгорода и Ахтырки. Эти сплошные линии защиты перекрыли основные пути набегов — шляхи Ногайский, Калмиусский, Изюмский и Муравский. Расходы росли, за чем неизбежно следовала обычная тогда практика порчи монеты, вплоть до попытки полной замены серебряных денег медными, и Медный бунт. Отсюда увеличение налога на соль и Соляной бунт, а в дальнейшем — нарастание брожения среди крестьянства и народов Поволжья, из-за чего заурядный казацкий мятеж смог перерасти в серьезную войну с отрядами Степана Разина.

И все же, коль скоро продолжали функционировать ярмарки Макарьевская под Нижним Новгородом, у Брянска, Смоленска, Велико-го Устюга, Казани, Козьмодемьянска, Тобольска, ремесленное производство устояло. Существенную роль, по-видимому, играл экспорт, так как данные о заходе английских торговых судов в Архангельск позволяют фиксировать существенный рост товарооборота, в котором вывоз пеньки, парусины и мачтового леса для растущего британского флота составили заметную долю. К 1630-м гг. относится появление доменной выплавки железа, что должно было существенно увеличить его производство и облегчить земледелие массовым распространением железных плугов. К сожалению, сведений об экономической деятельности XVII в. сохранилось немного, да и российские историки фактически только лишь приступили к детальной разработке истории отечественного хозяйства.

Оставим в стороне крайне запутанный вопрос о состоявшемся лишь наполовину присоединении Малороссии, тем более что с тех пор, как царь после многолетних проволочек рискнул принять присягу от казацкой старшины, правобережная Украина оказалась под властью турок. Для нашей темы гораздо важнее реформирование местного управления в самом московском государстве. До воцарения новой династии, еще при Иване Грозном, уездная конструкция под-

⁷ *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. III. С. 83.

Кириллов-Белозерский монастырь в его сегодняшнем состоянии. Гигантский периметр внешних стен окружает пустое пространство. Роль крепости не играл никогда, тюрьмы – часто.

верглась расчленению на множество местных «миров» – служилых и тяглых, городских и сельских. Горизонтальные связи между ними были ограничены редкими выборами губных старост, ведавших уголовными делами уезда, земских судей по гражданским делам и городских приказчиков, зато вертикальные связи подчинения восходили напрямую к московским приказам. Воеводы назначались только в приграничные города. Смутное время внесло свои коррективы, и воевод стали назначать в три десятка городов внутренних уездов – замосковских по преимуществу⁸.

Как водится, военачальники готовились к прошлой войне. Напуганное тем, что польско-казацкие отряды добирались в Смутное время до Костромы, московское начальство прилагало усилия для укрепления обороны северных городов, Вологды прежде всего, и монастырей. Так, именно в это время вчетверо увеличивается периметр мощных крепостных стен Кирилло-Белозерского монастыря, который впоследствии использовался как надежная тюрьма.

Задуманное как мера упрощения управленческого процесса учреждение воеводств повсеместно, с подчинением воеводе и города, и сельского населения уезда, на практике ужало местное самоуправ-

⁸ Замосковскими – то есть «за Москвой», в традиционном подчинении московскому князю: Владимир, Переяславль, Ростов, Белозерск и др.

Смутное время. Немецкая гравюра с изображением осады Смоленска войском польского короля Сигизмунда III в 1611 г. Изображение имеет мало общего с реальным образом города.

ление до состояния неоплачиваемой низовой канцелярии при вертикали государственного управления, доведенной до самого низа. Казенные косвенные налоги ведались «верными головами» и целовальниками, местные прямые — земскими старостами с целовальниками. Именно на земские, выборные власти и «советных людей», их контролирующих, было возложено кормление воевод, дьяков и подьячих⁹. Рост недоимок вынудил московскую власть при царе Федоре Алексеевиче отменить поборы на содержание воевод и их канцелярий, заодно устранив воевод от сбора важнейшей стрелецкой подати, от таможенных и кабацких сборов, которые вновь были переданы земским учреждениям. При этом возврата к земскому самоуправлению не случилось, и земские учреждения фактически остались в функциональной позиции низовой, неоплачиваемой государственной службы.

Сосредоточение управления продвинулось еще дальше, когда во время войн с Польшей и Швецией были сформированы разряды — военные округа, на основе которых в дальнейшем были оформлены пер-

⁹ Различение рангов было проявлено и в том, что губная изба помещалась внутри городского кремля, тогда как земская изба — на посаде, за крепостными стенами.

Город Мценск — как все иллюстрации к отчетам европейских путешественников XVII в. рисунок условен, однако соседство шатров кочевников и русской крепости зафиксировано точно.

вые губернии при Петре Великом. Реформа центрального управления, в котором количество приказов выросло до полусотни, свелась к тому, что либо сходные по функциям приказы подчиняли одному особо доверенному лицу, либо несколько приказов сливали в одно учреждение. Это хотя бы по видимости упростило делопроизводство, но не оказало существенного влияния на повседневное существование людей, за которое власти взялись с чрезвычайным упорством. Дело в том, что традиционное существование холопства, наряду с тяглыми посадскими, тяглыми сельскими и служилыми людьми, создало множество промежуточных, текучих состояний. Крестьяне могли переходить в холопство, лишаясь права собственности, но освобождаясь от тягла, да и дети боярские могли перейти в зависимое состояние боярских служилых людей, и еще великое множество «вольных» или «гулящих» людей оказывалось и в городах, и на селе вне тягловых обязанностей. К тому же служилые люди «по прибору» посадского тягла не несли, но при этом во множестве занимались городскими промыслами. Уже при Михаиле Романове началось, по Ключевскому, «отверждение состояний» в со- словия с регламентацией государственных обязанностей¹⁰, а при Алек-

¹⁰ Злосчастный реформатор Борис Годунов стремился не только закрепить зако-

сее Михайловиче попытки обойти такую регламентацию в городах могли караться смертной казнью. Ремесло и торговля из свободного занятия посадских людей были окончательно превращены в их тягловую повинность, а круговая порука посадских людей за сбор тягла стала существенным тормозом для развития экономики страны. Зато численность тяглого населения выросла, когда, начиная с переписи 1678 г., подворное обложение настигло и холопов, что стало первым шагом к формированию единого класса крепостных людей. Существенным нововведением стало разрешение иноземцам заводить предприятия на российской земле, что отчасти позволило перенести сюда промышленные технологии.

При всем том, что в историко-культурном смысле российскую государственность разумно отсчитывать от Киевской Руси, эта государственность обретает сколько-нибудь устойчивые контуры не ранее середины XVII в., когда было принято Уложение, хотя бы отчасти упорядочившее формальные правовые нормы социального строя. Впрочем, на ту же середину столетия приходится начало эпопеи раскола, спровоцированного правкой церковных книг. Парадокс заключался в том, что патриарх Никон смотрел назад, к первоисточникам литургии, тогда как сторонниками старой веры он был обвинен в преступных новациях. Нет сомнения в том, что усиление тягот жизни под влиянием реальных новаций, внесенных в управление, и подавление местного самоуправления сыграли главную роль в движении раскольников как именно протестном движении. Этот протест был усилен еще одним важным обстоятельством. Поражения в сражениях на Западе заставили во множестве выписывать на службу иноземных офицеров и вместо небоеспособного в современной войне дворянского ополчения строить полки «по прибору», т. е. со 100 дворов по рейтару или солдату в одних случаях, одного из двух-трех или двух из четырех сыновей. Возникла выборочная воинская повинность. Достаточно упомянуть, что по «рописи ратным людям» 1681 г., т. е. в конце правления Федора Алексеевича¹¹, в 8 разрядах (окружных корпусах) рядом с 16 стрелецкими приказами значилось

подательно идею личных прав, но даже закрепить их за крестьянами, но, как известно, эти мечтания не удалось реализовать даже Екатерине Великой.

¹¹ В историографии этому сыну Алексея Михайловича Романова удивительно не повезло, поскольку он оказался в тени младшего сводного брата, царя Петра. Между тем при этом образованном государе было введено подворное обложение вместо пососного, что увеличило распашку и сказалось быстрым приростом населения и частичным улучшением его экономического состоя-

При всей условности изображение Иркутска на русской карте XVII в. он достаточно точно изображает характерную структуру города: крепость, посад и укрепленный монастырь.

25 рейтарских и 38 солдатских полков иноземного строя под командованием полковников-иноземцев. Это еще не была регулярная армия, поскольку в мирное время нижние чины распускались по домам, но впервые крестьянская масса соприкоснулась с иным модусом сознания. Только московский корпус остался при старинном строе, что и сделало его питательной средой староверов и Стрелецкого бунта.

Для нашей темы важны последствия всех этих нововведений. Преследование старообрядцев породило новую волну первичного освоения теперь уже Восточной Сибири – освоения негосударственного, хотя и по следам казенных экспедиций, что в свою очередь готовило почву для последующей организованной колонизации Забайкалья и Дальнего Востока. Но было и другое. Если в прежние времена «на Литву» сбегали отдельные персонажи высокого ранга, будь

ния, отменено местничество, проведена перепись населения, открыта Славяно-греко-латинская академия.

то князь Курбский (при Грозном) или подьячий Посольского приказа Котошихин (при Алексее Михайловиче), а простой люд уходил в степь «козаковать», то теперь Россия впервые столкнулась с достаточно массовой эмиграцией — в Швецию, Пруссию, Австрию и даже в Турцию.

Вынужденная милитаризация народного хозяйства и колоссальные по тому времени расходы на закупку железа, оружия и боеприпасов в Швеции¹² толкали власть к осознанию необходимости развития собственного, крупномасштабного производства. С 1626 г. приглашенные «рудознатцы» начали серию геологических экспедиций по Северу и в Зауралье. Явно успели найти меднорудные месторождения, коль скоро через несколько лет в Саксонии наняли медеплавильных мастеров. В 1632 г. голландец Андрей Винниус со товарищи получил концессию на устройство в Туле заводов для выделки чугуна и железа, с чего отсчитывается история знаменитых оружейных заводов, впоследствии взятых в казну. Для обеспечения заводов рабочими к ним была приписана дворцовая волость, с чего начинается специфическая российская индустриализация, основанная на подневольном труде. Через 12 лет гамбургский предприниматель Марселис получил двадцатилетнюю концессию на устройство железоделательных заводов на реках Ваге, Костроме и Шексне. В Москве был заново обустроен Пушечный двор, созданный еще Аристотелем Фьораванти при Иване III, строились пороховые заводы. Москва лихорадочно выписывала мастеров по множеству производств с неременным условием обучения: «Нашего б государства люди ремесло то переняли». В 1669 г. на Оке, близ Коломны, был построен корабль «Орел», успешно спустившийся по Волге до Астрахани, где его тут же сожгли разинцы. Наконец, в 1652 г. учреждается в Москве Немецкая слобода — на месте бывших немецких дворов, обустроенных еще при Иване Грозном, но исчезнувших в Смутное время; в городской ткани Москвы появился обособленный фрагмент Западной Европы. Судя по тому, что в Немецкой слободе были четыре кирхи и школа, фрагмент этот был достаточно велик.

Рывок, осуществленный при Петре Великом, был в существенной мере подготовлен как практическими действиями, имевшими преимущественно вынужденный характер, так и напряженной мыслительной работой Крижанича, Хворостинина, Ртищева, Ордина-Нащокина, Василия Голицына и других мечтателей реформистского толка. Тем не менее понадобилась неукротимая воля, жестокость

¹² Перед войной с Польшей 1632 г. в Швеции было закуплено 10 тысяч мушкетов с зарядами и 5 тысяч шпаг, а импорт шведского железа, несмотря на кустарную его выплавку в Туле, измерялся ежегодно многими тысячами пудов.

и упорство Петра, чтобы преодолеть сопротивление консерваторов и прямых ретроградов, составлявших несомненное большинство российского общества. Петр сделал ставку на активное меньшинство, формируя новую элиту из него и из отдельных перебежчиков от консервативного стана. Без опоры на европейское знание это было бы невозможно, но принципиально важно то, что мышление задачами государства и территорией государства было выстрадано на месте, постепенно приобщая элиту к универсальным понятиям.

Присоединение Эстляндии и Лифляндии к России имело скорее символический характер, за исключением того, что новосозданный балтийский флот получил гавани Ревеля¹³ и Риги, торговая роль которой через некоторое время восстановилась, а в ряды российского дворянства влились многочисленные немецкие помещики. Поход на Прут против турецкой армии окончился плачевно, аннексия западного и южного Прикаспия была иллюзорной и кратковременной, укрепления Таганрога и Азова пришлось скрыть, а крепость Святой Крест на реке Сулак, построенная с большими затратами, вскоре была оставлена и также скрыта, военная экспедиция Бековича-Черкасского завершилась провалом. Силы разбрасывались по огромной территории: учреждались поселения в Мангазее, Анадыри, Охотске, на Камчатке, Албазинское укрепленное поселение на Амуре, вскоре уничтоженное монголами, вассальными по отношению к Пекину. Только создание Петербурга, ради которого было запрещено каменное строительство по всей стране и от болезней погибло великое множество народа, оказалось в конечном счете успешным предприятием. Разорив Архангельск увеличенными пошлинами на товарооборот и, напротив, снизив пошлины на товарооборот Петербурга, государь изменил маршруты торговли с Европой, существенно их укоротив.

При этом строительство балтийского военного флота получило явно преувеличенные масштабы, что отлично осознавали европейские наблюдатели, а попытка вести торговлю флотом собственной постройки оказалась безуспешной, приведя к немалым финансовым потерям. Международная морская торговля была надежно схвачена голландским и уже опережавшим его английским капиталом, тогда как глубокое внимание Петра к естественным наукам и технологиям разного рода было сопряжено с вполне понятной экономической

¹³ Рядом с Ревелем Петр взялся за строительство защитных молв для нового глубоководного порта, однако штормы не оставили следа от грандиозной работы, для осуществления которой были опустошены леса целых провинций. При Елизавете Петровне работы пытались возобновить, но безуспешно.

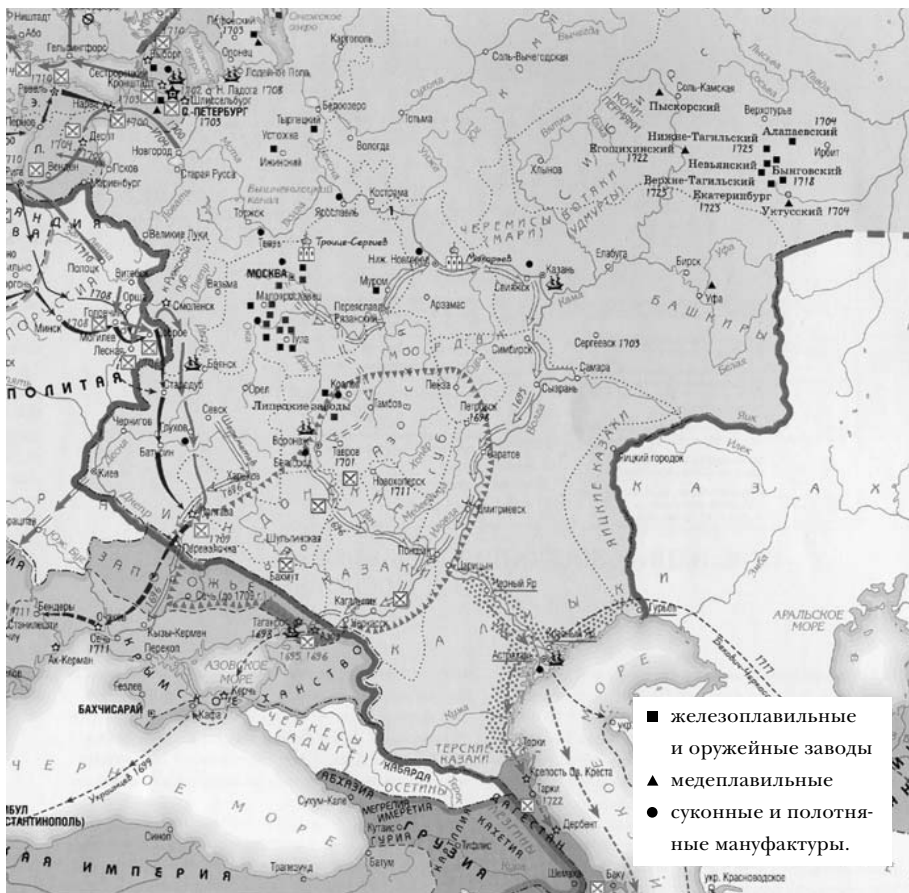
наивностью. Вот свидетельство Иоганна Фокеродта, весьма объективного наблюдателя: «Хоть и слышали, однако ж, что Петр I сам не один раз жаловался, что из правительственных дел нет ничего для него труднее торгового дела и что никогда он не мог составить себе ясного понятия об общей связи торговли, но верно, что у него были очень здравые мысли о полезном и вредном для торговой промышленности в его царстве и что если он ошибался в их применении на деле, это надобно приписать не другой какой причине, а только его желанию настоящей выгоды (*lucro praesenti*), страсти, общей у него со многими великими государями»¹⁴.

Петр страстно стремился освободить российскую торговлю и промышленность от доминирования иноземцев, используя монополию и заградительные пошлины, но успехи в этом направлении были скромными. Существенный удар по торговле с Западом был нанесен вывозом недорогой пушнины из американских колоний Англии и Франции, европейский рынок был потерян, вследствие чего северные меха направлялись теперь преимущественно в Стамбул и в Персию через Астрахань, а сибирские — караванами в Китай. Прямая торговля с Бухарой не была успешной из-за понятной подозрительности бухарцев и хивинцев к подлинным намерениям царя, что оставляло на южном направлении торговлю с калмыками, которые отказывались иметь дело с государством, контактируя лишь с частными лицами. С переводом основных внешнеторговых операций с Европой в Петербург за Астраханью и Колой осталась лишь торговля соленой рыбой, лесом и ворванью — последняя была дана Шувалову в монополию, не превышая, однако, 12 тысяч рублей в год, что было в два раза меньше, чем расходы на учрежденную Петром Академию наук.

Притом что учрежденные Петром фабрики во множестве не выдержали времени и разорились, становление Уральского промышленного комплекса, в развитии которого наряду со Строгановыми в первый ряд выдвинулись Демидовы, полностью теперь обеспечивало потребности государства в железе и меди. Приписанные к этим частным предприятиям волости обеспечивали заводы подневольной рабочей силой, сами заводы — продуктами питания, а собственная полиция удерживала рабочий люд в повиновении эффективнее, чем казенные институты. Опорным центром государства в этих новых промышленных «княжествах» становится новый город Екатеринбург¹⁵.

¹⁴ *Фокеродт И. Г.* Россия при Петре Великом. Раздел V, абзац 46. www.drevlit.ru.

¹⁵ К заводам округа было приписано 25 тысяч душ, и к концу жизни Петра в округе было 9 казенных и 12 частных заводов, железных и медных, из которых 5

Россия при Петре Великом.

Наряду с фантастическим проектом соединить каналом Волгу и Дон был реально обустроен путь с Волги к Петербургу через Вышний Волочок и в значительной степени построен обводной канал вдоль Ладожского озера, тогда как прокладка шоссе от Петербурга к Москве продвинулась лишь менее чем на треть. О мере утраты населения (а значит, и тягловой мощи пополнения бюджета) есть множество свидетельств, но достаточно сослаться на то, что подворная перепись 1717 г. показала, что в одной лишь Казанской губернии за десять лет ubyло 35 тысяч дворов, то есть почти треть от общего

принадлежали Демидову. Заметим, что всего после Петра осталось 233 завода по множеству видов производства.

их количества. После смерти императора от большей части его грандиозных намерений остались руины, опустошенная казна и сократившееся население. Тем не менее закрепился комплекс идей, среди которых на первом месте было заимствование технологий, возвращение первичной образованности служилых людей и сохранение независимой от Запада траектории развития, понимаемого как количественный рост, и пространственная экспансия, обращенная к Черному морю.

После Полтавской победы настала очередь давно необходимой работы, нацеленной на поддержание боеспособности армии и флота, для чего в свою очередь требовалось уже не только изыскивать, но и создавать экономические средства — до этого времени казна покрывала доходами лишь три четверти расходов, из которых две трети поглощала война. Займы в банках Амстердама требовали возврата с процентами, внутренний кредит отсутствовал, по старинке раскладывать дефицит бюджета на плательщиков было уже невозможно, тем более что численность населения заметно сократилась не столько в сражениях, сколько от болезней, вызванных безобразным обеспечением военных и строительных операций. Ликвидация патриархата и учреждение должности обер-прокурора Святейшего синода не только окончательно подчинили православную церковь государственным интересам, но увеличили доходы казны на миллион рублей, однако эта прибавка проблему не решала. Льготы и принуждения для развития мануфактур и формирования товариществ на паях давали не слишком много, но дворянское право приобретать деревни, дарованное заводчикам из купцов указом 1721 г., сыграло огромную роль для зарождения особого типа российской буржуазии.

Изменение характера дворянской службы, разделенной Петром на военную и гражданскую¹⁶, в обоих случаях требовало первичного образования. Оно сопровождалось полным сближением ранее различавшихся вотчин и поместий, что закрепляло основы дворянской частной собственности и — что для нашей темы наиболее существенно — способствовало стабилизации усадебного каркаса расселения в уездах. Петр стремился к этой стабилизации, издавая указ о том, что всякая недвижимость «обращается в род», чему должно было способствовать учреждение единонаследия. Была сделана попытка создать достаточно оригинальный способ землевладения, который был определен Ключевским как «наследственное, неделимое

¹⁶ Во избежание роста числа дворянских детей, уклоняющихся от тягот военной службы, на гражданскую службу мог поступить лишь один из трех сыновей.

и вечнообязанное»¹⁷. Введение всесословной воинской повинности существенно проредило массу межеумочных слоев, существовавших между крепостными и государственными крестьянами, — «гулящих людей». Осуществление подушной переписи по указу 1718 г. продвигалось чрезвычайно трудно — и по недостаточной внятности деталей указа, и в силу стремления помещиков утаивать численность владельческих крестьян от регистрации, несмотря на угрозу тяжелой кары за это преступление¹⁸. Все меры оказывались недостаточными и при повторной переписи, связанной с разверстыванием полков по уездам, обнаруживалось, что от первой переписи было скрыто до половины душ, вследствие чего пять миллионов душ (мужских), насчитанных по первой переписи, явно представляются существенно заниженной величиной.

При всей химеричности затеи Петра расквартировать армейские роты по специально выстроенным для этой цели городкам, заодно возложив на войска полноту полицейских функций¹⁹, введение подушной подати на этот раз способствовало расширению запашки и некоторому улучшению продуктивности земель.

Если создание коммерц-коллегии было фактически учреждением своего рода министерства экономики, то передача московской Бурмистерской палате (ратуше) контроля над сборами всех городских земских изб с 1699 г. создала и своего рода министерство городов, с тем что доходы по его части шли целевым образом на содержание войск. При этом Петр не давал застыть этой системе в логике прежней централизации по воеводствам. Так, при строительстве флота в Воронеже после первого азовского похода к Приказу адмиралтейских дел был приписан ряд донских городов, после завоевания Азо-

¹⁷ *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. IV. С. 81.

¹⁸ Как было заведено при Петре, всякая заминка в исполнении указа вызывала единственную реакцию — посылку на места гвардейцев с правом сажать всякого под арест, не исключая и губернатора.

¹⁹ Помещики уклонялись от этой работы, казавшейся им совершенно безумной, и распределяли солдат по дворам, так что было загублено множество строительного материала и работы, а от солдатских команд еще долго в ужасе шаркались не только крестьяне, но и их господа. При отмененном указом подворном обложении крестьяне норовили собрать как можно больше людей в одном дворе, тогда как размер пашни на двор сократился настолько, что Иван Посошков, автор сочинения «Книга о скудости и богатстве», лишь мечтал о том, чтобы на полный крестьянский двор приходилось бы шесть десятин в трех полях.

ва то же повторилось при строительстве Таганрога, аналогичные меры принимались в ситуации строительства Петербурга. При возникновении угрозы вторжения Карла XII управление и распоряжение средствами были переданы новым административным центрам в Смоленске и Киеве. Оставалось сделать лишь шаг, чтобы осуществить административно-территориальную реформу.

Как и большинство других предприятий Петра, и это отчасти опиралось на традицию приказов Казанского, Сибирского, Смоленского, Малороссийского, так что оставалось переместить начальников приказов на места, до того находившиеся в их юрисдикции, и увеличить число губерний. Петр не мог уяснить себе доводы инспектора Бурмистерской палаты Курбатова в пользу единства государственного бюджета и продолжал верить в то, что каждая статья расхода должна быть прямо привязана к специальному источнику дохода. Отсюда и схема губернского деления России 1708 г.

341 город был распределен сначала между восемью губерниями, к которым через год добавилась девятая, Воронежская. Не прошло и трех лет после того как в 1712 г. губернская схема была приведена в действие, и несоответствие огромности губерний и дробности их уездного членения вызвало к жизни подразделение губерний на провинции, а затем и провинций на доли. Эффекта новая мера не дала, и в 1718 г. Петр дает указание Сенату, уже набравшему некоторый организационный опыт, взять за основу шведскую схему территориального деления. Из этого произросло деление уже на 11 губерний, губерний — на провинции, а провинций — на дистрикты, более крупные, чем доли, подчиненные ранее ландратам. При этом губерния трактовалась теперь как военный и судебный округ. Во главе провинций были поставлены воеводы, на которых возлагались финансовые, полицейские и хозяйственные функции, по которым они сносились с центральными ведомствами помимо губернаторов. На дистрикт, во главе которого был поставлен земский комиссар, возлагалась вся совокупность местных дел для расчетных двух тысяч дворов (в реальности, разумеется, их было больше или меньше), и уже земскому комиссару подчинялись нижние полицейские должности сотских и десятских — по традиции выборные. Несмотря на то, что в основу была положена шведская схема, мелкая земская единица (церковный приход) была отмечена Сенатом, поскольку «в уездах из крестьян умных людей нет».

За городским населением, во всяком случае, за его частью, наличие умных людей Сенатом признавалось, вследствие чего состоялась и городская реформа. Она (в теории опиравшаяся на рижский и ревель-

ский регламенты) породила сложную конструкцию, в которой были соединены сословные и государственные интересы. Бурмистры избирались на посадском сходе всем посадским обществом, делившимся теперь на первую и вторую гильдии, а также «подлых людей». Членов магистрата (ратманов) выбирали бурмистр и горожане первой гильдии, они же выбирали старост для гражданских советов. При всем том магистрат, трактуемый всеми как городское начальство, был поставлен над выборными, и сам закон трактовал президентов, бургомистров и ратманов как чиновников, которые за службу могли получить чины по табели о рангах, а в крупных городах президенты магистратов могли теоретически дослужиться до дворянского звания.

Подводя итог рассмотрению эпохи Петра Великого, Ключевский сделал весьма точный вывод: «Дворянин в селе и губернии и гильдейский гражданин в городе – вот две общественные силы, которые, стоя во главе местных обществ, должны были руководить народным трудом об руку с местными органами центрального управления. Значит, реформа управления носила не столько политический, сколько технический характер: не вводя новых начал, новый порядок приводил старые в новое сочетание под заимствованными формами по указаниям иноземных знатоков, разложив слитые прежде элементы управления между разными его сферами. Так, новое здание управления строилось из старых материалов – прием, наблюдаемый и в других отраслях преобразовательной деятельности Петра»²⁰.

Полагая, что это достаточно известный материал, мы не касались сдвигов в культуре, которые при Петре заложили фундамент дальнейшего прогресса просвещения в России. Разумеется, прогресс был и ограничен в размахе, и фрагментарен, но создание Навигацкой школы, Академии наук, Печатного двора, издание первой газеты, во всяком случае, вводили часть тогдашней элиты в круг новых понятий, в том числе и о собственной стране²¹. И все же прогресс в символической сфере был огромен. Не случайно (и без тени иронии)

²⁰ Там же. С. 177.

²¹ Тяжелее всего давались первые шаги по созданию системы начальных школ, что напрямую саботировалось и дворянами, и посадскими, так что из полусотни учителей, посланных в губернии, восемнадцать вернулись, так и не найдя себе учеников, а, к примеру, из сотни учеников, набранных в рязанскую школу, сбежало домой 59. И все же попытки, хотя и с переменным успехом, возрождались вновь и вновь. Так, если вятскому воеводе Чаадаеву так и не удалось набрать учеников с помощью солдатских команд, тем более что этому серьезно противилось духовенство, то архангельский вице-губернатор Курбатов

Иван Кирилов, обер-секретарь Сената в конце царствования Петра, дал название «Цветущее состояние всероссийского государства» своему статистическому описанию, в котором по губерниям проступает достаточно убогое состояние городов.

Здесь нет нужды специально останавливаться на пятнадцатилетии между кончиной Петра и воцарением его дочери Елизаветы, поскольку экономический упадок страны лишь усугубился при засилье остзейских немцев у трона. Резко выросло бегство крестьян и посадских за границу от непосильных тягот, источники казенного дохода были истощены сверх всякого предела, в том числе и из-за чудовищных масштабов казнокрадства²². Однако два обстоятельства заслуживают внимания в логике нашей темы.

Первое — масштабы ссылки по политическим мотивам. В Сибирь ссылали и раньше, с протопопа Аввакума до Меншикова, но при Анне Иоанновне туда было сослано более двадцати тысяч человек. С этого укрепилась традиция трактовки Зауралья как погибельных мест. Второе — несмотря на все тяготы бюджета, пассивная защита от набегов джунгар и защита от них вассальных казахских родов породила неуклонное закрепление юго-восточного рубежа. Перед первой и второй Камскими линиями укреплений строится цепь крепостей по Яику (Уралу), что, впрочем, спровоцировало крупные восстания башкир, подавленные с обычной жестокостью. Следующим шагом, уже при Елизавете Петровне, стало основание Оренбурга — крупного торгового центра и вместе с тем ключевого форпоста для будущей экспансии в Среднюю Азию.

Хуже обстояли дела на юге, где ценой огромных потерь от ран и болезней удалось всего лишь вернуть Азов, вернее, те руины, что от него остались. Походы против Крымского ханства ослабили его мощь, но решительного успеха не принесли, хотя начало присоединению территории Запорожского казачества было положено.

Во многих отношениях блистательное время Елизаветы Петровны для нашей темы интересно в ограниченной степени, характеризуясь лишь сочетанием грандиозных расходов петербургского двора с относительным успокоением хозяйственной жизни при декларированном возврате к политике Петра. Впрочем, в двух существенных

набрал школу из солдатских детей-сирот, стремясь обучить их не только грамоте, но и «цифири». Там же. С. 229.

²² Достаточно сослаться на то, что в 1732 г. по смете от таможенных сборов и косвенных налогов ожидалось получение дохода в 2,5 миллиона рублей, а собрали менее 200 тысяч.

направлениях следование линии Петра было реальным. Тульские казенные и уральские заводы процветали, тем более что теперь Демидовы и другие частные заводчики могли беспрепятственно приобретать крепостных. Превращение Академии наук в реальное научное учреждение, создание Университета в Москве, гимназий в Петербурге, Москве, Казани, а затем и в других губернских городах, учреждение кадетских корпусов, наконец, учреждение Академии художеств — все это сыграло огромную цивилизующую роль для эмансипации не одного только Петербурга, но и других растущих городов страны. Велико значение учреждения в 1754 г. государственного Дворянского банка, позволившего землевладельцам брать под залог недвижимого имущества ссуду до 10 тысяч рублей из 6% с уплатой в три года (при величине ставки частного кредита до 20%).

И все же наиболее существенным сдвигом следует считать подписанный Петром III манифест 1762 г. о пожаловании «всему российскому благородному дворянству вольности и свободы», что означало освобождение дворян от обязательной службы.

Морально-политическое значение этой меры, увенчавшей многолетние старания дворянского сословия, огромно, поскольку ею снимались базисные основания крепостного права, исходно опиравшегося на концепцию служения дворян государству, однако его обсуждение выходит за рамки нашей темы²³. Объективности ради следует признать, что для умножившегося дворянства (по сведениям Фокеродта, с семьями это было уже не менее полумиллиона человек) в принципе не могло хватить мест на военной или гражданской службе, тогда как дворян, отлынивавших от службы, было предостаточно и в суровое петровское время. Важнее всего, однако, было то, что многочисленное дворянство средней руки начало теперь всерьез обустраивать поместья, после указа обоснованно именовавшиеся именьями. При всем его неумении вести хозяйство само присутствие барина, ранее довольствовавшегося присылкой денег и продуктов от управляющего, не могло не повысить дисциплину в крепостном хозяйстве, продуктивность которого заметно возросла, за счет свирепой эксплуатации крестьянской работы.

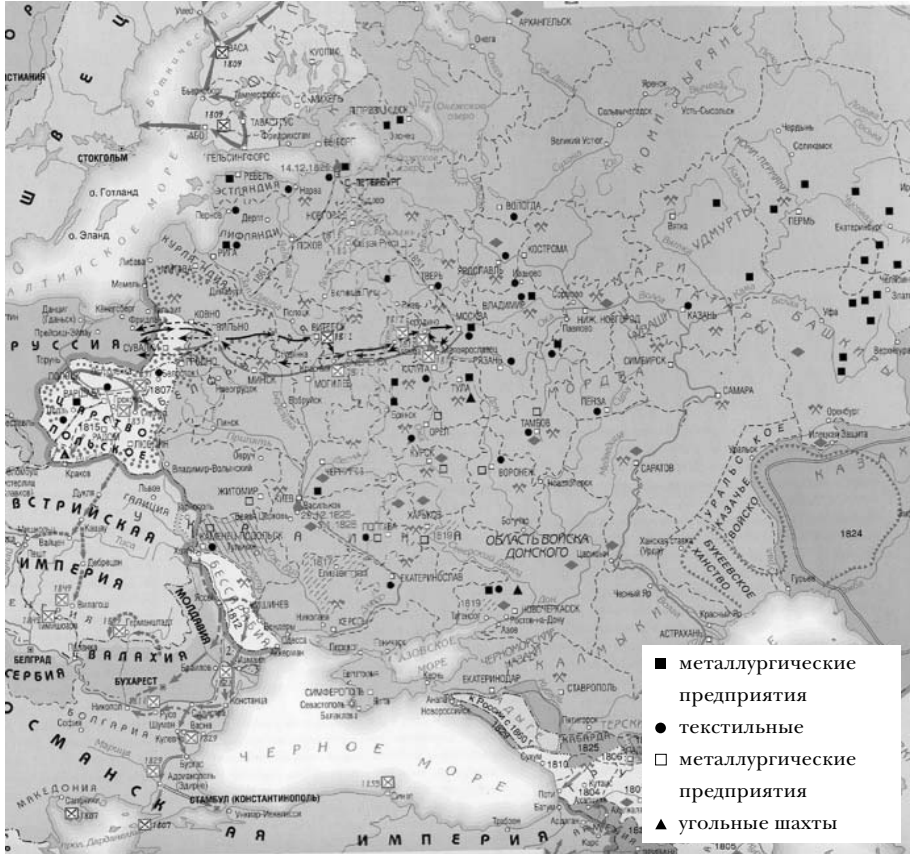
²³ Замечательно точно это суммировано Ключевским: «Образовался худший вид неволи, какой знала Европа, — прикрепление не к земле, как было на Западе, и даже не к состоянию, как было у нас в эпоху Уложения, а к лицу владельца, т. е. к чистому произволу. Так, в то время, когда наше крепостное право лишилось исторического оправдания, — в это самое время у нас началось усиленное его укрепление». Там же. С. 302.

Славное время Екатерины Великой, ознаменованное активизацией России в Европе, принесло с собой массу противоречивых последствий деятельности наиболее просвещенного из российских государей. Из пространственных приобретений в эффекте многочисленных войн на юге было образовано три новых губернии — Таврическая, Херсонская и Екатеринославская, к чему следует добавить земли Войска Черноморского, возникшего вместо упраздненного Запорожского казачества. Раздел Польши присоединил к России восемь губерний: Витебскую, Курляндскую, Могилевскую, Виленскую, Минскую, Гродненскую, Волынскую и Брацлавскую (в дальнейшем Подольскую). Если по третьей ревизии 1762 г. население страны составляло порядка 20 миллионов человек, то по пятой ревизии, произведенной уже в начале царствования Павла Первого, их было уже не менее 34 миллионов, а сумма государственных расходов утроилась.

В 1765 г. началось государственное межевание земель, задуманное, но так и не осуществленное при Елизавете. Вместо прежних, чрезмерно обширных губерний их появилось 50, определенных не традицией и не территорией, а по численности населения от 300 до 400 тысяч жителей. Губернии делились теперь на уезды с населением от 20 до 30 тысяч человек, во главе губерний было губернское правление, возглавляемое губернатором или наместником; во главе уездов — исправники, власть которых не распространялась на уездный город, где функции исправника были возложены на городничего. Финансовое управление было обособлено от губернского и уездного правлений и сосредоточено в Казенной палате, которой были подчинены губернские и уездные казначейства. Выборы депутатов в комиссию по составлению «Наказа», которая должна была упорядочить российское законодательство, явственно продемонстрировали стремление Екатерины укрепить города и сформировать третье сословие. Так, хотя городские жители не составляли и 5% населения империи, в составе комиссии городских депутатов было 39%²⁴ за счет равенства представительства, вследствие чего и столичные, и уездные города направили в комиссию по одному депутату.

Двадцатилетняя работа по обустройству территориального управления в 1785 г. завершилась жалованными сословными грамотами —

²⁴ В числе депутатов дворяне составили 30%, сельские обыватели — 14%, казаки, инородцы, священники — 12%, чиновники правительственных учреждений — 5%. Незыблемость крепостного права подтверждалась всеми, включая городское купечество, стремившееся добиться права иметь крепостных приказчиков и работников, исходя из убеждения в ненадежности вольнонаемных.

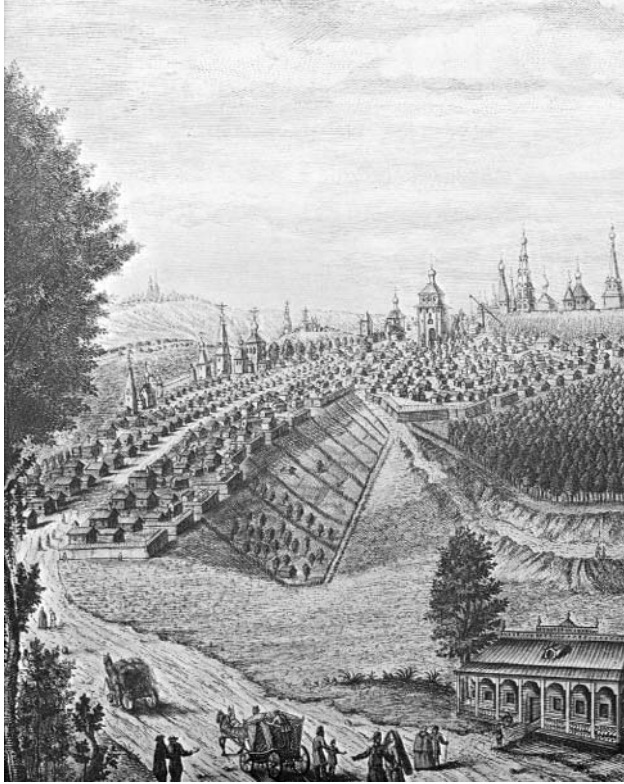

Российская Империя при Николае I

дворянству и городам. Первая закрепляла широту прав дворянства, включая полноту собственности недвижимым имуществом и крестьянами. Вторая, обособив магистрат как судебное учреждение от полицейско-хозяйственных забот, разделила городское население на шесть состояний, различающиеся происхождением и размером капитала²⁵. Городским хозяйством и управлением ведали теперь одновременно две думы: общая и шестиголсная. Общая, под председа-

²⁵ Именитые граждане; настоящие обыватели (обладающие домами и землей, но не занятые торговлей или промышленностью); гильдейские купцы трех гильдий; цеховые ремесленники или мещане (к ним причислялись и торговцы, не имевшие объявленного капитала в 1000 рублей, что открывало вхождение в состав третьей гильдии); иностранцы и иногородние гости; посадские,

Вид города Владимира эпохи Екатерины Второй.
Хотя в это время виды Петербурга и Москвы тяготеют к реализму, изображения провинциальных городов все еще условны.

тельством городского головы, состояла из гласных от всех разрядов и получила распорядительные функции, собираясь по мере необходимости. Шестигласная дума, в которую избиралось по представителю от каждого состояния, собиралась еженедельно и обладала исполнительными полномочиями.

Городские состояния получили сословное самоуправление и сословный суд. Гильдейское гражданство освобождало от уплаты подушной подати, замененной однопроцентным сбором с капитала, объявленного купцом «по совести». Гильдейский купец мог заменить

промышляющие ремеслом или черной работой, не имея в городе недвижимой собственности.

деньгами личную рекрутскую повинность. Не только гильдейские граждане, но и мещане освобождались от всевозможных казенных нарядов (повинностей). Купцы двух первых гильдий были освобождены от телесных наказаний²⁶, а именитые граждане могли в отдельных случаях достичь дворянского звания.

При всем том дело формирования третьего сословия продвигалось тяжело. Коль скоро Екатерине не удавалось достичь европейского уровня городского общежития и настоящего расцвета экономики городов, оставалось довольствоваться преобразованием пространственной формы городов, о которых она после путешествия по Волге записывала: «Ситуацией прекрасные, а строением мерзкие». Не удавалось достичь желаемого прежде всего потому, что одной рукой подталкивая города к развитию, другой рукой императрица подкапывала основы городской экономики. Когда дворяне перестали в массе служить в столице, разъехались по имениям²⁷ и взяли в свои руки местное управление, они стали использовать труд крепостных для ремесленного производства — в основном для собственных нужд владельца, но со временем и на продажу. То, чего нельзя было произвести в собственном хозяйстве, выписывалось из иноземных лавок Петербурга или Москвы, что сокращало спрос на продукцию городского ремесла²⁸. С другой стороны, крестьянство, обессиленное трудом на барина и необходимостью кормить чрезвычайно разросшуюся в числе челядь, также сокращало спрос на ординарную продукцию городов. Тем с большей интенсивностью составлялись и частью осуществлялись планы перепланировки всех городов — часто без надлежащей топографической съемки, что порождало то значительный уклон главной площади Тихвина по всей ее длине, то знаменитую, благодаря Гоголю, лужу посреди Миргорода.

И все же сама символическая форма городского обустройства, подкрепленная тем, что теперь всякий уезд и всякий город обрели

²⁶ В реальности, как свидетельствует множество судебных исков, дело бывало по-разному, и избивание мещан было частым явлением. См.: *Каменский А.* Повседневность русских городских обывателей. М., 2006.

²⁷ В действительности большинство так и не стало постоянно жить в поместьях, предпочитая проживание в губернском или хотя бы в уездном городе, вследствие чего надежды на то, что дворянство всерьез займется улучшением хозяйства, оправдались лишь в малой степени.

²⁸ По результатам опроса городничих, произведенного силами Академии наук (и независимо — кадетским корпусом), стандартный ответ на вопрос: «В чем упражняются горожане и какие есть торги?» звучал следующим образом: «Горожане упражняются черной огородной работою, а торгов у нас не бывает никаких».

Вид Одессы к середине XIX в. Фрагмент панорамы с птичьего полета. Теперь уже топографическая точность изображений ценится в первую очередь.

свой, высочайше утвержденный герб, имела существенное значение. Из мечтаний Екатерины пополнить третье сословие выпускниками воспитательных домов вышло немного, но важной новацией было само создание этих учреждений, к чему подключились многие губернаторы — кто убежденно, а кто из желания угодить императрице. Немного вышло из укрепления экономики городов и имений, но создание в 1765 г. Вольного экономического общества — первой в России неправительственной организации — привело в движение отечественную экономическую мысль. Единовременная реконструкция застройки множества городов была задачей непосильной, но закладка Одессы по регулярному плану добавила к Петербургу еще один город европейского образца. Несмотря на то, что завоевание Юга открыло возможность интенсивного развития земледелия на черноземах, это, несмотря на всевозможные льготы, отнюдь не встретило энтузиазма у помещиков и лишь в ограниченной степени содействовало переселению государственных крестьян (число которых сокращалось за счет раздачи их фаворитам) в Таврическую и Херсонскую губер-

нии. В то же время, несмотря на трудности и недоразумения, активно продвигалось заселение Саратовской губернии немецкими колонистами, что вскоре создало на Средней Волге очаг интенсивной агрокультуры. Наконец, в то же самое время запрещение крестьянам жаловаться на помещиков и закон 1765 г. о праве помещиков ссылать крепостных на каторгу в Сибирь с зачетом сосланных в рекруты ослаблял армию и закреплял репутацию Сибири как гиблого места.

Противоречивость мысли и действий Екатерины, именовавшей себя в письмах республиканцем и раздавшей до миллиона душ в крепостное рабство, дали о себе знать во всей истории ее правления, и тем не менее Россия вышла из этого правления несравнимо более сильной, чем в его начале, но с измученным сельским населением.

Последующие полвека изменили немного. Павел Первый, стремившийся стереть из памяти едва ли не все постановления Екатерины, поспешил отменить ее жалованные грамоты дворянам и городам и сделал ставку на прямую вертикаль управления, на чиновничество. Кое-что из наследства не мог, однако, отбросить и Павел. Покорение Крымского ханства вместе с его владениями по Кубани вывело Россию в Предкавказье, где уже давно происходило расселение казаков по Кубани и Тереку. В 1783 г., после долгих колебаний, Екатерина подписала Георгиевский трактат, по которому по прошению грузинского царя Ираклия Россия взяла на себя покровительство над восточной Грузией. Грузии грозило поглощение со стороны Персидской империи, и на спасение грузин был выслан русский полк. После кончины императрицы войска ушли, персы вторглись вновь, и Павлу волей-неволей пришлось принять завещание преемника Ираклия. Одно за другим княжества западной Грузии признали верховную власть России. Столкновение с Персией было неизбежно и в конечном счете уже при Александре I и в начале царствования Николая I соглашения с ней и с Турцией присоединили к России не только Грузию, но также и те земли, которым предстояло оформиться в будущем в Армению и Азербайджан.

Элита новых провинций была активно ассимилирована, увеличив тем самым полиэтничность российского общества, однако новые приобретения в Закавказье с неизбежностью породили жестокую войну с горскими народами, длившуюся десятилетиями. Отнюдь не стремясь целенаправленно выйти за естественную границу, образованную Кавказским хребтом, Россия впуталась в узел проблем, отзвуки которых болезненно ощутимы и в настоящее время. Присоединением Финляндии, вторым разделом Польши после наполеоновских войн, и, наконец, присоединением Бессарабии расширение

России в западном направлении завершилось, породив множество проблем, характерных для всякой империи, в том числе неизбежную утрату единообразия. И Финляндия, и Царство Польское пользовались существенной автономией, что вызывало брожение в умах российского дворянства и расширявшегося в объеме слоя разночинцев, тогда как подавление трех польских восстаний весьма способствовало закреплению в европейском общественном мнении образа опасной России. Экспансия в Среднюю Азию началась с отражения набегов степняков и вылазок хивинских и бухарских отрядов, но далее, в обычной логике империй с персидских и римских времен, неминуемо вела к захвату плацдармов, созданию новых укреплений, отражению новых атак и т. п. Во всяком случае производительные силы России продолжали растрачиваться в войнах и экспедициях разного рода, ведя к людским потерям и обескровливая экономику.

В административном, территориальном смысле существенно ничто не менялось, тем более что все интеллектуальные ресурсы в распоряжении правительства были брошены на решение крестьянского вопроса, как тогда именовалась затянувшаяся драма крепостного права. С 1801 г. была разрушена монополия дворянства на владение землей, которую теперь могли приобретать и мещане, и государственные крестьяне. Через два года был издан указ о свободных землепашцах, по которому помещики могли заключать со своими крепостными соглашения об их освобождении с землей за выкуп, размер и рассрочка которого определялась договором сторон. Впрочем, попытки распространить подражание опыту некоторых помещиков дали в совокупности освобождение всего 30 тысяч крестьян. Далее дело не пошло, а многочисленные проекты раскрепощения крестьян²⁹ остались на бумаге. Все же немалое число гильдейских купцов сумели воспользоваться свободой приобретения земли без крестьян, что в немалой степени способствовало оживлению сельскохозяйственной колонизации таврических и заволжских земель, замиренных после Пугачевщины. Во времена Николая казенных крестьян, не считая дворцовых, было все же свыше 16 миллионов. В непосредственном ведении казны было множество незаселенных земель — около 90 миллионов десятин, под казенными лесами — существенно больше. Реформы, подготовленные графом Киселевым, имели то важное последствие, что устройство сельской общины как системы круговой поруки при налогообложении было распространено на государственных крестьян, несмотря на упорное их тому со-

²⁹ Один из наиболее рациональных проектов был подан графом Аракчеевым.

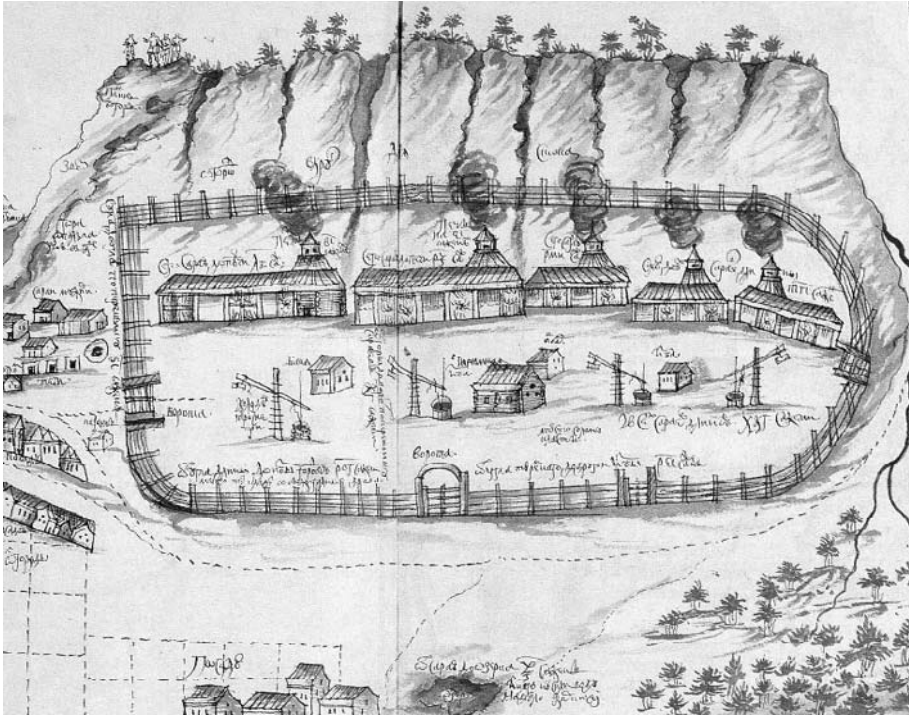
противление, поскольку стремление к хуторской форме ведения хозяйства сохранялось³⁰.

Чрезвычайный консерватизм позднего, после торжества над Наполеоном, Александровского правления, и тем более в Николаевскую эпоху, когда мятеж декабристов подвигнул царя искать опору в одной лишь бюрократии, вполне понятен. И все же прогресс народного хозяйства, пусть и заторможенный косностью бюрократии и неэффективным дворянским землевладением, происходил достаточно уверенно. Грузооборот одесского порта приблизился к грузообороту петербургского. Интенсивно, хотя во многом на привозном хлопке, развивалась текстильная промышленность в центральных и отчасти в западных и южных губерниях. Впечатляющим был рост металлургического производства, так что к концу правления Александра I Россия опередила Англию по производству железа и активно его экспортировала в Европу. Впрочем, именно в это время британская металлургия, истощившая запасы леса, начала быстро переходить на использование коксующегося угля, что резко ударило по экспорту российского металла. С другой стороны, поиск внутреннего рынка для излишков железа привел к использованию металла в строительстве мостов и крупных казенных построек, а также к распространению цельных железных плугов, что незамедлительно сказалось на повышении производительности пашни. К тульским и сестрорецким (под Петербургом) оружейным заводам добавился огромный и по тем временам очень прогрессивный казенный Ижевский завод³¹, в 1807 г. заложенный на месте Шуваловского предприятия, сожженного пугачевцами, и сыгравший заметную роль в оснащении русской армии в годы финальной стадии войны с Наполеоном.

Вялость частной инициативы особенно заметна в отсутствии обустроенности передвижения через российские пространства. Чиновники с поручениями или помещицы семьи, вместе с челядью формируя целые караваны, медленно перемещались между именьями и столица-

³⁰ Вопреки легендам об исконности общинного ведения хозяйства, популярного у народников и от них подхваченного социал-демократами, внедрение общины часто происходило с помощью военных команд.

³¹ За вычетом иноземных мастеров, для формирования персонала завода, приравненного к военному поселению, были направлены рекруты Пермской и Вятской губерний, а затем по два человека с каждых 500 душ в зачет рекрутов. При этом в организации работы и быта было активно задействовано своеобразное самоуправление с выбором старост. См.: Шумилов Е. Ф. Город оружейников. Ижевск, 2007. Глава 2.

Сибирский серебряный завод. Рисунок Семена Ремезова в его «Служебной книге Сибири», бывшей черновиком рукописной «Чертежной книги Сибири», написанной в 1699–1701 гг.

ми, запасаясь постелями и едой, поскольку постоянные дворы не могли предоставить им ничего, кроме убогого ночлега. Страницы мемуаров полны нареканий по этому поводу³². Сеть соседских контактов между

³² В главе седьмой «Евгения Онегина» читаем:

«Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,

имениями образует неформальную структуру общения, отнюдь не сводившегося к закускам и танцам. Между тем еще при Александре были учреждены Казанский, Харьковский и Петербургский (первоначально как главный педагогический институт) университеты, технические институты, довольно многочисленные гимназии и приходские школы. В 1839 г. начинает работать Пулковская обсерватория, затем обсерватории появляются в Москве, Казани, Дерпте, Вильно, Тифлисе. В 1845 г. возникает Русское географическое общество, затем его Кавказский и Сибирский отделы. Наконец, к 1851 г. была введена в действие Николаевская железная дорога, связавшая Петербург с Москвой.

Злосчастная Крымская кампания, наконец, подтолкнула новое правительство Александра II к решительным реформистским действиям, тем более что в залоге у казны находилось уже 65% крепостных крестьян, а задолженность помещичьих имений в сумме существенно превышала годовой бюджет государства. В правовом отношении ничто не мешало забрать крестьян и имения в казну и разом отменить крепостное право, но, разумеется, монархия не могла столь резко разорить класс, с которым она была связана тысячами уз, равно как собственными интересами правящей элиты. К тому же поражение в Крыму³³ обострило жизненно важную задачу модернизации, будь то прокладка тысяч верст железных дорог или замена парусными парусного военного флота. При этом условия резкие действия были невозможны, несмотря на рост крестьянских волнений: в крестьянской среде ширилось и крепло убеждение, что дворяне владеют крестьянами «неправильно», вопреки царскому закону, который придворные чины скрывают от народа.

Наконец, в 1861 г. реформы не только отменили крепостное право, хотя выход на волю без земли и сложная система ее выкупа во многом нивелировали успешность реформы. Акт освобождения крестьян включал не только наделение крестьян землей в постоянное

Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир».

Впрочем, при Николае Первом строительство мощеных булыжником шоссе началось достаточно масштабным образом, тогда как с придорожными трактирами пришлось ждать реформ Александра Второго.

³³ Среди условий мирного договора было обязательство отменить протекционистские ввозные пошлины, что ставило российскую промышленность, едва ставшую на ноги, перед риском полного краха.

пользование (но еще не в собственность), не только выкуп этой земли, разложенный на десятки лет, что привязывало крестьян к земле, но также и устройство сельских обществ. Соседние сельские общества соединялись в волость, насчитывающую не менее трехсот и, как правило, не более двух тысяч ревизских душ. Сельское общество управлялось сходом и старостой, волость – выборным волостным старшиной и волостным сходом, в котором участвуют домохозяева. Волостной сословный суд для разбора гражданских споров и административных правонарушений довершает картину. Понятно, что, как во всякой по форме прямой и ограниченной демократии, реальная власть оказывалась в руках старосты, выдвинутого из своей среды наиболее «достаточными» крестьянами.

Важнейшим шагом было устройство земств, когда впервые все сословия смогли, пусть и в очень ограниченном объеме, участвовать в решении местных вопросов. Реформа была урезанной, но и в таком виде она серьезно ускорила и без того энергичный процесс погружения помещичьих хозяйств в упадок. Процесс упадка ускорялся тем заметнее, что большинство из 103 тысяч дворянских имений остались в руках наемных управляющих, тогда как их владельцы, получив большую часть выкупных денег от казны, перебрались в города. Зато города с их городскими думами, будучи по большей части центрами уездного земства, испытали подлинный бум в развитии торговли, услуг, образования и культуры³⁴. Уездные земские собрания сохраняли сословное строение, объединяя гласных от землевладельцев, городских обывателей уезда и от сельских крестьянских общин, избираемых каждым разрядом на отдельных съездах. Наконец, шестая часть гласных уездных собраний формировала губернское земское собрание.

Увы, торжество реакции после убийства Александра II в 1881 г. повлекло за собой мощное наступление государственной бюрократии на активность земств и городских дум, и этот нажим с огромным запозданием был прекращен только царским манифестом, последовавшим за революционными событиями 1905 г. Двойное административное устройство империи (губернии и области – на недавно присоединенных землях) уже не менялось существенно до 1917 г. За исключением военных кампаний в Туркестане³⁵ и участия в Бал-

³⁴ Достаточно сказать, что в какой-нибудь Старице Тверской губернии при неполных восьми тысячах населения вплоть до Первой мировой войны было четыре театра.

³⁵ В 1885 г. русско-английский договор зафиксировал зону британских интересов в Афганистане и в Тибете наряду с признанием азиатских владений России.

канской войне с Турцией, до самой войны с Японией страна пользовалась мирной передышкой. При обычной косности ведомств и хищнических склонностях российской буржуазии наблюдался ускоренный рост хозяйства и умножение народонаселения, тем больший, что с оспой, чумой и отчасти с холерой в целом удалось справиться.

Наряду с развитием уральского, петербургского и московского формируются крупный шахтно-промышленный узел в Донецком бассейне и иваново-вознесенский комплекс текстильного производства. Развитие последнего многократно ускорилось, когда, несмотря на длительное сопротивление бюрократии, московским капиталистам удалось с помощью первого российского профессионального менеджера Николая Варенцова развернуть выращивание хлопка, вскоре совсем отказавшись от его импорта. Строительство железных дорог, связавших Москву с южными губерниями, Поволжьем и Уралом, открыло путь для массивов поставок хлеба, что позволило резко увеличить его вывоз за рубеж через одесский порт³⁶. Двенадцатилетняя эпопея строительства Транссибирской железной дороги, успешно завершенная в 1903 г., обеспечила стране новый уровень связности и сформировала основу сети городов, включая Новониколаевск (Новосибирск). Создание Государственного банка в 1860 г., а через десять лет развитие ряда коммерческих банков позволили, наконец, создать в России нормальные условия кредитования промышленности, к чему добавился существенный приток иностранных капиталовложений.

Царская администрация упорно пилила сук, на котором сидела. С 80-х гг. XIX в. имперская политика в отношении «инородцев», ранее мудро избегавшая обострений на этнической или религиозной почве, сменяется притеснением иноязычия и упорной русификацией, что вызывало естественный протест, активно подогреваемый пропагандой социал-демократических партий. К этой беде прибавился позор еврейских погромов и ужесточение режима поддержания черты оседлости еврейского населения, отсекавшего западные губернии по принципу религиозной сегрегации. Этот режим формально существовал с 1791 г., будучи введенным после второго раздела Польши, но при Александре II он применялся вяло. Обострение так называемого еврейского вопроса вызвало массовую эмиграцию в США и, с другой стороны, по-

³⁶ Нельзя не отметить, что речь не о вывозе излишков, но о перенапряжении крестьянских хозяйств обязательными платежами, что при низкой урожайности полей оставляло эти хозяйства без необходимого им хлеба уже зимой, так что отход «за кусками» был печальной нормой сельского быта северных и центральных губерний.

родило радикализацию еврейской молодежи, активно включившейся в революционную деятельность. Заметим, что если в городах мечтания о революции охватывали прежде всего разночинную молодежь, то в селах она также готовилась исподволь — не народниками, а важнейшим процессом эмансипации, каким было отходничество.

Регулярность обмена мужским населением между селом и городом в связи с сезонными строительными работами, а женским населением — в связи с наймом прислуги вела к распространению на селе городских по типу потребностей, что втягивало сельское население в информационное пространство и в товарооборот, начинавший заметно теснить традиционное ремесленное производство. Разброс полков по территории страны не только оживлял уездную жизнь, но, в силу бедности младшего офицерского состава, способствовал быстрому формированию потребительской кооперации. С конца 1880-х гг. городские реформы, несмотря на сопротивление центральной бюрократии, создали условия для складывания ответственного самоуправления, взявшего на себя труды по развитию инженерных инфраструктур в крупных городах. Огромную роль в деле становления осмысленной дисциплины повседневного существования сыграло повсеместное введение страхования жилищ, к концу века введенное в сельских поселениях в обязательном порядке: «...Волостной старшина должен знать, что заведывание страховым делом по губернии принадлежит губернской земской управе, и при исполнении обязанностей по страхованию сельских строений руководствоваться ниже следующими правилами...»³⁷ В целом, насколько можно судить не только по достаточно полной статистике, но и по ежегодникам губернских краеведческих обществ, темп изменений был высок (рис. 15а).

Наконец, бурный рост дачного строительства вблизи крупнейших городов, облегченный развитием пригородного железнодорожного сообщения, а затем и формированием дачных кооперативов, породил особый феномен «дачной культуры», создавшей новый, важнейший элемент неформального, подлинно гражданского общества.

И все же только после событий 1905 г. начинаются важнейшие по целям и размаху Столыпинские реформы, главной задачей кото-

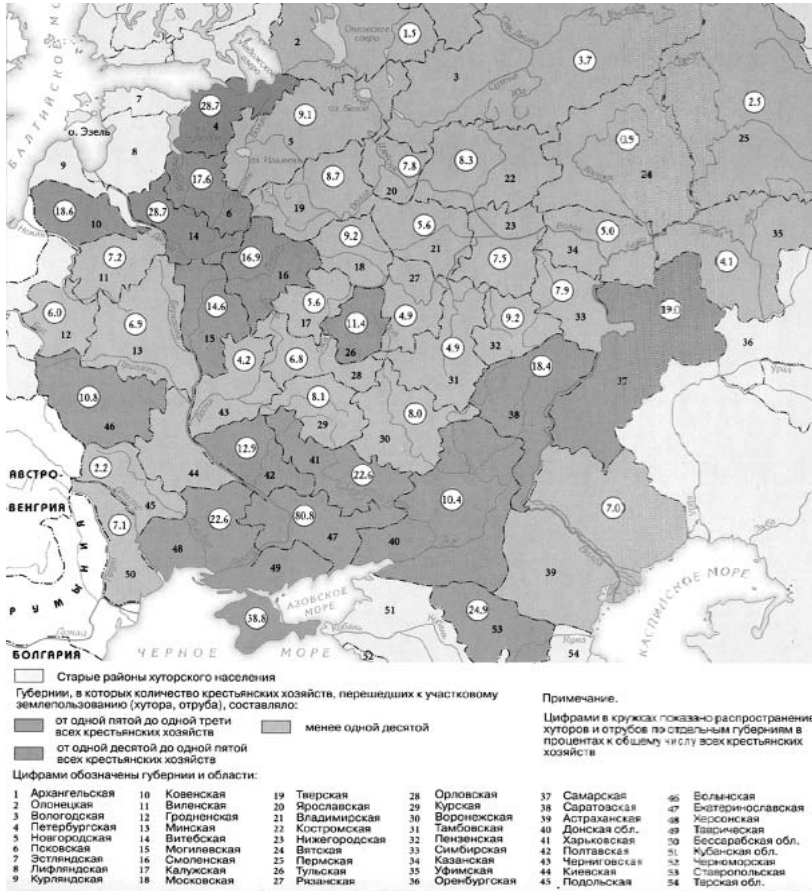
³⁷ Далее следовал список из 34 пунктов, в 1-м утверждалось: «Обязательному страхованию подлежат все сельские постройки, состоящие в черте волости, принадлежащие отдельными членам сельских обществ, не исключая отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов, а равно и общественные здания». Руководство для волостных писарей как делопроизводителей и докладчиков по волостному правлению и волостному суду. СПб., 1896. С. 98.

Карта с указанием доли крестьянских надделов, которые были урезаны в ходе реализации реформы 1861 г. Чем плодороднее земли, тем меньше крестьянский надел.

рых было формирование крепкого, фермерского по типу хозяйства путем разрешения свободного выхода крестьян из сельского общества³⁸. Измельчение крестьянских домохозяйств в Центральной России из-за разделов между сыновьями достигло к тому времени закри-

³⁸ Разумеется, судебная реформа и действия, нацеленные на становление в России гражданского общества наряду с необходимой административной реформой, занимали в замысле П. А. Столыпина огромное место, и все же формирование крепкого среднего класса из деятельного крестьянства превышало значением все остальное.

Карта осуществления Столыпинской реформы в Европейской России. Там, где из общины вышли до трети хозяйств, поддержка Белой армии в годы Гражданской войны была наибольшей.

тического уровня, вырваться из заколдованного круга старыми способами было уже невозможно. Маломощность хозяйств, лишенных необходимого количества удобрений для малых наделов, ежегодный их передел между членами общины – все это не позволяло поднять эффективность труда, а без повышения производительности нельзя было увеличить производство. Столыпин стремился к тому, чтобы существенно снизить плотность сельского населения, тем более что растущая промышленность требовала все новых рабочих рук. Удачным выходом было сочтено массовое, организованное переселение в Южную Сибирь, на Алтай и в Даурию с выдачей подъемных, пре-

доставлением низкопроцентных ссуд и пятилетней отсрочки налогов. Процесс переселения шел в целом недурно: из 3 миллионов зоо тысяч переселенцев вернулось в привычные места менее полумиллиона. Напротив, выделение хуторских хозяйств в Центральной России вызывало ожесточенное сопротивление общинного сообщества и продвигалось трудно — выходить из «мира» многие боялись, и не без оснований. И все же четверть крестьянских хозяйств успела обрести полноту хозяйственной деятельности до начала войны 1914 г., а в ряде губерний их доля была существенно выше³⁹. Большевики не случайно так опасались успеха Столыпинских реформ, включивших также существенное улучшение условий труда фабричных рабочих, но их планам способствовала война.

Не будь Николай II столь ничтожной фигурой, не будь правление последнего российского императора столь убогим после отставки Витте и убийства Столыпина, перед Россией открывалась бы возможность избежать крайностей политической борьбы. Но случилось то, что случилось. Военные неудачи Первой мировой войны, развал тыла и февральская революция незамедлительно разорвали империю на части по швам между крепнувшими националистами в ее частях. Временное правительство лихорадочно пыталось выправить положение: была отменена черта оседлости, городское самоуправление получило всемерную поддержку, созыв Учредительного собрания должен был, по мысли кадетов и правых социал-демократов, решить вопросы земли и административного управления в демократическом государстве. Было поздно — государственный переворот, осуществленный большевиками и эсерами, означал не реформу, а слом всей государственной машины России.

Не следует упускать из вида, что поначалу пафос большевистского переворота был направлен в сторону всемирной революции, для которой Россия должна была сыграть лишь роль фитиля у бочки с порохом, сильны были анархические настроения в их самой вульгарной форме, так что разгром системы управления верхушкой, захватившей власть, никого не смущал. Городское самоуправление было распущено сразу же, еще до начала Гражданской войны, и полнота власти перешла к губернским, территориальным советам, постановления которых то и дело корректировал ЦИК — Центральный исполнитель-

³⁹ Если в Пензенской или Казанской губерниях отделились и вышли из общин лишь по 9% домохозяйств, то в Самарской, которая была в три раза больше современной Самарской области, таких было уже 19%, в Петербургской — ближе к 30%, в Таврической — ближе к 40%, а в Екатеринославской — все 80%.

И мелодии солдатских песен, и графика плакатов с обеих сторон фронтов Гражданской войны были почти или полностью идентичны, но обращение «на Вы» проиграло обращению «Ты».

ный комитет, главным орудием которого стала ВЧК. Формально лишь Финляндия получила независимость, но фактически окраины отпадали одна за другой, тем более что перипетии Гражданской войны, германской оккупации Украины, интервенция на какой-то момент ждали Советскую республику почти до границ Московской земли XV в.

Оставим в стороне чудовищный масштаб передвижений людских масс и их потери в ходе долгой войны на Западе и тем более войны Гражданской, когда миллионы людей перекачивались по всему пространству бывшей империи, выплескиваясь за ее пределы. Если за двадцать лет с коронации Николая II до начала войны 1914 г. население России выросло на 40%, приблизившись к 150 миллионам человек, то в ходе Гражданской войны погиб, скорее всего, каждый десятый и 2 миллиона людей ушли в эмиграцию. Мина, заложенная политикой русификации Александра III и социал-демократическим лозунгом «права наций на самоопределение», взорвалась, что привело к долгой чехарде границ и эфемерных территориальных образований, которые лишь условно можно назвать национальными. Ярче всего эта чехарда про-

явилась на Кавказе, где к лету 1918 г. оформилась Северо-Кавказская советская республика, граничившая по Тереку с Терской советской республикой и Республикой горцев Северного Кавказа, возникшими на месте существовавшей полгода Горской республики, и Сочинским округом, который, наряду с Абхазией, был без затей аннексирован Грузинской демократической республикой. Азербайджанская республика и Республика Армения были разделены обширной спорной территорией, включающей Горный Карабах (Арцах), а часть Грузии и Армении были уступлены Турции по Батумскому миру.

Через полгода Кубань, Ставрополье и Сочинский округ были заняты администрацией Деникина (до весны 1920 г.), половина Грузии оккупирована Германией, турецкий протекторат над Азербайджаном сменяется турецкой оккупацией. Затем германские силы уходят, а на территории Аджарии и Турции формируется Юго-Западная Кавказская демократическая республика, тогда как Нахичевань и Нагорный Карабах получают автономию под протекторатом Армении. С апреля 1920 г. происходит советизация Азербайджана, а с декабря того же года — Армении, по договору РСФСР с Турцией в марте следующего года район Карса и Нахичевань отходят к Турции, уже занявшей эти территории своими войсками. В 1921 г. весь Кавказ становится советским, и здесь складывается новая конфигурация. После расказачивания возникает Кубано-Черноморская область, которой приблизительно соответствует нынешний Краснодарский край; Ставропольская губерния, граничащая с севера с Донской областью и Калмыцкой автономной областью, а с юга отрезанная узкой полосой Терской губернии от новосозданной Горской автономной республики, собравшей вместе восемь национальных округов. Абхазская советская республика обособилась от Грузии, в которой учреждена Аджарская автономная республика, тогда как Южная Осетия остается спорной территорией. Сформирована Дагестанская советская республика, а к Азербайджану присоединен Нагорный Карабах и Нахичеванский эксклав, отрезанный от Армении.

С 1922 по 1927 г. происходит дальнейшая перекомпоновка. Первой из Горской республики выходит Кабардинская автономная область, затем Карачаевская, Кабардино-Балкарская и Северо-Осетинская автономные области. Оформляются Юго-Осетинская и Нагорно-Карабахская автономии — обе сугубо формально, в качестве компромиссного варианта. При этом особая, стратегическая логика Центра прослеживается в том, что в составе Армении остается Мегринский перешеек, отсекающий Азербайджан от Нахичевани и вы-

хода к границе с Турцией, тогда как Армения имеет выход к границе с Ираном, а Абхазию присоединяют к Грузии на правах «договорной республики»⁴⁰.

Примерно та же логика прослеживается в Средней Азии, где административные границы между территориями на месте Туркестанской республики и Киргизской АССР (с Оренбургом как столицей) проводятся таким образом, чтобы стереть память о ранее существовавших Бухарском, Хивинском и Кокандском государственных образованиях. Населенные таджиками территории вокруг Самарканда отходят к Узбекистану, Чимкентская область, населенная узбеками, — к Казахстану, и т. п.

Финал Гражданской войны⁴¹ и относительное облегчение экономического положения в связи с объявленной Новой экономической политикой привели к тому, что у СССР оказались те же границы, что были у Российской империи, за вычетом Финляндии и части Польши⁴². Сталинская политика решения национального вопроса была не слишком последовательна в деле формирования автономий, так как одни этнические группы получили автономию, другие ее не получили. В ряде случаев соединение в одной рамке предопределялось сугубо хозяйственными соображениями, как это было в случае Карачаево-Черкесской или Кабардино-Балкарской АО. С другой стороны, Дагестан, тяготевший к позиции Союзной республики, остался в роли автономии прежде всего потому, что его руководство опасалось утраты Кизляра и обширных отгонных пастбищ в Ногайских степях и т. п. С одной стороны, оставались значимыми соображения внешней политики — передача ряда областей Слободской Украины в состав Украинской ССР была напрямую связана с планами военного противостояния Польше. С другой — схема чисто этнического разделения территорий наталкивалась на риски излишнего раздробления территорий, с третьей — уже возникала проблема с так называемыми титульными нациями, не утратившая своей деликатности и в наше время. Так, еще в 1919 г. была провозглашена Крымская русская республика в составе РСФР, но уже через два года она становится автономной областью, хотя крымские татары едва составляли чет-

⁴⁰ См.: *Цуцнев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа. М., 2006.

⁴¹ Идея всемирной революции номинально сохранялась в повестке дня, однако практически была отброшена после краха мятежей в Германии и Венгрии.

⁴² По мирному договору с Польшей после авантюрной попытки ее захвата в 1921 г. в состав Польши вошли земли Западной Украины и Западной Белоруссии.

верть населения полуострова, где еще четверть состояла из греков, украинцев, евреев и болгар.

Процесс формирования автономных республик в Поволжье и в Сибири шел без такой остроты, какой отличался Кавказ, однако и здесь были свои сложности, будь то размежевание Вотской (Удмуртской) АО с соседями или Татарской АО с Башкирской.

Противоборство различных концепций административного устройства Советского Союза было элементом внутривластной борьбы внутри советской иерархии, сказываясь на усугублении хаоса за счет непрерывных реконструкций. В то время, когда происходило формирование этнически очерченных союзных и автономных республик, осуществлялась и неустанная перестройка конструкции старорусских территорий. Поначалу, до 1922 г., шло разукрупнение губерний. Так, из состава Владимирской и Костромской губерний выделилась Иваново-Вознесенская губерния, из Пермской – Свердловская, из Новгородской – Череповецкая, из Саратовской – Царицынская и т. д. Однако уже с 1923 г. возобладала обратная тенденция объединения губерний.

Возникла Уральская область в составе Свердловской, Челябинской, Пермской, Тюменской и Тобольской губерний; Северокавказский край, в который, наряду с Донской и Кубано-Черноморской областями, были включены Ставропольская и Терская губернии, горские национальные автономии, а затем еще Шахтинский и Таганрогский округа.

Возник обширный Сибирский край, объединивший прежнюю Новониколаевскую, Омскую, Томскую и Иркутскую губернии с добавлением Ойратской автономной области; Дальневосточный край в составе бывших Амурской, Приморской и Забайкальской губерний.

Ленинградская область вобрала в себя Псковскую, Новгородскую, Мурманскую и Череповецкую губернии; Центральная черноземная область объединила Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии и части соседних территорий.

Создан Нижневолжский край в составе Саратовской, Астраханской и бывшей Царицынской губерний; Средневолжская область: Ульяновская, Пензенская, Самарская и Оренбургская области.

Северный край: Архангельская, Вологодская и Северодвинская область, АО Коми; Западная область: Смоленская, Брянская, Калужская и часть Тверской губернии.

Нижегородский край, в составе которого к Нижегородской и Вятской губерниям были присоединены Марийская и Воткинская автономные области, Чувашская АО; Ивановская промышленная область

в составе Иваново-Вознесенской, Ярославской, Владимирской и Костромской губерний.

Наконец, Столичная промышленная область: Московская и Тульская губернии, Рязанская, части Тверской и Калужской губерний.

Края делятся на округа и автономные области, области на районы и национальные районы. В Союзных республиках были сформированы только округа: на Украине их было 40, в Казахстане — 12, в Белоруссии — 8.

С 1929 г., когда по времени совместились первая пятилетка и ускоренная коллективизация, центр тяжести был перенесен с административного обустройства СССР, включая развитие национальных автономий, на индустриализацию под контролем Госплана, приступившего после удушения НЭПа к продолжению плана ГОЭЛРО. В сельской местности ключевое значение приобретает районный уровень, так как именно район осуществлял коллективизацию и обеспечение работы машинно-тракторных станций — реальных центров влияния на деревню. Старые города были отодвинуты на второй план и все внимание было сосредоточено на крупнейших стройках социализма — ГАЗ (фактически новый город рядом с Нижним Новгородом), Магнитогорск, Сталинск (Новокузнецк), тысячи промышленных предприятий в стороне от старых, сонных уездных городов. Именно тогда был закреплён принцип формирования жилых слобод при промышленных предприятиях, который в наше время сказался кризисом так называемых монопрофильных городов. Существенные, хотя и незначительные в масштабе страны корректировки границ между областями и районами после 1931 г. сопряжены, по-видимому, с желанием затруднить сопоставление с историческими данными и замаскировать грандиозные потери населения, сопряженные с раскулачиванием деревни. Подлинный масштаб выселения семей кулаков в Сибирь и в казахстанские степи определить невозможно, и разлет величин смертности подневольных переселенцев, указываемых исследователями, велик: от 3,5 до 15 миллионов человек. Достичь точности не представляется возможным еще и по той причине, что границы между районами внутри областей существенно корректировались после всесоюзной переписи 1931 г., результаты которой были уничтожены. Приблизительные расчеты, осуществленные под руководством автора в ЦНИИ теории и истории архитектуры в 1979–1980 гг., через соотнесение районов с прежними уездами, дали для Рязанской области оценку утраты населения порядка 700 тысяч человек. Читатели превосходных описаний мирного, безлюдного ландшафта в повести К. Паустовского «Мещерская сторона» не дога-

дывались о том, что речь о полосе интенсивного развития хуторских хозяйств, в ходе выселения кулаков полностью стертых с лица земли.

На фоне этих масштабных сдвигов внимание к административному делению несколько остыло, что не означало, однако, прекращения перекройки территорий. Так, на стыке Ленинградской, Столичной и Западной областей была образована Калининская область, Ивановскую промышленную область разделили на Ивановскую и Ярославскую, а Уральскую — на области Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую, в дальнейшем переименованную в Омскую, и т. д.

Обескровливание деревни, из которой были насильственно изъяты миллионы наиболее эффективных хозяев, облегчило по существу полное утверждение крепостного права барщинного типа, дополненное тем, что в 1932 г. при поголовной паспортизации граждан, достигших возраста 16 лет, и введении формального института прописки по месту жительства колхозники паспортов не получили. Чудовищный голод 1932–1933 гг., вызванный изъятием всего хлеба для обеспечения экспортных обязательств перед западными странами, поставлявшими оборудование и специалистов для запуска новых заводов, унес еще до пяти миллионов жизней⁴³.

Трудно сказать, насколько запрет аборт (резко выросло количество варварских способов прерывания беременности) повлиял на ситуацию, однако убыль населения была отчасти компенсирована высокой рождаемостью при продолжающемся сокращении смертности за счет достройки системы здравоохранения, практически ликвидировавшей эпидемические заболевания. Перемещения людских масс, подчиненные логике Госплана, захватывали уже не только специалистов, советских и зарубежных⁴⁴, но и сотни тысяч рабочих. Это практически ликвидировало безработицу в городах, тогда как обнищавшая и голодная масса сельских мужчин и женщин устремлялась на стройки в надежде на хлеб, мануфактуру и освобождение от работы в колхозе, где за нее лишь иногда платили натуральным продуктом. Начиная с так называемого «Шахтинского дела», ширившиеся репрессии обернулись против технической интеллигенции, одна-

⁴³ На современной Украине официальная пропаганда цинично объявила голод начала 30-х гг. геноцидом украинского народа, тогда как в действительности голодом были охвачены также Среднее и Нижнее Поволжье, Дон, Кубань и Казахстан.

⁴⁴ Великий кризис, поразивший западное общество, в существенной мере работал на Советский Союз, так как вербовка инженеров и мастеров за рубежом была значительно облегчена.

Нетерпение большевиков в условиях ежечасного ожидания войны с капиталистическим миром вело к тому, что устранение крепкого хозяина из деревни опередило появление тракторов.

ко в целом машина террора не обошла вниманием ни одну группу населения, породив огромную сеть лагерей и внутригородских зон подневольного труда — уже не крепостного, а в чистом виде рабовладельческого типа. Поставленная когда-то Троцким и перехваченная сталинским режимом задача формирования послушной трудовой армии, отчужденной от собственности и управления, была успешно решена, будучи прикрытой поверх сочетанием реального и демонстрационного энтузиазма строителей социализма в отдельно взятой стране. Это прямо противоречило марксизму, возведенному в догму, но трактовалось как его творческое развитие.

К середине 30-х гг. территориальное обустройство страны было завершено. Номинальная власть была представлена иерархией советов — от сельского до верховного. Реальная распорядительная власть

была сосредоточена в ведомственных бюрократиях, возглавляемых народными комиссариатами. Через ведомства верстались планы осуществления госплановских целевых установок, распределялись продукты, скудный набор товаров⁴⁵, места в общежитиях или комнаты в коммунальных квартирах. По отношению к этой функциональной системе управления исполкомы городских советов занимали (за исключением столичных городов) вторичную позицию жизнеобеспечения, хотя в большинстве случаев основным каркасом нового, многоэтажного строительства становились инженерные инфраструктуры промышленных предприятий. Подавляющая масса горожан продолжала существовать в старом, малоэтажном жилом фонде без удобств, за исключением достаточно быстро развитого электроснабжения. Прореженная чистками единственная партия осуществляла в первую очередь функцию кнута, каким подхлестывается волчок-кубарь, чтобы не останавливалось его вращение.

Горкомы и райкомы ВКП(б) крепко держали в руках как директорат предприятий истроек⁴⁶, так и исполкомы, тогда как сельские советы оказывались еще и под диктатом машинно-тракторных станций, в свою очередь ответственных перед райкомами. Наконец, вся эта сложная конструкция была пронизана неусыпной деятельностью органов Наркомата внутренних дел, как и все ведомства, исполнявшие план по изъятию врагов народа и переводу таковых в систему хозяйства ГУЛАГа. Подлинная, абсолютная власть была сосредоточена в руках одного Сталина, так что воссоздание крепостного права было увенчано фактическим воссозданием самодержавия в коммунистическом плаще.

В этих условиях значение этнической окрашенности территорий в значительной степени нивелировалось и выражалось неременной представленностью этнических групп в органах номинальной власти, тем более что репрессии сильнейшим образом обрушились на националистов. Этот принцип был незамедлительно распространен на новые территориальные приобретения, санкционированные протоколом к пакту Молотова — Риббентропа: Прибалтика, Бессара-

⁴⁵ Карточная система распределения простейших благ по различным группам населения, после отмены в 1921 г. вместе с ликвидацией НЭПа вновь введенная в 1929 г., была отменена в 1934 г. — до начала войны. Это была сложная схема, в рамках которой рабочие и служащие наркоматов группы «А» (тяжелая промышленность) снабжались заметно лучше группы «Б», однако нормы отоваривания карточек существенно различались в зависимости от региона и ранга поселений.

⁴⁶ За исключением крупнейшихстроек, которые контролировались наркоматами и ЦК ВКП(б) напрямую.

бия, Западные Украина и Белоруссия. На этом фоне некоторое приращение площади Ленинградской области за счет Карельского перешейка, отнятого у Финляндии в результате злосчастной военной кампании, не имело иного значения, кроме военно-стратегической задачи отодвинуть рубеж от Ленинграда.

Великая Отечественная война, наряду с военными аспектами, которых мы здесь касаться не будем, вызвала несколько важных процессов, не считая грандиозных потерь человеческих жизней и материальных ценностей. Во-первых, это массовая депортация немцев Поволжья и греков в 1941 г.⁴⁷, а затем и эвакуация гражданского населения при отступлении Красной Армии или при угрозе такого отступления — в Поволжье, на Урал, в Среднюю Азию и в Сибирь⁴⁸. Во-вторых, это грандиозная операция перевода в глубокий тыл промышленности и создание заводов на новых местах, что породило вторую волну индустриализации в уральских и сибирских центрах. В-третьих, это трагическая эпопея депортации кавказских народностей и крымских татар, унесшая множество жизней и оставившая глубокие шрамы на памяти народов. В-четвертых, в период победного завершения войны это знакомство с европейской материальной культурой, что оставило заметный след в сознании миллионов демобилизованных офицеров и солдат и во многом послужило поводом для послевоенных репрессий, пополнивших ГУЛАГ новой волной осужденных. Наконец, уже как следствие войны — эпопея новых переселений на разоренные сражениями и тактикой выжженной земли территории, включая Прибалтику и Восточную Пруссию, преобразованную в Калининградскую область, Крым и Одесскую область, Западную Украину, а также в Ленинград, население которого сократилось на две трети трагедией блокады и эвакуацией. В свою очередь грандиозная работа по восстановлению разрушенных боевыми действиями городов и промышленных предприятий требовала переброски на запад миллионов рабочих рук. Все эти процессы, взятые вместе, способствовали существенной гомогенизации советского народонаселения, в то время как отсут-

⁴⁷ Что касается немцев, точным аналогом этому процессу было сосредоточение американцев японского происхождения в лагерях Калифорнии, тогда как российские греки были «наказаны» за мнимую коллаборацию их соплеменников с немецкими оккупантами Греции.

⁴⁸ По-видимому, технические сложности администрирования потока эвакуированных вызвали там всплеск реконструкции территорий — возникают Тюменская, Курганская области, Кузбасс оформляется в Сталинскую область, в дальнейшем разделенную на Новокузнецкую и Кемеровскую, и т. д.

Схема распределения наиболее крупных сгустков ГУЛАГа все же не дает представления о том, насколько вся страна, всякая крупная стройка, всякий город были пронизана этой системой.

ствие укорененности новых жителей городов неизбежно вело к тому, что, собственно, городская культура, обескровленная советской властью, отступила еще на шаг под натиском культуры слободской — уже не деревенской, но еще не городской по природе. Этому способствовало продолжение довоенной практики строительства бараков, предположительно предназначенных на роль временного жилья.

Наряду с ГУЛАГом в системе расселения формируется целая сеть закрытых городов в рамках «Атомного проекта». Эти островки относительного изобилия (жители снабжались по первой категории) и существенно повышенного качества жилья и обустройства городской среды были закодированы (Саров, к примеру именовался Кремлевым, потом Арзамасом-16, а нынешний Новоуральск — Свердловском-44) и на картах отсутствовали. Фактически целостная система расселения получила двойственность, некогда уже испытанную при Иване Грозном, но без обнаженности такого раздвоения: теперь земщина была внутри пронизана опричниной.

В административно-территориальном делении государства все эти процессы оставили след лишь в виде исчезновения ряда автономных республик, тогда как некоторое укрупнение ряда областей, вроде Псковской, поглотившей Великолукскую, было вполне объяс-

нимо потерей человеческого потенциала в ходе войны. Первая послевоенная перепись населения была проведена только в 1959 г., так что данные о послевоенном времени заменены интерполяциями в отсчете от 1939 г. Система территориального управления претерпела лишь символические изменения, вроде переименования наркоматов в министерства. Великие стройки коммунизма, в числе которых были гидростанции Волжского каскада, канал Волга—Дон, Байкало-Амурская и Арктическая железнодорожные магистрали, туннель между материком и Сахалином, и даже высадка лесозащитных полос грандиозной протяженности велись в основном силами заключенных. В 1950 г. их насчитывалось 5,5 миллиона человек. Смерть диктатора остановила процесс массового истребления собственного народа и начался поначалу ограниченный, а затем все более масштабный процесс возвращения выживших заключенных из лагерей. Еще при Г. М. Маленкове крестьяне получают постоянные справки, заменяющие паспорта, что приводит к наплыву нового населения в города⁴⁹.

Период внутренне противоречивого реформаторства Н. С. Хрущева принес, среди прочего, попытку радикальной реструктуризации территориального управления. Впервые была сделана попытка разделить сферу управления повседневным функционированием (автономные республики, области и районы оставались без изменений) и сферу управления экономическим развитием: страна была поделена на макро-регионы, возглавляемые советами народного хозяйства — совнархозами. Сама идея, подсказанная деятелями СОПСа — Совета по развитию производительных сил — была вполне рациональна, но она вступала в противоречие с привычной конструкцией властной пирамиды и была отменена сразу после низложения Хрущева, вместе с затеей разделить партию, переименованную в КПСС, на городские и сельские структуры.

Разумеется, Хрущеву и в дурном сне не могли присниться последствия решения, в целесообразности которого его убедили украинские подчиненные, и в 1954 г. в ознаменование 300-летия Переяславской Рады Крым был передан в состав Украины — без обсуждения и без предварительного, хотя бы декоративного, утверждения Верховным Советом, оформленного уже постфактум.

Сочетание энергии и воли Хрущева с узостью его культурного воображения давали неоднозначные результаты. С одной стороны, началась эпопея массового жилищного строительства в городах, где в ста-

⁴⁹ Еще в 1957 г. автору доводилось видеть на стенах в избах удивительную пару изображений — вырезанный из «Нивы» фотопортрет царской семьи и вырезанную из «Огонька» фотографию Маленкова.

линское время возводились почти исключительно ведомственные дома для специалистов. Впервые миллионы семей познали радость обладания отдельной квартирой, и как бы та ни была тесна и неудобна, феномен собственной двери открыл собой сложение собственно городской культуры. При этом строительство велось на пустырях, тогда как старым кварталам была уготована не слишком завидная судьба заброшенности на десятки лет. С другой стороны, исходя из химерической идеи сближения города и деревни, унаследованной от ленинизма-сталинизма⁵⁰, Хрущев был тверд в стремлении заменить сельские поселения агрогородами. Начался кошмар сселения и укрупнения деревень, притом что на новом месте вообще не предполагалось ведение приусадебного хозяйства — следы этого процесса кое-где видны: несколько пятиэтажных панельных домов, стоящих в чистом поле. Запрет на сенокос (траву косили по ночам, тайком) ограничивал количество домашней скотины, обложение особым налогом каждой яблони привело к массовой вырубке садов и практически уничтожило малоформатное садоводство с его многообразием сортов.

Драма староселенных территорий российского Центра усугублялась пафосом освоения целинных и залежных земель. В Оренбуржье, на Алтай и в Казахстан устремилась молодежь в надежде на создание новой жизни на новых землях. Распашка миллионов гектаров дала кратковременный прирост валового производства зерна, но при этом произошло обескровливание сельской округи Центра, тогда как пыльные бури вскоре привели к потере плодородия обширных территорий, вплоть до их опустынивания⁵¹. Обратный отток людей с целины отнюдь не означал пополнение сельского населения ранее обжитых мест, так как абсолютное большинство искало судьбы в городах,

⁵⁰ Давняя мечта коммунистических идеологов была воплощена в некотором числе показательных колхозов, и в первую очередь совхозов, не без оснований считавшихся более высокой формой коллективного аграрного труда промышленной по типу организации. На Кубани, в Поволжье, на Алтае такие агросистемы были созданы, и они широко пропагандировались — вопросы экономики не обсуждались.

⁵¹ Следы обратного движения с целины и опустынивания хорошо документированы в картографическом атласе Оренбургской области. Экологические последствия грандиозных строек, проявившиеся уже при Сталине, нарастают все последующие десятилетия (создание равнинных водохранилищ, уничтожившее заливные дуга, и практика затопления огромных территорий без полной предварительной расчистки дна от растительности продолжается до настоящего времени при строительстве сибирских гидроэлектростанций).

где оплата труда и условия жизни были все же лучше, чем на селе. В начале 1960-х гг. вся эта бурная деятельность привела к тому, что впервые в своей истории страна оказалась в зависимости от импорта зерна. В 1961 г. был период, когда транспорты с канадским зерном еще не разгрузились, и пшеничного или ржаного хлеба без примесей кукурузы или гороха не было даже в московских и ленинградских булочных.

Долгое время Брежнева, получившее наименование «застой», унаследовало всю неоднозначность хрущевской эпохи. Продолжалось массовое строительство жилья в городах, но по-прежнему продолжался упадок старых городов и городских районов. Строились трубопроводы для экспорта нефти и газа, все более мощные электростанции и магистральные ЛЭП. При этом создание небольшого Чебоксарского водохранилища привело к подтоплению и гибели лесов в пойме Ветлуги и покрыло водой историческую родину лесных марийцев. Газификация домашних хозяйств продвигалась с огромным трудом. Тянулось строительство БАМа, но все менее было понятно, как в дальнейшем задействовать новую трассу. На месте Ставрополя-на-Волге возник Тольятти, огромный центр автопрома, впервые сделавший легковой автомобиль массовым товаром. На месте маленькой пристани на Каме возникли Набережные Челны⁵². Сокращение сельского населения толкало к укрупнению деревень, осуществлявшемуся, как обычно, без предваряющей аналитической работы и без декларированной комплексности, что встречало все более громкий протест населения.

Административная схема управления территориями казалась монолитной, существуя в силу одной инерции. В действительности, хотя с Б. Н. Ельцина и его ближнего окружения невозможно снять ответственность за условия Беловежского соглашения, распад государства готовился в брежневские годы. Притом что доверенный круг внутри Политбюро ЦК КПСС сжался до нескольких персонажей, занятых в первую очередь войной в Афганистане и иными международными вопросами, стабилизация властных элит в Союзных республиках неуклонно вела к их сепаратизму. При всех усилиях Госплана сохранить некую системность управления экономикой, решения, принимавшиеся наверху под давлением республиканских властей по частным случаям, разрушали любую системность. Госплану приходилось идти на всяческие ухищрения чтобы задним числом создавать иллюзию системности. К тому же продолжавшаяся и даже усилившаяся в обстановке

⁵² Как обычно, город строителей Камской ГЭС остался в стороне от Автозаводского района, и проложить трамвайную линию между ними удалось, лишь включив ее в смету развития КАМАЗа.

холодной войны милитаризация экономики оттягивала на себя неподъемно большую часть производительных сил страны, тогда как попытка в какой-то мере удовлетворить разбухшие потребительские ожидания осуществлялась по наименее эффективной схеме загрузки оборонных предприятий выпуском гражданской продукции. Система пробуксовывала все заметнее⁵³, и когда сговор США с Саудовской Аравией обрушил цены на нефть при необходимости импортировать миллионы тонн зерна ежегодно⁵⁴, разразился полномасштабный кризис.

Лучше других информированный о реальном положении дел Андропов явственно имел какие-то планы реконструкции управления, но о характере этих планов имеются лишь противоречивые свидетельства. Горбачевская интермедия принесла с собой идею ускоренного развития (в том числе программу полного решения жилищной проблемы за двадцать лет), а также гласность, уже первые шаги которой высветили элементы реальной ситуации. Однако машина планирования-управления пыталась работать в прежней модальности, и весной 1991 г. независимый экспертный анализ, осуществленный под руководством академика Шаталина, не оставил камня на камне от проекта «Единой схемы расселения на территории СССР». Этот обширный труд разрабатывался десять лет, и в его основу был нормативным образом заложен безвариантный прожект дальнейшего, неуклонного развития, в ходе которого население Советского Союза к 2020 г. должно было достичь 340 миллионов человек.

Президентству Ельцина есть основания адресовать множество упреков, однако следует считаться с тем, насколько мало реальных инструментов управления имелось в его руках и отчасти в руках Е. Т. Гайдара, сосредоточенного на макроэкономических проблемах. Психологически «ампутация» государства за счет отделения прежних Союзных республик оставила глубочайшую травму, и если обособление стран Балтии и даже Закавказья и Средней Азии как-то улеглось в сознании российских граждан, то осознания реальности границ с Белоруссией и Украиной не случилось до сего дня. И все же на первый

⁵³ Госплан продолжал попытки сбалансировать экономическую систему, возложив надежды на компьютеризацию расчетов, однако техническая рационализация не могла решить проблему в условиях, когда усилия покрыть обнаружившийся дефицит швейных ниток не могли быть предприняты до того, пока по этому поводу не было принято соответствующее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

⁵⁴ Кстати, экспорту зерна в Россию был обязан бурным ростом канадский порт Черчилл, захиревший и практически обезлюдевший с начала 90-х гг.

план выступил парад суверенитетов бывших автономных республик и областей, элиты которых не преминули воспользоваться слабостью центральной власти.

Удалось предотвратить юридическое оформление попыток сформировать Уральскую или Дальневосточную республики, где сохранилась память о ситуации времен Гражданской войны. Претензии элит Татарстана, Башкирии, Якутии и даже маленькой, беспомощной в экономическом отношении Тувы на суверенность, что означало бы действительный распад России, удалось притормозить за счет правового нонсенса в виде договорных отношений частей с целым. К этому договорному процессу присоединились российские области, что превратило его в фарс, облегчив при этом скорый финал суверенизации при президентстве В. В. Путина. Фиксация неделимости России с началом его президентства в 2000 г. была четко обозначена созданием по указу новой, не предусмотренной Конституцией России и потому скорее временной формы управления – семи федеральных округов, имеющих исключительно контрольные функции.

Невнятность административного устройства тем не менее сохранилась из сугубо прагматических соображений стабилизации внутриполитической обстановки. Есть республики, число которых несколько выросло за счет того, что ряд бывших автономных областей вышли из состава краев, в которые они ранее входили: Адыгея, Республика Алтай, Хакасия, Карачаево-Черкесия. Есть единственная автономная область – Еврейская в составе Хабаровского края. Есть автономные округа: Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, входящие в состав Тюменской области. Только в отношении малонаселенных и экономически слабых автономных округов были предприняты реконструктивные действия, когда на основании референдумов сначала Коми-Пермяцкий округ влился в Пермский край, Агинский Бурятский – в Иркутскую область, Усть-Ордынский Бурятский слился с Читинской областью, образовав Забайкальский край, а Коряцкий АО объединился с Чукоткой. Устремления властей Краснодарского края и русского большинства населения Адыгеи присоединить маленькую республику, являющуюся островком на огромной территории края, были приглашены федеральной властью, не без оснований опасавшейся обострения ситуации с активистами Российского конгресса народов Кавказа⁵⁵. Несмотря на решительное сопротивление жителей Не-

⁵⁵ Обстановка на Кавказе остается сложной – в том числе и по той причине, что наименования и самонаименования народов этого региона существенно различаются, большинство республик полиэтничны, постоянно побуждаются (не без

нецкого АО, что сделало бы референдум бесперспективным, осуществлено практическое поглощение округа Архангельской областью.

Повторим: при периодическом обострении региональных страстей, подогреваемых националистически настроенной интеллигенцией, вопрос административно-территориального деления России явно отодвинулся на задний план. На первый план выступило взаимное наложение ряда кризисных явлений, включая демографический спад, острота которого в 90-е гг. была замаскирована притоком русскоязычного населения из бывших советских республик. Порядка двенадцати миллионов человек влились в нынешнее российское пространство, и хотя значительная часть переселенцев обнаружилась в окрестностях крупнейших городов, немалое число среди них рассеялось по территории, поддерживав жизнеспособность средних и малых городов, части сел. Это рассеяние происходило прежде всего потому, что переселенцы не имели существенной поддержки со стороны государства и обустроивались, как могли — через родственные или приятельские связи, а то и просто занимая заброшенное по деревням жилье. Сосредоточение внутренних миграционных потоков в крупнейших городах, уход населения с Севера, с Дальнего Востока и из периферийных районов областей Северо-Запада и Центра создали качественно новую ситуацию расселения, изученность которой драматически мала⁵⁶.

Только визит премьер-министра в Пикалево послужил толчком к обсуждению проблемы так называемых монопрофильных городов, тех городов-слобод и поселков-слобод при заводах, что остались в наследство от советской эпохи. Возник было шанс для организации системного изучения и разработки темы расселения в целом. Однако до настоящего времени этот шанс не был использован, и в бюрократической машине с ее шестернями и приводными ремнями достаточно скоро подменили действительно масштабную проблему кризиса расселения, кризиса села и кризиса городов, сопровождаемого кризисом промышленного наследия советского времени, обсуждением масштаба и распределения локальной поддержки некоторого числа мест обитания.

участия иноземных структур) исторические реминисценции Кавказских войн XIX в. Наиболее полную информацию по региону см.: www.kavkaz-uzel.ru.

⁵⁶ См.: Глазычев В. Глубинная Россия. М., 2004; Зубаревич Н. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода М., 2003; Кордонский С. Россия: поместная федерация. М., 2010; Нефедова Т. Сельская Россия на перепутье. М., 2004. Другие исследователи представлены по преимуществу статьями, количество которых значительно, но сложить из них целостную картину практически невозможно.

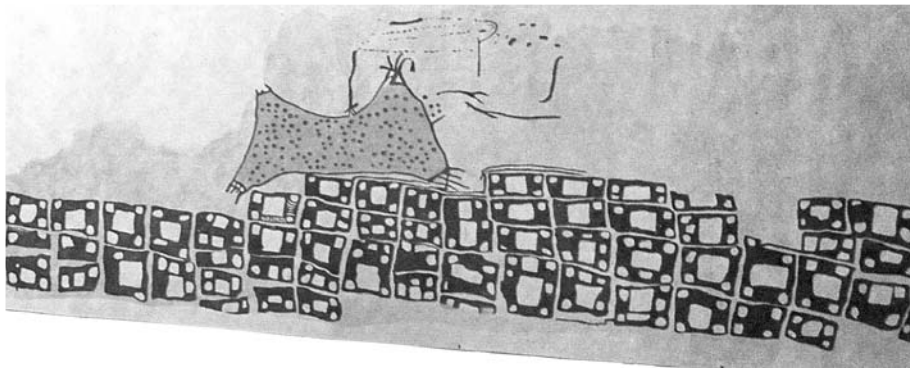
ГЛАВА 2

ПРИСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Присвоение, освоение, и усвоение пространства – в целом именно в этой последовательности осуществлялась работа вида *Homo Sapiens* с территорией. После получения точных или хотя бы приблизительных сведений о незнакомой территории производилось означение присутствия – символическое присвоение. От того, были это зарубки на деревьях, груды камней или каменные стелы с высеченными на них длинными надписями, существо функции не изменялось. Раньше или позже система знаков, принадлежащая какой-то группе, наталкивалась на аналогичную систему другой группы, и в дальнейшем граница, пунктирно очерченная знаками¹, сдвигалась в ту или иную сторону вследствие военного конфликта или политического договора.

В историческом измерении символическое присвоение территории могло осуществляться и позже, чем начальное освоение новых земель, если оно было следствием самостоятельной активности индивидов и малых групп, как это происходило с продвижением русских в Сибирь или с движением американских колонистов на Запад. Тем не менее сначала задача присвоения ценностей, находящихся на территории, а затем и задача присвоения самой территории открывала возможность ее системного освоения, осуществлявшегося через описания, эскизные зарисовки и, наконец, через все более точную картографию. Переход от освоения места к освоению про-

¹ Впрочем, уже на поздних стадиях освоения пространства линия границы могла приобретать физическое выражение, будь то Великая китайская стена, Адрианов вал на границе Англии с Шотландией или, наконец, двойное проволочное ограждение с полосой вспаханной земли, чем была граница СССР на всем ее протяжении, за исключением горных хребтов и побережья океана. В литературе нам известно единственное мифопоэтическое обоснование безграничности экспансии: «Я прогоню народы от лица твоего, и распространю пределы твои, и никто не пожелает земли твоей...» (Исход, гл. 34, 24).

Ч'атал Хюйюк, Турция — древнейшая фреска на оштукатуренной стене. Ок. VII тыс. до н. э. Позади достаточно точного изображения поселка в плане видно извержение вулкана.

странства занял тысячи лет. Благодаря раскопкам в Чатал-Хюйюке (в современной Турции) мы твердо знаем, что в VII–V тысячелетиях до н. э. прототипом как будущего города, так и будущего села был протогород. Все его население концентрировалось на компактной территории, защищенной общей стеной, за которую люди выходили лишь в светлое время суток для ведения сельскохозяйственных работ. Этот способ освоения пространства воспроизводился тысячи лет, хотя свидетельств, вроде характеристики Ниневии, разрушенной в VII в. до н. э.², сохранилось немного. Лишь в долине Нила, которую веками защищала пустыня, мы обнаруживаем, наконец, организованные по единому образцу, целостные системы районирования, где сосуществовали города — столицы номов, отдельные от городов крепости (их обозначали особым иероглифом), и сети сельских поселений, подчиненных бюрократии номов.

До настоящего времени археологам не удалось найти древнеегипетских карт, но они, вне всякого сомнения, были, судя по учебникам практической геометрии, сохранившимся архитектурным чертежам и литературным источникам времен Нового царства. В Британском музее есть вавилонская глиняная табличка с текстовой легендой

² «Ниневия же была город великий у Бога, на три дня ходьбы» (Иона, гл. 3, 4). «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек... и множество скота» (там же, гл. 4, 11). Судя и по библейским текстам, и по тексту Геродота, и по данным раскопок, та же структура своего рода «агломерации» была характерна и для древнего Вавилона.

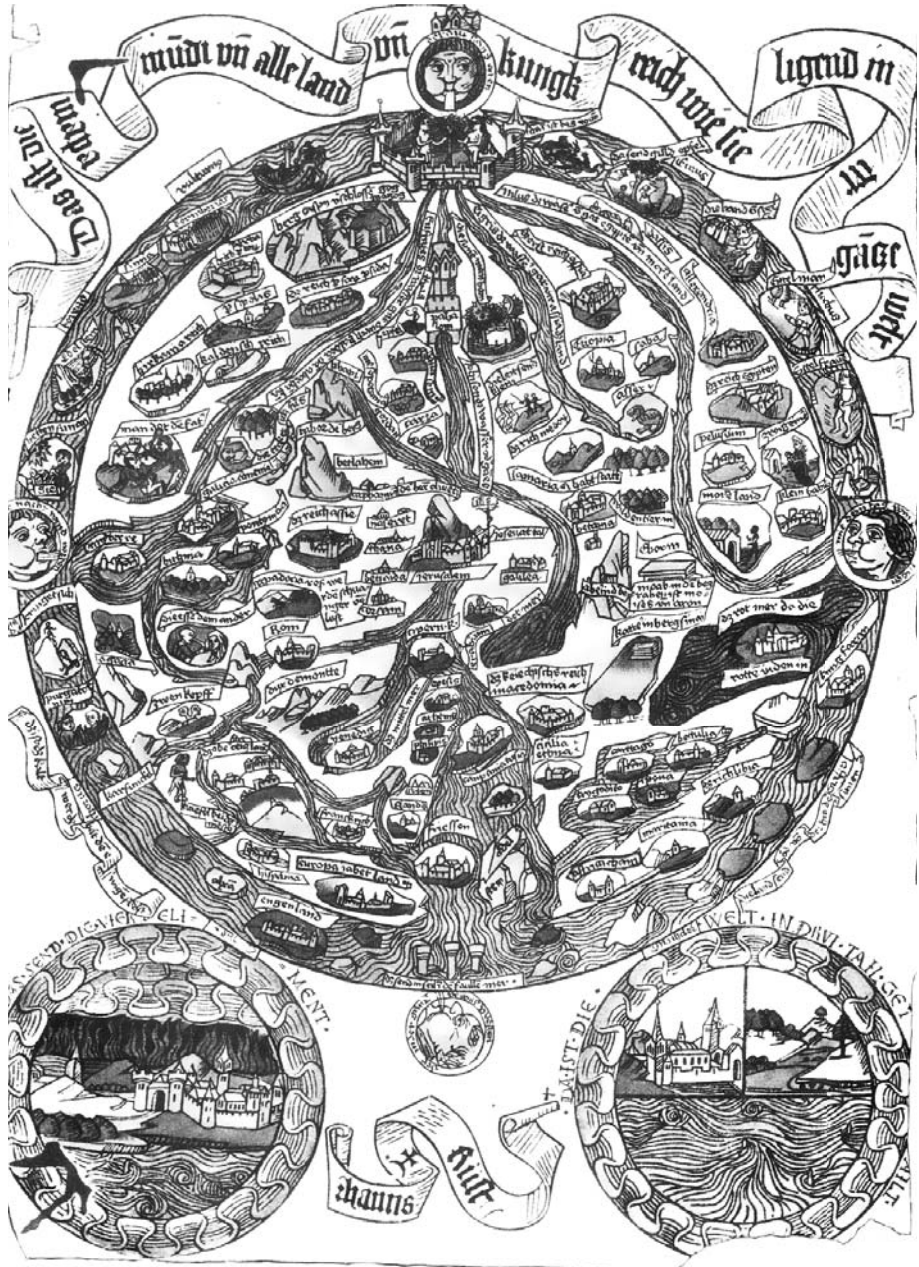

и схематическим изображением Двуречья, Персидского залива и Красного моря. Это понятно, так как нужды мореплавания подвигли пытливость человека к созданию карт существенно раньше, чем потребности сухопутных перемещений, которые долгое время удовлетворялись схемами и описаниями маршрутов от пункта к пункту — итинерариями. Если освоение территории осуществлялось разными путями — от мирного расширения освоенных участков земли до завоеваний, то путь разума к усвоению суши открывался постепенно — через подразделение земли на государевы и частные владения, через морские путешествия и через наблюдения за небом. Именно рождение астрономии связало пространство и время за счет исчисления начала и финала сельскохозяйственных работ, благодаря ранним обсерваториям, из которых наиболее известен Стоунхендж в Южной Англии. Эти же наблюдения связали каждый даже самый малый клочок земли с картиной мира, который рано утратил первичную мифопоэтическую форму квадрата, став поначалу кругом, окруженным океаном со всех сторон, а затем и шаром.

Еще последователи Пифагора, а за ними Платон ввели это представление сугубо спекулятивным рассуждением, имевшим скорее эстетическую природу: шар есть самая совершенная из геометрических фигур, следовательно, Земля должна иметь именно такую форму³. Греческие философы не замедлили, однако, несколько принизить совершенство сферической формы и расчертили шар поясами, названными «климатами», отталкиваясь от угла склонения солнца относительно горизонта или, что то же самое, от продолжительности дня. Делили различно, но наибольшую популярность поначалу приобрела схема римлянина Плиния Старшего, поделившего известный ему мир северного полушария на семь параллельных сегментов и добавившего еще три для северной «пустыни». Птолемей, чья космография с Землей в центре известна каждому, умножил количество «климатов», добавив к ним базовую широту, разделившую по длине Средиземное море, а с ним и всю тогдашнюю Ойкумену. Хранитель Александрийской библиотеки Эратосфен сумел первым исчислить размер земного шара⁴ и дополнил параллели меридиана

³ Кстати, создание Коперником гелиоцентрической модели мироздания имело опорой сугубо спекулятивное рассуждение: коль скоро Господь создал такой совершенный светильник, как Солнце, он не мог разместить его на периферии Вселенной.

⁴ С высочайшей точностью измерив угловые величины, Эратосфен был вынужден при исчислении расстояний опереться на весьма приблизительные све-

Одна из множества карт XIII в., изображающая, как гласит гордая надпись на ленте, «весь Мир и все Земли». Центром мира является, естественно, Иерусалим.

ми, проведя их через наиболее известные в его время примечательные места: от Геракловых столбов до оконечности Индийского полуострова. Наконец, Гиппарх, оспоривший исчисления Эратосфена, не позднее 127 г. до н. э., построил сетку меридианов, поделив экватор на 360 частей, и, наконец, Птолемей в своей «Географии» указал широту и долготу для тысяч мест, добавив деление градуса на минуты, а минуты — на секунды⁵.

Торжество христианства в Европе означало откат пространственных идей в область мифопоэтики на добрую тысячу лет. Известны несколько сот средневековых карт. Многие из них замечательно красивы, их функция имела мало общего с практикой перемещения в пространстве. Это специфическая привязка Земли, вновь ставшей плоской, к Священной истории, так что центром мира оказывался, разумеется, Иерусалим, а наполнением — пути к Гробу Господню и к Раю, который старались локализовать то в Междуречье, то в Индии, а то и на острове в Атлантическом океане.

Иначе обстояло дело на Востоке, где китайцы синхронно с греческими философами разрабатывали свою систему картографии. Земля в их представлении оставалась плоской, но, исходя из практических соображений, они разработали схему ортогональной сетки координат, к которой с высокой точностью привязали места на огромной территории. Точность была обеспечена единством масштаба уже в IV в., а в 801 г. была изготовлена карта всего Китая и его окрестностей в масштабе 100 ли в 1 дюйме⁶. Соединение листов создало карту, занявшую стену дворцового зала — высотой десять и шириной девять метров. Китай вел активную торговлю с арабами, так что нас не должно удивлять, что когда в 1150 г. Аль-Идриси выполнил карту Мира для сицилийского короля, подосновой этой карты была китайская сетка координат, соотнесенная с картой звездного неба⁷. Наконец, завоевание Китая монголами и, как следствие, участие китайских географов в походах мон-

дения путешественников, определявших дистанцию через число дней, требовавшихся каравану верблюдов, чтобы пройти от Асуана до Александрии.

⁵ Более того, Птолемей расчленил представления на географию, т. е. описание Земли в целом, и орографию, занятую детальным исследованием фрагментов мира. Как мы знаем из описаний, составленная им карта мира имела врезки, проработанные в более крупном масштабе, чем целое. Наконец, именно Птолемей ввел традицию помещать на всех картах север сверху, а восток — справа.

⁶ То есть в масштабе порядка 1: 20 000.

⁷ Впрочем, различные образы Мира сосуществовали долго, так что на хорошо сохранившейся арабской карте (скорее, схеме карты) 1193 г., ориентирован-

голов на запад дополнительно расширили познания китайцев, так что к XIV в. эти познания опередили европейцев на тысячу лет.

И все же, несмотря на приверженность мифологической географии, сугубо практические потребности вели к уточнению представлений европейцев о взаимном расположении мест, важных для торговли, о расстояниях между ними и о путях к ним. Итальянцы и арабы порознь создавали так называемые портоланы — лоции для плавания вдоль берегов, а, скажем, на карте Британии Мэтью Пэриса 1250 г. общие очертания, водные пути и взаиморасположение городов представлены с вполне удовлетворительной для того времени аккуратностью.

В 1421 г. началась экспедиция огромных китайских флотов, длившаяся около пяти лет. Флоты обошли Африку, западное побережье Австралии, прошли вдоль ледяных полей северного побережья Антарктиды, Южную и часть Северной Америки, оставляя повсюду знаки символического присвоения⁸. Сразу после этого Китай, истощенный одновременностью морских экспедиций, реконструкции Великой стены и строительства Запретного города в Пекине, прекратил морские походы и замкнулся в себе на столетия. Однако через мусульманских посредников часть картографических материалов и описания маршрутов оказалась в Италии и Португалии, что наряду с уже известным путешествием Марко Поло создало важную предпосылку для географических открытий, сделанных европейцами⁹.

Эпоха Ренессанса принесла с собой рывок знания, лидерство в котором на века утверждает за собой Европа. Планета вновь становится шаром, и в 1492 г. Мартин Бехайм, повторяя Эратосфена, заново создает глобус, заполнение и уточнение которого заняло пять веков и продолжается до сих пор. При этом важно помнить, что интеллектуальное освоение Земли в разных местах и в разное время происходило с разной скоростью и интенсивностью. Огромность усилий, предпринятых тысячами экспедиций на протяжении нескольких столетий, поражает воображение, но так или иначе пространство Мира освоено

ной на юг, острова Персидского залива и Средиземного моря представлены как одинакового размера кружки с текстами.

⁸ Любопытно, что на каменных стелах текст, в котором утверждалась подчиненность новых земель Срединной Империи, был высечен трижды: на китайском, тамильском и арабском языках. См. подробно: *Мензис Г.* 1421—год, когда Китай открыл мир. М., 2006.

⁹ Тексты спутников Колумба, Америго Веспуччи и Магеллана ясно указывают на то, что этим адмиралам были заранее известны и долгота пути до Америки, и пролив между Южной Америкой и Огненной Землей.

целиком. Иначе дело обстояло (и обстоит) с тем, что Птолемей назвал орографией: в отличие от континентов и морей, изменения которых происходят в геологическом времени, состояние ближнего пространства менялось неустанно и непрерывно. Отчасти это происходило под влиянием крупных сдвигов в климате, как, к примеру, в конце XVI в., когда в эпоху так называемого Малого ледникового периода замерзали Рейн, Маас и Темза, а годы неурожая вызвали в российской истории бедствия Смутного времени. Однако в гораздо большей степени изменения ближнего, обитаемого пространства происходили и происходят под воздействием активности людей, что превратило орографию, или, иначе, краеведение, в непрерывную деятельность. Конечно, в наше время осуществлять эту деятельность существенно легче, чем предшественникам: аэросъемка, а теперь и съемка со спутников, отчасти доступная через Интернет любому пользователю, наконец, компактные навигационные системы типа GPRS создают иллюзию полноты знания о местах. И все же это иллюзия, так как без анализа статистики, без мониторинга социальных процессов мы имели бы дело лишь с серией моментальных фотографий территории. Для ориентации в истории места это нужно и ценно, но для практически ориентированной деятельности недостаточно.

После сверхкраткого очерка истории усвоения территории нам необходимо вернуться к эволюции ее освоения. В этом процессе соединились охват гигантских пространств, каким было продвижение Руси — России в Сибирь и далее, к Тихому Океану, или продвижение американцев к Калифорнии, и пространств малых, измеряемых подчас лишь сотнями шагов. Эти масштабные уровни столь сильно различаются, что может казаться, будто между ними вообще не просматривается связь. Но это не так: в зависимости от господствующей социальной и государственной модели либо малое пространство, соединяясь с другим, себе подобным, в конечном счете формирует обширное общее пространство, либо, напротив, сверхкрупное пространство, подразделяясь, доходит в своих характеристиках до малого и мельчайшего, либо, наконец, мы имеем дело с различными вариантами сочетания этих встречных движений.

Разумеется, эпоха древних царств, постепенно заполнивших долины великих рек, благодаря пирамидальному построению власти формировала пространство государства по принципу от общего к частному. Грандиозные работы по прокладке каналов или обустройству

пограничных крепостей¹⁰ предполагали четкое централизованное планирование и тщательность расчетов сил, средств и всех видов обеспечения землеустроительной деятельности. Многочисленные документы, относящиеся к разным периодам египетской истории¹¹, предъявляют наличие тонко специализированной деятельности землемеров, планировщиков и организаторов работ, осуществляемых по единому, общегосударственному стандарту. Ключевым основанием для такой проектно-расчетной работы служили показания нилометра — мерной линейки, указывавшей уровень подъема воды в Асуане, что позволяло с высокой точностью прогнозировать размер урожая, а с ним и объем располагаемых ресурсов при сохранении неприкосновенного запаса. В периоды турбулентности, связанной с нашествиями завоевателей, целостность системы нарушалась, и в отдельных административных регионах (номах) литературные источники фиксируют возникновение региональных отличий, однако спустя некоторое время система восстанавливалась в экономическом и экологическом отношениях.

При этом, судя по результатам археологических изысканий и по анализу литературных памятников, собственно городов в привычном нам смысле в Древнем Египте не было. То, что именовалось городами, по существу было или дворцовыми комплексами фараона и номархов, или крупнейшими храмовыми комплексами, вместе с приписанными к ним поселениями придворных и обслуживающего люда, или, наконец, городками строительных рабочих. Скорее, это ступки активности внутри единой системы сельского расселения, линейно протянувшейся вдоль правого берега Нила. Ровное течение реки¹², обеспечивая возможность плыть вверх, позволило сделать Нил основным коммуникационным стержнем страны, дополненным сухопутными дорогами через Синайский полуостров к границе с Сирией и малоазийскими царствами.

После двухтысячелетней войны царств на обширных равнинах Китая к III в. до н. э. мощный объединительный тренд привел к фор-

¹⁰ Еще раз подчеркнем, что город и крепость в Древнем Египте обозначались разными иероглифами, что с очевидностью указывает на ясность понимания их типологического различия.

¹¹ См. в серии: *The Mammoth book of Eyewitness* / Под ред. Дж. Льюиса. *Ancient Egypt*. N. Y., 2003.

¹² Необходимость в перевозке огромных гранитных блоков вниз по реке заставила около 2300 г. до н. э. пробить в скале каналы в обход первого из Асуанских порогов.

Дары разных стран. Один из сотен рельефов на стенах храма в Луксоре, голе фараон Тутмос III ограничился тем, что повелел стереть имя царицы Хатшепсут, но не ее изображения.

мированию столь же стандартизированной системы землепользования и территориального управления, что и в Египте, — с тем, впрочем, важным отличием, что объединительным субстратом стала конфуцианская доктрина, т. е. идеология. Существенно иначе складывались мощные очаги цивилизации в Двуречье и в Северной Индии (Мохенджо Даро). Их с полным основанием можно именовать урбанизованными, поскольку оборонительные стены охватывали страну площадью в десятки и даже сотни квадратных километров, с ее сельскими угодьями, храмовыми комплексами (исполнявшими к тому же роль банков), ремесленными и торговыми кварталами. В отличие от Египта и Китая эти государственные образования очень рано осваивают полноценные товарно-денежные отношения и внешнюю торговлю, выстраивают весьма утонченное законодательство о частной собственности, включая операции с землей и недвижимостью.

Знания и умения, наработанные странами Двуречья и Египтом, были во многом унаследованы городами-государствами Финикии, которые сделали коммуникации по морю повседневной практикой и первыми сформировали полноценную сеть колоний в Сицилии, на афри-

канском побережье и на южном берегу Иберийского полуострова¹³. Как известно, конкурирующую с финикийцами и более обширную сеть колоний сформировали греки, о планировочной деятельности которых мы знаем несравненно больше благодаря обширной, несмотря на множество утрат, классической литературе. Греческий полис объединял едиными гражданскими правами свободных жителей собственно города и сельских жителей подвластной городу территории — хоры. Пройдя тяжкий опыт олигархии и тирании, большинство греческих полисов выстроили собственный стандарт: окруженное стенами пространство, достаточно обширное, чтобы в случае опасности вместить все население хоры вместе с домашним скотом, увенчивалось крепостью — акрополем, а также его храмами. О внутреннем устройстве города мы будем говорить позднее, тогда как здесь нам важно иное. Недостаток земли, пригодной для сельскохозяйственного освоения, равно как рост ремесленного слоя и численности торговцев, по преимуществу не имевших местного гражданства (метеков), в течение нескольких поколений вел к перенаселенности и социальным напряжениям. Учреждение колоний обещало выход из сложившегося положения.

Колонизация достаточно рано, к VII в. до н. э., развертывалась по единому алгоритму, согласно проектной схеме, которую греки именовали парадигмой. Торговые экспедиции обеспечивали метрополию систематизированными сведениями о пригодных к освоению долинах, имевших выход к морю, надежные источники пресной воды и гавани, относительно которых можно было иметь уверенность, что их воды не будут заилены выносами реки. Второй блок знаний касался рельефа (непременным условием было наличие гор или высоких холмов, удобных для закладки крепости), площади земли под будущее освоение и качества почв, направления господствующих ветров. Наконец, третий блок включал сведения о заселенности окрестных территорий, о нравах будущих соседей и о перспективах мирного сосуществования или вероятной цены победы в случае вооруженного конфликта с туземными жителями.

На основании оценки разведывательных данных народное собрание принимало решение об учреждении очередной колонии, о ее будущей численности, о финансировании строительства и оснаст-

¹³ Хронологически первенство принадлежит минойской культуре Крита, которую, к несчастью, около 1450 г. до н. э. уничтожил взрыв вулкана на острове Тира (Санторин). Однако минойцы, судя по всему, в основном ограничивались формированием торговых пунктов — так называемых эмпорий, тогда как финикийцы создавали полноценные города-государства.

ки судов, о припасах на время до первого урожая, назначало командуящего операцией, который самостоятельно набирал землемеров, архитекторов и принимал под свою команду воинов-переселенцев. При этом особым значением наделялось именование гор, источников, речных потоков, которые, как правило, дублировали названия черт привычного ландшафта, и строительство храма божества, являвшегося патроном метрополии. Более того, литературные источники позволяют сделать вывод, что граждане новой колонии были склонны считать наново поименованные горы и реки не просто схожими, но теми же самыми горами и реками. Фактическое и символическое присвоение новой территории совпадало, тогда как общеэллинские празднества в Дельфах и Олимпии ритмически поддерживали присутствующий в воображении центр греческой Ойкумены. Колонии воспроизводили характерные для полиса-метрополии меры длины, веса и объема, но, подчеркивая свою самостоятельность, как можно раньше приступали к чеканке собственной монеты.

Персидская династия Ахеменидов, подобно имперскому Китаю, сформировала сугубо континентальную империю, связав территории многочисленных племен Передней Азии сетью хороших сухопутных дорог и учредив регулярную систему коммуникаций. У греков наибольшей мерой длины был стадий, различавшийся от полиса к полису, но в целом равный двум сотням широких шагов, т. е. около 180 метров. Эта мера, удобная для разметки земельных участков колонистов, была вполне пригодна, чтобы оконтурить с ее помощью небольшие долины, тогда как каботажное плавание от одного ориентира до другого не нуждалось в точности измерений. Пространство Персидской империи, создававшей, по египетскому образцу, грандиозные церемониальные комплексы, требовало иного, и мерой длины становится парсанг, составлявший около семи километров.

Эпоха наследников Александра, эллинизм, соединила черты греческой, персидской и египетской цивилизаций, так что Риму досталось весьма развитое наследство. У греков был заимствован и развит урбанистический стандарт комфорта, а у персов — системность пешеходных дорог и система управления завоеванными землями через прокураторов, без необходимости не вмешиваясь во внутренние дела новых провинций. Однако римские инженеры-архитекторы привнесли качественно новые инструменты работы с территорией. Во-первых, стандартный план города был очевидным образом производным от стандарта обустройства лагеря, который каждый легион должен был разбить в течение одного дня. Во-вторых, планировка городских кварталов была напрямую сопряжена с разбивкой земли на участки

План города Милета, Малая Азия по состоянию во II в. до н. э. Античные греки приписали изобретение прямоугольной сетки Гипподаму, хотя заимствовали схему из Египта.

ветеранов для сельскохозяйственных работ, так что дороги непосредственно переходили в главные городские улицы, пройдя через ворота в башне городской стены. Впрочем, с победой в войне с Карфагеном римляне могли на века отказаться от укреплений италийских городов. Римляне строили постоянные мосты через реки, включая Дунай и Рейн, и непременно возводили акведуки для снабжения городов чистой водой из удаленных источников. В-третьих, в отличие от китайцев, предпринявших многовековые усилия, чтобы отгородиться Великой стеной от набегов степняков, римляне лишь по границе с Шотландией устроили ров с валом и палисадом от моря до моря. Во всех остальных случаях они удовлетворялись строительством фортов, связанных рокадными дорогами, а в пустынных землях Африки и Аравии формировали целостную систему приграничного расселения, так называемый лимес — так, чтобы прикрыть фортами все колодцы, где был водопой для скота. Наконец, наряду с обустройством защищенных от бурь гаваней римские инженеры системным образом прокладывали шахты для добычи разных руд и сформировали обширную сеть курортов с минеральными водами.

От Мавритании и Испании на западе до берегов Евфрата и от Нубии на юге до Рейна и британского Эйвона римляне обустроили си-

Руины Тимгада, Алжир. Римляне заимствовали планировочную схему, удобную для разбивки военного лагеря, а затем и города, и распространили ее по всему античному миру.

стему расселения в виде цепи городов с окружающими их угодьями, старательно приравнивая базисный стандарт к особенностям местности и климата.

В зоне восточного Средиземноморья Византия, хотя и не без потерь, продолжала римскую традицию еще много веков, тогда как Европа с формированием варварских государств пережила почти полную дезурбанизацию, так что основными хранителями знания и умения стали монастыри. Планирование не исчезло, но его масштабы резко сократились, а феодальная схема управления надолго исключила сколько-нибудь серьезную постановку планировочных задач вплоть до эпохи высокой готики и расцвета городов, наступающей – если говорить об Италии и Южной Франции – в XII столетии, а в центральной и северной Европе еще позже. С подъемом не только приморских городов, крепнувших на торговых операциях с Востоком, но и городских ремесленных центров вдали от моря началась многовековая эпопея связывания рек каналами. Вплоть до конца XVIII в. сеть рек и каналов была не только основой сообщения в Европе, но и главным источником энергии, необходимой для развития производств. В этом процессе ведущую роль взяли на себя Британия и Нидерланды, причем Нидерланды в особенности, поскольку там

Гренад-сюр Гаронн, Франция. Вопреки распространенному мнению о хаотичности средневекового города, все вновьучрежденные города XIII–XIV вв. строились на четкой сетке.

реки были слишком медленными, чтобы обеспечить эффективную работу водяных мельниц, и потому технология откачки воды с помощью ветряных мельниц была положена в основу постепенного, шаг за шагом, оттеснения моря в пользу суши.

За пару столетий количество городов в Европе удваивается — их учреждают по преимуществу сами феодальные синьоры, стремившиеся увеличить доходы за счет развития торговых центров¹⁴.

Известно, что достаточно длительное время королевский домен сжимается, как шагреновая кожа, в силу неизбежных дарений, обеспечивавших лояльность баронов. Между городами и феодальными владельцами земель разворачивается долгий конфликт, в котором крепнущая королевская власть к своей пользе принимает то одну, то другую сторону. Разумеется, говорить здесь о какой бы то ни было планировочной политике невозможно, поскольку главным инструментом изменения границ земель являются брачные контракты, тогда как дворян-

¹⁴ Подробно см.: *Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* В 3 т. М., 1992.

Люксембургский сад, Париж. Философия Рене Декарта, воплощенная в планировке парка, надолго определила представление о красоте дисциплинированного обустройства мира.

ская монополия долгое время отсекает бюргеров от владения землей. В экономическом отношении сельская округа (в Италии, Франции, Нидерландах, Англии формальная крепостная зависимость, вытесняясь денежными отношениями, исчезает, начиная с XIII в.) была поделена между землевладельцами, собиравшими налоги, и городской верхушкой. Та привязывает к себе крестьян, нуждающихся в наличных деньгах для уплаты налогов, авансируя их работу, предоставляя им материал для ремесленного производства и реализуя продукцию в системе торговли. Отдельные попытки римских пап или герцогов Сфорца приступить к системному освоению заболоченных или заросших мелколесьем земель оканчиваются прокладкой или ремонтом каналов, а в двух случаях — созданием крошечных городов-призраков.

XVII в. привносит во взаимоотношения человека с пространством новое качество. Умами просвещенного меньшинства завладевают две фундаментальные концепции. Одна, гелиоцентрическая, сформулированная Коперником как гипотеза, привлекает внимание драматическими сведениями о суде и отречении Галилея. Эта идея ложится на подготовленную почву. Успешное, за исключением Великобритании, закрепление абсолютизма придает социальному пространству

государства новую архитектуру: все точки национальной территории оказываются теперь замкнутыми на центральный пункт — королевский трон. От многоярусной феодальной пирамиды остается лишь декоративная тень, иерархия придворных титулов. Другая, стройная философская концепция Рене Декарта, придает Вселенной свойства идеально отлаженного часового механизма, трактует всякое движение по подобию перемещения тел в пространстве и обогащает воображение представлением о бесконечности пространства.

Обе эти концепции сливаются в процессе создания пространственной модели миропорядка, которой стала резиденция французских монархов в Версале — вне города с его средневековой еще упорядоченностью, которая, согласно новой доктрине, трактуется как хаос. В природном ландшафте, который в диком своем состоянии понимается как *natura naturans*, то есть самопроизвольно возникшая пустыня, этот сырой материал должен быть преобразован в *natura naturata*, т. е. в природу, созданную заново¹⁵. Архитекторы Ленотр и Ле Во осуществили программу Людовика XIV: аллеи, фланкированные деревьями и кустами, стриженными под геометрические тела, и расходящиеся веером от королевской опочивальни, уходят в бесконечность. Новый образец порождает десятки восторженных подражаний, из которых в Европе наиболее известны австрийский Шенбрунн, прусский Сан-Суси, британский Хэмптон Корт и российский Петергоф. Столетием позже концепция тотальной реконструкции природы смягчается, а затем и вовсе уступает место идее новой натуральности, базировавшейся на пейзажной живописи: ландшафт тонко продумывается и пересоздается таким образом, чтобы создать как можно более убедительную версию естественности. В этой игре с природой первенствовали британцы, вслед за которыми она распространяется по Европе повсеместно¹⁶.

Тем не менее за пределами резиденций серьезная работа по организации пространства в Европе, опутанной сетью феодальных прав, была и не востребована, и неосуществима вплоть до Великой Француз-

¹⁵ Как и во многих других случаях, у этой модели были прототипы. Уже римские принцепсы стремились дистанцироваться от города, и император Адриан создает оазис миропорядка в Тиволи. В эпоху Ренессанса начитанные в классике реальные владыки, прежде всего семейство Медичи, создают целое созвездие удаленных вилл, при которых и сады, и огороды, и виноградники, и оливковые рощи вписываются в правильный геометрический рисунок.

¹⁶ В российских условиях толчком к формированию обширной сети усадебных имений, изменившей облик страны, стал Указ о вольности дворянства, освободивший помещиков от обязательной службы.

ской революции конца XVIII в. Начать эту работу побудила колонизация Нового Света, где лидирующую позицию долгое время занимала Испания. В обеих Америках колонисты, появляющиеся вслед за конкистадорами с королевским эдиктом, поручающим присоединить новые земли к коронным владениям, считают земли пустыми. Символическое присвоение осуществляется утверждением креста и чтением указа перед туземцами, не понимавшими в нем ни слова, или даже перед лесами и горами. Вслед за этим формировалось укрепленное поселение сообразно четкому регламенту, прописанному в «Законах для Индий» Филиппа Второго. Эти нормативные тексты во многом опираются на труды римских писателей и привносят в Новый Свет порядки, в основном уже исчезавшие или исчезнувшие в метрополии.

Синхронно осуществлявшиеся процессы русской колонизации Сибири, испанской, португальской, голландской, британской и французской колонизации в Новом Свете, хотя и имели общие черты, осуществлялись, следуя принципиально различным моделям¹⁷. Согласно русскому алгоритму местное население приводилось к присяге, содержание которой ему было понятно не более, чем испанский язык «Законов для Индий» или эдикт французского короля индейцам, и облагалось натуральной податью — уплачивало ясак, оставаясь в восприятии московской бюрократии иноземцами. Обращение местных в рабов встречалось нередко, но не имело массового характера, тогда как крепостное право на них не распространялось, и до Петровского времени почти не было попыток окрестить жителей Сибири. В испанской модели местное население, уцелевшее после эпидемий, принесенных колонизаторами, и рабского труда на плантациях, подвергалось насильственной, по преимуществу поверхностной христианизации и фактически полностью трактовалось как крепостной люд, лишенный каких бы то ни было прав. Лишь в португальских владениях иезуиты предприняли отважную попытку создания теократического государства с крещеными индейцами в виде подданных. Самые северные из британских колоний в Новом Свете занимали свободные земли и вступали в более или менее мирные сношения с индейскими племенами, поскольку им, как и русским землепроходцам, долгое время нужна была лишь пушнина, которую доставляли индейцы, получая взамен кое-какие товары, понимавшиеся ими как встречные дары. В более спокойных и даже дружелюбных сношениях с индейцами пребывали французские ко-

¹⁷ См. подробно: *Акимов Ю. Г.* Северная Америка и Сибирь в конце XVI–XVIII вв. СПб., 2010.

Христофор Колумб утверждает крест перед индейцами, приносящими дары земли, вследствие чего присоединение Нового Света к Испанской короне обрело легитимность.

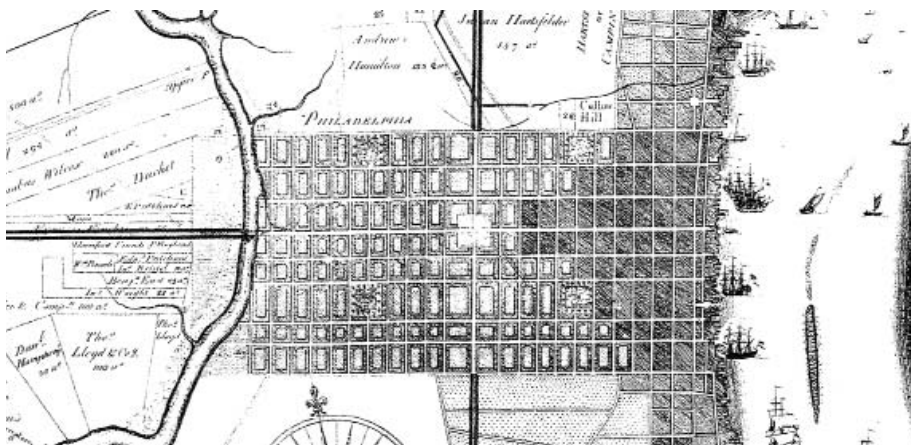
лонисты, тем более что сельскохозяйственное освоение долины Св. Лаврентия шло на ранее пустовавших землях, тогда как пушнина приобреталась у индейцев по несколько более высокой эквивалентной стоимости, чем это делалось англичанами.

Если российская, испанская и британская колонизации осуществлялись почти полностью как задача государственной власти и в ее интересах, то процесс французской колонизации, хотя и осуществлялся под эгидой королевской власти, но почти исключительно как частное предприятие торговых компаний. В южных колониях, основанных британцами или отнятых у французов в результате войн в Европе, быстро складывается плантационная экономика, базировавшаяся на труде рабов, вывезенных из Африки. Сибирские города¹⁸

¹⁸ Сообразно представлениям эпохи, Сибирью именовалось все пространство от Урала до побережья Тихого океана.

Филадельфия, основанная Уильямом Пенном в 1683 г., стала первым городом в Северной Америке, разбивка кварталов которого была воплощением т. н. Гипподамовой схемы.

тивления коряков и чукчей, но в целом она была более или менее мирным процессом. Основные потери местного населения были (как, впрочем, и в Америке) вызваны эпидемиями и спаиванием населения, которое безуспешно пытались предотвратить как московские власти, так и канадские католические миссионеры. Масштабы реальной колонизации, означавшей учреждение и развитие стационарных городов, были долгое время невелики, однако осмысление задач и противоречий колонизационного процесса породило обширную литературу, в которой вопросы этики взаимоотношений с чужим и чуждым тесно переплетались с вопросами истощения природных ресурсов и сюжетами организации жизни на новых территориях.

Судьба колоний драматически меняется в результате создания США и наращивания количества входящих в новую страну штатов. Длительное время, вплоть до войны Севера с Югом, рабовладельческий Юг чрезвычайно напоминает российскую крепостную Новороссию, с тем ключевым отличием, что в Америке не было тогда ничего, что напоминало бы российскую имперскую бюрократию. Напротив, северо-восток США, куда вливался стремительно нараставший поток иммигрантов из Европы, переживал интенсивную индустриализацию, тогда как продвижение колонистов на Запад сопровождалось вытеснением индейцев с их исконных земель и уничтожением основ их существования, т. е. фактическим геноцидом коренного населения.

К середине XIX в. функция территориального планирования как в Европе, так и в ее колониальных владениях, поделивших почти весь обитаемый мир между ведущими державами, все еще сводилась к решению магистральной задачи — огромной и чрезвычайно трудоемкой. Это задача обустройства коммуникаций, все более скорых и надежных. Если Россия приступила к системному строительству железных дорог только после поражения в Крымской войне, то ведущие европейские державы уже успели сформировать плотную железнодорожную сеть. Британцы стремительно связывали железной дорогой Бомбей, Дели и Дакку в Индии, а в США Компания Пенсильванских железных дорог, едва закончилась Гражданская война, приступила к строительству пути, связавшего Атлантическое и Тихоокеанское побережья. Середина столетия объединила два грандиозных процесса: индустриализацию, которая с бурным распространением паровых машин отчасти ослабила вековую связь фабрики и реки, и формирование железнодорожной сети, которая в Европе в основном лишь уплотнила связи между древними городами, а в России и в США стихийным образом подтолкнула реорганизацию всей сети расселения.

Как и ранее, цепочки городов тянутся вдоль рек — не только потому, что до конца XIX в. длилось успешное сосуществование перевозок по железной дороге и по воде, и не только в силу того, что старые фабрики, привязанные к реке или каналу, проходили модернизацию. Растущие города сами потребляли все больше пресной воды, и издавна оживленные города тяготели к местам, где через реку был удобный брод или мостовой переход. Однако теперь город, которому повезло оказаться там, где водный путь пересекала железнодорожная линия, разрастался быстрее, чем любой другой, а в тех случаях, где мостовой переход через крупную реку приходилось возводить в пустынном месте, непременно возникал и, как правило, быстро развивался крупный город, а с его ростом развивалась и сельская округа.

Скачкообразное увеличение спроса на металлы в связи с железнодорожным строительством, бурным развитием морского пароходства и телеграфного сообщения (медь для трансокеанских кабелей) привело к освоению крупных рудных месторождений, а с ними — к созданию новых индустриальных центров. Рост морских и речных перевозок вместе с увеличением тоннажа судов повлек за собой формирование гигантского хозяйства портов, доков и верфей, которые по занимаемой ими площади стали сопоставимы с крупными городами. Пригородные поезда в несколько раз растянули радиус эффективной транспортной коммуникации, рост населения пригородов потянул за собой удорожание земли, вслед за чем начался процесс

оттеснения ферм все дальше от городов. С другой стороны, уровень заработной платы фабричных работников все еще оставался низким, продолжительность рабочего дня колебалась между 12 и 14 часами, вследствие чего рабочие должны были селиться как можно ближе к заводам. Это влекло за собой нарастание плотности в городах и, соответственно, неминуемое снижение уровня здоровья и качества жизни всего населения. К началу последней трети века, в поэзии единодушно названного железным, кризис городской среды стали осознавать уже как кризис расселения, и вера в благость прогресса, порождаемого свободной игрой рыночных мотиваций промышленного производства, стала все чаще ставиться под вопрос. Практические идеи преодоления кризиса не замедлили появиться, отстав всего на одно поколение от более ранних идей утопистов.

В 1808 г. Шарль Фурье опубликовал «Теорию четырех движений и всеобщих судеб», выдвинув концепцию, согласно которой стержнем идеальной организации общества должна стать ассоциация от полутора до двух тысяч человек, основанная на сочетании сельскохозяйственного и промышленного труда в условиях коллективного существования. Взаимная приязнь и состязательность бригад, вместе образующих фаланстер, должны прийти на место конкуренции, а индивидуальные наклонности индивида могут быть реализованы за счет многообразия занятий и свободной возможности смены одного занятия на другое. Видение Фурье воспламеняло воображение многих, но не выдерживало столкновения с действительностью. Несколько иначе к достижению всеобщего счастья стремился страстный проповедник Роберт Оуэн, сначала попытавшийся создать производственную коммуну в шотландском Ланарке, на собственной прядильной фабрике, а с 1825 г. предпринявший вторую, более масштабную попытку на приобретенном участке земли в американском штате Индиана. Колония «Новая Гармония» в Индиане потерпела такой же крах, как и предприятие в Ланарке, но критика Оуэном «трех ложных начал» промышленной системы вызывала достаточно широкое сочувствие²⁰. Наконец, существенное влияние на становление нового представления о развитии оказали труды Михаила Баку-

²⁰ Оуэн настаивал на абсурдности детального разделения труда, подавляющего способности человека, на вреде конкуренции и на вредоносности ключевой идеи капитализма — стремления к прибыли. При всем утопизме мечтаний Оуэн сыграл ключевую роль для начала работы над трудовым законодательством, в объяснении природы экономических кризисов и в утверждении необходимости вмешательства государства в экономическую жизнь.

нина и в большей степени Петра Кропоткина, написанные в эмиграции и достаточно широко известные в Европе.

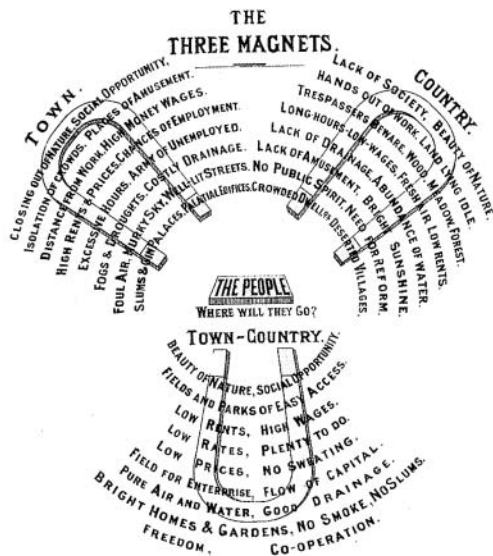
Если Карл Маркс и Фридрих Энгельс, отталкиваясь от идей утопистов, пришли к далеко ведущему выводу о невозможности осуществить мечты об обществе всеобщей гармонии без социалистической революции, то человеком, который оказал мощное воздействие на практику территориального планирования, стал более чем скромный стенографист Эбенизер Говард. Любопытно, что это воздействие изначально покоилось на недоразумении – в работе Говарда вычитывали совсем не то, что он в нее заложил. Первое издание вышло в 1898 г. под заглавием «Завтра: мирный путь к реальной реформе», но уже через четыре года второе издание получило иное название: «Города-сады завтрашнего дня»²¹. Скорее всего, на новом названии настоял издатель, видевший в нем лучшие коммерческие перспективы, но так или иначе мощная социальная концепция в публичном восприятии оказалась вытеснена представлением об авторе как планировщике и инициаторе движения, породившего немало реализованных проектов.

Концепция территориального планирования. Первая стадия. Во время своего пребывания в США, где провалились его попытки стать фермером в благоприятных условиях бесплатного, свободного занятия земли в прериях (по закону от 1862 г.), Говард провел четыре года в Чикаго. В Небраске он видел расцвет фермерства и подъем малых городов, служивших сервис-центрами для окрестных ферм, в Чикаго он наблюдал реконструкцию города после чудовищного пожара 1871 г. и был свидетелем создания подлинного города-сада – пригорода Риверсайд²². Вернувшись в Британию, Говард, по его словам, вчерне уже разработавший идею всей своей жизни, прочел множество книг. Среди предшественников можно назвать Эдуарда Уэйкфилда, полувеком ранее пропагандировавшего идею плановой колонизации как средства борьбы с бедностью. Уэйкфилд, в свою очередь, опирался на схему, разработанную для австралийской Аделаиды полковником Лайтом: как только город дорастает до своего естественного предела, от него должен отпочковаться следующий город, отделенный от первого полосой зеленых насаждений. Джеймс Бэкингом уже раз-

²¹ «To-morrow: A Peaceful Path to Real Reform» – «Garden Cities of To-morrow».

Именно под вторым названием в 1911 г. вышло в свет русское издание книги.

²² Автором планировки стал знаменитый создатель Центрального парка в Нью-Йорке Фредерик Олмстед.

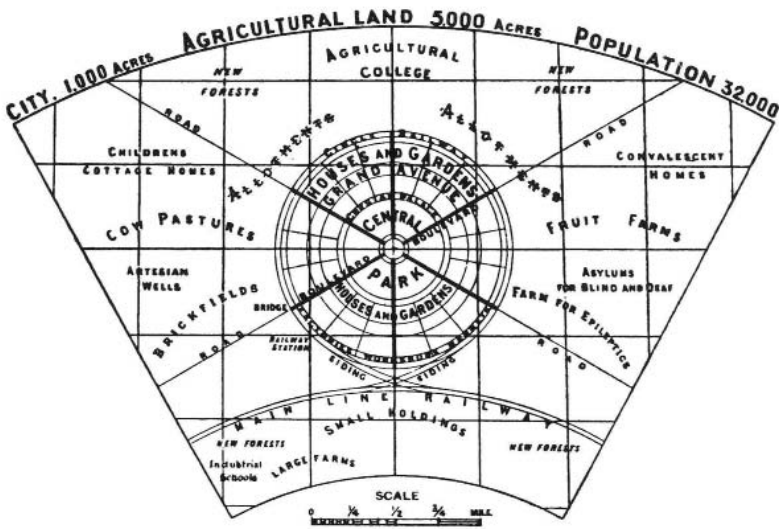
Модель «трех магнитов», составленная Эбенизером Говардом для обоснования концепции города, который собрал бы в себе лучшие признаки города и сельской местности.

работал свою планировочную схему модельного города: общественный центр, радиально расходящиеся улицы²³ и кольцо производств на периферии. К тому же городок Порт Санлайт близ Ливерпуля и Бурнвиль (фабрика Кэдбери) рядом с Бирмингемом уже демонстрировали примеры успешной децентрализации промышленности.

Экономист Альфред Маршалл в 1884 г. опубликовал статью, в которой, отталкиваясь от идей Кропоткина, настаивал на том, что в Лондоне наличествует множество людей, передвижение которых в сельскую местность было бы выгодно как самим переместившимся, так и оставшимся в городе²⁴. В гораздо более жесткой форме сходную идею предлагал первый профессиональный социолог города Чарльз Бут, видевший для бедных группы *B* (по его классификации) выход из нищеты

²³ Восходя к Платону, авторы почти всех проектов идеальных городов, включая Антонио Аверлино и Кампанеллу, стремились придать им форму колеса с множеством спиц. Единственная масштабная реализация этой идеи – Багдад, заложенный шахом Мансуром, до его последующей перестройки.

²⁴ Marshall A. The Housing of the London Poor. Where to house them // Contemporary Review. 1884, # 45.

Э. Говард. Принципиальная схема оптимального города на 32 тыс. жителей, задуманного как акционерное общество, создающее финансовую самодостаточность освоения земель.

в форме трудовых колоний, вынесенных далеко за черту города. Публичные комиссии выдвигали идею индустриальных отрядов и т. д.

Говард, однако, был далек от того, чтобы его города-сады были населены деморализованной беднотой — для него это должны были быть места для группы С (по классификации Бута), т. е. для тех, кому следовало помочь выбраться из городских трущоб. Не милитаризованный по духу патернализм Маршалла или Бута, но анархизм Кропоткина был для него ведущим принципом, тогда как в том, что относилось к технологии, Говард следовал идее Томаса Спенса, согласно которой земля под будущий город должна приобретаться неким сообществом по цене сельских угодий. В этом случае разница в цене после освоения строительством должна была увеличить капитал городского сообщества. Можно было сколь угодно упрекать Говарда в том, что он всего лишь эклектичным образом собрал целое из множества источников²⁵, но факт оста-

²⁵ Следует принять во внимание, что в Великобритании с 1880-х гг. и до начала Мировой войны движение под девизом «Обратно к земле» было маломасштабным, но весьма заметным явлением. Не без влияния книг Уильяма Морриса, мечтавшего о возрождении доблестей ремесленного производства, утопиче-

ется фактом: именно ему удалось придать целому впечатляющую форму и найти для ее воплощения реалистические инструменты.

Говард поставил перед собой амбициозную задачу: соединить лучшее, что могли дать город и сельская местность (экономическая активность и широта выбора у первого, чистый воздух и природный ландшафт у второй), избавившись от их недостатков: ужаса трущоб викторианского города и нищеты деревенской жизни, угнетенной общим упадком сельского хозяйства. Говард изобразил простую схему «трех магнитов», дополнив оппозицию город — деревня третьей возможностью: town-country, что довольно сложно перевести на русский язык, поскольку сказать «агрогород» было бы анахронизмом. Лapidарные характеристики всех трех «магнитов» придали схеме убеждающую ясность, а свободная кооперация как ключевая характеристика «агрогорода» в случае Говарда отнюдь не была мечтанием в духе Фурье или Оуэна. Автор концепции видел организатором процесса группу инициаторов, непременно включающую лиц с коммерческой компетентностью и добротной кредитной историей. Эта группа должна сформировать некоммерческое партнерство, берущее банковский кредит на приобретение удаленного от города землевладения с возможно низкой продажной ценой. В свою очередь партнерству надлежит найти промышленников, готовых перенести свои фабрики на периферию, вслед за чем туда двинутся их работники, которые построят собственные дома. Территория будущего города была определена в 250 гектаров, окружающий пояс ферм и роц — в пять раз больше.

К теоретической схеме планировки города-сада, которая ни в малейшей мере не была планировочным проектом, мы еще вернемся. Здесь важнее иное: Говард определил предел роста своего города в 32 тысячи человек. По достижении этого лимита предполагалось основать следующий город на незначительном расстоянии от первого, так что через несколько десятилетий должна сложиться обширная, в принципе бесконечная агломерация. Каждый ее узел должен предоставлять широкие возможности выбора услуг и работы, но все они должны быть связаны скоростными рельсовыми путями, которые Говард впервые определил как интерсити, с очевидностью отталкиваясь от лондонского метрополитена, но обходясь без его туннелей.

Недоразумение со считыванием идеи Говарда было связано с тем, что во втором издании книги, послужившем основанием для десят-

ские социалисты, аграрные социалисты, анархисты, прежние участники чартистского движения и сектанты всякого рода основали около 30 коммун, длительность существования которых, однако, редко превышала пять лет.

ков переизданий, и эта диаграмма и другая, раскрывавшая смысл свободной кооперации, были опущены, что позволило видеть в схеме планировки проект индивидуального города-сада.

Говард был концептуальным проектировщиком, мало интересовавшимся собственно физической формой городского поселения. Его в гораздо большей степени заботила такая форма аргументации, которую промышленники и банкиры могли бы признать вполне реалистической и потому заслуживающей поддержки. Вторая схема демонстрировала цепочку вычислений, в основе которой были два тезиса: земля остается в собственности некоммерческого партнерства, тогда как обитатели собственных домов и владельцы предприятий выплачивают партнерству умеренную ренту. Сначала эта рента расходуется на выплату процентов по банковскому кредиту и на формирование фонда, убывающего по мере выплаты основной суммы займа. После завершения расчетов с банком, без введения местных налогов, тот же фонд расходуется на создание локальной формы welfare state под контролем горожан. По Говарду, этот фонд позволил бы «осуществлять пенсионные выплаты бедным старикам, в наше время заключенным в работных домах; устранить отчаяние и пробудить надежду в сердцах тех, кто оказался на дне; усмирить ропот гнева и пробудить мягкие ноты братства и добросердечия»²⁶.

За четыре десятилетия до Джона Кейнса и Ф. Д. Рузвельта Говард предложил проектную конструкцию, занявшую срединную позицию между викторианским капитализмом и утопическим социализмом с его неизбежным тяготением к централизованной бюрократии. Фундаментом города-сада в его исходной версии оказывается местное самоуправление, притом что услуги горожанам могут предоставляться как непосредственно муниципалитетом, так и частными компаниями. В то же время, как предполагалось, значительная часть работ, начиная со строительства собственных домов, должна осуществляться самими жителями. При этом, по Говарду, особый акцент ставится на финансовую поддержку самодеятельности горожан со стороны строительных обществ, ассоциаций кооперативов и едва набравших силу профсоюзов.

Эпоха утопистов завершалась. Говард ни в малейшей степени не напоминал романтического мечтателя, и уже через два года было зарегистрировано ООО «The First Garden City Limited». Характер города Лечворт, построенного в 50 километрах от Лондона трудами Раймонда Унвина и Барри Паркера, в этой главе несуществен. Здесь

²⁶ *Howard E. Op. Cit.*, 1898. P. 141.

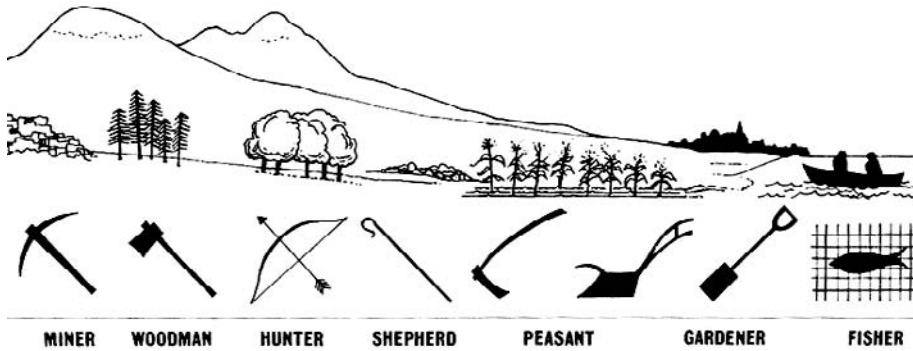
важно подчеркнуть, что Лечворт, а затем Хэмпстед, Вэлвин и другие новые поселения по мере реализации утрачивали все больше из пионерского замысла Говарда, последовательно превращаясь в комфортные пригороды Большого Лондона. Тем не менее именно с трудов Говарда можно отсчитывать формирование нового типа проектной идеологии территориального планирования, поддающейся технологической разработке.

Превосходный пролог к этой части рассмотрения предмета сформулирован в 1988 г. Питером Холлом: «Если британский город-сад был родом из Америки, то парадигма территориального планирования, несомненно, сформирована Америкой, вывезена туда из Франции, через Шотландию. Территориальное планирование создано Патриком Геддесом (1854–1932), универсалистом, не поддающимся какой-либо классификации. Официально он преподавал биологию (скорее, все, кроме биологии) в университете Данди... Из контактов с французскими географами на переломе столетий Геддес извлек тяготение к анархическому коммунизму, основой которого должна была служить свободная конфедерация автономных регионов. В 20-е гг. он встретился с Льюисом Мамфордом, журналистом социальной ориентации, который помог Геддесу упорядочить его представления так, как тот не сумел бы сделать никогда. От Мамфорда идея перешла к небольшой, но увлеченной и блистательной группе планировщиков, которая благодаря мощи текстов Мамфорда сплавила ее с родственным содержанием концепции Говарда. В результате идея распространилась по всей Америке и далее по свету, оказав, в частности, сильное влияние на New Deal Ф. Д. Рузвельта в 30-е гг. и на перепланировку европейских столиц в 40-е и 50-е гг.»²⁷

Геддес действительно был многим обязан французским профессионалам — Элизе Реклю, которую объединяла с Петром Кропоткиным близость политических идей и страсть к географическим исследованиям, и Фредерику Ле Пэ²⁸, которого принято считать родоначальником социологии. От них Геддес воспринял идею естественного региона и разрабатывал концепцию предпроектных исследований ресурсов такого региона и способа их освоения людьми, что соеди-

²⁷ *Hall P. Cities of Tomorrow. L., 1988. P. 137.* Эта классическая книга Питера Холла послужила главным источником материала для главы.

²⁸ Ле Пэ с особым вниманием разрабатывал учение о триаде место—работа—люди. Еще одним географом, на труды которого опирался Геддес, был Поль Видал, который был автором ряда монографий, посвященных естественным регионам Франции, привязанным к ее речным бассейнам.

Элементарная схема распределения человеческой деятельности в ландшафте Патрика Геддеса заложила основу регионального планирования как новой формы аналитической работы.

няется в том, что было им названо культурным ландшафтом. В Эдинбурге Геддес основал первый центр локальных исследований, мечтая о том, чтобы такие центры были созданы повсюду, и разработал схему «сечения долины», расположив типы деятельности по уклону рельефа — от горных выработок и участков вырубki леса через зоны охоты и выпаса к зонам земледелия, садоводства и, наконец, рыболовства.

Тот факт, что Геддес, как и его французские партнеры, склонялся к поэтизации сугубо традиционных форм землеосвоения, не умаляет того, что именно им был детально разработан алгоритм предваряющих исследований, которые должны предшествовать проектированию и принятию решений. В этом ощутимо влияние Кропоткина, с которым он встречался много раз, и прежде всего уверенность Геддеса в том, что новые технологии ликвидируют необходимость в чрезмерной концентрации населения, позволяя воссоздать атмосферу цеховой и артельной организации деятельности. Особенно важно, что в отличие от французских коллег Геддес не останавливал свой анализ на границе города, настаивая на необходимости построения также и городской долины. Там, как он писал, «мы должны раскапывать наш город слой за слоем, доходя до его наиболее раннего прошлого — тех полуполюгендарных, героических поселений, на которых стоит нынешний город. От этого основания мы должны считывать город снизу вверх, сопровождая это движение максимально точной визуализацией»²⁹.

В наши дни это стало тривиальным алгоритмом предпроектных изысканий, хотя приходится признать, что в полном объеме они

²⁹ *Geddes P. The Valley in the Town. Survey, #54. P. 415.*

не выполняются почти никогда, однако вплоть до середины XX в. концепция Геддеса, сохраняя все значение учебной дисциплины на кафедрах городского планирования, крайне редко была инструментом реального действия. Переоценить педагогическое значение работ Геддеса невозможно — на них формировалось поколение планировщиков, от Геддеса усвоившее заимствованное у Кропоткина и Реклю противопоставление палеотехники и неотехники. Геддес искренне верил, что после трагедии Мировой войны Европа сможет перейти от соперничества национальных государств к сотрудничеству городов с городами, а затем и регионов с регионами — в целях создания «Евтопии». В 1915 г. он опубликовал свой основной труд под названием «Эволюция городов», где главным стало утверждение, что неотехнические технологии (электроэнергия и двигатели внутреннего сгорания) уже вели к пространственному распространению городов: «Нужно некое наименование для этих региональных городов или городов-регионов, этих новых агрегатов. Мы не можем назвать их созвездиями; конгломерации — это пока что ближе всего по смыслу, но трудновато для восприятия. А если назвать их конурбациями?»³⁰.

Удачно выбранные слова, становясь терминами, формируют профессию. Сегодня агломерацию, т. е. ту или иную форму совместной активности крупного города и его разнокалиберных соседей, принято отличать от конурбации, т. е. устойчивой формы кооперирования между соразмерными городскими центрами. Для Геддеса вторая форма выступала идеалом, тогда как первая властно навязывалась практикой расползания пригородов. На карте Британии Геддес вычленил восемь конурбаций, включая Большой Лондон, на континенте — Париж и средиземноморскую Ривьеру, Берлин и Рурский бассейн, в США — Питсбург, Чикаго и пару Нью-Йорк — Бостон. На полвека раньше выхода в свет книги Готмана «Мегалополис» он писал: «Отнюдь не будет абсурдом предположить, что в не столь уж отдаленном будущем мы увидим единую линию городов вдоль Атлантического побережья, протянувшуюся на пятьсот миль, с населением в сотни миллионов человек»³¹.

Геддес, несомненно, тяготел к технологичности рассуждений, но технократом не был, и благосостояние людей всех сословий оставалось для него конечной целью. Если рабочий люд не в состоянии часто выезжать на природу, значит, надо придвинуть природу к месту его жизни и работы. Не будучи знакомым с идеями В. И. Вернадского, Геддес был близок к пафосу создания ноосферы, говоря о становле-

³⁰ *Geddes P. Cities in Evolution. L., 1915. P. 34.*

³¹ *Ibid. P. 48.*

Практика субурбанизации, т. е. формирования новых пригородов, несомненно, опережала ее осмысление. К середине XIX в. возникли первые поселки загородных вилл для тех, кто мог себе позволить содержать конный выезд. Следующим шагом было омнибусное сообщение, позволившее выехать за город тем, для кого были доступны ежедневные траты на билет. Наконец, появление железной дороги, первоначально не включавшее идею пригородного сообщения, привело к началу передвижения за город верхней когорты среднего класса в Великобритании, Германии, США. Поскольку в большинстве случаев железнодорожные линии прокладывались параллельно обычным шоссе, поселки, возникшие ранее, остались на месте, тогда как между ними формировались новые. Их размеры лимитировались радиусом комфортного пешего подхода к станции, тогда как среднее расстояние между станциями определялось эффективной дистанцией разгона и торможения паровоза, составляя четыре-пять километров. Этот процесс мог казаться стихийным, но в действительности он обладал всеми признаками системности умелого оперирования ценой земли и девелопмента. При этом процесс субурбанизации все еще имел характер довольно отчетливой классовой сегрегации, поскольку низкие зарплаты рабочих и мелких конторских служащих не позволяли воспользоваться новыми благами ни тем, ни другим.

В России аналогичный процесс разворачивался в ином формате. Здесь сложился феномен дачного поселка, уже во времена Пушкина приобретающего характер девелоперского проекта, но с развитием пригородных железнодорожных маршрутов все более демократичного. Любопытно, что именно в сфере строительства дачных поселков под Петербургом и Москвой происходило ускоренное формирование кооперативных форм совместного освоения земель под застройку. Однако тот факт, что дача — в собственности или арендуемая на сезон — оставалась все же вторым жилищем, не мог дать того качественного скачка в структуре масштабной субурбанизации, какой произошел в США в грандиозных масштабах.

Еще Алексис де Токвиль в конце XVIII в. отмечал в своих записках об Америке, что когда американец видит проблему, он, в отличие от европейца, не обращается к начальству, а переходит улицу и вместе с соседом учреждает ассоциацию. Еще в 1917 г. Льюис Мамфорд написал статью «Цивилизации садов готовятся к новой эпохе», где рассматривал связь децентрализации промышленности и говардовскую концепцию города-сада. Два года спустя небольшая группа архитекторов, экономистов и девелоперов учредила Американскую ассоциа-

цию регионального планирования³². В том же году гостем Ассоциации был Патрик Геддес, и она приняла программу, в составе которой были: создание городов-садов в рамках регионального планирования, разработка проекта «Тропа через Аппалачи» и начало, совместно с комиссией городского планирования Ассоциации американских архитекторов, предпроектных исследований Долины Теннесси.

Как это было принято в эпоху манифестов, ассоциация RPAА инициировала издание журнала «Сервей» под редакцией Мамфорда, развернув через журнал массированную атаку на сознание властей и девелоперов. Авторы доказывали, что автомобиль, телефон, радио и система покупок через услуги почтовых сетей создали достаточные предпосылки для того, чтобы от стихийного разрастания пригородов перейти к плановому регулированию расселения. Журнал утверждал, что Нью-Йорк, Чикаго и другие крупнейшие города в новую эпоху становятся своего рода «динозаврами», которым угрожал крах под тяжестью свехуплотнения и резкого нарастания социальных тягот. Кларенс Стейн подхватил пафос Мамфорда и в следующем году опубликовал прогноз, который был встречен с недоверием, хотя история доказала правоту автора: «Когда цена ведения бизнеса в этих местах станет невыносимой, а меньшие по размерам города, вопреки своему нынешнему убожеству в сфере бизнеса и финансов, сумеют показать свои преимущества для развития индустрии, промышленные предприятия крупнейших городов должны будут или сменить место, или объявить о своем банкротстве. Мы все еще пребываем в состоянии оттягивания принятия решений, но грядет день правды, и мы должны готовиться к его приходу»³³. Ведущий экономист Ассоциации Стюарт Чейз развивал эту аргументацию, указывая на неэффективность сложившейся экономики, в которой стало нормой «везти уголь в Ньюкасл», т. е. тратить ресурсы на неэффективные перевозки.

К социальной и технологической аргументации Ассоциация добавила важный оттенок бизнесориентированности, утверждая необходимость принятия национальной программы регионального планирования, вычленяя регионы по их географическим свойствам, безотносительно к членению на штаты и графства внутри штатов. В своей идеальной форме это означало бы минимизацию встречных перевозок (только те продукты и товары, которые нецелесообразно производить на месте), создание региональных электростанций и сети до-

³² The Regional Planning Association of America—RPAА.

³³ *Stein C. Dinosaur Cities. Survey, #54. P. 138.*

рог с коротким плечом доставки грузов³⁴. RPAА, благодаря литературному таланту Мамфорда и Стейна, нашла настолько удачную форму сплава идей Кропоткина, Говарда и Геддеса, что на полвека опередила смысл послания первого доклада Римского клуба, фактически выдвинув концепцию «устойчивого развития», не употребляя это выражение. Своего рода манифестом Ассоциации можно считать такой отрывок из статьи Мамфорда: «Региональное планирование — это неоконсерватизм: сохранение человеческих ценностей одновременно с сохранением природных ресурсов... Устойчивое сельское хозяйство, а не безжалостное истощение почв; устойчивое лесное хозяйство вместо лесодобычи; местные сообщества людей, культивирующих любовь к жизни, свободе и стремление к счастью, а не лагеря из хижин и барачков; солидно построенные здания, а не фальшивые декорации на щитовых постройках, характерные для наших „продвинутых“ поселений, — все это воплощается в региональном планировании»³⁵.

Энергия и пафос Мамфорда легли на хорошо подготовленную почву. Аграрный юг Америки погружался в депрессию, и в университете Теннесси звучали инвективы в адрес бездумной индустриализации в ущерб уничтожаемой культуре аграрного сообщества. В университете Северной Каролины разворачивались дискуссии вокруг необходимости децентрализации власти и богатства с целью восстановить чрезмерно эксплуатируемые природные ресурсы. Идеи RPAА получили дальнейшее развитие в большой статье Бентона Маккея «Открытие Нового», где уже содержались идеи формирования автострад, обходящих города и дублированных параллельными им автодорогами местного значения, сохранения лесов на холмах и зеленых зон между городами и поселками³⁶. Двумя годами позже Маккей разработал проект окружной автостреды Бостона, снабженной станциями обслуживания, но без примыкающей к ней застройки.

В 20-е гг. эти идеи все еще не имели в Америке практического зна-

³⁴ Здесь следует отметить, что дипломатические отношения между СССР и США были установлены только в 1933 г., и номеров журнала *Survey* в центральных библиотеках России не удалось обнаружить. Однако если учесть, что в годы первой Пятилетки группа видных американских архитекторов вместе с прикомандированными к ним советскими архитекторами работала над проектами Автограда в Горьком, Магнитогорска, Новокузнецка и других городов, чрезвычайная близость идей RPAА и группы советских дезурбанистов вряд ли является простым совпадением.

³⁵ *Mamford L. Regions — To Live In. Survey, 54. P. 152.*

³⁶ *MacKaye B. The New Exploration. Survey, #54, 1928.*

чения, хотя в 1926 г. решением Верховного Суда США принцип зонирования уже был утвержден как закон. Более того, РРАА вступила в острую полемику с конкурирующей командой, которую возглавил переехавший в США из Англии Томас Адамс, в прошлом главный менеджер строительства города-сада Лечворт. Еще в 1923 г. Адамс получил назначение на роль директора исследований и проектов для Нью-Йорка. В отличие от идеалистов из РРАА Адамс выступал сторонником планирования как «искусства возможного», нацеленного на мягкое регулирование рыночной стихии в землепользовании.

Реальный заказчик работы Чарльз Нортон, ответственный секретарь крупного Фонда Рассела Сейджа, очертил рамку работ небывало широко: «С нью-йоркской ратушей в центре нужно очертить круг так, чтобы включить холмы побережья и Принстон, холмистый край штата Нью-Джерси, долину Гудзона до Ньюбурга, озера и холмы графства Брижпорт и весь Лонг-Айленд»³⁷. Никогда еще объектом исследований и проектирования не была территория площадью свыше 5000 кв. миль с населением почти девять миллионов человек! Адамс собрал первоклассную команду, которая смогла с 1927 по 1931 г. выпустить в свет семь обширных томов, задав тем самым образец предпроектного исследования.

Роберт Хейг писал об экономике, показав, что значительная часть предприятий уже покинула город, не испытывая более нужды в нем, и аргументируя в пользу эффективности зонирования как инструмента сдерживания бесконтрольного освоения ресурсов территории: «Зонирование имеет экономическое обоснование в том, что является полезным инструментом, обеспечивающим относительно справедливое распределение финансовых тягот, и средством принуждения каждого индивида к тому, чтобы нести свою часть финансовых тягот»³⁸. Отдельный том был посвящен населению и его плотности, а также цене земли — здесь впервые было показано, как сгущение транспортных коммуникаций вызывает к жизни концентрацию экономической активности, которая, в свою очередь, наращивает плотность активности и удорожает ее. Особый том был посвящен зонированию и землепользованию — здесь было доказано, что высокая стоимость земли в Нью-Йорке является следствием завышенных нормативов застройки по высоте и объему. Наконец, отдельный том, посвященный соседствам, предьявлял аргументы в пользу зависимости необходимой молекулярной конструкции города от массовой автомобилизации.

³⁷ Scott M. *American City Planning since 1890*. Berkley, 1969. P. 177.

³⁸ *Regional Plan of New York, Vol. I*. P. 12.

Авторы регионального плана признавали, что структура территории уже сложилась, и утверждали необходимость ее оптимизации. Они настаивали на том, что нужна не децентрализация, а рецентрализация за счет создания подцентров активности. Они готовы были принять концепцию города-сада лишь как подпрограмму вторичного значения, отвергали саму идею централизованного управления регионом и принимали как факт, что население на этой территории через 40 лет должно возрасти примерно до 20 миллионов человек, в то же время решительно отвергая идею социального жилья. Вполне естественно, что Мамфорд и другие деятели РРАА выступили с жесточайшей критикой регионального плана, отказывая его авторам в правоте по каждой существенной позиции.

Региональный план был во многом осуществлен в том, что касается строительства автомагистралей, туннелей и мостов, благодаря девелоперским талантам и энергии Роберта Мозеса³⁹. Мечтам Мамфорда об альтернативной схеме, включающей создание городов-садов при поддержке федерального правительства, о реконструкции городских районов, погружавшихся в упадок, не было суждено осуществиться, хотя их сторонником был Ф. Д. Рузвельт, выступивший с идеологией New Deal⁴⁰ вскоре после своего избрания президентом в 1933 г. Было создано Бюро планирования национальных ресурсов (своего рода аналог Совета по развитию производительных сил в СССР), объем бумаг по поводу задач будущего Национального Агентства Планирования приблизился к 40 тысячам страниц, но отчеты по исследованиям и проектные схемы так и остались на бумаге. В отличие от программы для Большого Нью-Йорка проект Долины Теннесси был осуществлен, однако в формате, радикально отличающемся от задуманного.

Проект в первоначальном виде предполагал комплексное планировочное решение для всего бассейна реки (размер Великобритании) в духе Геддеса — РРАА, объединяя две масштабные задачи — урегулирование течения реки с созданием серии водохранилищ и гидроэлектростанций и одновременно преодоление бедности в самом депрес-

³⁹ Формально занимая периферийную позицию главы дирекции Порта, Мозес играл ключевую роль в реализации основных девелоперских программ на Манхэттене, в Бруклине и на Лонг-Айленде.

⁴⁰ При кажущейся простоте лозунг рузвельтовской программы не поддается точному переводу, так как слово deal имеет два десятка значений и содержит в себе, среди прочего, как общее дело, так и сделку. Сам Рузвельт за два года до избрания говорил о влиянии на него дяди — Фредерика Делано, который руководил разработкой регионального плана от имени мэра Нью-Йорка.

сивном районе Аппалачских гор за счет развития земледелия и промышленности. В силу множества причин, среди которых последствия Великой депрессии 1929–1932 гг., интересы фермерства, стремившегося приблизить границы угодий как можно ближе к берегам водохранилищ, исходное несогласие трех директоров проекта, назначение которых, как всегда в США, было компромиссом между различными лоббистскими группами, замысел преобразился. Фактически к 1944 г. был создан второй по мощности энергетический узел страны и ключевой, долгое время засекреченный узел военной промышленности, ядром которого стал завод по производству плутония в городке Оук Ридж⁴¹.

Концепция территориального планирования. Вторая стадия. Как случается нередко, идеи РРАА, исходная версия которых переплыла океан в Америку, были качественно развиты в ходе обратного движения – из Америки в Великобританию. Более того, главным мотором этого процесса стал Томас Адамс, который, работая в США, оставался совладельцем британской фирмы «Адамс, Томпсон и Фрай», которая между 1924 и 1932 гг. последовательно разработала восемь концептуальных схем для Большого Лондона. Как и в Америке, Адамс твердо держался линии практичности и компромисса, настаивая на сугубо консультативной функции территориального планирования. Еще четыре схемы были разработаны партнерством «Дэвидж, Аберкромби и Арчибалд», в составе которого именно Патрик Аберкромби вскоре завоевал позицию лидера становящейся профессии. Этому весьма способствовало то обстоятельство, что в 1914 г. Аберкромби сменил предшественника в должности заведующего первой кафедрой гражданского проектирования в университете Ливерпуля, где он начал издавать *Town Planning Review*. Перед самой войной Аберкромби успел завоевать премию за генеральный план ирландского Дублина, включив город в территориальный контекст. После окончания войны он осуществил территориальное планирование зоны Донкастера, а в 1925 г. – план развития восточной половины графства Кент. Это был первый целостный план нового угольного района, где автору удалось показать «по Гедесу», что можно встроить очаги традиционной индустрии и восемь новых городков в складки местности,

⁴¹ Если концепции города-сада и дезурбанизации в Советском Союзе были во многом результатом знакомства с американским опытом, то программа Долины Теннесси с очевидностью несет на себе отпечаток знакомства американцев с программой строительства Днепрогэса и промышленного узла Запорожья, недурно освещавшихся в американской прессе эпохи Рузвельта.

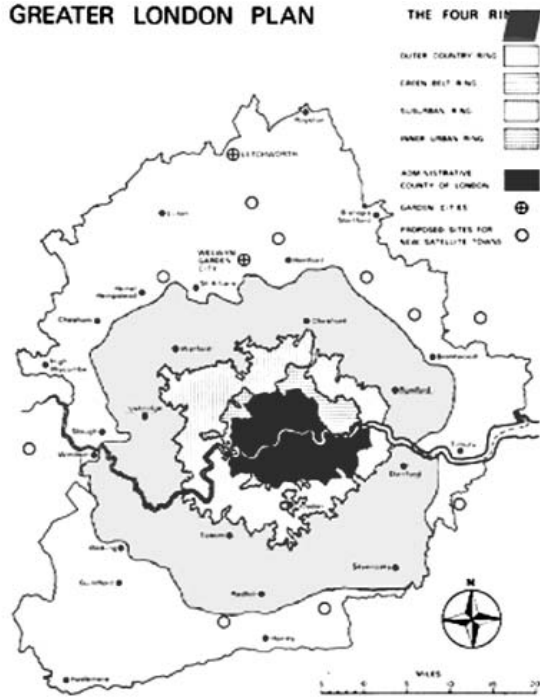
не нарушив характер ценного ландшафта. План не был воплощен в жизнь, но его широкое обсуждение в прессе упрочило репутацию Аберкромби как территориального планировщика, что привело к назначению его руководителем разработки плана Большого Лондона.

Еще в 1927 г. министр здравоохранения Невилл Чемберлен (в будущем премьер) добился создания Комитета планирования Большого Лондона с радиусом 25 миль, считая от Сити. В состав комитета вошли представители 45 местных властей, а техническим советником был назначен Раймонд Унвин, прославившийся практикой создания городов-садов. Унвин определял задачу так: «Ключевая миссия плана заключается в том, чтобы обеспечить наилучшее размещение жилой застройки, мест работы и мест отдыха людей. Задача состоит в том, чтобы придать этому размещению логичную форму на защищенном природном фоне... Если строительство будет сосредоточено в относительно самодостаточных ядрах, создавая привлекательные городские сгустки различного масштаба, распределенные в ландшафте, то в пределах региона хватит условий для размещения любой численности населения, прирост которой можно предвидеть рациональным образом, так что люди все еще будут ощущать, что живут на природе»⁴².

Унвин отдавал себе отчет в том, что вся земля трактовалась деловыми людьми как ресурс под застройку, что всякий мог строить что угодно и как угодно, так что линейное разрастание пригородов вдоль дорог и случайное размещение построек продолжались невозбранно. Оставалось надеяться на возможности власти, которая была связана игрой сил в парламенте. В 1930 г. отчет КПБЛ, в сжатом виде излагавший основные принципы плана, лег на полку. Формирование зеленого пояса вокруг уже сложившегося «пятна» Большого Лондона, с ландшафтным шоссе по американскому образцу внутри этого пояса; концепция создания дюжины промышленных городов-спутников в 12 милях от центрального Лондона и группы жилых городов-спутников в кольце шириной от 12 до 25 миль от него, — все это еще не было востребовано. Унвин уехал в США, где до конца жизни преподавал территориальное планирование в Колумбийском университете.

И все же Унвин добился существенного результата: хотя парламентский акт был принят лишь в 1932 г. в существенно ослабленной редакции, целостный образ Большого Лондона был сформирован и закреплен в сознании элиты. В этом образе слились идеи Говарда и Геддеса и других профессионалов: еще в 1911 г. Джордж Пеплер выдвигал кон-

⁴² *Unwin R. Regional Planning with special Reference to the Greater London Regional Plan. RIBA Journal. 1930. P. 183–184.*

План Патрика Аберкромби — 4 кольца разрезающей застройки Большого Лондона — несколько видоизменился в ходе осуществления, но успешно действует до настоящего времени.

цепцию зеленого пояса и ландшафтного шоссе в его пределах, а Остин Кроу предлагал создать «города здоровья» в 14 милях от Лондона. Но теперь эти идеи приобрели гораздо более четкую форму, реально вписанную в топографическую ситуацию. К концу войны, в 1944 г., план Большого Лондона, отредактированный Патриком Аберкромби, был, наконец, утвержден Парламентом и в существенной мере осуществлен. Идея города-сада уступила место идее города-спутника. Разумеется, пуристы во главе с Мамфордом сочли план Аберкромби провалом, поскольку тот привел к расселению в природном окружении лишь миллиона лондонцев, но Аберкромби, как Адамс до него, работал в тесном взаимодействии с Советом Большого Лондона и должен был удовлетвориться «искусством возможного».

Так или иначе, Большой Лондон с его сложной системой сотен самоуправляемых территорий обрел высокую степень упорядочен-

ности, заданную иерархией автотрасс и защищенной законом схемой работы с природным окружением. Кольцо *A* окружает самый центр Лондона, кольцо *B* — так называемый Внутренний Лондон, кольцо *C* проходит через обруч из пригородов, кольцо *D* очерчивает их внешнюю границу. Парковая магистраль *E* проведена через зеленый пояс и обозначает границу внешней территории с ее городами⁴³.

Идее дополнения зеленых колец зелеными клиньями, сужаясь, входящими в толщу Внутреннего Лондона, не было суждено осуществиться (как и в случае Москвы), однако в целом генеральная схема доказала свою жизнеспособность. Лейбористы, оказавшись у власти в 1946 г., рискнули применить социалистические технологии формирования особых корпораций развития, получивших право обойти сложности поиска компромисса между местными властями. В 1949 г. все восемь новых городов, по плану Аберкромби⁴⁴, были утверждены к строительству и к середине 1960-х гг. они стали реальностью, хотя не всегда их локализация совпадала с исходной планировочной схемой, тем более что прирост населения вынудил найти место еще для трех городов. В целом эта схема оказалась устойчивой и к смене правительств, и к неожиданному приросту населения региона, и к экономическому спаду 1970-х гг. Компромисс между традицией (жизнь на природе) и новаторской для британского общества идеей централизованного регулирования на обширной территории был достигнут и в целом, и в частности.

В частном письме прежний его яростный критик Льюис Мамфорд назвал План Аберкромби лучшим авторским документом планирова-

⁴³ В середине 50-х гг., когда в «железном занавесе» появились первые щели и началась работа над ревизией Генерального плана развития Москвы 1935 г., знакомство советских архитекторов с реализацией плана Большого Лондона укрепило их стремление сохранить зеленое кольцо вокруг Москвы — ее лесопарковый защитный пояс. Это удавалось вплоть до начала нынешнего века, когда стихия застройки привела к расчленению зеленого кольца на мелкие сегменты. К сожалению, аналог лондонского кольца *E* — внешняя кольцевая автомагистраль, на пересечении которой с радиальными магистралями столь естественно создать логистические узлы, освобождающие МКАД от транзита, хотя и включена в Генеральный план развития Московской области, все еще отнесена в отдаленное будущее.

⁴⁴ Проектирование и строительство наукоградов в радиусе 100 километров от Москвы (Дубна, Обнинск, Пущино) в 1960-е гг. велось не без учета британского опыта, хотя, разумеется, в литературе того времени такого рода сопряженность идей принципиально замалчивалась.

ния со времени выхода в свет книги Говарда, тем более что этот документ вполне можно трактовать как зрелую форму организма, зародышем которого были города-сады завтрашнего дня.

Необходимо принять во внимание, что вторая фаза развития территориального планирования разворачивалась на фоне практики, которая в целом была чрезвычайно далека как от идей RPPA, так и от программной работы над планом Большого Лондона или над Генеральным планом развития Москвы.

До середины 1920-х гг., когда автомобилизация стала действительно массовой, даже успешная фордовская модель «Т» оставалась по преимуществу тем, чем она была задумана, — машиной для фермеров. Соответственно, развитие пригородов шло преимущественно вдоль железных дорог, и было немного тех, кто прогнозировал эволюцию образа жизни с необходимой для этого отвагой. Среди этих немногих был Герберт Уэллс, в первом году двадцатого века опубликовавший свои «Предвидения». Во многом он ошибался, во многом преувеличивал темп изменений, но в отношении роли автомобиля Уэллс оказался точен: «Автобусные компании, состояющиеся с пригородными железными дорогами, скоро столкнутся с тем, что скорость движения на дальних маршрутах будет тормозиться медленным движением повозок на конной тяге... Они добьются права строить частные дороги нового типа, по которым их машины смогут мчаться на предельной скорости»⁴⁵. Уэллс оказался прав и в том, что Америка опередит Европу в этом процессе, однако не сомневался в том, что это всеобщее будущее, предсказывая, что возникнет: «Любопытный, разнообразный ландшафт, гораздо менее монотонный, чем сегодняшний мир Британии, во всяком случае, в менее населенных ее местах. Леса, которых, наверное, станет больше, постоянно переходящие в парки и сады; разбросанные повсюду группы домов... Через эту страну побегут новые широкие дороги, тут прорезающие водораздел, а здесь пересекающие долину, подобно гигантским акведукам. Эти дороги будут кишеть разнообразными яркими и быстрыми машинами (вовсе не обязательно уродливыми), и везде, среди полей и рощ, от столба к столбу протянутся соединительные провода»⁴⁶.

В 1920-е гг. американская перепись населения показала, что население пригородов росло в два раза быстрее, чем население городов, в частности, в Нью-Йорке — в три раза, в Кливленде — в десять раз, а в Сейнт-Луисе — в двадцать раз. Уже в 1924 г. планировщик из Лос-Ан-

⁴⁵ Wells H. Anticipations. L., 1901. P. 17.

⁴⁶ Ibid. P. 61.

Палм-Сити (Флорида) — воплощение великой американской мечты о собственном доме и вместе с тем крайняя форма вырождения идеи города-сада в монотонность субурбии без границ.

джелеса Гордон Уитнол с гордостью заявил, что на Западе не станут повторять ошибки коллег с Восточного Побережья и будут формировать «горизонтальный город будущего». При этом к концу десятилетия в США можно было по пальцам пересчитать пересечения в двух уровнях, включая знаменитое решение Олмстеда для Центрального парка Нью-Йорка (1858 г.), где пересекающие его две дороги заглублены в траншеи. Однако к концу того же десятилетия было построено немало парковых автострад, над которыми успешно работали дизайнеры ландшафта, и они позволили на хорошей скорости выезжать из Нью-Йорка на дистанцию 12–15 миль. Роберт Мозес, добившись принятия соответствующего закона штата Нью-Йорк, проложил первую дорогу ограниченного движения через Лонг-Айленд, связав город с океанскими пляжами. Для того чтобы сохранить эти обустроенные пляжи исключительно в пользовании моторизованного среднего класса, Мозес использовал изощренный трюк. Мосты для поперечных дорог над трассой были занижены таким образом, чтобы под ними не могли проехать ни грузовики, ни автобусы, так что пуб-

лика победнее должна была продолжать пользоваться пригородным поездом, ведущим на Кони-Айленд с его пляжами и аттракционами.

В целом была создана сеть скоростных трасс, к 1930-м гг. позволившая растянуть радиус эффективного движения до 30 миль, что в три-четыре раза превысило возможности метрополитена. В результате население графств Вестчестер и Нассау быстро выросло на 350 тысяч человек. Некоторые планировщики увидели в этом новую возможность, и уже упомянутый выше активист RPPA Бентон Маккей разработал концепцию внегородского шоссе, названного им *motorway*, как оси регионального развития: «То, что в Рэдберне сделано для местного сообщества, моторвэй сделает возможным для всех. Вместо единой линии полутрущоб вдоль шоссе, растягивающейся между нашими большими городами, внегородское шоссе будет способствовать созданию реальных сообществ в определенных, наиболее удачных местах — в стороне от магистрали»⁴⁷. Все это, включая значительные расстояния между въездами на автостраду, публичный контроль над полосой вдоль нее вместе с правилами станций обслуживания, проработку ландшафта, стало реальностью, но только тридцатью годами позже.

В Европе к началу Второй мировой войны один автомобиль приходился на десять семей (в США одна машина на две семьи — это 1927 г.!), однако, как и предвидел Уэллс, именно в Германии проектирование автострад выдвинулось на первую позицию, хотя реальное строительство в крупном масштабе было предпринято уже нацистским режимом. Гитлер видел в строительстве автобанов средство борьбы с безработицей (в 1934 г. в этой программе было занято четверть миллиона человек) и важнейший инструмент подготовки к будущей войне моторов. К началу войны общая протяженность автобанов достигла четырех тысяч километров. С современной точки зрения эти дороги примитивны. Их проект не предусматривал больших объемов земляных работ, так что дороги стелятся по рельефу, въезды слишком узки и т. п., однако это была первая реализация концепции Маккея, которую подхватили архитекторы и инженеры времен Веймарской республики.

США остались позади настолько, что к 1945 г. Лос-Анджелес соорудил только 11 миль фривэя. Однако именно в Лос-Анджелесе уже в 1939 г. насчитывалось около 800 тысяч автомобилей, из-за чего центр города практически встал в пробках, а предприятия были вынуждены передвигаться в пригороды. Здесь было начало формирования новой цивилизации — вместо радиальных трасс, как в Большом Нью-Йорке, начала складываться сеть фривэев, что создало усло-

⁴⁷ *МакКей В.* The Townless Highway, *New Republic* #62, 1930. P. 93.

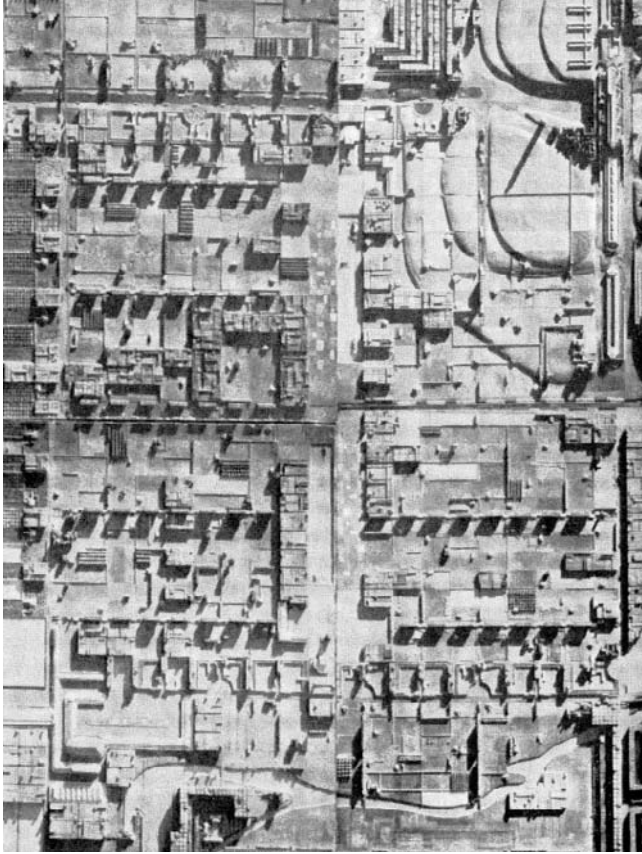
вия относительно одинаковой близости к выезду на трассу всех автономных «городов» в той полностью урбанизированной долине, которую по традиции именуют городом.

Первый пригород-сад был создан еще в 1910 г. не здесь, а в Канзас-Сити, где Джесси Николс задешево выкупил земли за конечной станцией трамвая, создав выселки с низкой плотностью. Сначала это было 15 домов на гектар, позже еще меньше, и в центре этой жилой слободы был сооружен первый шопинг-центр для автомобилистов. Лос-Анджелес подхватил этот рисунок застройки, в 1914 г. сформировав Беверли-Хилз (первоначально при железнодорожной станции), а к 1923 г. и Палос Вердес — уже исходно как пригород для автомобилистов. Это были сугубо коммерческие предприятия, задуманные для получения прибыли застройщиками и выполнившие эту задачу.

Гиперурбанисты, лидером которых был, без сомнения, Шарль Ле Корбюзье, могли сколь угодно издеваться над концепцией одноэтажной страны, однако интересы автомобильных концернов, совпавшие с интересами среднего класса, получили яркое выражение в планировочной утопии, созданной не менее знаменитым персонажем. Это был архитектор Фрэнк-Ллойд Райт, уже в 1924 г. в своей лекции, прочитанной в Принстонском университете, огласивший концепцию Broadacre City⁴⁸. На первый взгляд эта концепция, предъявленная в чертежах и макетах, прямо восходит к Говарду и РРАА, но в действительности она прямо противоположна любому виду коммунальности. Это своего рода апофеоз американского индивидуализма. Идеи Райта были слишком ригористичны, чтобы привлечь сторонников. Он грезил о среде обитания, которая не была бы ни городской, ни сельской, гармонично отстроенной с хорошим вкусом. Первое стало реальностью — возникла американская субурбия, которую нельзя причислить ни к одному из классических типов общежития, она сплавила яростный индивидуализм с регулируемостью жизни в сообществах себе подобных. С художественным вкусом дело обстояло хуже.

Разумеется, из сказанного заметно, что стадияльная схема эволюции концепций территориального планирования достаточно условна. Здесь нет четкости хронологии, так как в логическом смысле последовательные стадии наслаиваются и перекрывают одна другую. Особенности политических и экономических систем национальных государств, их размеры и сложности внутреннего территориального

⁴⁸ Перевести эту метафору трудно: в ней совместились представление о городе широких горизонтов и утопическая идея предоставления каждому американцу участка в 1 акр, т. е. 40 соток, для собственного дома с гаражом.

Модель расселения по Фрэнку Ллойд Райту: «город широких акров», в котором напрочь отсутствует идея какого бы то ни было общественного центра. Все домовладения самодостаточны.

устройства приводят к тому, что те или иные концепции рождаются, замирают, возрождаются в измененной форме и вновь притормаживаются в развитии. После 1931 г. территориальное планирование в Советском Союзе на четверть века выпадает из общемирового тренда, подчиняясь исключительно логике централизованного управления размещением промышленных производств. По иным причинам то же можно сказать о США, где рывок субурбанизации приходится на 50-е гг. прошлого века, в опоре на три основания: дорожное строительство, зонирование землепользования под жилье и дешевая ипотека.

Еще в 1944 г. Рузвельт провел через Конгресс Акт о федеральном субсидировании строительства хайвеев, однако это была сугубо транспортная программа связи между городами и штатами — призывы планировщиков использовать эту программу для разгрузки перенаселенных городов не принимались во внимание. Президенты Трумэн и Эйзенхауэр подписывали Акты о реновации городов, не включая в них задачи дорожного строительства, однако в 1956 г. Эйзенхауэр подписал новую версию Акта о хайвеех. В них увидели не только решение проблемы быстрой эвакуации населения в случае ядерной войны, считавшейся тогда вполне вероятной, но также и шанс экономического развития, способного со временем вернуть федеральные затраты через налоги от бизнеса. Программа включила финансирование строительства 40 тысяч миль автострад. Вокруг проектной модели развернулась острая борьба между военными и строителями дорог, настаивавшими на том, чтобы те обходили существующие города, и планировщиками-девелоперами, которые стремились пробить автомагистрали через центральные части городов ради их радикальной реконструкции. К этому ходу событий стремился Роберт Мозес в 30-е гг., и в новой конъюнктуре его последователи оказались победителями.

Зонирование как инструмент управления появилось в США еще в 1880-е гг. — как и следовало ожидать, в Калифорнии, где в городке Модесто его применили для того, чтобы вытеснить китайские прачечные из жилых кварталов. С этого момента зонинг стали использовать с целью сохранения капитализации обитаемых территорий и недопущения нежелательного соседства. В XX в. лидерство в деле внедрения зонинга перешло к нью-йоркскому Манхэттену, на территории которого удалось принять нормы, вытесняющие промышленные предприятия из жилых кварталов. Поскольку ведущим мотивом местных законодателей было недопущение ситуаций скупки предприятий или их учреждения на купленном участке, чтобы затем требовать компенсацию за их же вывод, эта редакция зонинга отторгла любые попытки перспективного планирования — главным было квартал за кварталом закрепить статус кво⁴⁹. Очень быстро этому последовала вся Америка. Прежде всего зонинг стал предписывать минимальный размер участка, так что на территории Большого Лос-Анджелеса можно найти городки, где этот лимит устанавливался в 10, а то и в 20 акров. Вторым инструментом зонирования стала фикса-

⁴⁹ *Lubove R. Home and «A Few Well Placed Trees»: An Object Lesson in Federal Housing/Social Research, 1960, #27. P. 480.*

Городок Хэмпстед—первый из «Левиттаунов», обеспечивших массовым, индустриальным жилищем миллионы американцев, начиная с 1945 г. по программе ипотеки под 3% кредит.

ция минимальной стоимости возводимой недвижимости, что территориально закрепляло имущественную сегрегацию жителей.

Третьим основанием, на котором расцвел феномен американской субурбии, стал дешевый ипотечный кредит. Его широко применяли в Англии при расширении Большого Лондона с начала 20-х гг., но не использовали в США до 1934 г., когда администрация Рузвельта увидела в этом инструменте ключ к преодолению экономической депрессии. Соответствующим актом было учреждено Федеральное агентство жилищного строительства с правом выдачи государственных гарантий банкам под выдачу кредитов. Десять процентов—первый взнос, от 25 до 30 лет на возвращение кредита под два-три процента годовых⁵⁰. И все же длительность восстановления экономики после Великого кризиса давала о себе знать, так что подлинный размах субурбии относится уже к послевоенному времени, тем более что за годы войны накопился огромный неудовлетворенный спрос на жилье, к чему добавился послевоенный беби-бум. В 1949 г. ресурсы в распоряжении Агентства были резко увеличены, и результаты не заставили себя ждать. Как показало сравнение результатов пе-

⁵⁰ Federal Housing Agency—см.: *Glaab C. N., Brown A. T. A History of Urban America. N. Y., 1976.* До полной отмены расовой сегрегации в 1967 г. ФНА четко соблюдало интересы белых поселений, так что во многих штатах в городах с преимущественно черным населением не было выдано ни одного ипотечного кредита.

реписи 1950 и 1960 гг., за десять лет население пригородов выросло на 20 миллионов человек, тогда как впервые в истории США крупные города утратили до десяти процентов жителей.

Особую роль в формировании архетипа субурбии, населяемой мелкими конторскими служащими и «синими воротничками», сыграло становление системы типового индустриального строительства, в котором роль пионера сыграла фирма «Левитт», начавшая как семейное предприятие, но уже в 1948 г. развернувшая серийное производство. В городке Хэмпстед на острове Лонг-Айленд фирма самостоятельно построила 17 тысяч односемейных домов, после чего приступила к строительству очередных левиттаунов, как их окрестила пресса, в Пенсильвании и Нью-Джерси. С архитектурной точки зрения левиттаун был гигантским шагом назад в сравнении с городами-садами, каждый из которых был произведением ландшафтного искусства. Левиттаун — чрезвычайно монотонное зрелище, однако элементарная комбинация из нескольких типов зданий облеченной постройки полностью устраивала миллионы людей, изголодавшихся по реализации классической американской мечты о собственном доме (рис. 35).

Поскольку население левиттаунов стопроцентно составили молодые семьи белых из нижнего среднего класса, этот тип субурбии обеспечил чистоту принципа «подобное — к подобному». Результирующий исход белого населения из городов привел к тому, что доля черного населения в городах США стремительно возрастала, порождая их дальнейший упадок до середины 70-х гг. прошлого века. Грандиозная по масштабу внутренняя миграция, регулируемая спекулятивными интересами заинтересованных сторон, строго говоря, не испытывала нужды в услугах планировщика. Как констатировал один из исследователей, «решения, которые принимают политики, спекулянты и девелоперы, порождают такой тип землепользования, какой возник бы и без участия планировщика... Если планировщики лишены возможности внедрять свои предложения и руководить процессом социального развития в нашем обществе, то перед нами возникает любопытный вопрос: а что вообще делают планировщики? Ответ: они чертят планы»⁵¹.

Среди тех, кто «чертил планы», выделился Константинос Доксиадис. Наряду с реализованным генеральным планом пакистанской столицы Исламабада и отвергнутыми после падения «черных полковников» стратегическим планом для Греции и Генеральным планом Больших Афин он получил известность как автор концепции но-

⁵¹ *Gottdiener M. Planned Sprawl: Private and Public Interests in Suburbia. Beverly Hills, 1977. P. 116.*

вой науки, которую назвал экистикой. Отталкиваясь от специфического прочтения полосы освоения вдоль Атлантического побережья США, Доксиадис грезил об экуменополисе, единой полосе городского расселения, охватывающей все население Земли, выступал с этой идеей перед Конгрессом США, сформировал Центр экистики. Однако все эти грезы пресеклись со смертью автора в 1975 г. На фоне технократических мечтаний ряда архитекторов, видевших в городе только форму (предлагались города-воронки, шагающие города и пр.), идеи Доксиадиса многим казались вполне реалистическими⁵². Увлеченность экистикой длилась в архитектурных школах достаточно долго, однако к финалу трудов Доксиадиса мейнстрим территориального планирования уже был нацелен в иную сторону.

Среди тех, кто «чертил схемы», особое место принадлежит Вальтеру Кристаллеру, который издал свой труд о «центральных местах» по-немецки в 1933 г. С учетом хода дальнейших событий в Германии не удивляет, что сокращенный перевод этой работы на английский язык увидел свет лишь в 1966 г., а полный перевод — еще через шесть лет⁵³. Суть исследований, осуществленных Кристаллером на материале южных ландов Германии, можно свести к определению закономерной связи между размером городов и их распределением на территории. Теория Кристаллера — одинокая попытка применить научный способ работы с идеальным объектом применительно к фактическим рисункам расселения. Рассматривая идеальный рынок (все покупки и получение услуг осуществляются сообразно логике минимизации затрат времени, и ни один город не извлекает избыточной прибыли), немецкий автор выстроил решетку из шестиугольников, фигура, соединяющая центры шести шестиугольников, образует шестиугольник более высокого ранга, и т. д. Идеальная схема вполне корректно соответствует урбанизированной территории высокой плотности, сочетание кристаллической формы с фамилией автора добавляло шарма всему построению, но оставалось непонятным, как все это логическое сооружение использовать в практической деятельности проектирования и управления.

В силу естественного отставания восприятия теоретических идей они — во всяком случае, применительно к территориальному плани-

⁵² См.: *Doxiadis K. Ekistics: An Introduction to the Science of Human Settlements*. New York: Oxford University Press, 1968; *Anthropopolis: City for Human Development*. N. Y.: W. W. Norton, 1974; *Ecumenopolis: The Inevitable City of the Future*. With J. G. Papaioannou. Athens: Athens Center of Ekistics, 1974.

⁵³ *Christaller W. Die zentralen Orte in Suddeutschland*. Jena, 1933.

Городок Нортхэмптон (Пенсильвания) — комфортное место для верхнего среднего класса. Высокий уровень обустроенности при чрезвычайной жесткости правил «устойчивого развития».

рованию, — обрели популярность в тот переломный момент, когда в 70-е гг. начался качественно новый процесс, сопряженный с представлением о планировке как сюжете сотрудничества между планировщиком и сообществом. Как происходит чаще всего, этот процесс был непонятен и чужд профессионалу, воспитанному на идеологии города-сада. Тем более такая возможность оставалась чужда тем носителям давних идеалов, кто обрушился на грехи субурбии с момента ее превращения в основной тип жилой среды. Вот Льюис Мамфорд: «Форма распалась всюду, кроме того, что мы унаследовали от истории, город как воплощение общественного союза техники и искусства исчез... В Северной Америке, где эта утрата не смягчена мощным присутствием памятников старины и навыками устойчивого городского сообщества, результатом стало грубое, лишенное структуры окружение и узколобая, деформированная социальная жизнь»⁵⁴.

Вот Гордон Уайт, двадцатью годами позже: «Расползание города — это плохая эстетика и скверная экономика. Пять акров вынуждают служить тому, с чем прекрасно справился бы один акр, и они, к тому же, плохо с этим справляются. Расползание скверно для фермеров и плохо для сообществ, скверно для производства и плохо для сферы услуг, скверно для железных дорог и плохо для людей, ищущих отдыха на природе»⁵⁵.

Наконец, спустя еще пять лет — калифорнийцы: «Вопрос в том, будем ли мы обладать „слёрбами“ или мы намереемся создавать при-

⁵⁴ Mumford L. *The Culture of Cities*. L., 1938, P. 8.

⁵⁵ Whyte H. *Urban Sprawl*. 1958. P. 117.

влекательные жилые сообщества, способные вырастать упорядоченным образом с полным уважением к красоте и плодородию нашего ландшафта? Если нынешний тренд продолжится, будем иметь только «слёрбы»⁵⁶.

Количество такого рода обвинений легко умножить, но важно отметить два обстоятельства. Первое: у субурбии нашлись горячие защитники. Второе: американский Запад впервые столь решительно отверг традицию восточного побережья с его тяготением к европейским образцам. В хоре сторонников можно выделить голос из университета в Беркли: «Я уверен, что мы долго охотились за фальшивым Граалем и что ценности, сопряженные с желательной структурой города, не заключены в пространственной конструкции как таковой. Один тип планировочного рисунка и соответствующей ему формы использования земли может быть сочтен лучше, чем другой, только в том случае, если он лучше позволяет развиваться естественным процессам жизни на территории и лучше служит внепространственным целям политического сообщества. Я категорически отвергаю представление о том, будто существует некая универсальная эстетика городской формы»⁵⁷.

В начале 1970-х известный британский критик Райнер Бэнем неожиданно опубликовал позитивный очерк о Лос-Анджелесе, тогда как *enfants terrible* мировой архитектуры Роберто Вентури и Дениз Скотт-Браун издали книгу «Уроки Лас-Вегаса», на страницах которой отстаивали специфическую ценность придорожных рекламных щитов и стрипов — полос застройки, состоящей из малоэтажных зданий, с их смесью филиалов банков, магазинов и кафетериев. «Брать уроки у существующего ландшафта — для архитектора это означает настоящую революцию взглядов. Речь не о том, чтобы, как предлагал Ле Корбюзье в 20-е гг., снести Париж и построить его заново. Речь о куда более толерантном подходе: задаться вопросом, как мы, собственно, глядим на вещи»⁵⁸. «Уроки Лас-Вегаса» обозначили собой финал эры модернистов начала XX в. и наступление постмодернизма с его акцентом на коммуникационные свойства среды и ее элементов. С этого момента предметом исследований становятся эволюция придорожных мотелей и сети «Холидэй Инн», драйв-инн кинотеатров для автомобилистов или гигантских сетей от «Макдоналдс» до кофеен «Старбакс».

⁵⁶ Wood S. E., Heller A. E. California Going, Going... Sacramento, 1962. P. 13. Слово slurb собрано из slum — трущоба и urbs — город.

⁵⁷ Webber M. Order in Diversity: Community without Propinquity // Ed. Wingo L. Cities and Space: the Future Use of Urban Land. Baltimore, 1963. P. 62.

⁵⁸ Ventury R., Scott-Brown D. Lessons from Las Vegas. MIT Press, 1972. P. o.

История американской субурбии продолжается по сей день. Ее структура существенно усложнилась: наряду с shoe-boxes, «коробками для обуви», как их именуют социологи, появились дома, производящие впечатление солидных построек, наряду с бесконечными лентами застройки вдоль дороги-улицы; для высшего горизонта среднего класса возникли поселки, во многом повторяющие структуру ранних городов-садов; постепенно уходит в прошлое расовая сегрегация. 70-е гг. стали свидетелем обратного движения творческих по духу семей в центральные ядра городов, однако феномен американской субурбии закрепился надолго, возможно, навсегда. Финансовый кризис 2008 г. нанес пригородам серьезный удар, однако этот тип среды устойчив и способен к регенерации – более медленной, чем распространение эффектов ипотечного кризиса, но все же довольно быстрой.

Если отсчитывать от зрелой формы американской модели растягивания города на целый регион, т. е. от 1950-х гг., уже три поколения прошли через воплощение этой модели. За этот срок простое приращение загородного пространства (за пределами городских сетей общественного транспорта) дополнилось теоретическим усвоением этого феномена и, наконец, полнотой его освоения вплоть до слияния с образом жизни средней американской семьи. При всем том этот грандиозный по масштабам процесс не включил и не мог включить порядка 40 процентов населения США, в связи с нехваткой средств вынужденных тесниться в бедных кварталах городов, потерявших основных налогоплательщиков и потому, в свою очередь, обедневших.

Американская модель субурбии, страстно порицавшаяся одними социологами, включая столь известных, как Дэвид Рисмен (с его «Одинокой толпой») или Вильям Уайт (с его «Человеком организации»), популярная теперь у нового поколения социологов, оказала огромное влияние на идеологию территориального планирования в целом, но точно не стала определяющей в глобальном масштабе. Даже в соседней с США Канаде, в экономическом смысле связанной с ними теснейшими узами, в силу резких различий социального устройства наблюдается лишь сугубо внешнее сходство планировочных схем. Европа, при всех различиях между составляющими ее странами, двигалась в ином направлении, и только в постсоветской России вследствие распада территориального планирования наблюдается запоздалое и не слишком удачное копирование ранней американской субурбии.

Концепции территориального развития. Третья стадия. По времени нам вновь необходимо отступить немного назад. После завершения Второй мировой войны и относительно быстрого восста-

новления вызванных ею потерь в странах Западной Европы не наблюдалось ничего схожего с американской моделью. По преимуществу социал-демократические правительства оказались в состоянии удерживать разрастание городов под более или менее жестким контролем, так что границы между городом и сельскими территориями оставались достаточно четкими.

В Великобритании Акт о планировке городов и сельских территорий 1947 г. передал планирование в руки государства, что дало местным властям возможность применять правило «зеленого пояса» для предотвращения расползания городской застройки в ближайшие пригороды. В результате новое развитие осуществлялось путем развития небольших поселений и создания новых городков на удалении от городских центров. Соответственно, масштабы перевода сельскохозяйственных земель в земли под застройку были невелики, а плотность застройки возрастала и в старых городах, и в новых поселениях. При этом возникавшие сгустки жилой застройки чаще всего оказывались на значительном расстоянии от основных мест приложения труда, но так как субсидируемый общественный транспорт обеспечил относительно комфортную связь между ними, а люди в большинстве стремились жить в природном окружении, это не вызвало серьезного протеста. Несколько хуже обстояло дело с ростом стоимости земли и новой, часто многоэтажной застройки, особенно в зонах недорогого коммерческого и социального жилья. В наибольшей степени пострадали небогатые квартиросъемщики старых городов, в процессе реконструкции кварталов перемещенные в высотные дома, к тому же построенные достаточно скверно. Со временем, особенно вследствие политики кабинета Маргарет Тэтчер, пресекшего политику централизованного строительства социального жилья, произошло некоторое сближение с американской моделью, однако принцип сдерживания территориального роста городов и сохранения зеленых поясов вокруг них остается неколебимым.

Поскольку в малонаселенных Швеции или Финляндии основной объем работы был связан с развитием их столичных городов, этот любопытный опыт будет нами затронут в главе, посвященной городу-региону. Во Франции, которая в конце 1950-х гг. впервые за столет переживала беби-бум, ситуация осложнялась тем, что стремление власти перенести развитие в региональные центры длительное время опрокидывалось традиционным тяготением молодежи в Париж. Под руководством Поля Делуврие, которому Шарль де Голль поручил разработку стратегии территориального развития, была раз-

работана и осуществлена первая стадия реорганизации карты расселения в стране. Возникла Парижская агломерация, включившая восемь новых городов, связанных с Парижем скоростной железной дорогой RER, автономной относительно метрополитена, но соединенной с ним узлами пересадки. Эта грандиозная по масштабам инвестиций операция, ставшая возможной исключительно в голлистской Франции, заслуживает особого внимания.

При всем том автомобильная революция шла по Европе хотя и с сорокалетним запаздыванием относительно США, но с не меньшей интенсивностью, вследствие чего инженер-транспортник (преимущественно американской выучки) выдвинулся на лидирующую позицию, поначалу оттеснив традиционного планировщика на вторую роль. Тем не менее европейская традиция оказалась достаточно прочной, чтобы в отличие от США, где программы развития общественного транспорта до последнего времени оставались на бумаге, обе формы передвижения могли развиваться практически параллельно. Французский опыт особенно интересен для нас в силу того, что традиционная для этой страны централизация управления ближе всего корреспондирует с российскими реалиями, хотя, разумеется, далека от совпадения с ними — уже потому, что автономность французских коммун на порядок выше всего, что можно извлечь из российского местного самоуправления. Толчком к формулированию французской государственной политики в сфере управления территориальным развитием стала книга историка и географа Мишеля Гравье «Париж и французская пустыня»⁵⁹, опубликованная в 1947 г. Название выразило позицию предельно ясно: рост Парижа вызывает стагнацию во всей Франции. В 1950 г. министр реконструкции и урбанизма М. Клодьюс-Пети придал озабоченности Гравье административное выражение, сформировав департамент региональной политики⁶⁰.

Пятью годами позднее Национальное собрание утвердило формирование специализированного Фонда регионального развития, задачей которого стало субсидирование компаний, готовых перенести свои предприятия или офисы из Парижа в предлагаемые фондом провинциальные центры. Для локализации в Париже инвесторам извне теперь требовалось получить специальное разрешение. Специальное разрешение требовалось также для удовлетворения заявки на расширение предприятия, оперирующего в Париже. В 1963 г.

⁵⁹ *Gravier M. J. F. La Desert Francaise. P., 1947.*

⁶⁰ Французский термин *Aménagement du Territoire* соединяет оба значения: собственно планирование и управление процессом территориального развития.

было создано Агентство региональной политики – DATAR⁶¹, ответственное за проработку региональных аспектов планов экономического развития страны, т. е. за процесс координации работы министерств в ее пространственном измерении. Агентство получило в управление специальный Фонд планирования регионального развития с задачей финансирования инфраструктурных проектов в регионах, а также создало в европейских столицах сеть информационных офисов, нацеленных на привлечение инвесторов. Пятый Национальный план (1966–1970), ориентированный в первую очередь на поддержку сельского хозяйства, дал возможность направить капиталовложения в бедные западные департаменты Франции. До 40 % новых рабочих мест, созданных по этому плану, были распределены по десяти западным регионам страны так, что преимущество было отдано легкой промышленности с ее высокой занятостью и небольшими нагрузками на транспорт. Акцент был сделан также на улучшение местной дорожной сети и связи между городами.

В период 1971–1975 гг. региональная политика утратила динамику. Во-первых, власти республики опасались того, что отток инвестиций из Парижа и других развитых центров отрицательно скажется на конкурентоспособности Франции, во-вторых, так называемый нефтяной кризис привел к резкому сокращению государственных расходов по программе Фонда регионального развития. Тем не менее оформилась практика заключения прямых контрактов между национальным правительством и властями средних (от 20 до 200 тысяч жителей) городов на развитие инфраструктуры и сектора услуг – по новой тогда схеме софинансирования исходя из пропорции один к двум. Все же не удалось решить задачу создания двух полноценных полюсов экономического роста – на севере, в зоне Кале – Дюнкерк, и на юге – в зоне Фос близ Марселя.

В рамках седьмого Плана (1976–1980) среди прочих национальных программ поддержки нашлось место для проектов модернизации транспортных коммуникаций на западе и северо-западе, а также на территории Центрального массива. В отличие от предыдущего плана теперь контракты софинансирования заключались уже между национальным правительством и малыми городами – от 5 до 20 тысяч жителей. Деятельность DATAR была подвергнута жестокой критике: субсидии для промышленности в основном были направлены крупным государственным компаниям, пять из которых получили половину всех средств. К тому же до 40 % средств ушли в старые про-

⁶¹ Délégation à l'Aménagement du Territoire et à l'Action Régionale.

мышленные районы, а не на поддержку новых производственных центров. События развивались, однако, все заметнее подчиняясь глобальным трендам и, в растущей степени, — программам Европейского союза. Миграционные потоки пошли на юг Франции, ослабляя ее север, крупнейшие промышленные компании в ходе модернизации сокращали количество рабочих мест, тогда как доля малых и средних предприятий возрастала при растущей децентрализации занятости. Потребность в жесткой политике территориального развития отчасти утратила актуальность, отчасти (уже в рамках девятого Плана — 1980–1985 гг.) была нацелена на концентрацию усилий по модернизации промышленного узла Тулузы (аэрокосмическая индустрия) и развитие инновационного центра София-Амфиполис на юге⁶².

В Федеративной Республике Германии, де-юре возникшей в 1949 г. и отсеченной от восточных регионов страны, где была учреждена ГДР, первые пять-семь лет ушли на частичное восстановление городов, разрушенных ковровыми бомбардировками с воздуха. Федеративное устройство в целом вывело управление территориальным развитием из-под контроля центральной власти. Крупнейшим исключением из этого правила стала программа реорганизации Рурской области. Между 1958 г., когда в городе Мюльхейм была остановлена первая угольная шахта, и 1993 г., когда в Эссене закрыли последнюю шахту Рура, заключена во многом драматическая история кризиса и перерождения всей градообразующей системы региона⁶³.

Диверсификация экономики региона, а вместе с ней и процесс его переориентирования на постиндустриальную траекторию развития стали образцом решения сложного, очень затратного и во многом рискованного процесса. Шахты и крупные металлургические предприятия с их столетней историей играли огромную роль в жизни горожан и в развитии городов. Их исчезновение или замещение новыми предприятиями должно было стать шоком и вести к серьезным социальным изменениям. Структурная трансформация региона стала комплексным процессом, включающим в себя экономические,

⁶² Материалы заимствованы из работы Тайера Уоткинса (университет Сан-Хосе, Калифорния).

⁶³ Превращенная в музей, шахта «Зольверин XII» официально обрела статус памятника культуры, охраняемого ЮНЕСКО, став одним из пунктов в популярном туристическом маршруте индустриальной культуры Рура. См.: Höber A., Ganser K. *IndustrieKultur: Mythos und Moderne im Ruhrgebiet*; Essen: Klartext, 1999. Материал заимствован из магистерской диссертации В. Володина (2009 г.), выполненной под научным руководством В. Глазычева.

Первичная идея Э. Говарда о полноценном новом городе претерпела радикальное изменение — в реальности во множестве возникли «города-сады» — спальные спутники города.

социальные, культурные, градостроительные и правовые аспекты. Достаточно сказать, что масштабное обучение новой специальности потребовало создания многоступенчатой системы психологической поддержки и дополнительного образования.

Эволюцию идеологии планирования структурной трансформации Рурской области можно разделить на три стадии: первая (1950–1965) — идеология свободного рыночного регулирования; вторая (1965–1978) — идеология прямого государственного регулирования; третья (1978–1989) — идеология умеренного государственного регулирования на основе общественного сотрудничества.

В целом успешной реализации программы переустройства Рура способствовало то, что Рурская область целиком вошла в новую административную единицу, получившую название Северный Рейн-Вестфалия. Реорганизация, предпринятая британской оккупационной администрацией через слияние части Рейнской земли и прусской Вестфалии, была закреплена конституцией 1949 г. Основой для экономического бума стала политика государственного невмешательства в развитие бизнеса, настойчиво проводимая канцлером Людвигом Эрхардом. С точки зрения территориального планирования это было сосредоточение на одной цели — экономическое развитие региона че-

рез возрождение городов. Соответственно, разработчики федерального закона о строительстве исходили из представления о земле как о товаре свободного рынка, и соответствующий механизм был прописан заново, устранив право муниципалитетов на контроль над землепользованием путем передачи этого права правительству региона.

Закон о федеральном строительстве способствовал быстрому экономическому восстановлению земли Северный Рейн-Вестфалия, став правовой основой для городского планирования. Однако правовые механизмы, обусловленные идеологией свободного рыночного регулирования, привели к утрате скоординированности при освоении территории, что усилило эффект наступления структурной стагнации в условиях притока иммигрантов в Рурский район. К 1970 г. гастарбайтеры составили уже более десяти процентов рабочей силы Рура. При этом уже с середины 50-х гг. из-за снижения рентабельности добычи угля и железной руды, которые стало выгоднее привозить из-за океана, в ведущих отраслях Рура развертывался кризис. Сначала с ним пытались бороться теми средствами, которые известны нам в российских попытках поддержки монопрофильных городов. До 1965 г. и региональное, и федеральное правительство выделяли субсидии отрасли напрямую, фактически оплачивая часть стоимости добычи сырья. Позднее было принято решение субсидировать сопутствующие отрасли, для того чтобы энергетика и химические производства закупали местный уголь.

Все это не давало нужного результата, и за семь лет было утрачено 200 тысяч рабочих мест, а к 1971 г. их потеря составила еще 100 тысяч, вследствие чего ряд небольших поселений, территориально привязанных к шахтам, были поставлены на грань выживания. Металлургия Рура, покупая более дешевый уголь за рубежом, поначалу страдала существенно меньше. Если в довоенное время городки при шахтах опережали большинство металлургических городов по качеству жизни, то теперь в выигрыше оказались те из вторых, что расположены на путях доставки угля и руды по воде. Карта Рура существенным образом изменилась, и лидирующую позицию в регионе вместо Эссена заняли Дортмунд и Дуйсбург. Кризис в металлургии Рура был подготовлен тем, что, перейдя на использование металлолома, сталелитейные компании перешли с угля на мазут, и потому энергетический кризис середины 70-х гг., вследствие чего цена нефти выросла скачком в несколько раз, ударил по ним особенно тяжело.

Обновившаяся после ухода в отставку Эрхарда концепция государственного регулирования рыночной экономики вызвала к жизни восстановление территориального планирования, что еще в 1965 г. нашло отражение в Строительном кодексе ФРГ. Роль региональных властей

Трансформация Рурского района прошла спады и подъемы, сформировав территорию инновационной промышленности, университетов и музеев, а в реке Рур можно ловить рыбу.

значительно возросла, и в их руках оказались сосредоточены финансовые и административные ресурсы для решения масштабных задач. Активизировался «Союз Общин Рура», инициировавший аналитическую работу и широкое общественное обсуждение проблем Рурского района. В результате в 1968 г. была опубликована «Программа развития Рура» (*Entwicklungsprogramm Ruhr*)⁶⁴. В ней были отражены общие интересы муниципалитетов в сфере структурного развития области. Цели программы были представлены кратким набором тезисов. 1. Субсидирование промышленности (естественно, для промышленных городов) и резервирование территорий для ее развития. 2. Развитие транспортной системы региона, в частности, строительство системы скоростных автомагистралей. 3. Обеспечение социальной защиты и переквалификации сокращенных работников. 4. Строительство школ и высших учебных заведений. 5. Экологическое восстановление региона и создание региональной системы мест отдыха на природе.

Союз общин не имел административного статуса, но обладал мощным электоральным ресурсом, так что не удивительно, что выработанные им положения были включены в стратегию развития земли Северного Рейна-Вестфалии. Концептуально идеологическая установка стратегии сводилась к корректировке нередко необоснованного развития бизнеса через государственное регулирование с целью

⁶⁴ Zöpel C. *Weltstadt Ruhr*. Klartext: Essen, 2005.

предотвращения перекосов в развитии региона⁶⁵. Министр технологий и инноваций регионального правительства Йоханнес Рау стал автором политики модернизации, способной без больших финансовых затрат стимулировать спрос на непрофильные отрасли (высокие технологии, экологические технологии), расширяя спектр экономического развития региона.

Основным механизмом реализации стратегии стало, как и во Франции, софинансирование издержек на модернизацию. Частные предприятия могли получить государственные субсидии при соблюдении ряда обязательств. Так, частные компании, решившие открыть новое производство на территории земли Северного Рейна-Вестфалии, могли рассчитывать на финансовую поддержку в размере от 7,5 до 20 % общего объема инвестиций в случае выбора месторасположения нового предприятия в одном из избранных 79 центров развития. Региональные власти были готовы предоставить финансовую помощь от 5 до 20 % от общего объема инвестиций – при условии создания по меньшей мере 50 рабочих мест или увеличения числа сотрудников на 15 % на территории любой из 226 общин. Компании, решившие перенести производство в один из дотационных муниципалитетов или в один из 79 центров развития региона, при модернизации производства могли рассчитывать на софинансирование в размере до 20 % от общего объема инвестиций. Наконец, компании, осуществлявшие перепрофилирование производства, расположенные в одной из 226 установленных общин с последующим увеличением экономической эффективности, получали право на софинансирование до 10 % от общего объема инвестиций. При внедрении инновационных технологий (при существенном увеличении производительности) и кооперации (при эффективности участвующих партнеров) в любой части региона компании могли рассчитывать на финансовую поддержку в размере до 7,5 % от общего объема инвестиций (рис. 4об, в, г).

Важно отметить, что размер софинансирования со стороны государства был тонко дифференцирован по городам и поселкам Рура, что давало планировочной концепции важный инструмент реконструкции в заданном направлении, утвержденном земельным парламентом. Начало 1970-х гг. было достаточно сложным в финансовом отношении, и было принято, что развитие региона должно основываться на поддержке наиболее эффективных точек роста. Соответственно, пространственная дифференциация ставки софинансирования соответствовала утвержденным центрам и осям развития.

⁶⁵ «Landesentwicklungsprogramm» Nordrhein-Westfalen 1974.

Элементом программы стало также утверждение нового административно-территориального деления региона. По оценкам разработчиков стратегии, многие негативные социальные тенденции в регионе были следствием непродуманной массовой застройки свободных территорий. При этом разработчики программы, анализируя британский опыт создания новых городов, предпочли ему развитие социальной инфраструктуры существующих городских центров. Этот принцип лег в основу нового административно-территориального деления и, экономя затраты, спас от упадка историческую застройку городов, включая реконструкцию большого числа промышленных зданий.

В «Программе развития ланда» (Landesentwicklungsprogramme) от 19 марта 1974 г. утверждалось:

«...Новое административно-территориальное деление производится в интересах наилучшего социально-экономического обеспечения населения во всех частях региона, а также с целью объединения государственных средств для развития инфраструктуры. Административно-территориальная классификация выражается в определении высших, средних и низших центров развития. Также для каждой категории центров устанавливаются „области социального обеспечения“ <...> Исходя из общих приоритетов развития всего региона, на основании административно-территориального деления устанавливается система центров и осей развития... Формальное обозначение центра развития исходит из способности центра предоставить социальное обеспечение области с численностью населения как минимум 20 тысяч жителей. Оси развития определяют основные направления пространственного освоения территории, по которым должны развиваться сети транспортной, инженерной и коммуникационной инфраструктуры <...> Муниципалитеты определяют свою градостроительную политику исходя из присвоенной классификации в соответствии с желаемым развитием пространственной структуры региона. Следует избегать неоправданного «лентообразного» строительства вдоль основных путей сообщения за пределами городских образований. Необходимо избегать разрозненной застройки, удаленной от центров социального обеспечения. Освоение новых территорий для кемпингов, загородных домов и домов отдыха должно быть соотнесено с существующими центрами рекреации и отдыха».

Революционная для своего времени концепция Патрика Геддеса теперь, в условиях Рура, получила тем более полное воплощение, что ее дополнила конструкция, явно восходящая к Кристаллеру, но включившая классическую схему выражения принципа субсидиарности,

т. е. передачи на более высокий уровень администрации только тех вопросов, которые по объективным причинам не могут быть решены на более низком уровне управления. Федерация отвечает только за общие установки по организации территориального планирования и по его содержанию. Любые решения, касающиеся территориального планирования, Федерация должна согласовывать с Землями. Этой цели служит Постоянная конференция министров, отвечающих за территориальное планирование в Федерации и Землях, координирует общие направления развития, но не конкретные планы. Проекты находятся в ведении специалистов по планированию. Земли принимают обязательные планы территориальной организации, которые должны быть в дальнейшем конкретизированы. На уровне районного планирования цели, поставленные на уровне Земли, уточняются и дополняются. На этой основе общины разрабатывают основные направления планирования по двухступенчатой структуре: первая ступень – планирование использования территории общины; вторая ступень – план застройки, который имеет силу только на местном уровне, разрабатывается только для заселенных территорий и только по необходимости, регулируя землепользование⁶⁶.

Третий этап развития Рурского района начался в 1978 г., когда на общественное обсуждение была вынесена и утверждена «Программа действий Рур» (Aktionsprogramm Ruhr)⁶⁷. Первым пунктом программы было решение задачи сокращения безработицы, вторым – развитие технологий и внедрение инноваций через создание научных центров, третьим – строительство жилья и спортивных сооружений. Еще были стимулирование инвестиций, переквалификация и развитие системы образования и культуры. Чуть позже, под давлением общественных движений, к магистральным задачам добавился пакет экологических программ. В реке Рур, сто лет бывшей сточной канавой, уже десять лет спустя проводились состязания по спортивной рыбной ловле.

Деятельность в сфере трансферта технологий стала связующим звеном между промышленным производством и научно-исследовательскими центрами, способствуя диверсификации структуры региональной экономики. Если в середине 1970-х гг. основными клиентами центров трансферта технологий (на тот момент эту роль играли региональные университеты) были модернизируемые крупные

⁶⁶ Фюрст Д., Гольденберг Э., Мюллер Б. Опыт территориального планирования Германии. Планко: Эссен, 1994.

⁶⁷ Zöpel С. Weltstadt Ruhr. Klartext: Essen, 2005.

предприятия традиционной промышленности (металлургические и химически компании), то к середине 1980-х гг. основной спрос порождался средними и малыми компаниями высокотехнологичных отраслей. Главными потребителями и инвесторами их работы стали крупные металлургические компании. Развитие этой деятельности в 1980-х гг. повлекло за собой появление высокотехнологичных предприятий по разработке новых материалов. К концу 1980-х гг. в Рурской области было сосредоточено более пятой части объемов экологических технологий в ФРГ. К середине 1990-х гг. доля традиционной индустрии снизилась в ВРП до 45%, тогда как доля секторов образования и услуг (включая формирование туристического маршрута «Индустриальная культура Рура») выросла до 58%.

Многообразие концепций территориального развития⁶⁸. Формат книги не позволяет с такой же подробностью рассматривать иные варианты программ территориального развития, реализованные с большей или меньшей мерой успешности. Своеобразие каждой из таких программ, укорененное в особенностях культуры, настолько существенно, что общими для них оказываются лишь наиболее общие принципы: частно-государственное партнерство, субсидиарность и диалог с общественными силами по всем ключевым вопросам развития. В рамках главы мы можем лишь обозначить некоторые особенности историко-культурного (в широком смысле слова, т. е. включая экономические модели) фундамента, на котором в разных странах строят и осуществляют программы территориального планирования.

Итак, вновь *Франция*, которая совсем недавно осуществила радикальный отход от унитарной модели территориального управления, практически незабываемой с принятия известного кодекса Наполеона Бонапарта. Помимо центрального правительства система управления во Франции имеет три уровня: регионы, департаменты и коммуны. При этом коммуны равны в статусном отношении, так что между крупными и малыми городами или сельскими поселениями нет различий в правах. Согласно Акту о децентрализации 1982 г. регионы приобрели автономность, выбрали собственные Советы, а поправкой к Конституции рычаги исполнительной власти были переданы Советам регионов и департаментов от губернаторов, ранее назначавшихся из Парижа. В связи с большим количеством малых коммун во Фран-

⁶⁸ Материалом для раздела послужили Интернет-сайты многочисленных университетов, от Глазго до Токио, которые осуществляют аналитическое сопоставление национальных систем планирования.

ции сосуществуют две схемы управления межмуниципальным взаимодействием — ассоциированная и объединительная. В первом случае коммуны складывают ресурсы и передают ассоциации те или иные полномочия, во втором — у объединений (их три типа в зависимости от численности населения и местной специфики) собственные налоги и своя база ресурсов. Всего межмуниципальных схем, охватывающих 90 % коммун, более 2500, и в них проживает 85 % населения страны.

В 2005 г., с учетом накопленного опыта и рекомендаций ЕС, прежняя конструкция была преобразована в Межминистерское Агентство территориального развития и конкурентоспособности⁶⁹. Теперь национальное правительство разрабатывает лишь отраслевые программы и планы развития публичных благ. Уже на уровне регионов разрабатываются «Региональные схемы пространственного планирования и развития»⁷⁰, равно как собственные планы экономического развития, конкретная локализация которого принимает форму «Основных направлений пространственного планирования». С 1982 г. соглашения между регионом и государством по поводу пространственного развития принимают форму семилетних контрактов, определяющих схему софинансирования, зависящую от конкретного региона.

Укрепление конкурентоспособности регионов, включая меры поддержки компаний, внедряющих инновационные технологии, осуществляется через деятельность центров конкурентоспособности, которых в 2005 г. насчитывалось 67. Другой примечательной особенностью французской практики территориального развития стало формирование «стран» (обжитые территории в масштабах региона), число которых приближается к 400, в отношении которых (в особенности сельских территорий) есть специальная статья в контрактах софинансирования между государством и регионом.

Вновь *Германия*. Как уже отмечалось на материале Рурского района, начиная с начала 1960-х гг. функции федерального правительства в области территориального планирования ограничены и сводятся к формулированию основных принципов, тогда как каждый ланд разрабатывает свое законодательство в отношении пространственного развития и собственную стратегию планирования. Существенным отклонением от этого правила стала федеральная полити-

⁶⁹ DIACT; Délégation interministérielle à l'aménagement et à la compétitivité des territoires.

⁷⁰ Любопытно, что в каждом департаменте региона существует должность ландшафтного художника, обладающего правом контроля качества среды и согласования инвестиционных проектов на территории департамента.

ка развития тех земель, что до 1990 г. составляли ГДР⁷¹. В 2007 г. семь восточногерманских земель на пять лет получили статус районов конвергенции, согласно рекомендациям ЕС. Координация планов развития отдельных ландов осуществляется «Конференцией министров регионального планирования»⁷². Федеральная стратегия пространственного развития и его генеральная схема, разработанные в 2006 г., в максимальной степени акцентировали общее европейское измерение устойчивого развития, вычленив три приоритетные области: инновации и рост; развитие сектора публичных благ; экономика ресурсов, сохранение и совершенствование культурного ландшафта страны. Вопросы городского планирования включены в региональные планы в качестве подпрограмм, расчленившись на планы *F* (план землепользования в масштабе 1: 10 000) и планы *B* (генеральные планы застройки участков в масштабе 1: 500). В свою очередь план *F*, включающий сельские территории и природные заказники, сопровождается планами *L* (планирование ландшафтов) и *G* (планирование озеленения). Наконец, названные планы скоординированы с Федеральным планом развития транспорта, который определяет изменения ключевых инфраструктур.

Великобритания, в которой территориальное планирование было инициировано сто с лишним лет назад, в 2004 г. произвела уже вторую ревизию законодательства в этой области. В 1990 г. был принят Акт о городском и сельском планировании, а в 2004 г. «Ориентиры политики планирования» были заменены «Основными принципами политики планирования», согласно которым сформированы девять региональных комитетов планирования. В состав этих комитетов вошли представители графств и местных офисов центральных ведомств, которые теперь совместно разрабатывают региональные стратегии планирования, включающие базовую планировочную документацию. Администрации графств теперь формулируют рамочные условия планирования вместо прежних структурных планов, тогда как создание региональных комитетов планирования впервые установило правила координации локальных рамочных условий с развитием

⁷¹ Достаточно драматичный процесс, приведший к существенному разбазариванию федеральных ресурсов, неоправданному закрытию предприятий и потере человеческого капитала за счет тотального вытеснения прежних управленцев специалистами из бывшей ФРГ, в конечном счете привел к регенерации восточных регионов, хотя этот процесс и 20 лет спустя далек от завершения, тогда как конфликт между «осси» и «весси» отнюдь еще не преодолен.

⁷² MKRO: Ministerkonferenz für Raumordnung.

инфраструктур национального масштаба. Наконец, в 2008 г. был принят Акт о создании нового комитета, нацеленного на решение таких инфраструктурных задач. Важно отметить, что в последние годы усиление планирования в национальном масштабе сопровождалось возрастанием роли регионов, тогда как процесс практической федерализации был сбалансирован тем, что в число девяти планировочных регионов включены также Шотландия, Уэллс и Северная Ирландия⁷³.

Италия. До 1972 г., когда была создана региональная структура и полномочия утверждения локальных планов были переданы регионам, в стране действовало градостроительное законодательство, принятое еще в правление Муссолини. В настоящее время в наиболее развитых северных регионах крепнет политическое движение в пользу передачи регионам права устанавливать собственные законы для регулирования процессов разрастания городов и сохранения среды. Основой общегосударственной политики территориального планирования остается развитие депрессивных территорий итальянского юга — практически с момента создания единой Италии. В 1964 г. был принят долгосрочный (до 1970 г.) план развития южных провинций, но этот план имел сугубо экономическое измерение, так как общенациональной схемы территориального развития, за исключением ключевых инфраструктур, не существует, и планирование осуществляется на уровне регионов. Нестыковки региональных планировочных схем вызвали к жизни формирование в 1990 г. специального фонда для финансирования программ межрегионального характера.

В общем виде схема такова. Региональный план территориального развития (РПТР) — Региональный ландшафтный план — Координационный план территориального развития провинции, или План развития столичного города — Муниципальный генплан. РПТР подготавливается в сотрудничестве с провинциями, муниципалитетами, бизнесом и общественными организациями, принимается региональной ассамблеей и получает силу закона. Региональный ландшафтный план⁷⁴, разработка которого стала обязательной после принятия в 1985 г. Акта о сохранении ландшафтов с наивысшей средовой ценностью, играет весьма существенную роль в утверждении планировочной документации на провинциальном уровне и в муниципальном измерении. В 2004 г. требования к планам этого типа были уточнены, и к настоящему времени регион Лацио успешно осу-

⁷³ Во всех странах, входящих в ЕС, планирование столичных округов выделено как специальная задача — мы затронем эту тему в следующей главе.

⁷⁴ Piano Territoriale Paesaggistico Regionale.

шествил переработку плана в соответствии с принятыми поправками к закону, задав этим образец.

Нидерланды — единственная европейская страна, веками наращивавшая свою территорию за счет осушения морского мелководья. Неудивительно, что в этой компактной стране традиции территориального планирования формировались даже раньше, чем в Англии. При высочайшей степени урбанизированности Нидерландов, где плотность населения за сто лет, к 2001 г., выросла с 157 до 466 человек на один квадратный километр, здесь выделяется особое пространственное образование, именуемой Рандштадом, т. е. Кольцевым городом. Рандштад — конурбация, сформированная пятью городами: Амстердам, Гаага, Роттердам, Утрехт и недавно созданный новый город Альмере. Плотность Рандштада достигла 2000 человек на квадратный километр, тем большее внимание было уделено так называемому зеленому сердцу конурбации — лесному массиву внутри кольца из городов. 60% территории страны отданы ее агрокомплексу, а 15% — зеленым массивам, тогда как земли под застройку составляют 12%.

Строительный кодекс, принятый в Нидерландах еще в 1901 г., был подвергнут первой ревизии тридцать лет спустя, когда сначала был введен принцип формирования региональных планов территориального планирования, а затем над ним был надстроен уровень национального планирования под ответственность министерства жилищного строительства, пространственного развития и окружающей среды. Естественно, развитие транспортной и энергетической инфраструктур также находится в ведении центрального правительства. Региональные власти играют ключевую роль в координации работы муниципалитетов и в подготовке региональных схем зонирования под будущее развитие.

Муниципалитеты сохранили полноту полномочий по разработке детальных планов землепользования и планов застройки участков. После войны растущий спрос породил рассредоточенные программы развития городов и ослабление контроля над этим процессом. Новые пригороды с низкой плотностью застройки разрастались быстрее, чем это планировалось, и в рамках четвертого плана развития, уже в 80-е гг., возникла идея компактного города с акцентировкой целесообразности контроля над разнообразием застройки и чередованием застроенных и зеленых зон. Были предприняты серьезные попытки минимизировать застройку сельских земель и осуществлять ее преимущественно в границах существующих городских земель.

Поскольку в рамках пятого плана развития, действующего с 2000 г., была принята концепция сетевого общества, в рамках территори-

ального планирования она нашла отражение в программе городских сетей, включившей одновременную реновацию центров городов и их соединение эффективными транспортными коммуникациями. Конурбация Рандштад, будучи ядром экономической активности страны, получила в этой схеме приоритетную позицию. На всех горизонтах процесса планирования соблюдается принцип достижимости консенсуса между администрациями, бизнесом и общественными организациями. В этой модели скорость принятия решений несколько сократилась, однако качество проектов несомненно выросло. Достигнуто согласие относительно наращивания доли общественного транспорта в условиях приоритетности сохранения и развития качества городской и природной среды. Задача реализации такого подхода вызвала к жизни изощренную систему налоговых льгот и наказаний для инвестиционных проектов, что стало эффективным инструментом, с помощью которого удастся склонять инвесторов к выбору решений, сообразуемых с текущим представлением об общем благе.

В последние годы такое представление задачи приобрело конкретную форму алгоритма развития, получившего официальное наименование «многостороннее интенсивное землепользование». В наиболее сжатом виде этот алгоритм выражается через четыре принципа: 1. Ни один, даже самый маленький, участок земли не должен оставаться неиспользуемым. 2. Одно и то же место должно выполнять многие функции. 3. В пределах существующих ограничений следует стремиться к максимизации их наполнения за счет предельного повышения этажности и использования подземного пространства. 4. Time management – расчет на использование места в разное время суток.

В нашу задачу не входит рассмотрение всех вариантов организации территориального планирования в Европе, где между Финляндией и, к примеру, Португалией сохраняются не меньшие различия, чем между Архангельской и, скажем, Астраханской областями, не говоря уж о республиках Северного Кавказа. Тем более в нашу задачу не входит обращение к любопытному опыту Индии, Малайзии или Кореи. Наверное, важнее завершить эту главу краткой обрисовкой региональной политики Европейского союза, поскольку при всех сложностях процесса согласований значение и влияние этой структуры нарастает с каждым семилетним циклом ее функционирования.

У этого влияния как минимум две важнейших составляющих. Одна выражена высоким стилем международных документов в жанре «Ведущих принципов устойчивого пространственного развития Европейского континента», принятых Европейской конференцией ми-

нистров, ответственных за региональное планирование, в 2000 г.⁷⁵, и накрывает очевидный слой практики. Другая – совокупность последствий, в наибольшей степени и весьма неоднозначно сказывающихся на новых членах ЕС. Сначала первый горизонт, для восприятия характера которого достаточно процитировать какой-либо из параграфов «Ведущих принципов», к примеру, 18-й, 19-й и 20-й:

«В контексте экономической интеграции и глобализации, наряду с импульсами к экономическому развитию, нельзя не обнаружить примеры негативного воздействия на условия проживания и социальное сближение. Существует риск, в особенности в новых членах Союза, что действительно развиваются лишь изолированные зоны роста вокруг столичных регионов, тогда как иные территории с городами различного размера и сельской округой не включены в процесс развития. Тем не менее у Европы есть потенциал для достижения полицентричного рисунка развития со значительным числом крупных ареалов роста, включая расположенные на периферии. Этот рисунок, организованный по схеме городской сети, способен создать динамику и необходимые для нее масштабы рынка, чтобы привлекать дальнейшие инвестиции. Полицентричное развитие играет свою роль в снижении социального давления и социальных трений, способствуя стабилизации демократических структур. Продолжение воспроизводства традиционной модели «центр – периферия» по всей Европе было бы в равной степени губительно и для центра, и для периферии, не способствуя историческому процессу развития континентальной системы расселения. Растущая интеграция зон расселения внутри и между крупными регионами Европы принципиально важна для утверждения новых процессов роста во внешних частях Европы, что приведет к долговременному укреплению ее урбанистической структуры и ее большей конкурентоспособности.

В дополнение к столичным ареалам города-вороты, через которые идет основной объем торговли и связей с другими континентами (города с крупными портами, аэропортами, торговыми ярмарками и культурными центрами), совершают следующий шаг к полицентричной модели роста континентального масштаба. Если «ворота» вдоль западного и южного побережий Европы сложились в далеком прошлом, то сейчас обозначилась возможность формирования таких городов на восточной периферии Европы, что проистекает из развития транспортных и энергетических коридоров, ориентированных на Азию.

⁷⁵ Как член Совета Европы Россия формально участвует в работе СЕМАТ, но, не будучи членом Европейского союза, не может придать этому участию сколько-нибудь практическое звучание.

«Трансъевропейская транспортная сеть Европейского союза», «Панъевропейские коридоры и зоны» а также сеть TINA – «Содействие нуждам транспортной инфраструктуры» в ассоциированных странах (каркас этой сети формируется Панъевропейскими коридорами) совместными действиями созидают транспортную инфраструктуру Европы. Главной целью является эффективная коммуникация между столичными ареалами...».

Все это далеко не только риторика. Свыше 80% бюджета территориального развития Евросоюза направлены на поддержку отстающих стран и регионов⁷⁶ с целью скорейшего достижения среднего для ЕС уровня. В совокупности это 100 регионов, охватывающих треть населения ЕС, на территории которых душевой доход составляет менее двух третей от среднего по ЕС. Всего 16% бюджета нацелены на укрепление конкурентоспособности и расширения занятости, поддержку инноваций и развития рынка труда. Это еще 168 регионов «старых» членов ЕС. Наконец, всего 2,5% бюджета должны обеспечить развитие межрегиональной и трансграничной кооперации, установление сетевых связей между малыми и средними предприятиями. Далек за рамки риторики выходят методические рекомендации, которые, как мы видели на примере Франции, Германии, Италии и Нидерландов, уже применяются в разработке национальной политики территориального развития.

Наконец, в конкретном преломлении участие ЕС в развитии регионов Европы заметно и чрезвычайно интересно как тема отдельного исследования. Здесь ограничимся упоминанием работы на юге Италии, где число регионов поддержки сократилось с 2000 г. вдвое в связи со скачком расходов при расширении ЕС. Этих регионов все же осталось четыре: Кампанья, Пулья, Калабрия и Сицилия. Трудно сказать, как скоро и в какой мере удастся достигнуть конечной цели финансирования из бюджета ЕС (увеличить продуктивные возможности и конкурентоспособность), но расходы на транспортную инфраструктуру, являющиеся непременным условием движения к этой цели, дали уже в полном смысле слова очевидные результаты⁷⁷.

⁷⁶ Наряду с бывшими странами СЭВ в эту программу включены Португалия и южная половина Испании, юг Италии с Сицилией и половина Греции с Критом, британские Уэллс и полуостров Корнуолл, а также, как уже отмечалось, восемь земель на территории бывшей ГДР.

⁷⁷ 2,87 миллиарда евро из Структурного фонда ЕС, 6,33 миллиарда из Фонда депрессивных территорий, 3,11 миллиарда из итальянского бюджета в порядке софинансирования. В 2008–2009 гг. автор имел возможность напрямую удосто-

Однако у региональной политики ЕС в отношении его развивающейся периферии есть и обратная сторона. Распространение евростандартов на все виды производственной деятельности в новых странах ЕС, равно как вторжение крупных внешних игроков на их внутренние рынки, привело к тому самому нарастанию контрастов, о котором очень деликатно говорилось в параграфе 18 «Ведущих принципов». Промышленность была буквально сметена, временное размещение сборочных производств и части наиболее трудоемкой сборки изделий легкой промышленности практически завершилось переносом производств в Россию и (в растущей мере) в Турцию. Национальные банковские системы поглощены старыми банками Европы, значительная часть прироста ВВП в Польше является следствием перевода денег двумя с лишним миллионами молодых людей, выехавших на Запад на заработки. Сельское хозяйство Болгарии или Румынии, в прежние времена ориентированное на Советский Союз, резко сократилось, а, скажем, в Черногории практически ликвидировалось. Достаточно проехать по восточной части Латвии, чтобы видеть глубокое запустение всей Латгалии. Процесс евроинтеграции оказался чрезвычайно болезненным, хотя в конечном счете он может дать позитивные результаты.

С немалым сожалением приходится констатировать, что в России сверхцентрализация средств в руках федерального правительства делает программы софинансирования территориального развития со стороны регионов едва ли не фикцией⁷⁸. Как известно, недофинансировано повседневное функционирование по регионам (и тем более по муниципалитетам), не говоря о фондах развития. Пока эти условия действуют, ничто из накопленного в мире опыта крупномасштабного территориального планирования не может быть задействовано в российских условиях. Уровнем ниже, в масштабе отдельных городов и групп городов, ситуация выглядит несколько оптимистичнее, о чем речь пойдет далее.

вериться в продуктивности этих инвестиций на Сицилии и в Калабрии. Речь о дорожном строительстве в достаточно тяжелых горных условиях и о буме курортного и туристического строительства.

⁷⁸ Входя в состав Наблюдательного совета Фонда содействия реформе ЖКХ, автор был свидетелем принятия трудного решения о сокращении запрашиваемого условиями соглашений софинансирования с 10 до 5% по программам капитального ремонта и переселения людей из аварийных домов, что более чем выразительно.

ГЛАВА 3

ТЕРРИТОРИЯ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ОСМЫСЛЕНИЯ

На первый взгляд, нет ничего проще для осмысления, чем территория. Ближайшее окружение дано нам в ощущениях с момента, когда в возрасте года-полутора мы умеем опознавать элементы внешнего мира, лежащего за порогом дома, как свои. Однако эта простота иллюзорна. В свое время Кевин Линч, просивший горожан нарисовать на листе бумаги план города, как они его могут припомнить¹, показал, что образ города в человеческой памяти сводится к пунктирной схеме. На такой схеме есть несколько узлов, связанных с местом проживания, местом работы, местами досуга и закупок, наряду с символическими ориентирами, вроде собора, главного музея или ратуши, как правило, размещаемых на плане города с большими погрешностями. Это так, несмотря на то, что визуальный капитал современного человека, пополняемый иллюстрациями в школьном учебнике, телевидением и видео, не сопоставим по объему с тем, чем обладали люди всего три поколения назад. Если же говорить о восприятии большого пространства, далеко выходящего за рамки повседневного опыта, то и сейчас, как доказывают многочисленные проверки, неопределенность представлений о пространстве и локализации велика, и очень.

Что же говорить о пространственном восприятии людей в эпоху становления российской государственности, если до конца Средних веков европейцы, в отличие от китайцев или арабов, воспроизво-

¹ *Линч К.* Образ города / Пер. В. Глазычева. М., 1983. Линч был занят изучением восприятия крупных городов. Повторив его опыт в небольшом Тихвине в 1985 г. и выбрав в качестве референтной группы десятиклассников, чья любознательность еще не притуплена житейской рутинной, автор обнаружил, что только тамошний Мейн-стрит отображается относительно верно, тогда как местоположения заметных ориентиров «плавают».

дили большое пространство с помощью описаний движения от одной точки до другой – итинерариев. Людям античного мира земли к северу от Скифии представлялись ледяной пустыней, римский мир имел относительно верные представления о землях к северо-востоку не далее западной части нынешней Польши. Только варяжские князья-разбойники проложили маршрут-итинерарий от Балтики до Константинополя, с известной полнотой зафиксированный в исландских Сагах. С прекращением движения «Из варяг в греки» связи редких поселений по рекам уступают место сухопутным шляхам, по которым могли передвигаться пешие дружины, и только Север сохранял доминирующую роль водных путей к Белому морю и Мурману по Онеге и Северной Двине.

Контакты с Византией, принятие христианства через балканских посредников и некоторое расширение авантюрной торговли привносят в сознание немногочисленной интеллектуальной элиты фрагменты книжной учености, из чего произрастает, как и в Западной Европе, причудливый сплав точных знаний о Малой Азии и Персии с фантазиями о сокровищах и чудесах. В 1001 г., согласно Никоновской летописи, князь Владимир Святославич отправил посольство в Средиземноморье и на Ближний Восток: «Послал Володимер гостей своих аки в послех в Рим, а других во Иерусалим, и в Египет, и Вавилон, саглядати земель их, и обычаев их». Это свидетельство о поездке купцов в роли послов к местам, где находились христианские святыни, в том числе и Иерусалим². Замечателен текст «Хождения игумена Даниила» о паломничестве группы русских богомольцев в 1106–1108 гг. Даниил сам «измерих и искусих» Иордан, «перебредя» реку с одного берега на другой, и, стремясь достичь понятности для своих южнорусских читателей, описывает Иордан через сопоставление: «И лукаво течет и быстро велми, яко же снов река». Наш паломник внимателен и точен в описании путешествий по суше и по морю, городов и их укреплений, способов обработки земли и орошения. Тот факт, что текст Даниила сохранился в 160 списках XV и XVI вв., говорит о неослабном интересе к описаниям такого рода. Тема паломничества к святым местам широко представлена в новгородских былинах о Василии Буслаеве, преподобной Ефросинии и пр.

Подчинение Орде существенно меняет картину мира, рывком сдвигая его психологический центр на восток – к Сарая, городам Хо-

² Русское православное паломничество в Иерусалим в X–XVI вв. С. Ю. Житенев. Доклад на Международной научно-общественной конференции «Иерусалим в русской духовной традиции».

резма, югу Сибири, Каракоруму и даже к далекому Китаю. Мы не полагаем документальным подтверждением тому, что ученая верхушка вассальных княжеств была знакома с картами, но скорее всего некоторое представление о трудах китайских картографов на службе у монголов должно было у них сложиться в месяцы ожидания аудиенции у владык Золотой Орды. Зная давнюю китайскую практику, можно не сомневаться в том, что при осуществлении переписи податного русского населения ордынцы пользовались довольно точным картографическим материалом, охватывавшим территорию от Волги до Балтики. В ордынские времена путешествия русских к Иерусалиму отнюдь не прекращаются. Во всяком случае, они неплохо документированы для начала XIV в., когда туда отправился новгородский архиепископ Василий Калика, а десяток лет спустя — монах Стефан Новгородец. К концу века, уже после битвы на Куликовом поле, зафиксировано путешествие иеродиакона Игнатия Смолянина. То же продолжается и веком позже («Сказание Епифания мниха о пути в Иерусалим»), и даже после падения Византии³.

Упадок Орды, успевшей перейти в ислам, освобождение от вассальных к ней отношений должны были естественным путем привести к известному отторжению знаний Востока, от которых осталась лишь терминология, относящаяся по преимуществу к денежному обращению, да еще представление о важности ямской службы дальних связей. Подворные переписи и счисление в фискальных целях надолго вытесняют интерес к территории, трактуемой всего лишь как более или менее полезной — в зависимости от возможностей ее податного обложения.

XV век существенно, хотя и ненадолго, расширяет представления русских людей о Западе, что было спровоцировано активизацией стремлений Папского Престола сформировать союз с Московией в борьбе против турецкого натиска на Европу. В 1438–1439 гг. в составе русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор оказывается псковский мирянин, так и оставшийся анонимным. Его «хождение», в отличие от текста псковского архиепископа Симеона, которого интересовали перипетии переговоров об Унии⁴, изобилует

³ Путешествие Михаила Мисюрь-Мунехина (1493 г.) с целью раздачи великокняжеской милостыни по православным монастырям, правленое небезызвестным старцем Филофеем, автором концепции Московии как Третьего Рима.

⁴ Злосчастная Уния с католической церковью, завершившаяся тюремным заключением последнего из греков митрополита Исидора, сумевшего трижды бежать (из Москвы и из Твери, а затем, после падения Константинополя, из турецких

подробнейшими сведениями о германском Любеке и об итальянских городах, среди которых, естественно, Флоренция поразила его воображение в наибольшей мере. Наконец, появление в Москве в 1472 г. в роли супруги Великого князя Софьи (Зои Палеолог), племянницы последнего византийского императора, вместе с греко-итальянской свитой, хотя и порождало немало трений, оказало огромное влияние на расширение горизонта сознания, а затем и вселенских притязаний московской элиты⁵. Через полвека эти притязания, подкрепленные заимствованием герба византийских императоров, отождествляются в известную формулу старца Филофея, обращенную к царю Василию III: «И если хорошо урядишь свое царство — будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится, по слову великого Богослова...»

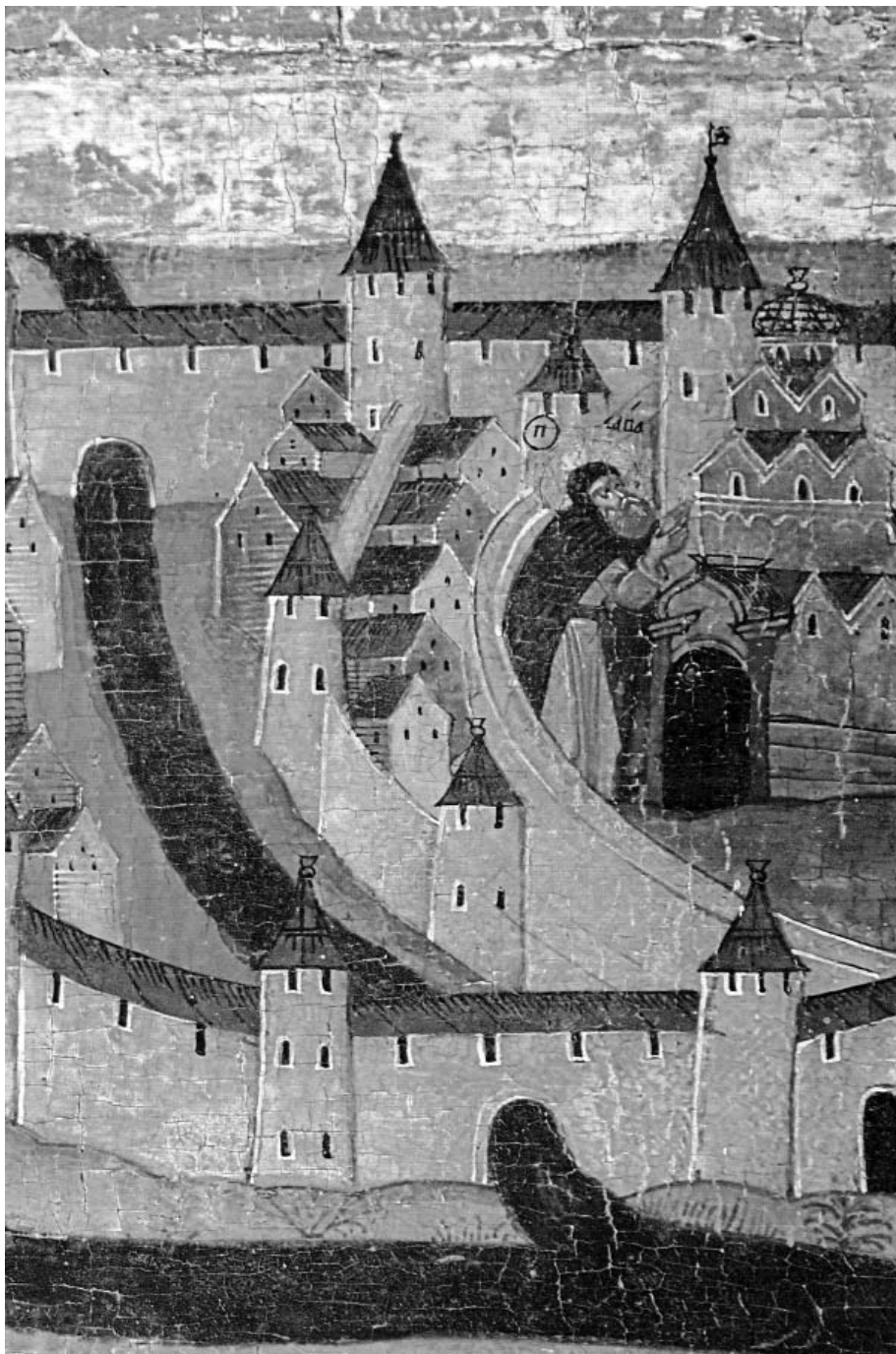
Есть своеобразный парадокс в том, что при всех неизбежных изъянах, порождаемых недоверчивостью к католицизму, документированные представления о Западе и Востоке оказываются еще длительное время более полными и более точными, чем понимание собственного обитаемого пространства. Так уж вышло, что путешествия европейских монахов и посланников в Каракорум и их письменные отчеты наряду с очень скудными на географические подробности летописями⁶ — это, по сути, единственные надежные свидетельства характера заселенности русских земель. Границы этих земель оставались зыбкими с запада, откуда наступала Литва, и неопределенными с юго-востока, за счет Дикого поля, своего рода ничьей земли.

Разумеется, не следует воображать предков в качестве своего рода фонвизинских митрофанушек, вовсе не имевших представления

владений) и окончившего свои дни в Риме в сане кардинала и непризнанного Русью патриарха Константинопольского.

⁵ Кардинал Виссарион, воспитатель Софьи, после возвращения из Москвы в Рим организовал выезд на Русь Аристотеля Фьораванти, осуществившего реконструкцию стен Кремля, возведение Успенского собора и первого каменного дворца Великого князя, создание Пушечного двора, чеканку монеты и пр. См.: *Глазычев В. Л., Земцов С. М.* Аристотель Фьораванти. М., 1986.

⁶ Приходится считать с тем, что московские князья, начиная с времени Ивана III, заботились о подчистке содержания вывезенных в столицу региональных летописей, тогда как подворных описей сохранилось не так много и свести их содержание по местам и времени оказывается практически невозможно.

Псковский кремль, Детинец и Троицкий собор. Фрагмент иконы XVI в.

о большом пространстве. Записки арабских писателей позволяют выловить упоминания о русских людях в Сарае и в Астрахани, где были многочисленные православные церкви. Новгородские ушкуйники отчасти колонизовали Пермскую землю, двигаясь вверх по Каме, совершали первые вылазки за Уральский хребет, прокладывая маршруты для наемных казацких отрядов XVI в. Контакты со скандинавами были неизбежны для поморов, и в архитектуре русского северного жилища отчетливо прослеживается влияние норвежских усадеб – гардов. Новгородцы были отчасти включены в Ганзейскую цепь товарообмена вдоль Балтийского побережья, а поскольку этнического и религиозного рубежа с Литвой не было до ее Унии с Польшей, культурный обмен с Западом никогда не прекращался полностью, да и бегство в Литву не было чем-то неординарным. Неровные отношения с Казанским царством, то входившим в вассальные отношения по отношению к Москве, то агрессивным, завершаются важнейшим сдвигом. Все течение Волги оказывается подконтрольным, Нижний Новгород становится центром, стягивающим на себя и Поволжье, и давно освоенное новгородцами Прикамье, что облегчает поначалу грабительское, а затем и колонизационное продвижение в Сибирь. Стягивание русских земель к Москве по мере ее укрепления естественным образом повышает интерес Двора к картографическому освоению новоприсоединенных земель.

Увы, кроме рисованных планов городков и острогов мы не обнаруживаем сколько-нибудь достоверных географических карт до появления «Годунова чертежа». Европейские же карты, точные у Балтийского и Черноморского побережий, относительно верные для русского Севера, до конца XVI в. остаются весьма размытыми относительно Поволжья (в частности, очертания Каспийского моря имеют мало общего с реальностью), за которым на восток простирается «Tartaria Pars». Это относится и к картам Герберштейна, путешествовавшего по России, и тем более к атласу Адама Олеария и их копиям, в большей или меньшей степени отредактированным голландскими и английскими картографами на основании свидетельств разной степени достоверности.

Монастырская колонизация Севера, имевшая все признаки упорядоченного хозяйственного освоения, и бурная деятельность Строгановых чрезвычайно расширили географию российского самоопределения. В то же время медленное, шаг за шагом, продвижение засечной черты на юг и юго-восток несло в себе характерную для России двойственность: интенсивное образование новых укрепленных городков означало в подавляющем большинстве случаев замирание жизни и часто полное исчезновение таких же опорных пунктов вдоль оставлен-

Карта Московии, 1593 г. В начертании побережья Белого моря и рек фактически повторены все ошибки карт начала века, но городов и народностей обозначено много больше.

ной позади границы⁷. Собственно, освоенное пространство, напротив, расширилось чрезвычайно медленно, чему в огромной степени содей-

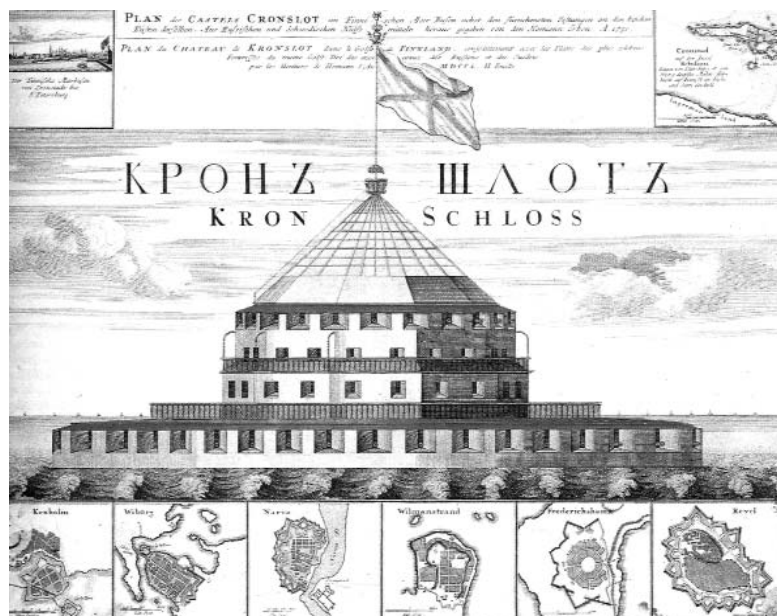
⁷ От первой засечной черты, шедшей по левому берегу Оки, до нашего времени сохранились Коломна, Кашира, Серпухов, Таруса, Калуга, крошечный ныне Лихвин (Чекалин), исчезли Воротынский и Перемышль. От второй линии на своих местах Переславль Рязанский (Рязань), Тула, крошечная Крапивна и маленький Белев. От третьей (1593–1657 гг.) кроме Тамбова, Козлова (Мичуринск), Воронежа и Белгорода на месте маленький Коротояк, тогда как Добрый, Сокольск, Усмань, Орлов, Костенск, Урыв, Ольшанск, Яблонов, Короча, Болховой, Карпов, Хотмыжск и пр. сохранились только в старинных текстах.

Марко Поло в ставке хана Хубилая. Текст «Книги чудес» со слов путешественника был записан его сокамерником в генуэзской тюрьме, а все иллюстрации сделаны много позднее.

ствовало страшное разорение эпохи Ивана Грозного, когда до трех четвертей ранее обрабатываемой земли оказалось в полном запустении. В свою очередь бегство крестьян от непосильных тягот, нараставшее по мере убыли оседлого населения, вело к стихийному расширению неупорядоченной колонизации Заволжья и отчасти юга Сибири. Раньше или позже, собравшись с силами, государство настигало этих переселенцев, учреждая городки, имевшие преимущественно полицейские и фискальные функции. Раскол церкви во времена Алексея Михайловича дал новый толчок стихии колонизации как глухих лесов Костромского или Пошехонского краев, так и все более отдаленных земель.

С петровской эпохи, когда военные предприятия и поиск руд потребовали привлечь военных картографов, а затем навигацкая и артиллерийская школы произвели первое поколение русских профессионалов, начинается новая глава в изучении страны. Все еще сохраняется сугубо «табличное» представление о России, отлично выраженное в описи городам и губерниям, составленной секретарем Сената Иваном Кириловым, однако уже поколением позже первый приступ к системному осмыслению российского пространства был сделан В. Н. Татищевым. С него отсчитывается долгая

Схематический вид одного из фортов Кронштадта. Под ним планы крепостей Кегсгольма, Выборга, Нарвы, Вильманштранда, Фредериксхамна и Ревеля. 1759 г.

традиция извлечения мыслей о российском пространстве из рассуждений об историческом времени⁸, что было продолжено Ломоносовым в его многословной, идеологически напряженной полемике с Миллером. Впрочем, и Татищев, и Ломоносов, будучи людьми дела в той же мере, что людьми книги, оставили множество разрозненных заметок и писем, в которых современная им действительность проступает с предельной яркостью.

Фигура Татищева для нашей темы представляет особый интерес. Назначенный в 1720 г. руководителем казенной горнозаводской промышленности Урала и Сибири⁹, этот выученик Брюса рассматривал свою миссию в ключе петровских реформ, и его исследования исходно имели сугубо прагматическое направление, с характерным для

⁸ Татищев первым домыслил, что характерное для античных авторов установление границы Европы по Дону было следствием того, что Уральский хребет был им неизвестен.

⁹ Татищев снова становится во главе горнорудного дела в 1734 г., уже при правлении Анны Иоанновны.

План Оренбурга 1744 г. Прежде чем Оренбург окончательно утвердился, его место успели дважды перенести, поскольку не сумели оценить масштаб и скорость разливов реки Урал.

эпохи пренебрежением к трудностям исполнения грандиозных задач. Татищев верно усмотрел в заводе при Исети будущий промышленный центр Урала Екатеринбург, грезил о строительстве канала между Северной Двиной и Камой, чтобы связать Белое и Каспийское моря; предлагал проложить две дороги в Сибирь: через Вятку на Екатеринбург и Тобольск и через Казань и Уфу — на Томск и далее, к Даурии. Он первым обозначил, что освоение Сибири принесет России «великое богатство», и, отталкиваясь от опыта, приобретенного в Швеции, настаивал на необходимости поощрения частного предпринимательства для освоения Зауралья. И он же разработал программу стабилизации денежного обращения, упадок которого был вызван традиционной попыткой поправить финансы за счет чеканки «плохой монеты». Уже в конце карьеры, в роли астраханского губернатора, Татищев продолжал настаивать на важности создания условий для деятельности купеческого капитала под контролем казны, на целесообразности льгот и материальной поддержки заселения окраинных земель. Уже в позиции ученого-историка, при подготовке своей «Истории Российской», Татищев приложил нема-

ло трудов к изданию «Книги Большому Чертежу» — «яко весьма к географии русской потребную, но мало кому сведомую». Ревность Ломоносова к славе Татищева была столь велика, что после смерти удивительного энциклопедиста в его необъявленной деревенской ссылке его рукописи не были приобретены и сгнили, хотя благодаря Миллеру и Шумахеру содержательная корреспонденция Татищева с Академией наук никогда не прерывалась.

В позднее петровское время вся энергия модернизации страны была сосредоточена в новой столице, что, с одной стороны, обескровливало Россию, но с другой — необычайно ускорило метаморфозу сознания новой элиты. Сначала Амстердам, затем Париж были вполне обоснованно взяты за образец правильного обустройства городского пространства, и само уже включение слова «перспектива» в русский лексикон обнаруживает глубокую связь с освоением Меркаторовой системы картографии и европейского стиля живописи. Всепоглощающая страсть Петра к морю, к водным путям дала не так уж много в смысле практическом¹⁰, но имела огромное значение для смены образа России в пространстве, что (уже после кончины императора) столь ярко проявилось в организации экспедиции Витуса Беринга к Камчатке и Аляске. Авантюрные мечтания о выходе к Индии не имели и не могли иметь практического смысла, но в воображении петровского интеллектуального штаба позволили очертить и внешний контур империи, и общий ее глобальный контекст. Иными словами, с Петра планета и для России становится круглой¹¹, а при Екатерине Великой — к добру или к худу — дела внутренние становятся во многом функцией от стремления вести свою партию в общеевропейской политике. Не говоря уже о выходе в Черное и Средиземное моря, достаточно сослаться, к примеру, на донесения лорда Мальмсбери британскому правительству о желании России получить средиземноморский остров Минорку в обмен на выгодные условия мирного соглашения¹².

С Кукуя, Немецкой слободы в Москве, при Петре утверждается идея палисадника перед фасадом дома вместо привычных глухих за-

¹⁰ Бесперспективность большого военного и отчасти торгового флота на Балтике была столь очевидна европейским наблюдателям, что огромные усилия, затраченные на его постройку, даже не вызывали у западных соседей сколько-нибудь заметного беспокойства.

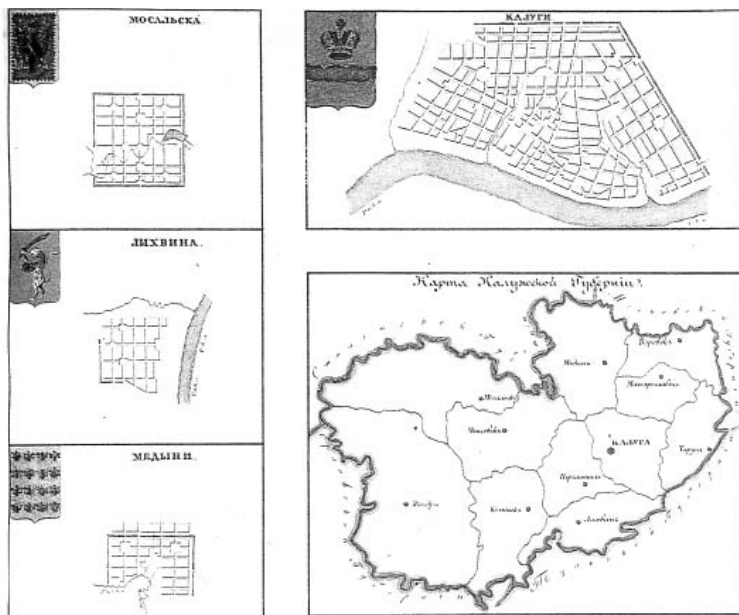
¹¹ Разумеется, глобусы уже были и у царя Алексея Михайловича, и у царевны Софьи, и у Голицыных, но это был не менее потаенный предмет любопытства, чем «театральная храмина» при дворце.

¹² Потемкин. СПб., 2002. С. 71.

боров, веками столь изумлявших приезжих иностранцев. Визуальный образ упорядоченного пространства, закрепленный трехлучием проспектов Адмиралтейской стороны, Гипподамовой решеткой линий Васильевского острова или Адмиралтейской набережной Петербурга, аллеями Летнего сада, а затем и Петергофа, уже приобрел характер обязательной к употреблению модели всякой планировочной работы. Воспроизводство этой модели осуществляется трудами Геннина и Татищева в первую очередь при планировке и обустройстве новых заводов на просторах России. Следующий замысел, номинально внедрявшийся при Елизавете Петровне и неуклонно проводившийся Екатериной, которая осуществила скорее символический акт перевода поселений в статус городов, имеющих собственные гербы, свелся к распространению регулярной планировки на все города империи. В результате новый порядок пространственной организации по высочайше утвержденным генеральным планам становится универсальным на всем пространстве страны¹³. Конечно, символизация, выведенная на первый план, нередко приводила к реализации сугубо умозрительных схем. Так, чрезмерно обширные круглая площадь Полтавы или овальная площадь Петрозаводска, окруженные присутственными зданиями в два этажа, производили (и сейчас производят) странное впечатление, а в спешке составленные без выезда на место генеральные планы порождали повсеместно пустынные прямоугольники площадей, которые некому и незачем было заполнять. Тем не менее Гипподамова решетка маленькой Крапивны, улицы которой открывают превосходные виды на четыре стороны света, равно как превосходная планировка Одессы, во множестве случаев

¹³ Рационализация трактовки пространства сквозит во всей обширной переписке Екатерины с Потемкиным. К примеру (по поводу Херсона), в письме от 2 августа 1775 г. она писала: «Присланных бумаг: первой — план генеральный и все к тому принадлежащее — я читала с большим удовольствием и нашла, что все то с полной головой и глубоким размышлением составлено, за что тебе премного спасибо. И во оном вижу везде пылающее усердие и обширный твой смысл. Вторые бумаги, касательно губерний, я тоже читала и об оном приказала с тобою объясниться, ибо число жителей по уездам некоторым вышло из прилагаемой пропорции. Луче оные, то есть уезды, умножить». Там же. С. 41–42. В отличие от большинства членов своего Сената Екатерина умела совмещать пространственное и экономическое переживание пространства: «Я сей час подписала все касательно Тавриды, только прошу тебя не терять из вида умножения доходов той области и губернии Екатеринославской, дабы оплачивали издержки, на них употребленные» (2 февраля 1784 г.). Там же. С. 168.

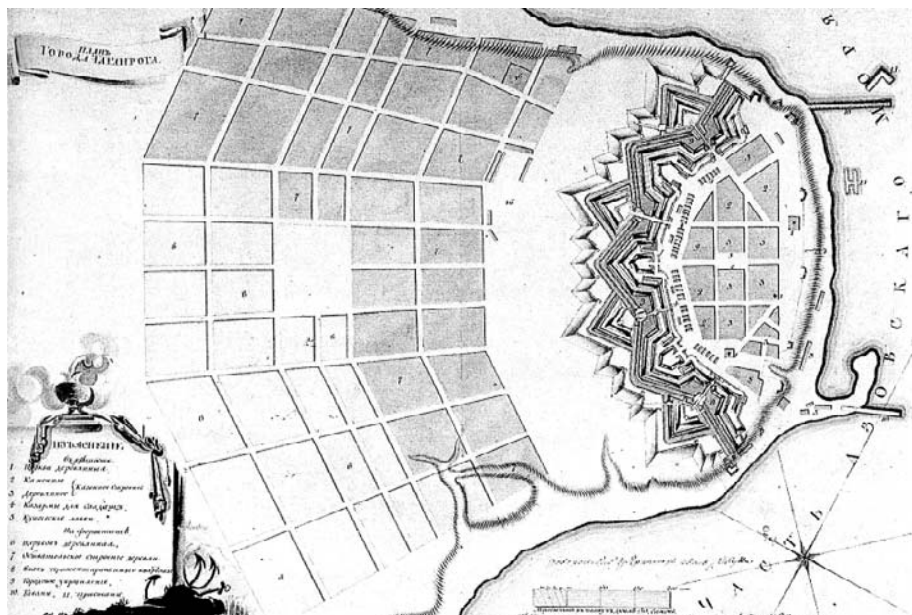
Карта Калужской губернии (фрагмент), планы Калуги и уездных городов. Лихвин (ныне Чекалин) и в 1911, и в 2011 гг. имеет все ту же численность жителей—около 1200 душ.

создали удачные визуальные конструкции и, главное, радикально изменили представления о норме пространственной организации, воспринимаемые не только рационально, но и на уровне подсознания.

Разумеется, идеализация пространственного порядка натывалась повсюду на слабость городского сообщества и анархические умонстроения его членов, что порождало контрасты раздвоенного сознания. Еще в «проме́мории» Бежецкой канцелярии 1751 г. говорилось: «...О смотрении харчевых припасов в рядех старост не выбрано и удобных мест к строению мясных рядов не отведено и никакова в том строения не чинитца, ибо в харчевых и мясных рядех ни малой чистоты не имеетца, и мясные ряды учреждены в весьма непристойном месте, внутри самого города и близ купецких рядов грязи... да и для бою скота особого места не учреждено ж, а бьют в том же ряду и на дворех своих мясники, от чего в летние жаркие дни воючей воздух и срад чювствителен...»¹⁴.

¹⁴ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. М., 2006. С. 122.

Лишь после строгого указа Главного магистрата в 1765 г. было решено «мяс-

План крепости Таганрог, около 1770 г. Любопытно, что мощные укрепления все еще развернуты в сторону суши — роль крепостных укреплений со стороны моря играл флот.

Еще при Елизавете Ломоносов подхватил тезис Татищева о важности освоения ресурсов Сибири, хотя синтетическая география интересовала его менее других тем. Однако, к примеру, в письме 1761 г. к И. И. Шувалову Ломоносов, озабочившийся тем, что сегодня назвали бы демографической ситуацией, отмечал среди прочего: «... Однако многия места есть в России глухия, на 500 и больше верст без городов, прямыя убежища разбойникам и всяким беглым и беспашпортным людям. Примером служить может лесистое пространство около реки Ветлуги, которая, на 700 верст течением от вершин до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих не малая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта. По таким местам должно основать и поставить города, дав знат-

ной ряд отвести на завражские кузнечныя места, дав каждому мяснику способное по препорции и без излишества место», а после 1767 г. это решение было, наконец, воплощено в жизнь.

ным селам гражданские права, учредить ратуши и воеводства и оградив надежными укреплениями и осторожностями от разбойников»¹⁵.

По следам Иоганна Готлиба и Татищева один за другим в российский просторы направляются экспедиции Академии наук, учрежденной усилиями Шувалова и Ломоносова: Иоганн Гмелин¹⁶, Петр Паллас¹⁷, Иоганн Фальк, Василий Зуев, Иоганн (Иван) Георги, составивший первое, отлично иллюстрированное этнографическое исследование России. Научный фундамент знаний о географии отечества был сформирован трудами всего двух поколений, после чего надолго устанавливается некое неравновесие. Уточнение карт¹⁸ продолжается усилиями нового поколения картографов и геодезистов, однако синтетическая трактовка географии, столь характерная для Татищева или Палласа, уступает место одной лишь географии физи-

¹⁵ Не лишено занимательности то обстоятельство, что отчасти Ломоносов ошибался, так как марийский городок Юр был завоеван еще в 1463 г., но тихо деградировал до статуса села, пока через добрых 15 лет после письма Шувалову, уже при Екатерине Великой, ему был дарован статус города под именем Ветлуга. Городок существует, его население сократилось за последние 20 лет с десяти до неполных девяти тысяч жителей.

¹⁶ Среди прочего, Гмелин подробно характеризует уже успевшие укорениться первые из немецких поселений в Поволжье и высокую степень их автономии, дарованной Екатериной Великой.

¹⁷ Точное и детальное описание пути от Красноярска до Кяхты является замечательным памятником описательной литературы, в сжатом виде совмещающей геологические, ботанические и экономические характеристики мест. Так, Паллас первым указывал на плодородие южно-сибирских земель и дешевизну тамошнего хлеба, фиксировал неудачное размещение русской части города Кяхты. Он же дал первое системное описание Крымского полуострова, только еще присоединенного к России, и т. п.

¹⁸ Из письма Татищева президенту Академии наук графу Разумовскому в 1746 г.: «...Трудились немало о сочинении российских ландкарт, но весьма мало, что совершенное видеть получили... трудами императорской Академии наук дождалось видеть оное, состоящее в 20 ландкартах, которые все прежние правостию и добрым сочинением превосходят. Но как никакое дело от начала совершенно не бывает, но со временем исправляется, удобряется и к совершенству приходит... 1) неколико знатных жилищ, уко городов, монастырей и великих сел не положено, например: город Новосиль в Орловской правинции, Осташков, Селижаров монастырь и пр. не положены; 2) многие знатные степи, горы, озера, реки, имея довольно к тому места, не подписаны; 3) народы, обитающие не означены; и сие, мнится, весьма нужно исправить».

ческой, тогда как посильное решение задачи синтеза знаний вновь переходит к историкам.

Н. М. Карамзин, чей огромный труд над множеством первоисточников восхищал современников и потомков, пунктирно упорядочил событийную сторону российской истории. Как классический человек текста он был настолько безразличен к пространственной составляющей материала, упакованного в сугубо династийную форму изложения, что найти в книгах его «Истории государства российского» хоть какое-то упоминание о территории сложно. Вот чуть ли не единственное исключение (т. X, гл. 4, с. 363): «Измерение и перепись земель, от 1587 до 1594 г., в Двинской области, на обеих сторонах Волги – вероятно, и в других местах, – служили, может быть, поводом к сочинению первой российской геометрии, коей списки, нам известные, не древнее XVII века: книги *глубокомудрой*, по выражению автора, дающей легкий способ измерять места самые недоступные, плоскости, высоты и дебри, *радиксом и цыркулом*». Ту же линию продолжает С. М. Соловьев, развертывая событийную историю России с гораздо большей детализацией и акцентируя неприступность границы, отделившей православную Россию от католического, а затем и протестантского Запада.

Впрочем, Соловьев, на первый взгляд, подобно Карамзину, почти безразличный к экономической стороне дел, уже внимательнее к природной компоненте отечественной истории: «При первом взгляде на карту Европы нас поражает различие между двумя ее неравными половинами – западную и восточную. На западе земля разветвлена, острова и полуострова, на западе горы, на западе много отдельных народов и государств; на востоке сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этом – что две столько различающиеся между собою половины Европы должны были иметь очень различную историю. Мы знаем, как выгодны для быстроты развития общественной жизни соседство моря, длинная береговая линия, умеренная величина резко ограниченной государственной области, удобство естественных внутренних сообщений, разнообразие форм, отсутствие громадных, подавляющих размеров во всем, благорастворение воздуха, без африканского зноя и азиатского мороза; эти выгоды отличают Европу перед другими частями света; на эти выгоды указывают как на причину блестящего развития европейских народов, их господства над народами других частей света. Но, указывая на эти выгоды, должно разуметь только Западную Европу, ибо Восточная их не имеет; природа для Западной Европы,

для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, — мачеха»¹⁹.

Соловьев подчеркивал также значение ключевого сдвига, навсегда, во всяком случае, до Петровского времени, определившего направление отечественного развития: «Вообще движение русской истории с юго-запада на северо-восток было движением из стран лучших в худшие, в условия более неблагоприятные. История выступила из страны, выгодной по своему природному положению, из страны, которая представляла путь из Северной Европы в Южную, из страны, которая поэтому находилась в постоянном общении с европейско-христианскими народами, посредничала между ними в торговом отношении. Но как скоро историческая жизнь отливает на восток, в области верхней Волги, то связь с Европою, с Западом необходимо ослабевает и порывается не вследствие мнимого влияния татарского ига, а вследствие могущественных природных влияний: куда течет Волга, главная река новой государственной области, туда, следовательно, на восток, обращено все»²⁰. Конечно же, Соловьев существенно расширил понимание истории отечества — особенно в тех книгах, где он занимал дистанцию относительно круговорота событий и позволял себе крупное обобщение, одно из которых хочется привести целиком, без сокращений:

«Города были бедны вообще, разбросаны на больших расстояниях друг от друга при очень неудовлетворительном состоянии путей сообщения. Самые богатые из них, наиболее торговые по особенно благоприятным условиям положения, поражают малочисленностью народонаселения своего. Но был один город, который и вследствие выгоды своего положения, особенно же вследствие политического значения своего, как столичный город царя-самодержца, должен был необходимо подняться: то была Москва. Сильная централизация притягивала в Москву постоянно толпы людей из всех концов России, людей, которые должны были тратить много денег в царствующем граде: знаменитая московская волокита обходилась дорого; будучи средоточием гражданского управления, Москва была средоточием и церковного; знать жила в ней безвыездно около великого государя. Легко понять, что торговая и промышленная деятельность здесь не могли не быть значительны, должно было образоваться богатое купечество. О богатстве и значении московских купцов можно встретить известия даже во время до Иоанна III. Некомат Сурожанин действует заодно с знатным

¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13. Глава 1.

²⁰ Соловьев С. М. Там же.

Вельяминовым, сыном тысяцкого, и самое уничтожение сана тысяцкого показывает, что великий князь не считал удобным назначать для московских горожан постоянного воеводу, который мог сделаться популярным и приобрести опасное значение. Встречается известие о гостях московских, которые подняли крамолу против великого князя и ушли из Москвы. Но все это частные явления, которые видим во время образования Московского княжества, в переходную эпоху, когда еще новый порядок не установился прочно, когда еще кроме великого князя московского были другие великие князья, к которым могли уходить недовольные, бояре и купцы. Но когда утвердилось единовластие в Москве, то уже подобных явлений более не встречается. В древности городские жители имели то важное значение, что участвовали своими особыми полками в военных действиях, которых исход во время княжеских усобиц много зависел от них. Даже в начале княжения Иоанна III московские полки отправлялись на рать с особым воеводою. Но потом установление многочисленного помещичьего войска дало правительству возможность не нуждаться более в городских полках; горожане перестают участвовать в войсках, становятся вполне сословием невооруженным, вполне *мужиками*, *полулюдьми* относительно полных людей, мужей, т. е. вооруженных, ибо по тогдашним понятиям только вооруженный, только воин был полный, полноправный человек <...> Гоньба за человеком, за рабочею силою производится в обширных размерах по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бегут от тягла всюду, куда только можно, прячутся, закладываются, пробираются в подьячие; гоньба за крестьянами, которые от тяжких податей бредут розно, толпами идут за Камень (Уральские горы); помещики гоняются за своими крестьянами, которые бегут, прячутся у других землевладельцев, бегут в Малороссию, бегут к козакам».

Долгий промежуток времени между воцарением Павла I и концом эпохи Николая I дал накопление материала относительно российской интерпретации пространственности, но не мог породить сколько-нибудь серьезного обобщающего ее переосмысления. Отчасти в связи со свирепостью цензуры, отчасти в связи с тем, что внимание было преимущественно сосредоточено на трех темах. Первая — несчастные перипетии мятежа на Сенатской площади и его последствий, вторая — изрядно романтизированная эпопея войны на Кавказе, третья — довольно пустая перебранка между западниками и славянофилами. При всем том прокладка шоссейных дорог (при чудовищном отставании железнодорожного строительства), перепланировка сел, кризис крепостной организации индустрии — все это не только фиксировалось, но и осмыслялось. Беда в том, что до на-

чала Первой мировой войны историческая дистанция была еще мала для выработки объективного взгляда на недавнее время, а за весь советский период не допускалось ничего, кроме идеологизированной сверх предела брани по поводу девятнадцатого столетия. Темы серьезных исследований материалов XIX в. безжалостно вычеркивались из планов научных заведений, архивные материалы практически не изучались, и уже потому наше представление о достаточно долгой эпохе фрагментарно и во многом искажено.

Пропасть, образовавшаяся между имперской бюрократией и большей частью образованного сословия, закрепляла условия, при которых первая замыкалась в себе, отталкивая возможных союзников из числа конструктивно настроенной оппозиции, засыпавшей власть аналитическими записками о реальном положении дел. В то же время основной массив разночинной интеллигенции выталкивался властью в народническую или социал-демократическую позиции, отталкиваясь от которых, любой анализ был подчинен абстрактной идейной установке. Характерный пример – обсуждение действительно великого процесса строительства железных дорог, когда на первый план выступила поэма Некрасова с явно лживой интерпретацией явления²¹.

Вольное экономическое общество, основанное еще в 1765 г., и Русское географическое общество, основанное в 1845 г., вели обширную, хотя и не вполне систематическую, работу, но результаты ее и в недостаточной степени использовались, и не становились элементом широкого просвещения. Так или иначе, но мы до сих пор вынуждены выдвигать отдельные указания на то, что российская картина расселения все же неспешно менялась, из мемуаров. Вторым источником (с необходимой поправкой на идейную заангажированность российских литераторов) являются художественные тексты, включая прежде всего «физиологические» очерки, оставленные писателями второго ряда, начиная с Николая Лескова и Глеба Успенского. Но и ранее, скажем, у Ф. Вигеля, наблюдателя язвительного и дотошного,

²¹ Разумеется, при вербовке рабочих на строительство Николаевской дороги хватало безобразий, среди которых первое место занимало стремление помещиков за солидные деньги сбросить малосильных, а то и просто больных из числа своих крепостных. Однако всякий посетитель Музея Николаевской железной дороги в Петербурге может видеть на старых фотографиях и американские экскаваторы, работавшие на возвышенных местах, и весьма талантливо спроектированные «казармы» для работников с тщательно продуманной системой обогрева и вентиляции для сушки мокрой одежды и обуви. Условия работы на стройках социализма (да и на стройках коммунизма тоже) были чаще всего много хуже.

встречалось: «На самом темени высокой горы, на которой построена Пенза, выше главной площади, где собор, губернаторский дом и присутственные места, идет улица, называемая Дворянской. Ни одной лавки, ни одного купеческого дома в ней не находилось. Не весьма высокие деревянные строения, обыкновенно в девять окошек, довольно в дальнем друг от друга расстоянии, жилища аристократии украшали ее. Здесь жили помещики точно так же, как летом в деревне, где господские хоромы их так же широким и длинным двором отделялись от регулярного сада, где вход в него так же находился между конюшнями, сараями и коровником и затрудняем был сором, навозом и помоями. Можно из сего посудить, как редко сады сии были посещаемы: невинных, тихих наслаждений там еще не знали, в чистом воздухе не имели потребности, восхищаться природой не умели»²².

Понадобилось целое поколение, чтобы реформы 1860-х гг., породившие земство, привели к формированию мощного краеведческого движения, плодом которого, среди прочего, были десятки ежегодников, изданных в немалом числе губерний. Пока шла соответствующая подготовительная работа, вновь основная тяжесть аналитической работы выполнялась литераторами, склонными к глубокой рефлексии.

Среди них Афанасий Фет, на себе поставивший эксперимент обустройства хозяйства на земле, приобретенной сразу вслед за отменой крепостного права: «Когда мы сошлись в цене с продавцом, человеком, далеким от науки, но не от практики, он в виде любезности высказал мне некоторые советы, тем более что я без зазрения совести сознавался в моем неведении. Однако неведение неведением, а надо же составить какой-либо план и что-нибудь делать. Он первый подал мне мысль разделить пашню на четыре поля, указав на убыточность трехпольной системы при вольнонаемном труде...»²³. Фет был всерьез занят подъемом своего хозяйства в новых, непривычных условиях, но его горизонт мышления ни в коем случае не был ограничен помещьем: «Железные дороги пролетели из конца в конец Европейской России, закрывая местные почтовые станции. В то же время судебные камеры, заменившие прежние уездные суды и полицейские управления, разбросались по всему уезду. В результате оказалось, что двойное благодеяние сподручного местного суда и быстрого почтового сообщения, по неполной организации последнего, приводит край к двойному затруднению... Из почтовых ва-

²² Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 94.

²³ Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 63.

гонов на подоконники станций выбрасывают простую и просительскую корреспонденцию, за которую никто не отвечает»²⁴.

Десятью годами позже собственное хозяйство завел А. Н. Энгельгардт, профессор химии, уволенный из земельного института за сочувствие распространителям нелегальной литературы. По сей день, наверное, нет лучшей аналитики пореформенной экономики села в средней полосе России, чем его «Письма из деревни». В них, наряду с детальным анализом взаимосвязи агротехнических вопросов с сюжетами социально-экономическими, можно найти обобщения принципиальной значимости: «После „Положения“ запашки в помещичьих имениях значительно — полагаю, на две трети — сократились, все еще сокращаются и будут сокращаться, если благосостояние крестьян будет увеличиваться: помещичьи хозяйства не имеют будущности, они должны уничтожиться, потому что *смыслу нет* в том, чтобы мужики-хозяева, имеющие свои земли, свое хозяйство, работали в чужих хозяйствах. *Это — нелепость*»²⁵.

«Современную идиллию», или «Письма к тетеньке», М. Е. Салтыкова-Щедрина можно было бы здесь цитировать целиком, так как за памфлетной оболочкой скрывались и подлинные знания автора, обладавшего серьезным опытом управленческой деятельности, и мощная способность обобщающего суждения. Но вот гораздо реже упоминаемый автор — цензор А. В. Никитенко: «Мы находимся в таких чрезвычайных обстоятельствах, какие редко встречаются в истории. С одной стороны, в обществе возникли стремления, возбужденные реформами, а отчасти застоём, которые не могут быть удовлетворены правительством. С другой стороны, правительство, как бы испуганное этими стремлениями и собственными своими реформаторскими действиями вначале, круто поворотило назад. И там и здесь есть своя логика. Между интеллигентным так называемым обществом и властями поэтому возникли отношения какой-то борьбы и неприязни. Самое худшее из этого выходит то, что нравственные основы общества сильно поколебались»²⁶.

К сожалению, после злодейского убийства Александра II консерваторы получили превосходный предлог для массированного наступления на попытки ввести минимальные инструменты диалога власти с едва встававшим на ноги гражданским обществом России. Е. А. Перетц, записавший ход памятного заседания Совета министров 8 мар-

²⁴ Там же. С. 275.

²⁵ Энгельгардт А. Н. Из деревни 12 писем. 1872–1887. Письмо 10. М., 1999. С. 372.

²⁶ Никитенко А. В. Дневник. Т. 3. М., 2005. С. 360.

та 1881 г. с участием Александра III, дал нам возможность ощутить напряженность этого момента, повлиявшего на всю дальнейшую историю страны.

«...Ваше величество, не о конституции идет у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и прежде. Когда рассматривались проекты крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз, с соизволения покойного государя, приглашаемы были для предварительного обсуждения этих проектов люди практические, которые знают действительную жизнь, потому что живут не в столицах, а в уездах и деревнях, где многие вопросы представляются в ином свете, нежели в нашей среде. Теперь предстоят важные законодательные труды по окончании сенаторских ревизий. Естественно, что для успеха дела необходимо сообразить их всесторонне, т. е. не с канцелярской только или бюрократической точки зрения...» (Граф Милютин).

На это следовала филиппика оберпрокурора Священного Синода К. Я. Победоносцева: «...И эту фальшь по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского народа с царем есть неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться! Так называемые представители земства только разобщают царя с народом...»²⁷.

Как известно, осторожные реформаторы потерпели сокрушительное поражение, Победоносцев, на горе России, победил, земские реформы постепенно укорачивались. Революция становилась неизбежной, хотя еще один шанс для реформ был дан в период премьерства Витте и Столыпина. Именно к началу XX в. благодаря глубокой специфике российского экономического развития настало время, когда — по сути, впервые, если не считать романтические мечтания утопистов эпохи Возрождения и игнорировать давнюю практику Китая, — пространство страны как целое становится предметом напряженного осмысления. В его основе невиданная степень огосударствления, распространявшегося и на частные предприятия, работавшие на военные ведомства (да и на все прочие косвенно тоже — за счет протекционистских пошлин). Стремительно разраставшаяся сеть казенных железных дорог, среди которых частные появляются

²⁷ Цит. по: *Дискин И. Е.* Революция против свободы. М., 2007. С. 171, 173.

поздно и в малом масштабе, уже давало пищу для мысленного оперирования на карте империи, быстро перераставшего в проекты и их реализацию, включая эпопею Транссибирской магистрали. Политический консерватизм сказывался, конечно, и на предпринимательской деятельности, однако и устремления российских деятелей масштаба Стахеевых, и планы иностранных инвесторов масштаба Нобеля подталкивали власть к развитию инфраструктуры, ориентированной как на индустриализацию, так и на расширение экспорта сельскохозяйственной продукции.

Несмотря на то, что царское правительство всемерно сдерживало развитие местного самоуправления, инфраструктуры крупных городов переживали подлинную революцию. В 1882 г. в Москве заработала первая телефонная станция. Через год в обеих столицах разветвляются сети электрического освещения. В 1892 г. был пущен трамвай в Киеве, через четыре года – в Нижнем Новгороде, еще через три – в Москве, тогда как Петербургу или Одессе из-за яростного сопротивления владельцев конки пришлось для этого ждать 1907 г. Электрификация России началась на десяток лет позже, чем в США, но развивалась достаточно быстро. Правительство, столкнувшись со значительными тратами на строительство железных дорог, норовило компенсировать расходы на Среднеазиатскую дорогу, обложив тяжелым налогом едва становившееся на ноги производство хлопка, однако аргументы общества хлопководов при активной поддержке Д. И. Менделеева все же были восприняты и хлопковые посевы стремительно расширялись, дав новый импульс текстильной промышленности исторического Центра²⁸.

Активный вывоз хлеба из Заволжья, хлопка из Туркестана, нефтеналивной флот на Волге, развитие Донецкого угольного бассейна, проектирование незамерзающего порта в Мурманске, первые планы электрификации и прочее, и прочее – все это в российских условиях было неосуществимо без активного участия правительства. Вся эта деятельность остро нуждалась в первоклассных инженерах и ученых, ориентированных на практику, и к этому времени сформировалась уже плеяда блестящих ученых, инженеров, и главное – ученых-инженеров, способных не только решать любые технические задачи, но также выдвигать все более масштабные задачи, без решения которых догоняющее развитие России было бы невозможным. При этом важно иметь в виду, что великолепные новые профессионалы в сво-

²⁸ См. любопытные подробности: *Варенцов Н. А.* Слышанное, виденное, передуманное, пережитое. М., 1999. С. 262–264.

ей деятельности руководствовались отнюдь не примитивной технократической идеологией. Они испытывали мощное воздействие философских взглядов: от анархо-кооперативистских до социал-демократических — разных толков.

Хотя страстная мечта П. А. Кропоткина о человеческом общежитии, основанном на началах солидарности, многим казалась чрезмерностью, мощь его критики в адрес капитализма и марксистов по поводу узости разделенного труда и обаяние его гуманизма оказывали огромное влияние. Столь же важной стала вера Кропоткина в то, что свободное ассоциирование свободных граждан вполне гармоничным образом может соединиться с рациональностью размещения человеческой деятельности в пространстве страны:

«Политическая экономия до сих пор делала упор на разделение. Мы же, напротив, провозглашаем интеграцию; и мы утверждаем, что общественный идеал — то есть состояние, к которому общество уже стремится, — это общество с взаимодополняющим, соединенным трудом. Общество, в котором каждое существо совершает одновременно труд физический и умственный; где каждый физически способный к этому человек является работником и где каждый работающий одновременно творит на поле и в промышленной мастерской; где каждая община, достаточно крупная для того, чтобы располагать определенным разнообразием вспомогательных природных источников — будь то страна или всего лишь район, — сама производит и потребляет большую часть своих сельскохозяйственных и промышленных изделий»²⁹. «Бесчисленное же множество изделий и товаров, создаваемых в результате взаимодействия умелых и квалифицированных работников, лучше всего производить на небольших фабриках, на которых работают сотни или даже десятки рабочих. Вот почему столь излюбленная „концентрация“ есть часто всего лишь соединение капиталистов с целью установить свое господство на рынке, а не с тем, чтобы удешевить технический процесс».

«...В ходе такого развития естественные продукты каждой местности и ее географические условия, безусловно, станут одним из факторов, определяющих, какое производство будет там развиваться».

«...Распространение производства в деревенские местности, так, чтобы фабрики стояли, окруженные полями, а сельское хозяйство извлекало преимущества из соединения с промышленностью (...), и соединение сельскохозяйственного и промышленного труда — таков, без сомнения, следующий

²⁹ *Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские. Цит. по: Интернет-издание.

шаг, который необходимо будет сделать, когда станет возможной реорганизация нашего нынешнего общества»³⁰.

Не лишено грустной парадоксальности то обстоятельство, что после революции, которая была инициирована Октябрьским переворотом, идея свободной кооперации была буквально вывернута наизнанку большевистской властью. Та быстро загнала крестьян в условия, по сравнению с которыми тяжелейшие условия екатерининской эпохи крепостничества кажутся вполне человеческими. Еще огорчительнее то, что и в постсоветский период власть до сих пор не увидела рациональное зерно в утопии Кропоткина: любая попытка удержать сельское производство в наше время может быть успешна единственно при условии обеспечения широты спектра занятий разными видами деятельности, в опоре на малые города.

Огромное влияние на состояние мысли конструктивно ориентированной части русской интеллигенции оказали поздние работы

³⁰ Там же. Кропоткин, отнюдь не идеализировавший старую общинную организацию деревни, убедительно аргументировал свою веру в возможности свободной кооперации. Так, в книге, русский перевод которой появился в 1902 г. под названием «Земля и Воля», Кропоткин писал: «Я уже говорил, что усовершенствованные плуги быстро распространились на юге России, и во множестве случаев сельские общества весьма эффективно их используют. Плуг, купленный обществом, был опробован на общинной земле, и соображения относительно необходимых улучшений передавались ремесленникам, которым общество часто помогает наладить производство дешевых плугов в виде сельской промышленности. В Московской губернии, где за последние пять лет крестьяне приобрели 1560 таких плугов, импульс исходил от тех сообществ, что арендовали землю специально для ее улучшения... На северо-востоке (Вятка) малые крестьянские общества, передвигающиеся с места на место со своими жатками, распространили применение таких машин в соседние губернии. Широкое распространение молотилок в Самарской, Саратовской и Херсонской губерниях произошло из того, что крестьянские общества могут позволить себе приобрести дорогую машину, чего не может крестьянин в одиночку. И хотя почти во всех экономических трактатах мы читаем, будто деревенское общество обречено на исчезновение, когда на смену трехполью приходит севооборот, в России мы видим, что многие общества берут на себя инициативу внедрения севооборота. Обычно перед этим крестьяне выделяют часть земли под сеяные луга, когда семена покупаются сообща, и если эксперимент удался, они не видят больших затруднений в том, чтобы разделить поля по пяти- или шестипольной системе». *Kropotkin P. Mutual Aid: A Factor of Evolution. L., 1902.*

Д. И. Менделеева. Менделеев известен каждому как химик, но до сих пор менее известен как практик с предпринимательским воображением и как публичный деятель. Он был озабочен не только расчетами рациональных тарифов, умеренным протекционизмом в духе немецкого экономиста Фридриха Листа³¹, не только прогностическими расчетами демографического роста населения России (в опоре на материалы переписи 1897 г.), но и общей рациональностью развития национальной экономики во времени и пространстве.

Чрезмерная увлеченность Менделеева исчислением двух центров России, географического центра поверхности и центра тяжести ее населенности, равно как тезисом о необходимости работать на постепенное сближение этих центров, не должна закрывать от нас важнейшую работу над единой программой промышленного и культурного развития европейской и азиатской частей страны. Рассматривая территорию России как единое целое, Менделеев выделил экономические районы «различного хозяйственного характера»³², группируя губернии в 14 краев. В противоположность прежним опытам районирования, учитывавшим преимущественно сельское хозяйство, районирование Менделеева определялось прежде всего интересами индустриализации России. Как систематик Менделеев составил таблицу показателей экономики районов. В этой таблице для каждого края указаны: пространство (квадратные географические мили); число жителей (миллионы); на одну квадратную географическую милю жителей; урожай зерновых хлебов (миллионы пудов), с выделением: а) овса; б) продовольственных хлебов; в) избытка или недостатка; производство чистого спирта (миллионы ведер); добыча чугуна (миллионы пудов в год); число не платящих акциза фаб-

³¹ Среди идей Ф. Листа особое место занимает обоснование активной экономической политики государства. В контраст к либеральной идеологии англосаксов, фактически навязывавших через тезис о свободе торговли собственную волю другим странам, Лист писал, что нельзя понять народное хозяйство как органическое целое, если исключить из него государственное хозяйство. Народная экономия становится национальной экономией в том случае, если государство охватывает целую нацию, обладающую самостоятельностью, способностью приобрести устойчивость и политическое значение. Государственная власть согласует и направляет усилия отдельных звеньев национального хозяйства во имя долгосрочных, коренных интересов нации.

³² Важным было использование слова «характеристика» в отличие от общепотребимого в трудах ученых Русского географического общества термина «описание».

рик и заводов; годовая производительность фабрик и заводов (миллионы рублей), по различным видам учета; производительность всех фабрик и заводов (всего миллионов рублей); производительность всех фабрик и заводов на одного жителя (рубли); производительность зерновых хлебов на одного жителя (рубли); главные товары, доставленные краем; развитие отпускной (из края) торговли.

К работе «Уральская железная промышленность в 1899 г.» была приложена карта Урала с обозначением заводов, рудников и путей сообщения. По комплексности подхода труд Менделеева был исключительным явлением. Намечая цельную систему действий, Менделеев рассматривал горное дело, металлургию, машиностроение, лесное хозяйство и транспорт как единую проблему. Он особенно подчеркивает значение железных дорог для Урала как внутри его, так и для выхода в другие районы. Ставится, пусть в иных обозначениях, задача формирования единого Урало-Кузнецкого металлургического комплекса на привозном коксующемся угле. Наконец, в последней своей работе Менделеев настаивает на ускоренном освоении Дальнего Востока: «...на побережьях Тихого океана, — пишет он, — нам совершенно неизбежно, ничуть не отлагая и не жалея денег, прежде всего заводить все необходимое свое для устройства кораблей, начиная с каменноугольных копей, чугуноплавильных доменных печей, переделочных заводов и верфей... Край-то и оживет»³³. При этом уверенный в том, что возрождение Китая неизбежно, Менделеев настаивал на том, что с этой в перспективе могущественной мировой державой необходимо иметь тесный союз.

Мы останавливаемся на работах Менделеева по той причине, что именно эти идеи, пусть в несколько вульгаризованной форме, легли в основу идеологии КЕПС (Комиссии по изучению естественных производительных сил), созданной во время Первой мировой войны под руководством В. И. Вернадского, затем в основу Плана ГОЭЛРО и, наконец, программы большевистских пятилеток. Современники Менделеева — и промышленники, и ученые-экономисты — считали естественным для России повторять путь от развития легкой промышленности, не требующей больших капиталовложений и обеспечивающей быструю окупаемость вложенных средств. Лишь накопив солидный капитал, благодаря развитию легкой промышленности, можно строить тяжелую индустрию. По мнению Менделеева, такая логика обрекала Россию на положение сырьевого придатка Запада. По его суждению, России необходимо было начать с создания

³³ Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1904. С. 230.

тяжелой индустрии на основе самой передовой технологии, с задачей «обойти не догоняя». Менделеев, предвидя неизбежность соревнования с США, настаивал на необходимости удвоения инвестиций в развитие промышленности³⁴, непременно осуществив радикальное смещение вектора индустриализации в Сибирь и к берегам Тихого океана. Наконец, одной из ключевых задач России он считал освоение Северного морского пути³⁵.

В опоре на тщательно обработанные материалы переписи 1897 г. составитель 54-го тома Энциклопедии Брокгауза и Ефрона «Россия» дал, наконец, обобщение накопленного материала о территории и населении Российской империи. Полнота демографических и антропологических сведений, собранных в этом томе, охватившем не только уездные и заштатные города, но также слободы и крупные села, равно как полнота сведений о развитии инфраструктур, по сей день остаются образцовыми. Пожалуй, единственное, в чем проследивался острый дефицит знаний, это сведения о минеральных ресурсах — царская администрация упорно отказывала Академии наук и Русскому географическому обществу в финансировании масштабных геологоразведочных работ.

Вряд ли было случайным совпадением, что как раз к началу нового века В. О. Ключевский, многие годы неустанно редактировавший записи своих лекций по российской истории, согласился их напечатать. Практически одновременно с западными школами, развернувшими вектор исследований от событийности к глубинным экономическим, социальным и отчасти природоведческим горизонтам, Ключевский

³⁴ Тогда было порядка 350 миллионов рублей ежегодно.

³⁵ Менделеев в возрасте 67 лет добивался своего назначения руководителем полярной экспедиции на ледоколе «Ермак» (для которого он разработал проект перевода на мазут), а выдвинув идею использования аэростатов для исследования стратосферы, сам отправился в полет для наблюдения солнечного затмения. Следами Энгельгардта Менделеев купил в Клинском уезде Московской губернии имение Боблово с 400 десятинами земли и, как и его предшественник, вопреки скептикам, не вкладывая больших капиталов, в короткий срок добился удвоения урожайности в растениеводстве и продуктивности в животноводстве. Его хозяйство стало местом паломничества земледельцев и местом прохождения практики студентами Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. Менделеев же положил начало химизации сельского хозяйства и вслед за Докучаевым разрабатывал основы отечественной агрономической науки, включая новые приемы обработки почв, лесоразведения, селекционной работы.

в начальных лекциях своего курса развертывает широкую панораму объективных условий, в которых произошло становление и развитие российской государственности. По отношению к работе прежних историков, увлекшихся, как Костомаров, по-своему очень ценной детализацией сферы быта, это был качественный рывок, по значению сопоставимый с работой П. Милюкова над «Очерками русской культуры».

Еще не произнесено слово «экология», которому принадлежало будущее, но Ключевский счел необходимым открыть курс сжатыми очерками, затрагивающими форму поверхности и климат, геологическое строение, почвенный покров и поверхностные воды — все это для России в целом как для интегрального природно-социального образования. Завершая свою вторую лекцию, историк писал: «Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи. Но народ, создавший это государство, по своим духовным и материальным средствам еще не стоит в ряду других европейских народов <...> Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств — это плоды многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать. Нам нужно знать, чего они не успели сделать; их недоимки — наши задачи <...> Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями <...> Это тем необходимее, что мы живем во время, обильное идеалами, но идеалами, борющимися друг с другом, непримиримо враждебными. Это затрудняет целесообразный выбор. Знание своего прошлого облегчает такой выбор: оно не только потребность мыслящего ума, но и существенное условие сознательной и корректной деятельности. Вырабатывающееся из него историческое сознание дает обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости»³⁶.

Известно, как именно российское общество, при оскорбительной интеллектуальной немощи самодержавия, ответило на сформулированный Ключевским вызов, но за двадцать лет, предшествовавших трагедии Мировой войны, оно трудами лучших своих деятельных умов совершило поистине грандиозную работу. Впервые отечественная школа выработки знаний, ориентированных на практику развития страны, не только освоила опыт, наработанный в Европе

³⁶ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 61–62.

за XIX в., но вышла на передний рубеж крупномасштабного осмысления задач, в отдельных случаях (Менделеев, Вернадский, Кондратьев и ряд других) продвигая его дальше и глубже прочих.

Поразительно, как глубоко к тому времени утвердилось расщепление сознания конструктивного меньшинства среди думающих людей. С одной стороны, они не могли не видеть быстрый прогресс российского хозяйства, которое увеличивало мощность с 1890 по 1913 г. ускоренным образом, в полтора-два раза быстрее, чем в Германии или во Франции. Так, в результате Столыпинских реформ и, в частности, благодаря недурно осуществленной программе переселения крестьян в южную Сибирь средний урожай зерна в России перед началом войны по сравнению с пятилетием с 1901 по 1905 г. вырос в полтора раза³⁷. С другой стороны, этих людей приводил в ярость консерватизм власти, через который ускорение пробивалось с огромным трудом, они видели неизбежность страшных потрясений и, в отличие от «певцов бури», испытывали чувства, близкие к отчаянию из-за собственного бессилия изменить ход событий.

Среди замечательных имен этого круга — И. Х. Озеров, экономист и юрист, страстный пропагандист просвещенного капитализма, сторонник введения дифференцированного налогообложения и активный деятель кооперативного движения. Интеллектуальная отвага позволила Озерову распространить круг своих интересов и на новую отрасль знаний — урбанистику³⁸, равно как и на новое направление проектной деятельности — территориальное планирование. В этом отношении заслуживает внимания небольшая книга Озерова, посвященная конфликтам и перспективам развития крупных городов³⁹. Озеров обратился к проблеме крупного города и едва только

³⁷ См.: *Гайдар Е. Т.* Долгое время. М., 2005. С. 280–282.

³⁸ Первая кафедра урбанистики была основана П. Геддесом и Р. Унвином в британском Ливерпуле в 1909 г. Первое русское издание книги Эбенизера Говарда о городах-садах вышло в свет в 1911 г.

³⁹ *Озеров И. Х.* Большие города, их задачи и средства управления. М., 1906. Любопытно, что в обширных очерках об этом ученом данная книга вообще не упоминается. Шире известна книга Озерова «Что такое общество потребителей, как его основать и вести», получившая золотую медаль на Всемирной выставке в Париже (1900 г.) и премию юридического факультета Московского университета. Озеров-практик был председателем совета Центрального банка Общества взаимного кредита, членом правления Русско-Азиатского банка, акционерного общества «Лензолото», Общества деятелей периодической печати и литературы, членом Государственного совета от Академии наук и универ-

формирующейся агломерации (город и его окрестности, функционально неотрывные от города), усмотрев их ключевое значение для развития аграрной по преимуществу страны. Он был отлично знаком с трудами Кропоткина и его соратника по анархизму Элизе Реклю, с работами британцев, сочувственно относился к идее расселения множества людей за городской чертой, хотя и без крайностей марксистов, откровенно ненавидевших большой город. Будучи прагматиком, Озеров воспринимал крупный город как данность, которой предстояло большое будущее.

Отталкиваясь от прогнозов Герберта Уэллса, Озеров писал: «Прежде население бежало из деревни в город, город резко отделялся от деревни, будучи исключительно преданным торговле и промышленности; деревенское население, наоборот, не знало почти никакой другой промышленности, кроме земледелия, но развитие средств сообщения это положение меняет: линия, резко отделявшая город от деревни, в настоящее время стусевывается, в политическом и экономическом отношении горожане и сельчане становятся равноправными, если не фактически, то юридически»⁴⁰. Сопоставляя начало сверхплотной коммерческой застройки столичных городов России с иноземным опытом, он отмечал: «Я сам, живя в Берлине, усвоил себе прекрасный обычай каждый праздник летом дышать чистым воздухом за городом, но в Москве приходится забыть все эти культурные привычки, выработанные практической работающей нацией. Между тем эта возможность провести за городом хотя бы день в неделю поднимает работоспособность. Там умеют ценить рабочую силу человека, заботятся об ее повышении, у нас ее не ставят в грош. А между тем в энергии, бодрости, силе — вот в чем залог развития нации. Поставьте рядом англичанина, пышущего здоровьем, немца и жителя наших городов, бледного, анемичного, с вялой энергией — как мы можем надеяться на победу во все более и более обостряющейся промышленной борьбе? Американцы в своей заботливости о физическом здоровье не только, словно паутиной, удобными путями сообщения опутывают города, но и в самих них создают массу садов, парков, что называют „легкими“ города, а мы даже и теми лег-

ситетов России с 1909 по 1917 г., участником многочисленных официальных и общественных комиссий. В 1911 г. он завещал все свои капиталы на экономическое образование населения, бесплатное распространение своих книг и статей, «призывающих к творчеству», по всем деревням, селам, волостным управлениям, фабрикам...

⁴⁰ Озеров И. Х. Цит. С. 7.

кими, которые имеем, не даем возможности дышать, не даем воздуха, заставляем население жить скученно при дурной санитарной обстановке, преграждая ему доступ к чистому воздуху – за город. Да будет нам стыдно! Но этого мало, это слишком бьет нас и по карману, понижая нашу работоспособность»⁴¹.

Наконец, в лаконичной форме Озеров прописывает развернутую программу социально-экономических изменений, необходимых для страны: «Куда, говорит итальянская пословица, не проникает солнце, туда приходит врач». И города должны заботиться о доступности солнца в жилые помещения, для чего домостроительство так или иначе регулируется. Например, может быть установлена высота домов в известном отношении с шириной улиц, иначе чрезмерно высокие дома, если они будут окружать улицу, могут образовать из улицы род колодца, куда не будет проникать солнце, где воздух будет застаиваться, и придется вводить чуть ли не искусственную вентиляцию последнего... Города должны взять в свои руки водоснабжение населения, канализацию, газовые заводы, снабжение электричеством, трамваи, бани и прачечные, строить жилища для бедного населения... Эксплуатация подобного рода предприятий самими городами имеет много преимуществ: город эксплуатирует такие предприятия в общем интересе, между тем как частные предприниматели нередко стремятся только получить возможно более дохода»⁴².

Не удивительно, что после октябрьского переворота почти вся конструктивная интеллигенция, не испытывая симпатии к большевикам, оказывается все же втянутой в напряженный труд, который – во всяком случае, в декларациях – должен был, как они надеялись, способствовать воплощению их идеалов о более справедливом устройстве общества. Здесь мы оказываемся в очень важной точке: пространственный масштаб планирования впервые в мире поднялся до горизонта всей страны. Дело в том, что в действительности подготовка такой работы началась существенно раньше. Работа С. Переслегина, известная менее, чем она того заслуживает⁴³, проливает свет на эту малоизученную тему.

Говоря о конструктивной интеллигенции, историки, как правило, забывают о сильной, превосходно образованной корпорации, которую представлял собой Генеральный штаб. В нем отлично знали ис-

⁴¹ Там же. С. 14.

⁴² Там же. С. 19–22.

⁴³ *Переслегин С. В.* (псевд. Х. Селдон). Секретное оружие элит. Революция как элемент управления. Солдаты России. № 9–10. Сентябрь. 2009.

тинное положение дел в России, отдавали себе отчет в ее неспособности вести затяжную войну на западном фронте. Авантюрный план, насколько можно судить по мемуарам, состоял в том, чтобы, сосредоточив все силы в ударном кулаке, добиться быстрой победы в столкновении с объединенными силами Германии и Австро-Венгрии и провести модернизацию за счет репараций⁴⁴. После Цусимы и Порт-Артура в Генштабе не могли не понимать, что быстрая победа никоим образом не гарантирована, тогда как победа стран Антанты при ведущей роли западных союзников означала бы закрепление зависимости России от них. Второй вариант — опереться на ту силу в России, которая готова осуществить ее модернизацию любой ценой. Такой силой были большевики⁴⁵. К концу 1915 г., когда В. И. Вернадский возглавил Комиссию по изучению естественных производительных сил (КЕПС), первичной задачей которой была организация поиска месторождений марганца, молибдена, хромитов, без которых производство вооружения в необходимых масштабах было невозможно, а их импорт был прерван войной, неформальный союз между генштабистами и учеными были сформирован. Участники КЕПС видели, что по мере развития индустрии протяженность России стала ее ахиллесовой пятой, что России требуется подлинная революция в организации и обеспечении производства и прежде всего его инфра-

⁴⁴ Сразу после победы 1945 г. Советский Союз, как известно, осуществил подобный план через вывоз промышленного оборудования из своей зоны оккупации в Германии. Как показал опыт, эффективность этой операции оказалась иллюзорной, поскольку она затормозила модернизацию советской промышленности за счет внедрения уже устаревших к тому времени технологий.

⁴⁵ Связь между большевиками и российским Генеральным штабом прослеживается вполне четко, равно как и преемственность между деятельностью КЕПС и программой ГОЭЛРО. Недаром к концу 1918 г. видные генштабисты занимают ведущие должности во всей структуре военного управления Красной Армии. Управленческая элита в лице Генштаба, промышленная элита в лице ряда промышленников и предпринимателей, вносящих деньги в кассу большевиков, интеллектуальная элита Комиссии Вернадского, инженерная элита, — все эти люди, составлявшие основу правящего класса дореволюционной России, пожертвовали жизнью, честью, имуществом, империей, династией, но они придали большевистскому перевороту творческое, созидательное начало, сделали его революцией. А большевики, со своей стороны, не остановились ни перед чем, решая задачу инфраструктурной недостаточности страны. И для индустриальной фазы развития они вполне справились с ней, превратив к началу 1960-х гг. Россию в сверхдержаву.

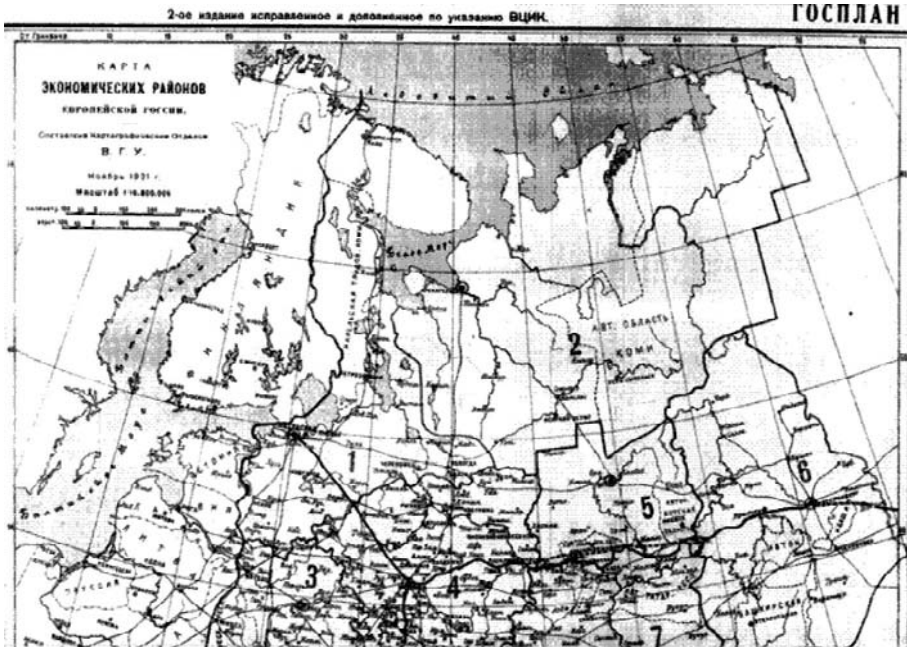

Схема районирования Европейской части СССР, разработанная под руководством И. Г. Александрова: вычленение макрорегионов поверх административного деления на области.

структурной логистики. Для этой революции в тогдашнем российском капитализме не было и не могло найтись финансовых средств.

Так или иначе, в феврале 1918 г. был дан официальный старт Плану ГОЭЛРО, чему предшествовала лихорадочная работа КЕПС и прикнувших к ее деятельности инженеров, под общим руководством соратника Ленина Г. М. Кржижановского. Если в отношении геологических изысканий первую скрипку играл А. Е. Ферсман, то ведущей фигурой в деле экономического районирования был, несомненно, И. Г. Александров, более известный как создатель Днепрогэса. Этот инженер-универсал строил мосты и проектировал системы орошения, вместе с программами развития водного транспорта, осушения, водоснабжения городов и рыбного хозяйства. Задолго до известных событий он руководил (в основном на средства концерна Стахеевых, имевших интересы в развитии хлопководства) работами в Туркестане, где создал «Схему орошения Ташкентского района», «Эскизный проект орошения Юго-Восточной Ферганы» и «Схему регулирования стока реки Сырдарья».

Уже после завершения двухлетней экспертизы Днепростроя, после пяти лет напряженной проектной и исследовательской работы Александров записывал: «Проект вышел из гидротехнических рамок, захватив в свою орбиту железные дороги, металлургию и прочее, и если здесь были сделаны некоторые ошибки, то разве только в том, что курс на комплексное проектирование был взят недостаточно полно...»

Именно характерная для Александрова комплексность подхода к масштабной задаче позволила ему еще в период разработки плана ГОЭЛРО придать принципу комплексного территориального развития страны необходимую полноту. Александров-практик был лидером того направления глубокоосмысленной проектной работы, которую десятилетия спустя стали именовать методологией. Будучи с 1921 г. членом президиума Госплана, он, создав институт «Гипровод», развертывал каждую частную задачу (к примеру, Чирчикскую систему орошения) до максимального охвата заложенных в местных условиях возможностей, включив в проект создание азотно-тукового комбината. Он прорабатывал программу Ангарско-Енисейского каскада гидроэлектростанций, которой суждено было осуществиться лишь полувеком позднее, эскизную проектную программу сооружения БАМа — Байкало-Амурской железнодорожной магистрали т. д.⁴⁶

Для нашей темы важнее иное. С 1921 по 1924 г. Александров руководил подкомиссией по районированию, образованной в составе Госплана по постановлению Совета Труда и Обороны. В самом начале работы Александров выступил с докладом, направленность которого в значительной степени определила ход дальнейших работ в сфере советского территориального управления — при исключении ряда важных тезисов, оказавшихся ненужными для власти. Есть смысл привести текст этого доклада с некоторыми сокращениями, добавляя необходимые комментарии в квадратных скобках:

«Вопрос о районировании, всегда занимавший научную мысль в России в связи с нахождением форм правильного и целесообразного разделения территории государства, не мог не встать и перед Госпланом. Этому способ-

⁴⁶ Достаточно назвать основные печатные труды И. Г. Александрова: Экономическое районирование России. М., 1921; Проект орошения Юго-Восточной Ферганы. М., 1923; Орошение новых земель в Ташкентском районе. М., 1923; Основы хозяйственного районирования СССР. М. — Л., 1924; Электрификация Днепра. Одесса, 1924; Днепрострой (проект). М., 1929–1935. Т. 1–2; Проблемы Ангары. М. — Л., 1931; Камышинский узел и ирригация Заволжья в связи с решением проблемы Большой Волги. М. — Л., 1934.

ствовали и многочисленные требования с мест, и та стихийно слагающаяся перекройка административного деления республики, которая уже в настоящее время требует внесения весьма серьезных корректив и рационализации. В связи с этим по постановлению Совета Труда и Оборон в Госплане была организована Секция по районированию, задачи которой определены в следующих положениях:

1. Разработка принципов экономического, основного и специального районирования Республики.
2. Определение конкретных форм экономического разделения России на районы или области, а последних – на подрайоны.
3. Увязка вопросов районирования с интересами и воззрениями мест путем установления с ними связи и обмена мнениями.
4. Разработка плана развития народного хозяйства по районам путем установления совместной работы экономических совещаний на местах и Секции районирования Госплана.
5. Выяснение форм взаимоотношений между местными экономическими организациями и центром и пределов их компетенции.
6. Выяснение вопроса об организационных формах местных экономических учреждений в связи с основными их функциями в области народного хозяйства».

[Следует принять во внимание, что доклад написан уже после объявления НЭПа – новой экономической политики, в связи с чем происходила мучительная перестройка сознания советских управленцев с алгоритма обанкротившегося Военного коммунизма на алгоритм признания (пусть и на время) необходимости сосуществования концепции индустриализации, которую надлежало проводить из центра и предпринимательской деятельности на местах].

«Выяснение методов распределения на районы, которые применялись в НКЗ⁴⁷, в Административной комиссии и в работах Центрального статистического управления, привело к тому, что все эти методы пришлось признать недостаточными для конкретного разделения государства на экономические, а вместе с тем и административные области.

Недостаточность прежде всего заключалась в том, что каждое ведомство проделывало работу со своей специфической точки зрения: НКЗ искал рационального распределения для сельского хозяйства, Административная комиссия принуждена была как можно правильное и безболезненное

⁴⁷ Наркомзем или Народный комиссариат земледелия.

урегулировать запросы мест, диктуемые, однако по большей части нуждами текущей действительности, во многих случаях преходящими, а ЦСУ давало распределение на основании статистических данных о промышленности довоенного периода, причем оставались неучтенными и те глубокие изменения, которые внес революционный процесс в состояние нашего производства, и те возможности, которые могут проявиться здесь при той или иной форме будущего индустриального развития страны...»

[Уже первые попытки сверхцентрализации управления проявили болезнь, которая разъедала управленческую деятельность все годы советской власти, — целое постоянно растаскивали по ведомственным структурам, упорно выстраивавшим собственные пирамиды управления. Единственным инструментом координации оказывался при этом поначалу Госплан, но по мере укрепления партийной вертикали ВКП (б) роль такого инструмента перемещалась в сторону ЦК партии, а с 1929 г. непосредственно к Сталину и его собственному аппарату].

«...Государственной Общеплановой комиссии пришлось в самом начале своих работ стать перед необходимостью найти свой метод и реализовать его в виде предварительной схемы районов, при этом принципы, с которыми мы подошли к вопросу, были в значительной степени своеобразны. Природная характеристика взята нами в более полной форме, чем это делалось до настоящего времени. Кроме климата и почвы принята в расчет гидрографическая структура страны, т. е. тектоника распределения полезных ископаемых, формы залегания грунтовых вод, орография страны и морская береговая линия. Из гидрографических признаков, конечно, наиболее важным является бассейн крупных рек, морей и озер. Значение этой природной особенности настолько серьезно, что Франция в основу своего распределения на департаменты приняла речные бассейны, а в такой стране, как Россия, бассейны рек служили, да еще служат и теперь в известной степени, главным формирующим моментом не только в образовании земной поверхности, но и в ходе культурного и этнического процессов человеческой истории.

...Главная особенность, внесенная нами в понятие экономического района, заключается не в принятии того или иного статистического признака за исходный критерий, да и нет таких всеобъемлющих критериев, для нас важно было выделить в виде района некоторую своеобразную, экономически законченную (но не замкнутую) территорию страны, которая благодаря определенной комбинации из природных особенностей, капитальных ценностей (т. е. культурных накоплений прошлого времени) и населения с его бытом и подготовкой для производственной и вообще хозяйственной

деятельности представляла бы определенную потенцию для выполнения той или иной функции в общей хозяйственной динамике страны».

[Чрезвычайно существенным представляется то обстоятельство, что при несомненной его технократической ориентации Александров был готов принимать во внимание тот ресурс развития, который теперь именуется человеческим капиталом, во всем богатстве его содержания. Именно эта сторона практически немедленно была устранена из управленческой деятельности, ориентированной на подсчет рабочих рук. Однако, разумеется, не следует забывать о том, что власть вскоре сосредоточила внимание на подготовке кадров, придав ей настолько большое значение, что ценз на правильное классовое происхождение пришлось отменить, дав допуск к высшему образованию детям так называемых бывших].

«...Этот принцип экономической законченности дает возможность построить далее на хорошо подобранном комплексе местных ресурсов, капитальных ценностей, принесенных со стороны, новой техники и общегосударственного плана народного хозяйства проект хозяйственного развития района, построенный на базе наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах. При этом достигаются и другие весьма важные результаты: районы до известной степени специализируются в тех отраслях, которые в них могут быть развиты наиболее хорошо, а обмен между районами ограничивается строго необходимым количеством целесообразно направленных товаров.

Конечно, при этих условиях и материальный, и ценностный балансы районов приобретают наивыгоднейшую форму, так как ненужные обмены могут быть устранены полностью, а само развитие обмена достигнет при этом наибольшей полноты при наименьшей себестоимости транспортирования единицы товаров. Отсюда, конечно, ярко вырисовывается еще один весьма важный прием районирования — это необходимость обращать самое серьезное внимание как на транспортные пути внутрирайонного характера, так и на связь районов между собой».

[Вполне резонный принцип баланса деятельности на территории с учетом транспортного «плеча» был впоследствии существенно искажен идеологией продовольственной автаркии регионов в рамках их административных границ. Возведенный в догму, этот принцип произвольно закладывал снижение эффективности сельского труда, понуждая к расширению посевов в районах, наименее к этому пригодных по природно-климатическим условиям, равно как к минимизации горизонтальных связей между территориями в пользу центростремительных транзитных связей. Обнаруже-

ние этого феномена, в силу которого большинство дорог регионального значения не пересекают границы между областями, относится уже только к началу 2000-х гг., когда картинка космической съемки со всей очевидностью предъявила реальное состояние межрайонных и межрегиональных коммуникаций].

«Но прежде чем перейти к вопросу о конкретном распределении на районы республики, необходимо ответить на самый важный из вопросов, который невольно возникает при подобного рода фактах. Какова же цель районирования, что достигается таким разделением государства, и где границы этого разделения, как территориальные, так и правовые? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо представить себе в полном объеме всю задачу, как она ставилась раньше и как приходится ставить ее теперь.

Прежние русские районы или округа всегда носили специальный характер. Это были или ведомственные подразделения, причем каждое ведомство избирало свою систему распределения, или статистические, применявшиеся при различных крупных сводках числового статистического материала, причем само распределение порайонно часто становилось в зависимость от характера изучаемых явлений. Таким образом, возникали, с одной стороны, округа народного просвещения, водных путей сообщения, горные и т. д., с другой — районы, по которым производились группировки статистического материала по сельскохозяйственным переписям, по описанию промышленности, по скотоводству и т. д.

Конечно, в настоящее время мы не говорим о подобного рода разделениях, для нас важно глубокое основное членение государства на такие области, которые обладали бы значительной степенью хозяйственной самостоятельности, были бы автономными областями республики.

Такая постановка диктуется теми соображениями, что для крупного государства невозможно достигнуть всестороннего хозяйственного расцвета, если к строительству его экономики не будут привлечены все силы государства, что почти невозможно сделать при вполне централизованной структуре. Необходимо, чтобы на местах билась живая жизнь, чтобы местным людям был предоставлен достаточно широкий круг влияний и достаточно большая компетенция — этим достигается, с одной стороны, полная обеспеченность должной постановки местной хозяйственной деятельности, с другой стороны, центр государства получает возможность не задерживаться на многочисленных делах, разрешаемых на местах, и сосредоточить все свое внимание на задачах общегосударственных».

[Упования Александрова на возможность гармонического сочетания централизации ключевых программ развития с хозяйственной и культур-

ной самодеятельностью на местах казались тогда вполне реализуемыми, поскольку на стороне такой логики развития событий выступали влиятельные партийные и государственные силы. Однако, начиная с первой пятилетки, и в особенности с коллективизации и, наконец, с провозглашенного Сталиным тезиса об обострении классовой борьбы по мере построения социализма, эти упования стали опасной химерой. Становление и расширение машины ГУЛАГа в качестве своеобразной производительной силы понималось руководством как более простое и более надежное средство осуществления политики модернизации, чем построение баланса интересов частей и целого].

«Конструкция автономных областей крупных государств мира очень разнообразна не только по своей структуре, но и по форме своего возникновения и по истории модификации этой формы, однако в основе своей федеральное право покоится по своему происхождению на соединениях не только автономных, но и суверенных государств. Долгое время в Соединенных Штатах Америки держалось воззрение, что всякий штат входит в состав федерации только до тех пор, пока он этого хочет, решение по делу федерации требовало единогласного вотума представителей всех штатов, т. е. форма связи носила по своей правовой структуре конфедеративный характер.

Этот признак когда-то существовал и для некоторых частей русской территории. Титул российского императора до последнего времени сохранял в себе след федеративного начала, отдельные области русского государства называются царствами и княжествами и т. п., указывая на то, что носитель власти соединил в себе сумму суверенных прав, принадлежащих раньше самостоятельным властителям. Однако не было случая, чтобы присоединение какой-либо области к России сопровождалось сохранением за ней суверенных прав, и наибольшей свободой, которой пользовались некоторые части бывшей империи, была автономия. Так было в течение некоторого времени в Польше и до отделения в Финляндии.

Наша позиция при создании автономных областей в настоящее время покоится на совершенно новом принципе целесообразного разделения государства — на основе рационально экономической, а не на пережитках утраченных суверенных прав. Такое подразделение возбуждает два опасения: насколько прочно может быть такое объединение и не будет ли националистическая традиция мешать проявлению в жизни чисто экономического признака. До известной степени первое опасение можно устранить степенью целесообразности произведенного разделения, что же касается второго, то для уяснения себе точного значения вопроса необходимо учесть актуальность национальных течений в России, причины возникно-

вения в некоторые периоды подобной актуальности и степень живучести национальных традиций в странах, где бытовые и национальные особенности и их выявление не встречаются препятствий».

[Разумеется, Александров и его коллеги, будучи органическими державниками, склонялись к тому, чтобы трактовать новую республику как унитарное государство, хотя и готовы были принимать во внимание тонкости этнокультурной автономии. И эти профессионалы, и большевистская власть были едины в убежденности, что модернизация окраин и вовлечение их ресурсов в программу развития народного хозяйства принципиально важны. Однако возведение в догму социал-демократического принципа самоопределения наций оказалось сильнее, и от чистоты исходной схемы районирования не осталось и следа].

«Происшедшие сдвиги населения за время революции совершенно не поддаются учету, но значение этого движения громадно. Во всяком случае, население Республики до сих пор еще не закончило свой процесс оседания и расселения, и это один из крупнейших мотивов, почему национальный идеал сколько-нибудь крепко держится и держался только у народностей России, завершивших свой период территориального закрепления. Если рассмотреть вопрос об актуальности наших национальных течений, то здесь можно установить, что в главной массе проявление национальных течений всегда было довольно ограничено и выявлялось только при неблагоприятных обстоятельствах, особенно при попытках прежнего правительства проводить в жизнь грубо русификаторскую политику мерами, глубоко оскорбительными для некоторых народностей России, а по большей части и разорительными. Только провинции, завершившие свой процесс миграции, выявляли национальную идею как постоянно проявляющийся фактор.

Как бы то ни было, сказанного выше уже достаточно, чтобы видеть, что экономический принцип должен быть выявлен в такой форме, чтобы он не шел вразрез с развитием того или иного района в хозяйственном отношении с одной стороны и не мешал проявлению и развитию национально-культурных и национально-бытовых особенностей с другой. Вместе с тем тесное сотрудничество различных районов между собой совершенно необходимо. Громадный континентальный массив, каким является территория Российской Республики, требует очень связной работы. Осуществление государственных экономических задач в России соединено со сложным взаимодействием часто очень отдаленных частей государства, ввиду чего автономия районов должна быть так сконструирована, чтобы федеративные работы, имеющие громадное значение для роста республики, могли

получить надлежащий размах и значение и имели бы возможность в высшей степени влиять на рост благосостояния во всех областях России.

Логически развивая основную идею современного федерализма для Российской Республики, необходимо признать, что все, к чему в общем ходе развития страны население уже привыкло как к прерогативе государственного центра с одной стороны и что не тормозит развития местной самостоятельности в полном ее объеме с другой (относя все это лишь к экономической деятельности), должно быть и оставлено в числе полномочий федеративной власти.

...Этот список указывает, что по типу русская федеративная конструкция весьма близко может подойти по своей юридической структуре к последним формам развития германской федерации и отчасти Соединенных Штатов Америки, представляя нечто среднее между чисто федеративным государством и государством автономных провинций.

[Далее следует подробная роспись разделения полномочий, передаваемых от центра областям и на места. Приходится признать, что замершая по понятным причинам дискуссия о форме организации федеративного государства не могла возродиться до момента распада Советского Союза. Затем, после короткого подъема, эта дискуссия вновь замерла, лишь в 2010 г. вновь оказавшись в повестке дня — исключительно по инициативе отдельных ученых].

«...По отношению к России (это свойственно и большинству государств федеративного типа) для большинства функций государства на местах придется иметь специальные органы центральной власти и только в некоторых случаях делегировать право выполнения задач федерации местам. В условиях тех правомочий, которые должны быть предоставлены центру государства, как показывает опыт существующих федераций, нельзя обойтись без исполнительных органов центра, что не исключает, конечно, делегации некоторых исполнительных функций местам. Таковыми могут быть: сбор налогов, суд, за исключением высшей инстанции, и т. п.

При наличии исполнительного аппарата в руках федеративного правительства наряду с автономными областями неминуемо должны возникнуть округа, территориально, за исключением отдельных случаев, совпадающие с областями, но выполняющие роль представительства центра республики по проведению в жизнь элементов управления общифедеративного характера. Таким образом, на местах в административных центрах областей будут находиться одновременно органы местной власти и представители и органы федеративного правительства, что очень облегчит совместную работу».

[Как известно, именно удвоенная представленность центра в регионах (через ведомства и через вертикаль компартии) перевела автономность не только собственно автономных, но и союзных республик в сугубо декоративный формат, тогда как в случае областей и такая декоративность была сведена к минимуму (облсоветы, облисполкомы – при реальном полномочии обкомов единственной партии)].

Далее по тексту следует роспись административно-территориального деления на 13 районов⁴⁸ с любопытными замечаниями об Украине или Средней Азии такого рода:

«Этнически обе области между собой так же резко разнятся: в то время как юго-запад населен по преимуществу украинцами, юг включает в себя представителей всех народностей России: здесь наряду с довольно значительным процентом украинцев живет много великороссов, греков, болгар, немцев, евреев, татар и других национальностей, которых сплотила воедино живая индустриальная деятельность, в виду чего здесь национальный признак является ненужным анахронизмом и только излишним препятствием при достижении единства всех, кто заключен в водоворот крупного производства... Некоторое изменение границ Киргизской области, заключающееся в выделении Уральской области из нее, не имеет существенного значения, так как эта часть для киргизского населения представляет наименьший интерес. Таким образом, получились две области: Степная и Урало-Эмбинская».

Наконец, заключение:

«Районная разработка позволяет установить теснейшую связь между природными ресурсами, навыками населения, накопленными предыдущей культурой ценностями и новой техникой и получить наилучшую производственную комбинацию, проводя, таким образом, с одной стороны, целесообразное разделение труда между отдельными областями, а с другой – орга-

⁴⁸ Александров был достаточно квалифицированным управленцем, чтобы понимать: при столь крупных регионах на долю Центра достался бы (через совнархозы экономических округов) контроль над реализацией крупнейших народнохозяйственных проектов, тогда как организация повседневного функционирования явственно должна была перейти к местному управлению. При попытке создания совнархозов заново Н. С. Хрущев лишь к 1962 г. подошел к принципу укрупнения ареалов хозяйственного управления в попытке обособить его от управления партийного.

низу область в крупную комбинированную хозяйственную систему, чем достигается, очевидно, лучший хозяйственный результат.

Эта разработка должна быть проведена в жизнь уже в ближайшее время, так как тогда сводка экономических балансов отдельных областей, сделанных для всей Республики, как в материальной, так и в ценностной форме позволит, с одной стороны, правильно трассировать весь хозяйственный баланс государства, а с другой — даст исходные задания для большого транспорта.

Таким образом, государство может идти по пути рационального построения всего своего хозяйственного механизма при минимуме затрат, минимуме передвижения и наивыгоднейшей продукции. Параллельно с указанной работой должен быть выяснен, конечно, и транспортный план, о формах построения которого готовится специальная работа. Разработанный таким образом план народного хозяйства должен представлять, с одной стороны, перспективный план будущего для ближайшего нормального периода жизни страны, а с другой — программу постепенного возрождения страны в виде конкретных, хронологических, порайонных заданий и организационных методов».

Право же, столь полное цитирование совершенно оправдано уже тем только, что в содержании работ по территориальному планированию вплоть до 1991 г. мы обнаруживаем существенные утраты относительно текста, опубликованного 70 годами ранее, тогда как обнаружить приращение интеллектуальной глубины территориального планирования не удастся.

Еще в 1911 г. вернувшийся из Великобритании после продолжительной стажировки В. С. Семенов (будущий главный архитектор советской Москвы) опубликовал собственный перевод маленькой книги Эбенизера Говарда под названием «Города-сады», которая не только обсуждалась, но и вызвала волну подражаний в скромном масштабе⁴⁹. Всерьез российские архитекторы-авангардисты, близкие к тем из числа большевистских мыслителей, кто позднее был подвергнут репрессиям, заинтересовались темой расселения только к концу 20-х гг. Достаточно быстро оформилась длительная полемика между двумя направлениями, получившими наименование урбанистов и дезурбанистов. Первые, как явствует из названия, оперируя партийными изречениями на предмет идиотизма деревенской жизни, видели образцом романтизированный Манхэттен⁵⁰. Вторые, от-

⁴⁹ См. подробно в главе 4.

⁵⁰ Впрочем, еще в 1909 г. на средства кондитерской фирмы «Эйнем» была опубликована

талкиваясь от скудных сведений о программе Ф. Л. Райта⁵¹ и, в свою очередь, от партийных тезисов о скученности населения в больших городах и необходимости ликвидации противоположности между городом и деревней, с не меньшей страстью доказывали целесообразность разуплотнения городов. Разумеется, мечтания и тех и других не имели ни малейшей связи с серьезной работой секции Александра, однако эффектность иллюстраций и яркость метафор обеспечила этим химерам немалую популярность (дезурбанисты, к примеру, видели близкое будущее в тотальной автомобилизации страны)⁵². Первая пятилетка произвела на свет схему «Соцгород» Н. Милютина, по инерции продолжавшего идеи Военного коммунизма в организации при заводских слобод по схеме трудо-бытовых коммун. Войдя в мифопоэтику советской архитектуры уже только во времена Хрущева, эти идеи не могли иметь сколько-нибудь существенного значения для практики довоенной эпохи.

Эта практика (Магнитогорск, новый Автоград у Нижнего Новгорода, переименованного в город Горький, Новокузнецк, Комсомольск и т. п.) разворачивалась стремительно, но сугубо локально. Планирование и финансирование велось по ведомственным схемам, не испытывая потребности в привязке к концепциям расселения — за исключением того, что размещение крупных промышленных новостроек в основном было уже определено подкомиссией Александра и выросшим из нее СОПСом.

Хотя по инерции книгоиздательского дела и по ограниченности ресурсов контроля хорошие книги продолжали выходить в свет еще долго⁵³, после процесса так называемой Промпартии в 1930 г., тем более после разгрома осколков краеведческого движения в 1931 г., сколько-нибудь свободная дискуссия по любой теме была уже невозможна. Единственное, что было допустимо, кроме ухода исследователей в давнюю историю (лучше всего — античной Греции), — это вос-

ликована серия открыток «Москва будущего» с остро футуристическими образами.

⁵¹ См. главу 4.

⁵² Жестокая новелла А. Толстого «Голубые города», в апогее которой безумный архитектор, подобно Нерону, поджигает ненавистный ему старый город, зафиксировала уже период острой критики идеалистов с позиций генеральной линии партии, сделавшей очередной зигзаг.

⁵³ К примеру, замечательная книга Анри Пиренна «Средневековые города Бельгии», в которой вопросу землеосвоения и урбанизации Северной Европы уделено много внимания, вышла в свет в 1937 г.

певание вполне впечатляющих успехов социалистической индустриализации⁵⁴. Грандиозная, поистине невиданная эпопея эвакуации промышленных предприятий и миллионов людей на Восток во время войны, оставившая более чем внушительный след на всей системе расселения СССР, представлена в своих эффектах во множестве монографий, посвященных городам, и отчасти в опубликованной мемуарной литературе. При этом найти монографию, посвященную этому процессу в целом и в особенности планам эвакуации, пока не удалось. По понятным причинам трагическая эпопея ГУЛАГа, включая драму депортации «наказанных народов», получает освещение лишь в 90-е гг. ушедшего века.

Хрущевский переворот, успех которого был зафиксирован сначала XX съездом КПСС, а затем рядом пленумов ЦК, наряду с решением неотложных хозяйственно-политических задач (что было начато еще при Г. М. Маленкове, давшем колхозникам надежду на получение полноты гражданских прав) с неизбежностью вывел на переосмысление задач планирования, а значит, и территориального развития. Впрочем, как показали дальнейшие события, главной целью Хрущева была борьба с окостеневшей партийной бюрократией, которая в конечном счете привела его сумбурное правление к финалу. Однако предложения пленума, как водилось, были утверждены в форме закона от 10 мая 1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации промышленности и строительства», который не был никогда отменен.

Вот несколько выдержек: «Установить, что управление промышленностью и строительством должно осуществляться по территориальному принципу на основе экономических административных районов. Экономические административные районы образуются верховными советами союзных республик» (статья 2). «Для управления промышленностью и строительством в каждом экономическом административном районе образуется совет народного хозяйства» (статья 3).

Далее шли уточнения организации управления. На первый взгляд это было восстановление статуса совнархозов по схеме Александра, однако так далеко дело не шло, и границы новых экономических районов совпадали с границами областей и автономных республик. Число министерств было сокращено еще предшественником Хрущева, но в составе совнархоза полностью воспроизводилась схема отраслевых министерств в виде производственно-отраслевых

⁵⁴ Любопытно, что превосходно написанная книга Валентина Катаева «Время, вперед!», более чем двойственная при внимательном чтении, была встречена восторженно.

управлений. В апреле 1960 г. Совмин СССР принял постановление, по которому в состав руководства совнархозов входили директора крупнейших предприятий и строек, но партийному начальству обкомов партии места там не нашлось, хотя связь партийцев с обкомами, разумеется, сохранялась. Аппаратная ломка была грандиозной, но при сохранении границ по схеме АТД для планирования в общестрановом масштабе не менялось ничего.

В ноябре 1962 г. состоялся пленум ЦК КПСС, который наряду с формированием системы партийно-государственного контроля постановил разделить партийные организации по производственному принципу. От областного уровня ниже партийные организации делились на промышленные и сельские. Следовательно, на территории одной единицы АТД оказывались два обкома, два совета и два исполкома. Сельские райкомы партии были ликвидированы, управление сельским хозяйством было передано территориальным производственным управлениям, охватывавшим несколько районов. Количество совнархозов уполовинили, и теперь границы одного совнархоза охватывали две или несколько областей.

Повторим: все эти пертурбации не имели прямого отношения к осмыслению развития территорий, однако, резко повысив статус Госплана, поставленного над всеми отраслевыми министерствами, они меняли и позицию СОПСа. К началу 1960-х гг. природно-экономический потенциал большинства районов страны, как его тогда понимали, был в целом изучен, а в регионах сформировались научные коллективы, способные вести самостоятельные исследования. Пока речь шла об исследованиях, определяющую роль могла играть Академия наук СССР. Однако еще в 1955 г. председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков обязал отдел размещения производительных сил представить предложения о разработке научно обоснованной схемы развития и размещения отраслей промышленности на 10–15 лет. В это же время начинается эпопея освоения целинных и залежных земель при стимулировании оттока молодежи из сельских районов старого центра России. В связи с провалом пятилетнего плана XXI съезд КПСС (февраль 1959 г.) принял семилетний план развития народного хозяйства СССР, в рамках которого были обозначены меры по преодолению отставания восточных регионов, отказ от сверхконцентрации производства в старопромышленных районах и роста нерациональных межрайонных связей. В том же году в перечень генеральных проблем вошла разработка Генеральной схемы развития и размещения производительных сил, под которыми, как и ранее, понимались промышленные предприятия, электростанции и транспортные магистрали.

Научный отчет под названием «Генеральная схема» включал три раздела: «Общие проблемы размещения производительных сил в генеральной перспективе»; «Схема размещения основных центров материального производства»; «Проблемы перспективного размещения производительных сил в отдельных зонах СССР». Отчет появился в 1960 г. Сразу же после этого СОПС был переведен в систему Госплана, что автоматически означало переход научной организации на задачу обоснования решений, принимаемых директивным образом, и уже в 1964 г. СОПС представил проект Генеральной схемы на 1966–1970 гг. Вскоре после этого эпоха Хрущева завершилась, совнархозы были упразднены, соответственно, «степень научной обоснованности работы была признана невысокой», и в 1966 г. СОПСу поручалось создание Генеральной схемы на 1971–1980 гг. с более подробным выделением периода 1971–1975 гг.

Как утверждалось в преамбуле, «этот обобщающий предплановый документ прогнозного характера был призван отразить оптимальные территориальные пропорции единого народнохозяйственного комплекса страны, пути повышения эффективности общественного производства и благосостояния народа на основе совершенствования общесоюзного территориального разделения труда, правильного сочетания развития и размещения отраслей производства с планомерным формированием хозяйственных комплексов союзных республик и экономических районов. Непосредственной разработкой документа предшествовала подготовка научной концепции как по стране в целом, так и по отдельным отраслям и регионам». Из 50 томов Генсхемы один том содержал «Основные положения Генеральной схемы».

В полном соответствии с господствовавшей идеологией наращивания тяжелой индустрии прежде всего Схемой намечались интенсивное развитие топливных баз на востоке страны⁵⁵ и создание энергоемких производств на их основе, расчленение производственного цикла в легкой промышленности и размещение ее небольших предприятий в малых и средних городах в целях более рационального использования их трудовых ресурсов. Предусматривалось создание новой системы перспективного рассредоточения населения по республикам и районам, органически связанной с перспективным размещением производства. К чести разработчиков необходимо отметить, что в Схеме подчеркивалась необходимость природоохранных мероприятий, и СОПС решительно выступил против строительства

⁵⁵ Напомним, что в это время неуклонно нарастал ежегодный импорт зерна, поглощавший все большую долю дохода от экспорта нефти.

Нижнеобской ГЭС и Селенгинского целлюлозно-картонного комбината у Байкала как экологически вредных и экономически нерациональных объектов. Первую, к счастью, так и не построили, тогда как Селенгинский комбинат работает по сей день, тем более что благодаря особенностям дельты реки Селенги при впадении ее в озеро основная масса вредных сбросов оседает на дно, не доходя до Байкала. Поскольку целостность СССР полагалась естественной и вечной, основной акцент был сделан, наряду с Сибирью и Дальним Востоком, на экономическое развитие республик Средней Азии и Прибалтики.

Генеральная схема, в целом одобренная в мае 1971 г. на коллегии Госплана СССР, задала образец формальной координации множества научных и проектных организаций, а сама она была включена в единую схему народнохозяйственного планирования. Это предопределило монолитность теоретической платформы, на основе которой страна прошла фазу развилки стратегий (наращивание объемов или радикальная модернизация), не заметив ее в силу отсутствия независимой экспертизы, и отставание от ведущих стран Запада и от Японии нарастало с каждым годом.

Очередная реорганизация машины управления и ее разрастание, включая сектора науки и проектирования, привела к тому, что СОПС вновь оказался в системе Академии наук, тогда как центр тяжести сдвинулся в Госкомитет по науке и технике, а инициатива в области экономики перешла к ЦЭМИ — Центральному экономико-математическому институту, лидером которого был до своей кончины в 1987 г. академик С. С. Шаталин. Начав с методов анализа и планирования межотраслевых пропорций на основе межотраслевого баланса, ЦЭМИ быстро смещал зону интересов в сторону политической экономии социализма, переводя смысл с идеологизированного донельзя языка так называемых объективных законов на язык категорий социального действия: целей, методов, ресурсов. Шаталин определял функцию общественного благосостояния как «процесса одновременного формирования и общественного признания личных, групповых, региональных, отраслевых и иных интересов», достаточно быстро продвигаясь к идее конвергенции советской политической экономии с западной. С 1972 г., т. е. уже после одобрения Генеральной схемы СОПСа, Шаталин активно участвовал в работе по Комплексной программе научно-технического прогресса СССР, где отстаивал необходимость отказа от выделения средств на развитие социальной сферы по остаточному принципу. Как руководитель раздела «Социальные проблемы, повышение народного благосостояния и развитие культуры» Шаталин играл значимую роль в работе экспертного

совета Госплана, где удалось вернуть на доработку технико-экономическое обоснование Генплана Москвы и Генсхему развития и размещения производительных сил Украинской ССР. Наконец, именно Шаталин руководил работами, в которых была сделана попытка грамотного разведения оплаты по труду и выплат из общественных фондов потребления.

Из сказанного понятно, что между традицией СОПСа и линией Шаталина – ЦЭМИ существовал глубокий разрыв. Ситуация осложнялась еще и тем, что разработка Генсхемы расселения была при этом передана Госстрою СССР, в котором эта задача оказалась в руках представителей так называемого градостроительного проектирования⁵⁶, успевшего нарастить мускулатуру через развертывание крупного ЦНИИП Градостроительства, занятого в основном крупными новыми городскими центрами – прежде всего Тольятти и Набережными Челнами. В результате массивная разработка очередной версии «Генеральной схемы расселения, природопользования и территориальной организации производительных сил Российской Федерации» растянулась на десятилетие. Эта работа породила множество графических схем и нормативный документ, самостоятельно разработанный Главным управлением градостроительства и территориального развития Госстроя России к концу 1993 г. Иными словами, эти документы увидели свет, когда сама идея Генсхемы была подвергнута уничтожающей критике со стороны группы «младореформаторов» и отклонена. Эта идея ненадолго вернулась в повестку дня в 2009 г., чтобы вновь затеряться в сложной коммуникации между министерствами регионального развития, экономического развития и промышленного развития.

Следует заметить, что сколько-нибудь серьезное знакомство с мировым опытом территориального планирования началось лишь с эпохи Горбачева трудами чрезвычайно узкого круга исследователей, получивших, наконец, доступ к обширной литературе предмета, тогда как собственный российский опыт почти столетней дав-

⁵⁶ Градостроительное проектирование советской эпохи имело немного общего с тем, что в западном мире известно как *urban planning*, представляющее скорее аналог подхода шаталинского ЦЭМИ, подкрепленного развитым городским правом и опытом проектирования инженерных и транспортных инфраструктур. Происхождение от архитектурно-планировочной традиции работы с пространственной формой города тяготело (и все еще тяготееет) над школой градостроительного проектирования, претендовавшего на то, чтобы самостоятельно интегрировать необходимые знания и умения.

ности оказался забыт. Так уж получилось, что благодаря западной моде на русский авангард, расцветшей в 80-е гг., наивные, а то и вовсе вздорные мечтания архитекторов-модернистов обрели широкую известность. Напротив, труды российских ученых-инженеров начала XX в., во многом определивших практику планирования первых пятилеток, известны лишь немногим историкам, и только.

УТРАТА И ОБРЕТЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Последняя комплексная программа научно-технического прогресса СССР была утверждена на период до 2010 г. так, что Генеральная схема расселения была построена до 2005 г. В 1992 г. СОПС осуществил по-своему героическую попытку вернуть прошлое, представив в пяти томах концепцию размещения производительных сил на период до 2000 г. Отвечая духу времени, привнесшего в инструментарий планирования идею сценарного подхода, авторы предложили не только оптимистический, но и пессимистический вариант сценария. Согласно ему условия для стабилизации могли возникнуть не ранее 1995 г., тогда как сдержанный рост ожидался ими к концу прошлого века. Затем последовал региональный блок прогноза на второе пятилетие. Правительство осталось равнодушно к этим документам⁵⁷.

Когда в 1999 г. был сформирован ЦСР (Центр стратегических разработок) под руководством Германа Грефа, в нем быстро скомпоновали проект «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу», территориального раздела в нем не оказалось. К концу следующего года Госсовет рассмотрел доклад о стратегии развития на период до 2010 г., подготовленный рабочей группой под руководством губернатора Хабаровского края В. И. Ишаева. При доработке основных направлений Министерство экономического развития включило-таки в их содержание раздел «Стратегия территориального развития и региональная политика». На первые недели 2011 г. раздел остается единственным официальным документом на эту тему, так как «Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации», подготовленная Министерством регионального развития, все еще осталась проектом.

Вслед за распадом Советского Союза проблемы пространственного развития страны выпали из поля интересов властной элиты.

⁵⁷ См.: Стратегии макрорегионов России / Под ред. А. Г. Гранберга. М., 2004.

Решение проблем существования со дня на день естественным образом сжимало пространство оперирования для структур, пытавшихся удержать управление. Слабость федерального центра привела к тому, что на несколько лет принятие жизненно важных решений, вроде распределения гуманитарной помощи среди бедствовавших, перешло в сферу самодеятельности населения⁵⁸. Это существенно способствовало закреплению автономности самоуправления в законе о его основах, принятом в 1994 г. В то же время разворачивался процесс замыкания субъектов федерации в себе вплоть до блокирования товарообмена на административных границах. Резкое сжатие государственного финансирования исследований в системе Академии наук, почти полное прекращение финансирования отраслевых НИИ в системе Росстроя при отсутствии муниципального и частного заказа естественным образом привели к ускоренной деградации сферы исследовательских и проектных работ. В 90-е гг. работы над генеральными планами, не говоря уже о схемах территориального развития большего масштаба, прекратились повсеместно, за исключением обеих столиц, Екатеринбурга, Казани и Нижнего Новгорода.

Ситуация не оставляла места для сюжетов пространственного развития, темпоритм которого предполагает счет на десятки лет вперед. Соответственно, внимание к этим проблемам сохранялось исключительно в кругу специалистов, тесно связанных с прежней системой управления. Эти специалисты с чрезвычайным трудом адаптировались к идеологемам рыночной экономики, на годы ставшим господствующими, и потому уже оказались на дальней периферии дискуссий либо выпали из них полностью.

За два десятилетия, прошедших с начала реформ, мы не можем показать ни одной практической реализации проектов развития на больших территориях, что вынуждает сосредоточить внимание на соотношении концепций территориального развития. Это важно, так как эти концепции оставались в состоянии не слишком явной конкуренции за внимание власти на протяжении декады с 2000 по 2010 г. и остаются в этой ситуации в настоящее время. Это тем более важно, что отсутствие публичного внимания к проблемам территориального развития страны, равно как отсутствие института неза-

⁵⁸ Подвиг «челноков», большинство среди которых было представлено энергичными женщинами, взявшими на себя основной труд сохранения домохозяйств, к великому сожалению, не изучен в достаточной мере, сохранившись только в публицистике 90-х гг.

висимой экспертизы, по-прежнему грозят консервацией состояния интеллектуального бесплодия.

Есть печальный парадокс: фактический отказ от территориального планирования в нашей стране, сто лет назад бывшей в авангарде процесса, пришелся на время, когда с развитием Евросоюза территориальное планирование вышло за рамки национальных государств одновременно в двух горизонтах. Горизонт первый – региональный: регионы развития все чаще очерчиваются в пространстве единой Европы. Финансовый кризис на переходе от первого десятилетия века ко второму несколько затормозил этот процесс, но не остановил его. Горизонт второй – глобальный: любая точка европейского пространства рассматривается в логике включенности в мировое поле экономики, силовые линии которого оказывают на эту точку многофакторное воздействие. Преодоление столь резкого отставания, напрямую сказывающегося на вероятности успеха в деле модернизации экономики страны и ее инновационного развития, наталкивается на несколько существенных барьеров, каждый из которых заслуживает серьезного внимания.

БАРЬЕР ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ. В сознании людей, осуществлявших драматический скачок от обанкротившегося централизованного управления экономикой советской эпохи к утверждению рыночной экономики, понимаемой в форме предельной минимизации участия государства в игре рыночных сил, территориальное планирование оказалось неразрывно связано с жупелом Госплана СССР. Разумеется, Госплан, выродившийся к периоду «зрелого социализма» в инструмент формального сведения баланса при нараставшей иррациональности решений, принимавшихся политическим руководством Советского Союза, был удобной мишенью для уничижительной критики. Е. Т. Гайдар, справедливо подчеркивая безумие социалистического хозяйства, в рамках которого гигантская часть продуктов и услуг производилась вне логики действительного спроса, но при этом номинально обозначалась как рост ВВП, приводил в своей крупнейшей публикации ярчайшие тому примеры. Среди них гигантские затраты на освоение Севера, массовое бегство людей с которого началось сразу после краха советской системы; грандиозные затраты на осушение болот вопреки указаниям экологов на неизбежность масштабных пожаров на торфяниках⁵⁹. Наконец, первое место

⁵⁹ В связи с этим теперь торфяники необходимо залить водой или сформировать систему аварийного локального затопления подземными водами через систе-

надлежит отдать беспрецедентным по масштабу затратам на вооружения, в официальной статистике предъявленные лишь в ничтожной части⁶⁰.

Все это верно. Однако не менее верно и то, что сохранение десятков метеостанций и пограничных застав на Севере в любом случае необходимо, что рациональное сжатие перенаселенных Норильска, Воркуты или Магадана нуждается в сложной программе, в полной мере неосуществимой без федеральной поддержки. Не менее верно и то, что зависимость от импорта хромитов и марганца несет с собой не только экономические издержки, но также потенциальную угрозу национальной безопасности. Отказ от практики строительства крупных городов в малопригодных для жизни условиях не означает, что мы можем себе позволить отказ от реализации проектов освоения минеральных богатств Севера. Такие проекты требуют формирования принципиально новых программ создания баз для вахтенного освоения в северных городах, которые в противном случае обречены на угасание в течение пары десятилетий.

Тем не менее устойчивая аллергия к программам территориального развития, для которого активная роль государства в создании инфраструктуры является императивом, оказалась унаследована руководством Министерства экономического развития, аппаратом правительства, Министерством финансов и в значительной мере — Министерством промышленности. Госплана нет, и роль координатора оказалась приписана аппарату правительства, в котором обнаруживается лишь один специалист по пространственному развитию, тогда как созданное в начале века Министерство регионального развития не обладает ни реальными полномочиями для осуществления взвешенной макрорегиональной политики, ни средствами для привлечения специалистов и ведения научных исследований. Во всяком случае, до настоящего времени все попытки восстановить работу над корректировкой системы расселения в масштабе страны, которые периодически инициируются экспертами, работающими с этим министерством, тормозятся, практически не начавшись. Подвижная система российского законодательства, в отношении которого необходимо постоянно отслеживать все новые поправки к ранее принятым законам, не могла, разумеется, не отразить борьбу идей вокруг территориального планирования.

му дежурных скважин, что требует меньших, но тоже значительных средств.

⁶⁰ *Гайдар Е. Т.* Долгое время. М., 2005. Глава 9 «Постсоциалистический кризис и восстановительный рост».

В первоначальных разработках, осуществлявшихся Госстроем РФ, отчетливо прослеживалась преемственность идеи Генеральной схемы расселения, унаследованной от финальных набросков Госстроя СССР. Так, в Постановлении правительства РФ №167 от 20 февраля 1995 г. «О межведомственной комиссии по реализации Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации и градостроительству» было зафиксировано: «Основными видами градостроительной документации являются: генеральная схема расселения, природопользования и территориальной организации производительных сил Российской Федерации; региональные схемы расселения, природопользования и территориальной организации производственных сил экономических и крупных географических регионов, природно-климатических зон, лечебно-оздоровительных и рекреационных территорий, национально-государственных и административно-территориальных образований (далее – региональные схемы расселения, природопользования и территориальной организации производительных сил) ...» Далее следовали «территориальные комплексные схемы охраны природы и природопользования; схемы и проекты районной планировки национально-государственных и административно-территориальных образований, иных территориальных объектов (далее – схемы и проекты районной планировки)», после чего речь шла о генеральных планах поселений различного ранга.

Внимательный читатель, обнаружив в тексте выражения «территориальная организация производительных сил» и «проекты районной планировки», сразу же отметит фразеологию, характерную для СОПСа советских времен.

В первоначальной редакции Градостроительного кодекса РФ от 2005 г. можно прочесть (статья 2): «Градостроительная документация о градостроительном планировании развития территории Российской Федерации и частей территории Российской Федерации (градостроительная документация федерального уровня) включает в себя Генеральную схему расселения на территории Российской Федерации и схемы градостроительного планирования развития частей территории Российской Федерации, включающих в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации или части их территорий (далее – консолидированные схемы градостроительного планирования)».

Как мы видим, «производительные силы» из текста исчезли, однако федеральный горизонт и горизонт макрорегионального планирования в не слишком удачной формулировке («части территории»)

сохранены. При этом появилось выражение «интересы в области градостроительства», в котором в скрытом виде уже содержался переход от парадигмы территориального планирования к сугубо техническим процедурам. Невинное на первый взгляд дополнение, согласно которому «порядок разработки и согласования Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации и Основных положений Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации устанавливается Правительством Российской Федерации», по сути дела уже содержало возможность свести шансы разработки Генеральной схемы расселения к нулю.

Если вчитаться в текст соответствующей статьи 10 Градостроительного кодекса в ее редакции 2010 г., опуская не столь важные здесь детали, станет очевидным, что от идеи генеральной схемы расселения не осталось и следа. Ее теперь замещает множество схем, расписанных по отраслевому признаку, т. е. прямо отнесенных к сфере интересов отдельных корпораций и ответственности отдельных ведомств. Если принять во внимание, что в следующей главе кодекса происходит скачок на уровень субъектов РФ, без какого-либо внятного отнесения к схемам первого порядка, можно не сомневаться в том, что на сегодняшний день идеология территориального планирования в масштабе всей страны потерпела решительное поражение. Расплывчатость представлений об информации о состоянии соответствующей территории фактически узаконивает ту практику имитационной деятельности по территориальному планированию, которая стала нормой в 2006–2008 гг., когда — все еще без какой-либо внятной общегосударственной программы — была осуществлена бурная деятельность по изготовлению стратегий социально-экономического развития отдельных регионов (СТП).

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» (КДР), утвержденной 17 ноября 2008 г., когда мировой финансовый кризис уже отозвался в российских реалиях, раздел VII, посвященный региональному развитию, после длительного сопротивления нескольких ключевых министерств появился в самом финале подготовки документа⁶¹. В основе нынешней модели государственного управления

⁶¹ Чтение концепции со всей очевидностью проявляет механистичность склейки в одном документе текстов, содержание и строй которых не согласуются между собой. Обширный массив текста, посвященный целям КДР и акцентирующий значение возрастания человеческого капитала, никак не соотносится с «отраслевым» текстом и никак — с региональным разделом.

регионы фактически освобождены от политической роли, что вполне естественно влечет за собой уравнилельный алгоритм как идеальную норму, перенося тяжесть принятия решений на федеральный уровень и оставляя на региональном уровне ответственность за исполнение таких решений⁶².

Было бы непростительной ошибкой ограничиться констатацией того, что в сознании ведущих специалистов Минэкономразвития страна была (и остается) явлена как таблица с восемью десятками строк – по числу субъектов федерации – и тремя столбцами: название субъекта федерации, внутренний региональный продукт (ВРП) и объем трансфертов из федерального центра в бюджет региона. Географическая проекция такой таблице не требуется. Однако географическую проекцию все же задают два основания, игнорировать которые все сложнее. Первое – глобальный контекст, понимание значимости которого нарастало по мере осмысления включенности России в мировую экономическую жизнь, пусть даже по преимуществу в роли сырьевой державы. Второе – переживание несомненно разрыва между декларируемыми целями и реальными процессами. Среди них нарастание неравенства среди российских регионов; движение людских масс к югу (с «Северов») и к западу (с Дальнего Востока); распад советского промышленного комплекса в целом, за исключением сырьевых отраслей и промышленности первого передела; наконец, минимизация хозяйственных связей между восточными регионами и Европейской Россией.

Два конфликтующих идеологических основания порождают, естественно, своего рода ступор в функционировании ведомств, несущих бремя ответственности за направление эволюции, переживаемой страной.

БАРЬЕР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ. Если вчитаться в текст территориального раздела «Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу», а затем и КДР, мы сразу же обнаруживаем набор постулатов, порожденных как инерцией советского планирования, так и комплексом утраты роли великой державы, при естественном для политиков стремлении восстановить эту роль. Ностальгия по прошлому величию объединяет с политическими лидерами едва ли не все слои

⁶² См., в частности: Макарычев А. Модернизационные стратегии российской власти: региональные вариации // Российская модернизация: размышляя о самобытности. М., 2008. С. 331–364.

общества, но перевести чувство утраты в конструктивную позицию оказывается очень непросто.

Вновь обратившись к «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.»⁶³, рассмотрим логику построения регионального раздела. Сбалансированное территориальное развитие Российской Федерации предусматривается ориентировать на обеспечение условий, позволяющих каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения достойных условий жизни граждан, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики регионов. Недвусмысленно проводится «оестествление» субъектов федерации, хотя обеспечить каждому из них достаточные ресурсы для повышения конкурентоспособности невозможно по причинам если и устранимым, то лишь отчасти, и в течение чрезвычайно длительного временного промежутка.

Нет оснований усомниться в необходимости относительного выравнивания условий повседневного существования граждан, однако соотносённость этой задачи с проблемой *развития* страны вызывает значительные сомнения.

Подраздел «Инновационная и социальная ориентация регионального развития» был подготовлен в рамках Министерства регионального развития группой, опиравшейся на давние наработки Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа и работы Центра стратегических разработок «Северо-Запад»⁶⁴. Отсюда:

«развитие научно-технического и образовательного потенциала крупных городских агломераций с высоким качеством среды обитания и человеческим потенциалом, динамичной инновационной и образовательной инфраструктурой;

формирование территориально-производственных кластеров (не менее 6–8), ориентированных на высокотехнологичные производства в приоритетных отраслях экономики, с концентрацией таких кластеров в урбанизированных регионах;

⁶³ Необходимость переноса сроков, вызванная экономическим продолжением мирового финансового кризиса, настолько самоочевидна, что само упоминание КДР к началу 2010 г. почти исчезает из СМИ.

⁶⁴ Основными авторами этих разработок были Ю. А. Перельгин, В. Н. Княгинин, М. В. Перов.

формирование территориально-производственных кластеров на слабоосвоенных территориях, ориентированных на глубокую переработку сырья и производство энергии с использованием современных технологий;

образование и развитие туристско-рекреационных зон с высоким уровнем оказания услуг сервиса на территориях с уникальными природно-климатическими условиями;

развитие крупных транспортно-логистических и производственных узлов в рамках формирования опорной национальной транспортной сети, обладающей необходимым потенциалом пропускной способности и обеспечивающей целостную взаимосвязь центров экономического роста, с постепенной ее интеграцией в развивающиеся мировые транспортные системы».

Далее в составе раздела фигурируют регионы, приблизительно совпадающие с границами федеральных округов (скорее, это макрорегионы, однако в ходе подготовки КДР понятие «макрорегион» было вычеркнуто по соображениям политкорректности)⁶⁵. Регионы (в смысле субъекты федерации) упоминаются вскользь, вследствие чего на первый план выступают развитие крупнейших агломераций, создание нескольких новых урбанистических ядер и магистральные транспортные коммуникации, включая возрождение Северного морского пути. В четвертом подразделе («Совершенствование системы государственного регионального управления» – несколько странное сочетание слов заменило собой выражение «региональная политика») утверждается приоритет развития зон опережающего экономического роста, что очевидным образом противоречит установке на выравнивание, доминирующей в начале раздела. Более того, хотя авторы делают уступку официальной позиции ключевых министерств и говорят не о схеме расселения Российской Федерации, а о схемах территориального планирования, они акцентируют необходимость их координации, в чем прочитывается критическое отношение к отраслевому разделу КДР.

Неорганичность вставок и внутренние противоречия текста ре-

⁶⁵ В 2009 г. наметился существенный поворот в интерпретации макрорегиона, предьявленный через начало ускоренной разработки стратегий развития в рамках федеральных округов, однако этот процесс не дал сколько-нибудь убедительных результатов. Во-первых, в силу отсутствия единой стратегии территориального развития Российской Федерации, во-вторых, в силу того, что такая стратегия должна была на всех этапах разработки согласовываться с властями регионов, входящих в федеральный округ, что неизбежно сводило работу к механическому соединению региональных стратегий в условное целое.

гионального раздела КДР свидетельствуют о трудности нахождения среднего между традицией СОПСа (размещение производительных сил в их трактовке, унаследованной от СССР) и установкой на приоритет развития качества среды обитания и человеческого потенциала как реального фундамента инновационного развития страны.

Чрезвычайно существенно, что текст КДР содержит лишь весьма обобщенную оценку сложившегося положения дел. За этим не столько нежелание дать объективную оценку состояния обитаемой среды России, сколько драматическое отсутствие знания, которое должно охватывать все масштабные горизонты – от страны до поселения. Отсутствие муниципальной статистики и узость данных федеральной статистики, собираемых с регионов, обрекает власть на возможность использовать результаты лишь разрозненных и фрагментарных исследований. Впрочем, на уровне Министерства экономического развития обнаружить заинтересованность хотя бы этим частичным знанием не удавалось до обнаружения проблемы так называемых монопрофильных городов.

В концепции региональной политики, работа над которой не прекращалась в Министерстве регионального развития, была сделана попытка перевести проблему из узко технической ее трактовки в политическую. В частности, в рабочей версии можно было прочесть о необходимости совершенствовать налогообложение вертикально интегрированных компаний, чтобы уменьшить зависимость территориальных бюджетов от финансовой политики компаний воспрепятствовать использованию схем трансфертного ценообразования. Однако в текст КДР это суждение не было включено.

БАРЬЕР ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ. Разумеется, можно лишь условно, в целях лучшего понимания, отделить технологический барьер от барьеров интеллектуального и идеологического. Вряд ли, к примеру, схему трех сценариев, предложенную в 2006 г. Минэкономразвития в виде шаблона для разработки стратегий регионального развития, можно считать результатом глубокой теоретической проработки. Усмотреть в этой схеме отчетливую идеологическую установку тоже затруднительно. Скорее всего, за этой схемой, наскоро созданной в недрах Центра стратегических разработок, разумно прочесть всего лишь стремление упростить ситуацию, обеспечив легкость формального сопоставления текстов и табличных материалов, производимых в регионах в ответ на однозначный сигнал из Центра.

В самом деле, сложно восстановить основание, по которому без насилия над здравым смыслом можно соотнести между собой инер-

ционный, сырьевой и инновационный сценарии развития, послужившие каркасом для разработки десятков текстов, получивших наименование стратегий. Во-первых, из того, что эти понятия можно отнести к стране в целом, еще не следует рациональность их приложения к отдельным ее регионам. Во-вторых, в этом первичном смысле затруднительно различить инерционное и сырьевое, тогда как применимость понятия «инновация» без одновременного уяснения его отличия от модернизации вызывает недоумение.

Впрочем, все это пустые рассуждения, поскольку в действительности изготовление региональных стратегий в абсолютном большинстве случаев явилось ключевым элементом своего рода игры между Минэкономразвития⁶⁶ и региональными властями. Разработка и утверждение стратегии были сочтены основанием для претензий регионов на получение финансирования в рамках целевых программ или программ Инвестиционного фонда. Следовательно, важны только те фрагменты текста, в которых фигурировали конкретные инвестиционные проекты, тогда как прочее содержание стратегии имело сугубо символический смысл. Разумеется, каждая стратегия должна была пройти согласование с отраслевыми министерствами, но поскольку символический характер процесса был очевиден всем его участникам, такие согласования — за исключением единичных проектов — оказывались сугубо формальной процедурой.

Такого рода игра в конечном счете явилась следствием доминирования либеральной идеологии в 90-е гг., поскольку самая возможность отстройки стратегии развития страны от суммы региональных стратегий не была подвергнута содержательной критике. Декларативное равенство регионов стало препятствием тому, чтобы ясно различать национальный масштаб ядер потенциального развития, которыми могут служить крупные агломерации⁶⁷, и, главное, различать регионы между собой по ключевому основанию — в той мере,

⁶⁶ Небезынтересно, что хотя до середины 2008 г. стратегии рассматривались Межведомственной комиссией на площадке Минрегиона, последний не получал инструментов серьезного влияния на содержание этих продуктов, что превращало такое рассмотрение в своего рода семинары, в которых автор принимал деятельное участие. Утверждению в министерстве подлежат лишь СТП — схемы территориального планирования, теоретически являющиеся проекциями стратегий на карту региона.

⁶⁷ В главе 5 мы вернемся к теме агломерации, под которой в мировой практике принято понимать город-регион (Metropolitan Area).

в которой в их жизни участвуют трансрегиональные корпорации и банковский капитал.

Формальный характер эпопеи разработки региональных стратегий сделал вполне объяснимым то обстоятельство, что субъекты развития во всех без исключения региональных стратегиях не назывались, что такими субъектами не были названы муниципалитеты даже крупнейших городов, в которых сосредоточено свыше половины населения региона и производится до двух третей его внутреннего продукта. Более того, собеседования автора с мэрами крупнейших городов показали, что ни они сами, ни их службы не привлекались к обсуждению региональных стратегий, набравшихся из разработок региональных отраслевых министерств. Наконец, формальный характер процесса вполне естественным образом исключал необходимость рассматривать субрегиональный уровень даже гигантских и чрезвычайно разнородных по структуре субъектов федерации. Отторжение идеи субрегиональной дифференциации стратегий оказывалось настолько естественным, что в ходе собеседований этот вопрос вызывал искреннее недоумение региональных чиновников.

Коль скоро Минэкономразвития не требовало рассмотрения территории региона как сложно устроенной структуры, то и нужда в этом не усматривалась.

БАРЬЕР ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ. К финалу первого десятилетия нового века со всей ясностью обнажилась поистине катастрофическая нехватка компетентных специалистов в области территориального развития. Естественные причины и эмиграция сократили число тех, кто мог с известной долей профессионализма приступить к разработке стратегий развития, привязанных к пространственным координатам. До 2010 г. в вузовской системе страны не было ни одного места, где можно было бы соединить технологии работы с контролируемым пространством и технологии работы в условиях становящегося в стране рынка, быстро приобретшего признаки рынка административного. Более того, традиционное отнесение территориального планирования к ведомству архитектуры создало искаженное представление о предмете профессиональной деятельности и о компетенциях, необходимых для этой деятельности.

Мы уже отмечали, что, несмотря на усилия сотрудников СОПСа, практической работы по территориальному планированию до 2006 г. не было. Пятнадцатилетний перерыв (с бесславного финала трудов над Единой схемой расселения) – это большой срок, тем более что

за это время правительство решительно дистанцировалось от академической науки. В середине первого десятилетия нового века на рынке вновь востребованных профессиональных услуг по территориальному планированию появилось около дюжины групп, вступивших в острую конкуренцию за заказы по разработке стратегий. Одни группы, верно уловив формальный характер такого заказа, фактически ограничились своей работой тем, что возвращали заказчику (региональной власти) от него же полученную информацию, ограничившись переупаковкой ее содержания и добавлением современной фразеологии. Автору доводилось знакомиться с работами такого жанра, о содержании которых невозможно сказать ничего в силу отсутствия такового. Другие группы делали то же самое, однако были более внимательны к переупаковке содержания, извлеченного из региона-клиента. Лишь в деятельности трех-четырех групп можно найти следы серьезной стратегической работы, особенно удачной в тех случаях, когда региональная власть стремится наполнить формальную задачу интересным для себя содержанием.

Нет нужды подробно рассматривать здесь региональные стратегии, поскольку это не дало бы наращивания качества⁶⁸. В 2009 г. бесполезная практика обсуждения региональных стратегий на межведомственной комиссии с привлечением ряда экспертов пресекалась, хотя инерционное производство таких документов продолжилось. В то же время инициатива ряда полпредов президента перевести стратегическое планирование на уровень федеральных округов была одобрена без экспертного обсуждения, что возвращает нас к давней попытке СОПСа найти баланс между делением страны на федеральные округа и необходимостью работы в масштабе экономических макрорегионов.

Весной 2008 г. в подготовленной министерством концепции региональной политики констатировалось: «Концепция должна обеспечить сбалансированное социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации. Между тем сейчас в стране наблюдается тенденция роста дисбаланса в развитии регионов. Так, по объему валового регионального продукта на душу населения минимальное и максимальное значение в субъектах различалось: в 2004 г. – в 73 раза, в 2006-м – в 117 раз; по уровню безработицы: в 2004 г. – в 48 раз, в 2006 г. – в 78 раз. По показателям неравномерного развития регионов Россия находится в одном ряду с такими государствами, как Ки-

⁶⁸ Те, кого интересует детальная характеристика таких работ, имеют возможность обратиться к книге автора «Управление территориальным развитием».

тай и Индия. В связи с этим одной из главных целей Концепции является создание максимально благоприятных условий для развития региональных экономик, причем с учетом экономической специализации того или иного субъекта. Говоря иначе, приоритетными должны стать характерные для региона отрасли в промышленности, сельском хозяйстве или туриндустрии. Разработанная Концепция направлена на повышение качества и уровня жизни населения; как следствие при достижении этой цели получит дальнейшее развитие экономика всей страны».

Сочетание проблем антикризисных мер правительства с одновременным переносом стратегирования на окружной уровень в одинаковой степени отодвинуло на периферию трансформацию стратегий в схемы территориального планирования с особым вниманием к субрегиональному уровню и притормозило продвижение макрорегиональных проектов, перечисленных в КДР.

Изданная в 2003 г. книга Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Проклятие Сибири» вызвала возмущение значительного числа российских граждан, не исключая серьезных политиков. Несмотря на вежливые формулы⁶⁹, политический подтекст этой работы вполне прозрачен. Тем не менее в отличие от памфлета г-на Паршева⁷⁰ эта книга содержит элементы серьезного анализа и, поскольку сознание авторов отнюдь не отягощено любовью к России, аргументы, высказанные в ней, заслуживают внимания.

Трудно оспорить суждения авторов, когда они утверждают, что основной проблемой является не только географический размер России, но и размещение людей на этой территории, включая то, насколько близко или далеко они находятся от определенных мест — рынков, транспортных путей и т. д. Трудно оспорить и то, что цепочка городов вдоль Транссиба излишне разрежена, а сама крупность этих городов была порождена в первую очередь соображениями Генерального штаба относительно размещения оборонной промышленности. Трудно оспорить и ту высокую цену, которую Север и Зауралье России платят за низкие температуры, отягчающие не только жизнь и работу людей, но и условия работы техники. Все это верно, как верно и то, что нами унаследована система расселения от другой по существу страны, и оптимизация этой системы необходима. Тем не ме-

⁶⁹ «Россияне должны рассматривать огромные земли к востоку от Урала как *российские*, но не как *Россию*».

⁷⁰ *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка: книга для тех, кто остается здесь. М., 2000.

нее на основании тех же тезисов мы имеем основания делать качественно иные выводы. Огромный опыт, накопленный поколениями людей, осваивавших просторы Зауралья, должен стать основанием инновационного рывка технологий, который позволит России компенсировать удаленность от теплых морей. Возрождение Северного морского пути относится к ключевым задачам национального масштаба, поскольку это не столько обеспечение так называемого северного завоза, сколько создание альтернативного транзита глобального значения, о чем давно и доказательно говорят специалисты.

Если говорить о Восточной Сибири и Дальнем Востоке, то нет сомнения в том, что концентрация населения вдоль южной границы и максимальный переход к вахтенной работе на «Северах» выступают категорическим императивом. Это не означает полного отказа от тех северных городов, что могут играть роль опорных центров вахтенного освоения, и потому цена их качественного развития оправдана. Стихийное стекание населения на юг должно быть признано естественным процессом, нуждающимся в поддержке и в первую очередь — в развитии сети малых городов как сервисных центров.

Нет сомнения и в том, что оптимизация системы расселения в условиях демографического сжатия предполагает повторное освоение земель исторического ядра России, где эффективный агрокомплекс возможен в радиусе полусотни километров вокруг средних и малых городов. Это означает фактический финал традиционного сельского расселения при одновременном развитии комплекса заповедных территорий для экстремального, экологического и историко-познавательного туризма.

Все эти сюжеты в принципе не вписываются в сетку административно-территориального деления страны. Основная задача власти на региональном уровне — обеспечение функционирования, тогда как задачи развития оптимальным образом разрешимы в схеме частно-государственного и общественного партнерства. Развитие такого партнерства сдерживается наряду с традиционным стремлением федеральных органов власти стягивать все решения на себя, острой нехваткой специалистов для формирования сильных агентств или корпораций территориального развития. Поскольку в связи с этим роль агента развития в большинстве случаев приходилось и еще приходится брать на себя региональной власти, следует счесть опыт, накопленный при разработке стратегий регионального развития и схем территориального планирования, полезным этапом эволюции управления.

Эффекты мирового финансового кризиса наложились на структурный кризис того индустриального комплекса, что был унасле-

дован от советской эпохи, так что приходится считаться с тем, что сроки, намеченные в КДР в совсем иных условиях, неизбежно будут смещаться по времени вперед. Придется считаться и с тем, что, скорее всего, даже при благоприятной экспортной конъюнктуре одновременно продвигать не то что десять, но даже и три мегапроекта не удастся, так как на все три не хватит ресурсов. Перед страной встанет вопрос о выборе приоритета между югом Якутии, Нижним Приангарьем и Полярным Уралом, и при таком выборе наряду с экономическими соображениями особую роль будут играть геополитические резоны.

При всей важности высокого темпа модернизации российской экономики важно не упускать из виду, что слишком часто поспешные решения и их форсированная реализация приводили в нашей недавней истории к серьезным ошибкам. В лучшем случае для преодоления идеологического, интеллектуального и профессионального барьеров на пути создания заново эффективного управления развитием на территориях потребуется десяток лет. Остается использовать эту паузу для того, чтобы проработать схемы территориального планирования на уровне субрегионов — синхронно и в связке с подготовкой нового поколения управленцев в сфере территориального развития⁷¹.

* * *

Начав главу с познания мира пращурами, этим стоит ее и завершить. В середине XV в. преподобный Нил Сорский совершил паломничество в Иерусалим и к Восточным Патриархам, со времен Петра и Екатерины взгляд соотечественников был сосредоточен на Европе. В начале нового века приходится совершать своего рода паломничества еще дальше — в Гонконг, в частности, а двигаясь еще далее на Восток — в Ванкувер, который мы по инерции считаем лежащим на Западе.

⁷¹ Нельзя исключить, что времени понадобится еще больше. Во всяком случае, в очередных поправках к градостроительному кодексу, представленных на утверждение в Государственную Думу, вновь подтверждается приверженность к *размещению объектов на территории*, в контраст к задаче повышения отдачи от совокупного потенциала на территории страны.

ГЛАВА 4

МЕЖДУ РЕГИОНОМ И ГОРОДОМ

Уже в течение почти столетия, говоря о пространственном планировании, принято иметь в виду пространственные связи между городами и внутреннюю структуру самих городов. О сельском расселении пока еще можно говорить применительно к странам Африки и Азии, тогда как в Европе его существование — не более чем метафора припоминания, поскольку остатки сел тают на глазах. Их сменяют либо фермерские хозяйства, образ жизни которых очень похож на пригородный, либо поселки при современных предприятиях агроиндустриального комплекса, ритм и условия жизни в которых мало чем отличаются от современной субурбии. Существуют реликты, будь то территории индейских племен в Канаде и США или территории малочисленных народов Севера и Сибири в России, но они сугубо маргинальны. Села и аулы все еще достаточно многочисленны на территории России, но они урбанизируются (во всяком случае, во внешних проявлениях стиля жизни) с такой скоростью, что им вряд ли суждено сохраниться еще одно поколение. В целом остаются только два типа освоения территории: городской и контрастный к нему заповедный, знаменующий собой новую ценность природных территорий, нуждающихся во внимании и защите.

Эволюция качества городской среды, втягивающей в себя среду обитания как таковую, не может быть представлена некой возрастающей кривой, и история города как среды предстает как череда кризисов и преодолений последствий кризисов. Наряду с замечательными прозрениями будущего состояния городов их история наполнена ошибочными прогнозами, которые были логически безупречным результатом экстраполяции устойчивых трендов... на самом пороге их завершения. Это особенно ярко проявлялось в XIX в., когда Ф. Энгельс в своем «Состоянии рабочего класса в Англии» (1845 г.) фиксировал глубину кризиса городской среды Манчестера, а полвека спустя скрупулезные расчеты гигиенистов показывали, что все крупнейшие города задохнутся под слоем конского навоза через десяток

План города Вашингтона (Томас Джефферсон и Пьер Ланфан). Сеть улиц, объединившая прямоугольную планировку улиц с диагоналями авеню эффективна до настоящего времени.

лет. Двадцатый век добавил к этому надежды и разочарования, связанные с рельсовым транспортом, и отчаяние, сопряженное с нашествием автомобилей, а наступивший ныне век возлагает упование на становление «умного города». Колебания траектории сдвигов в городской среде велики и часто резки, так что уже только поэтому минимум знания их истории полезен, заставляя нас дистанцироваться от техницистских иллюзий в отношении городских инфраструктур и удерживать осознание сложности их зависимости от политики принятия решений городскими сообществами.

Между уровнем политики управления территориальным развитием в национальном и региональном масштабах и уровнем регулирования собственно городской среды просматривается разрыв, который со времен Геддеса и Аберкромби пытаются заполнить ученые-практики. Одной, более развитой и лучше осмысленной, формой такого заполнения стала metropolitan area, или, в приблизительном переводе, «столичный округ», другой, менее определенной, формой — теоретическое представление об агломерации, с которым надо работать с большой осторожностью. Начнем с краткой экспозиции опыта, накопленного в недавнее время в разных странах, принимая во внимание, что широко известный дистрикт Колумбия, участок за-

Ромб федерального округа Колумбия, вырезанный из общего для двух штатов пятна застройки, обозначает границу юрисдикции и зону более высоких налогов на недвижимость и с продаж.

строеной территории между штатами Мэриленд и Вирджиния, административным образом вырезанный наподобие ромба, в котором проживает менее 700 тысяч человек, может быть назван столичным округом лишь условно. В действительности это довольно рыхлая агломерация, координацию развития которой контролирует Конгресс США при действующем Совете, состоящем из глав полутора десятков небольших соседних поселений.

Естественно, что полновесный столичный округ, являющийся административным закреплением разрастания крупнейших городов, складывается там, где полномочия национальных правительств существенно превышают права отдельных муниципалитетов, что позволяет существенно ограничивать их самостоятельность и административно подчинять целому. В этом отношении первенство долгое время оставалось за Парижем. Регион Иль де Франс, сосредоточивший почти четверть населения Франции, сложен из восьми департаментов, и в них свыше тысячи коммун. До тех пор пока регионализация территориального управления не вступила в права, это был особый регион, однако в последние годы произошло заметное вы-

равнивание. Иль де Франс приравнен в правах к другим регионам страны, и в 2008 г. в сотрудничестве национального правительства и региона выработан Рамочный план развития¹, в целом соответствующий прочим региональным схемам территориального планирования и развития. В обратном направлении события развивались в случае нынешнего С.-Петербурга, в отношении которого волевым решением окрестные города (Ораниенбаум – Ломоносов, Царское Село – Пушкин и др.) были включены в состав северной столицы в качестве ее рядовых муниципальных районов.

В Германии с ее ярко выраженной федеративной структурой и развитым местным самоуправлением возвращение столичных функций Берлину привело к выработке соглашения Берлина и окружающей его земли Бранденбург (полный аналог московской ситуации) по вопросам территориального планирования. В эффекте появился Совместный план территориального развития «Берлин – Бранденбург», сохранивший автономность обеих сторон соглашения при выработке объединенной политики развития². В Великобритании Совет Большого Лондона был ликвидирован правительством Маргарет Тэтчер, но в новейшее время его воссоздали, сократив полномочия. С 2004 г. на лондонского мэра возложена обязанность формирования стратегии развития Большого Лондона, с которой должны быть согласованы генеральные планы развития каждого из трех с лишним сотен боро, границы которых в основном неизменны на протяжении столетий. В Италии регион Лацио, окружающий Рим, с общим населением 5,5 млн человек, с 1999 г. разрабатывает локальные планы развития, в дополнение к которым с 2006 г. формировался план развития ландшафта, имеющий более высокую степень административной силы. Наряду с модернизацией транспортной системы план охватывает вопросы улучшения качества среды, охрану акваторий и, главное, создание зеленых колец, которые должны воспрепятствовать неупорядоченному разрастанию Рима.

При сохранении высокой степени централизации во внутренней политике Китая согласованная разработка генеральных планов Пе-

¹ SDRIF; schéma directeur d'Île-de-France.

² Наряду с Берлином статус города-региона придан Бремену и Гамбургу, тогда как Франкфурт разработал план типа *F* (см. главу 4) как metropolitan area совместно с соседними городами. В целом, однако, крупные города Германии и соседние с ними муниципалитеты, разрабатывая каждый для себя план *F*, образуют различного типа ассоциации, совместно определяя программу развития агломерации или конурбации.

кина и Дельты Янцзы, охватывая ряд провинций и городов национального подчинения, осуществлялась под прямым руководством правительства и была утверждена Государственным советом КНР в 2008 г. Наряду с этими двумя регионами и в отличие от Шанхая, формируемого как агломерация, статус столичного регионального плана придан плану развития Дельты Жемчужной реки (провинция Гуандун). Поскольку с ее свободными экономическими зонами это одна провинция, граничащая с Гонконгом и Макао, план, принятый в 2005 г., не имел межрегионального характера и потому разрабатывался в сотрудничестве региональной власти с Министерством жилищного строительства и территориального планирования.

Накопление городских проблем по мере быстрого экономического развития Индии привело в 1985 г. к формированию Бюро планирования столичного региона — с согласия и при участии штатов Хариана, Раджастан и Уттар-Прадеш. В 2005 г. был разработан Региональный план развития до 2021 г., к которому пять лет спустя был добавлен План транспортного развития до 2032 г. Вектором развития региона было сочтено развитие сетевых взаимодействий в деле рационального землепользования и повышения качества жизни в пяти городах и на межселенных территориях. Национальное агентство развития Дели разработало генеральный план столицы в соответствии с «Региональным планом — 2021». Среди целей генерального плана — превращение Дели в город мирового класса с сохранением исторического наследия, созданием условий для устойчивого повышения качества среды и уровня жизни, включая эмансипацию беднейших слоев населения.

Несколько иначе разворачивается работа в Малайзии, где работу по планированию развития окружающей столицу Долины Кланг до 2020 г. осуществляет Куала Лумпур, координирующий эту работу с властями районов на обширной территории.

При поддержке международных организаций в настоящее время все еще трудно продвигается работа над планом развития Большого Каира, население которого вместе с пригородами превысило 15 миллионов человек, что повлекло за собой формирование уже двух городов-спутников с населением до полутора миллионов человек каждый...

Мы затронули лишь малую часть из общего количества проработок по столичным округам мира, но этого достаточно, чтобы увидеть: за последние двадцать лет на таком фоне Москва выглядит как экзотическое исключение. По причине отсутствия нормальных договорных отношений с Московской областью Москва не могла развиваться как типовой столичный округ. Функциональная Москва (имея в виду

масштаб повседневных маятниковых миграций) расширилась так, что охватывает круг с радиусом до ста и более километров, а физическая Москва (если иметь в виду практически сплошной массив городской застройки) — не менее чем на 30 километров от МКАД. По той же причине, дополнительно усиленной сугубо декоративной функцией местного самоуправления в районах области, примыкающих к Москве, да и в самой Москве, столица не может развиваться и как городская агломерация. Соответственно, Генеральный план развития Москвы, утвержденный городской думой в 2010 г., трактует столицу как всего лишь очень крупный город, отсеченный от окружения невидимой стеной. В этом отношении управление территориальным развитием Москвы отстало от современного мирового опыта во всем его многообразии по меньшей мере на два десятилетия. Смена главы московского правительства может в дальнейшем привести к изменению ситуации, но утверждать это было бы преждевременно.

Реальность и мифология агломерации. Содержание понятия «агломерация» до сих пор вызывает немало недоумений. С одной стороны, с этим понятием ассоциируется множество конкретных планировочных ситуаций в разных странах. С другой стороны, различие организационных форм и правовых статутов, характерных для этих ситуаций, затрудняет конструктивную работу с содержанием этого понятия, трактуемым весьма различно. В специальном исследовании феномена И. В. Стародубровская указывает: «В отечественной географической традиции под агломерацией принято понимать *скопление населенных пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединенных в одно целое интенсивными хозяйственными, трудовыми и культурно-бытовыми связями*³. Несомненным преимуществом данного определения является то, что оно содержит характеристики агломерации, позволяющие понять суть данного явления. В соответствии с определением агломерацию отличает общность повседневной жизни населения ее территории, наличие ежедневных трудовых маятниковых миграций в будние дни, использование единого набора рекреационных объектов по выходным. Вместе с тем определение не содержит четких критериев выделения агломерации, что позволяет исследователю вольно трактовать его в зависимости от целей исследования и, тем самым, ограничивает возможности сравнения агломераций».

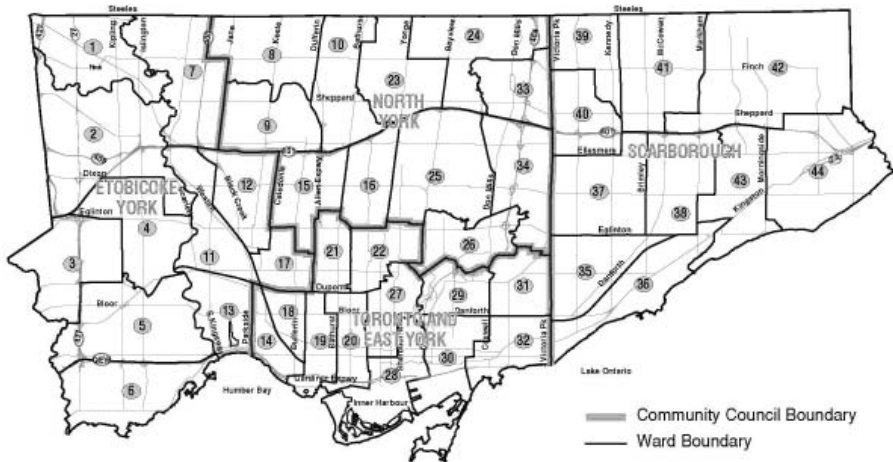
³ Такое определение было сформулировано в конце 50-х — начале 60-х гг. Г. М. Лаппо и В. Г. Давидовичем, а затем было закреплено в «Большой советской энциклопедии».

Если отвлечься от сложностей выявления реальных границ агломераций в связи с несовершенством статистики и приглядеться к планировочным ситуациям и к формам их правового регулирования, независимо от того, сплошное поле застройки перед нами или сгустки поселений, разделенные незастроенными территориями, то очевидным образом вычлениются три модели управления:

- единое муниципальное образование, охватывающее всю территорию, фактически упраздняя ранее автономные администрации поселений;
- двухуровневая система, когда на низовом уровне сохраняются автономные муниципальные образования, но над ними отстраивается единая администрация, ответственная за управление территориальным развитием всей агломерации;
- согласование стратегий и проектов, организация совместного предоставления услуг самостоятельными муниципальными образованиями на территории единой агломерации.

В своей работе И. В. Стародубровская сочла целесообразным вычленить еще один тип – когда регулирование вопросов развития агломерации осуществляется уровнем выше, т. е. регионом или национальным правительством. Представляется, однако, что такая модель характерна лишь для городов-государств вроде Гонконга или Сингапура и для стремительно развиваемой Шанхайской агломерации в Китае, что позволяет для абсолютного большинства ситуаций ограничиться тремя моделями, названными выше. Хотя исследователи и называют Рурскую агломерацию и часто именуют агломерацией голландский Рандштад, скопление городов Рурского района (Ruhr Gebiet), несомненно, лучше описывается в категориях региональной планировочной системы, тогда как Рандштад – классический пример регулируемой конурбации.

Известная сложность выявления действительной картины развития агломераций для отечественных исследователей заключалась в том, что в советское время они должны были принимать во внимание почти исключительно предметные, физические признаки функционирования объекта изучения, оставляя в стороне ключевые политические, правовые, организационные и финансовые его стороны. Отчасти это происходило из-за неизбежной тогда внутренней цензуры, отчасти – в связи со скудостью доступной информации. В настоящее время оба эти ограничения сняты, и можно анализировать накопленный опыт эволюции агломераций, особенно важный для России с ее гигантскими расстояниями между урбанизированными узлами расселения.

Большой Торонто (Канада, Онтарио). Схема границ между графствами и городами агломерации, бывшей административным объединением, ставшей договорной системой.

Торонто. Канада, для которой характерна близкая к условиям России удаленность городских ядер друг от друга, в известном смысле может рассматриваться как экспериментальный полигон формирования агломерации с использованием разных ее моделей. Первый такой опыт был инициирован еще в 1953 г. в Торонто... Это была попытка создать двухуровневую агломерацию⁴, в которую были административно включены помимо собственно Торонто еще 12 муниципалитетов⁵. Двухуровневой эта схема была только номинально, поскольку мэр Фредерик Гардинер, жесткий политик, при демократических декорациях восемь лет управлял «Метро» как бизнес-корпорацией. В дальнейшем было сначала укрупнение низовых муниципалитетов, а затем и прямое их поглощение (1996 г.) с формированием Торонто как «нового» города. Границы прежних муниципалитетов утратили силу, и город был разделен на округа с примерно равной численностью жителей, единый муниципалитет оказывал все виды

⁴ И тогда, и позже Торонтская агломерация именуется «Метро» (от «метрополи»).

⁵ Необходимо иметь в виду, что в Канаде действует Конституция, принятая в XVIII в., когда в стране не было ни одного крупного города. Соответственно, роль администраций канадских провинций в управлении городами через межбюджетные отношения велика как нигде, отчасти напоминая сегодняшнюю российскую картину управления. Фактически провинция Онтарио, главным

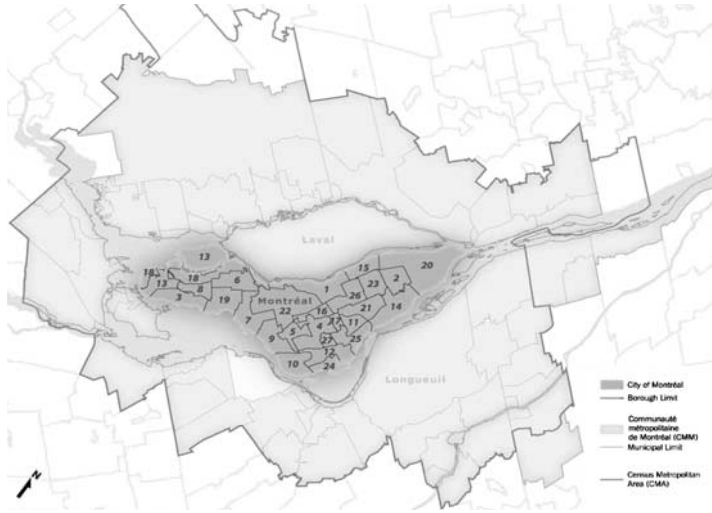
Большой Торонто. Схема организации общественного транспорта, находящейся под общим управлением Транспортного бюро агломерации.

городских услуг, за исключением транспорта и полиции, оставшихся под прямым управлением администрации Онтарио.

В работе «Международный опыт управления агломерацией» И. Стародубровская и М. Славгородская указывали, что, усложнив управление городом, новая схема не только негативно сказалась на его демократичности, но искусственно вычленила лишь половину Большого Торонто из реальной агломерации. Однако в последние годы, после поражения консерваторов на городских и провинциальных выборах, произведена новая трансформация. Теперь у агломерации, охватившей всю территорию Большого Торонто, три структурных уровня: агломерация в целом, силами Совета вырабатывающая стратегический план территориального развития, включая ландшафтный план (заповедники находятся в ведении провинции Онтарио); графства и, наконец, муниципалитеты, восстановленные в своих правах. Насколько можно было судить из встреч с администрациями графства Йорк и двух муниципалитетов, включая город Воон, в котором зафиксирован наибольший приток иммигрантов, принятая схема оказалась более гибкой и, несомненно, более демократичной.

городом которой является Торонто, имеет решающее слово в городских делах, вплоть до выбора компании, которая должна была выиграть тендер на создание внутригородской скоростной монорельсовой дороги.

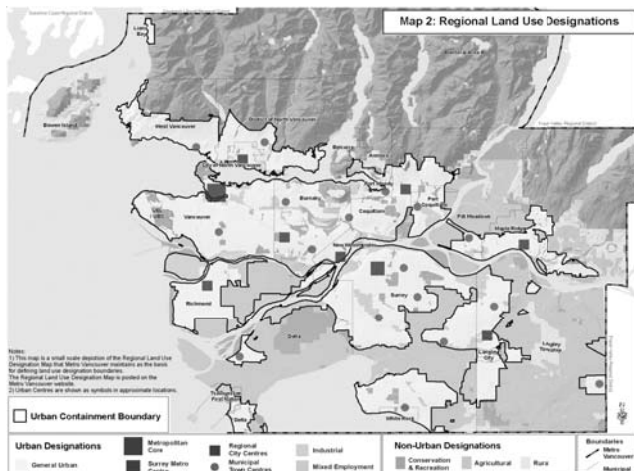

Большой Монреаль (Канада, Квебек). Схема границ между муниципалитетами, входящими в систему договорной агломерации, в Совете которой главный город не имеет большинства голосов.

МОНРЕАЛЬ. Когда верхний уровень управления создается путем объединения представителей муниципального уровня и не имеет собственных источников дохода, а финансирование его деятельности идет через отчисления из муниципальных бюджетов, возникает необходимость деликатного балансирования между интересами крупнейшего города и меньших муниципалитетов. По этой схеме организовано управление Монреальской агломерацией, в которую при общей численности населения свыше 3,5 миллионов человек, входит еще 81 муниципалитет, включая города Лаваль (400 тысяч человек) и Лонгей (200 тысяч человек). Агломерация полностью или частично охватывает территории пяти административных районов франкоговорящей провинции Квебек. 28 членов Совета агломерации⁶, созданного в 2001 г., представляют муниципалитеты сообразно численности населения, так что из них 13 представляют Монреаль, за мэром которого закреплена должность председателя.

Финансирование деятельности Совета осуществляется из четырех источников, из которых наибольший вес (61%) имеют отчисления из муниципальных бюджетов пропорционально стоимости недвижи-

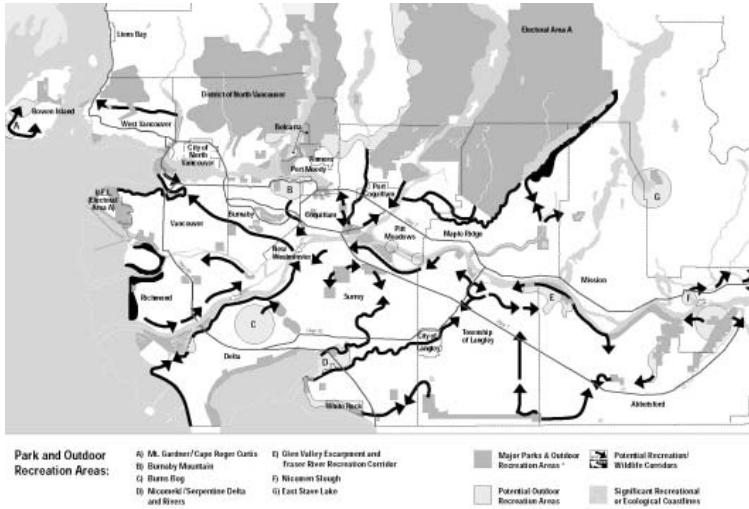
⁶ Communaute metropolitaine de Montreal.

Большой Ванкувер (Канада, Британская Колумбия).
 Схема развития старых и новых городов договорной
 агломерации, охватывающей огромную территорию
 охраняемого ландшафта

мости на их территориях. Остальные средства формируются за счет субсидий от провинции Квебек на инфраструктурные проекты, заемных средств и доходов от предпринимательской деятельности. В круг полномочий Совета входят планирование комплексного развития агломерации, ее продвижение на международные рынки через некоммерческую организацию Montreal International, финансирование строительства социального жилья и, что заслуживает особого внимания, разработка программ содействия росту базы по налогу на недвижимость.

Ванкувер. Достаточно интересен вариант двухуровневой модели, когда представители муниципалитетов, входящих в агломерацию, делегируют своих представителей в общий орган управления, у которого нет законодательно закрепленных функций. В этом случае муниципалитеты самостоятельно передают наверх те или иные полномочия. В чистом виде эта модель реализована лишь в форме региональных округов, созданных в канадской провинции Британская Колумбия. Большой Ванкувер как крупнейший из региональных округов провинции был создан еще в 1967 г., включив два десятка муниципалитетов и так называемую неинкорпорированную территорию, на которой из-за низкой плотности населения не сформирован муниципалитет, что означает прямое управление с уровня провин-

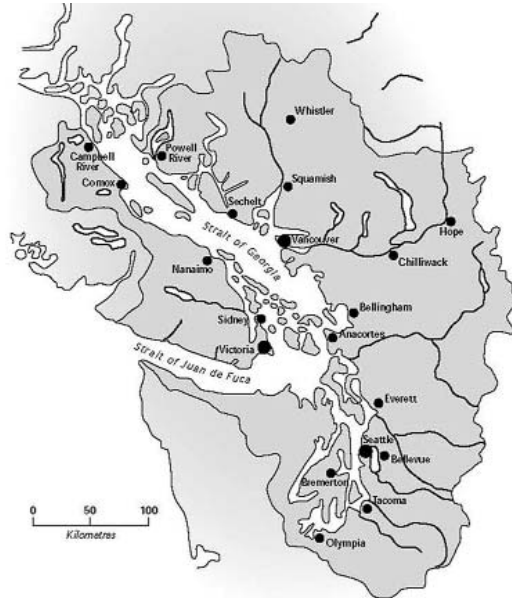

Большой Ванкувер. Схема организации системы лесопарков и парков. Стрелками обозначены защищенные коридоры для свободного перемещения животных, птиц, насекомых.

ции. Ванкувер по численности превышает остальные муниципалитеты, вместе взятые, однако доля его голосов в Совете регионального округа составляет лишь четвертую часть.

До недавнего времени Совет ограничивался предоставлением очевидным образом общих для муниципалитетов услуг: регулирование вопросов занятости населения, социальное жилье, сбор и переработка мусора, водоснабжение и канализация, парки, транспортное обслуживание и, наконец, главное — стратегическое планирование. Кризис 1970-х гг. выдвинул последнюю задачу на передний план, и Большой Ванкувер занял одну из ведущих позиций в национальном движении «Города, пригодные для жизни».

После долгих дебатов между профессионалами, когда выяснилось, что сделать окончательный выбор приоритетов сложно, были проведены масштабные опросы населения с вопросом: «Что есть город, пригодный для жизни?» На основании опросов был сделан принципиальный вывод, что для ответа недостаточно осуществить функциональное зонирование, распределить плотности и этажности застройки, реконструировать транспортные системы. Процесс проектирования округа Большой Ванкувер развернулся в серии программных документов. Программа «Выбор нашего будущего» разрабатывалась с 1989 г., программа «Создание нашего будущего» была

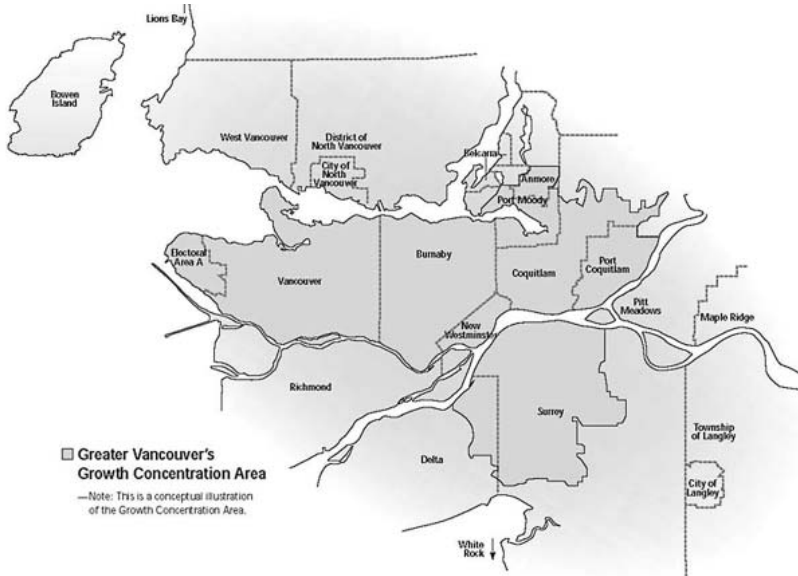

Большой Ванкувер – Большой Сиэтл (США, штат Вашингтон): границы территории совместного экологического планирования двух агломераций, расположенных у границы стран.

принята в 1990 г., а затем последовали обновленные редакции. Наконец, в 1995 г. была принята «Стратегия развития региона», которая год спустя приняла окончательную форму: «Стратегический план региона, пригодного для жизни»⁷.

При всей нечеткости понятия «качество жизни» стратегия опирается именно на него, акцентируя возможность для жителей полностью использовать преимущества инфраструктуры урбанизированной территории: с достаточным количеством пищи, чистого воздуха, доступного жилья, с широким рынком трудоустройства, с доступными местами отдыха. Неравноценная доступность инфраструктуры для жителей была интерпретирована как выражение социального неравенства, а возможность граждан участвовать в принятии планировочных решений была положена в основу жизнеспособности города и его устойчивости. Существо термина «устойчивость» в контексте программы выражается в ключевых понятиях равенства, достоин-

⁷ Livable Region Strategic Plan (LRSP).

Большой Ванкувер—проектная схема регулирования масштабов развития урбанизации по графствам, входящим в состав агломерации.

ства, доступности; в планировочном смысле—это создание дружелюбных мест, из которых должен состоять весь город. Проектирование и строительство дружелюбных (human friendly) мест осуществляется сугубо стимулирующими мерами, путем создания благоприятных условий изменений среды эволюционным путем, но с заданными характеристиками. Пригодность для жизни опирается на собственный опыт горожан. Как гласит программа, «высокое качество жизни в городе возможно только тогда, когда для достижения одной из его составляющих другие не приносятся в жертву».

Соблюдение названных требований неминуемо означало растягивание процесса предпроектных исследований и самого проектирования во времени, так что в целом процесс подготовки занял около восьми лет, но зато дальнейшая работа осуществлялась на основе достигнутого консенсуса, с минимизацией торможений, обычно вызываемых протестами общественных групп и движений. Принципиально важно, что выработанная стратегия не только включила в себя алгоритм проектных действий, но, не ограничившись образом будущего, четко наметила технологию движения к цели. Развитие метрополии-региона включило определение ареалов концентрированного роста, составляющих до половины всей урбанизированной террито-

Большой Ванкувер—проектная схема развития систем скоростного движения, включая скоростной общественный транспорт.

рии. Цель стратегии—к 2021 г. оттянуть до 70% населения в эти ядра. С 1996 по 2001 гг. здесь было построено около 17 000 новых квартир или односемейных домов, к открытию зимней Олимпиады это количество почти удвоилось, несмотря на трудности перевода существенной части нового строительства на «умные» технологии. Восемь ядер роста постепенно принимают индивидуальный образно-культурный характер, играя роль районных центров, которые в контексте программы рассматриваются как усовершенствованные районы.

Еще на стадии аналитической разработки оснований «Стратегического плана региона, пригодного для жизни» было признано, что «низкоплотное расположение застройки, перемежающееся участками высокоплотной урбо-концентрации, плохо обслуживаемое транспортными системами, с угнетением зеленых ареалов, транспортными пробками и ухудшением санитарного состояния воздушного бассейна и почвы ранее было недостаточно осознано». Согласно «Стратегическому плану» следовало определить территории в статусе «зеленых», затем из них выделили зоны, подлежащие охране или специальному режиму использования. Зеленые пространства региона составляют сегодня треть от общей площади земель Большого Вакувера (2 тысячи кв. км), из чего почти половина—это охраняемые земли, включившие 26 регио-

Ядро агломерации — город Ванкувер, разработавший собственную систему высокоплотного строительства высотных зданий, совмещающих жилые, офисные, торговые и прочие функции.

нальных парков и зеленых дорог. В результате примерно половина урбанизированных территорий получила статус охраняемых зеленых зон.

Еще в 1970 г. жители Ванкувера не допустили прокладки фривэя через центр города и начали внедрять программу сокращения автомобильного движения — сначала через переосмысление принципа зонирования и поощрение строительства малых производств и офисов недалеко от жилья (через снижение налога на недвижимость), затем — через поощрение совместных поездок соседей. Соответственно, «Стратегический план» предусматривал снижение скорости автомобильного движения в городе-регионе, приоритет общественного транспорта, создание широких тротуаров и свободных от движения площадей. Для мониторинга осуществления «Стратегического плана» были выбраны 29 показателей, обобщенных затем в 8 укрупненных индикаторах, включая соотношение нового строительства в Ванкувере и региональных подцентрах (в отдельности пропорциональное отношение площадей офисов), количество транзитных поездок и т. п.

В 2001 г. «Стратегический план» включил признание значимости исторических зданий и памятных мест в опыте восприятия города жителями как одной из составляющих устойчивости среды, и формулирование «генетического кода» региона стало основанием для

сопоставления вариантов конкретных проектных решений. Город определил общественные пространства для фестивалей и массовых празднований, вдыхающих в него жизнь. Так, территория Фолс Крик (60 гектар), ранее занятая промышленностью и в связи с ее кризисом перешедшая в собственность города, была признана одним из районов, наиболее привлекательных для застройщиков, где было легко использовать доступность городского центра Ванкувера. В Фолс Крик разместилась Олимпийская деревня 2010 г., после чего гостевые дома и часть гостиниц были переоборудованы в 100 жилых единиц (квартир и домов), включая 250 единиц доступного муниципального жилья, а здание старой солеварни отреставрировано и приспособлено под функции общественного центра района.

Большой Ванкувер — один из крупнейших в мире поликультурных регионов, где этнические и расовые группы, составляющие половину населения, должны жить в гармонии и доверии. Соответственно, это условие «Стратегического плана» положено в основу проектных решений подцентров региона и его ядра. «Стратегический план» предполагает, что достичь желаемого качества жизни возможно только при создании компактных по площади «соседств», составляющих основу территориальной организации, а также при сохранении территорий естественной природы и сельскохозяйственных земель, связанных оптимальными транспортными системами. Транспортные системы решаются по давно отработанному принципу зеленых коридоров, т. е. линейных парков, и парковэев. Наконец, было признано, что создание крупных микрорайонов с однотипной застройкой ведет к социальной сегрегации, тогда как наличие доступного по цене жилья составляет важнейший аспект города, пригодного для жизни. Согласно этой целевой установке в основу Генерального плана было положено требование создавать в каждом микрорайоне широкий выбор жилых домов разного ценового уровня, обеспечивая различные форматы приобретения или аренды жилья.

В 2006 г. в международном конкурсе планов перспективного развития градостроительных систем концептуальный проект Регионального округа Большого Ванкувера был отмечен первой премией. Особо отмечена постановка ключевого вопроса: «Вместо того, чтобы быть потребителями природных ресурсов и загрязнителями окружающей среды, могут ли города включиться в реставрацию природных систем через собственное функционирование?» Главным вкладом в региональное проектирование, привнесенным конкурсной работой, стало понимание необходимости организации адаптивного управления с тем, чтобы своевременно и по возможности адекват-

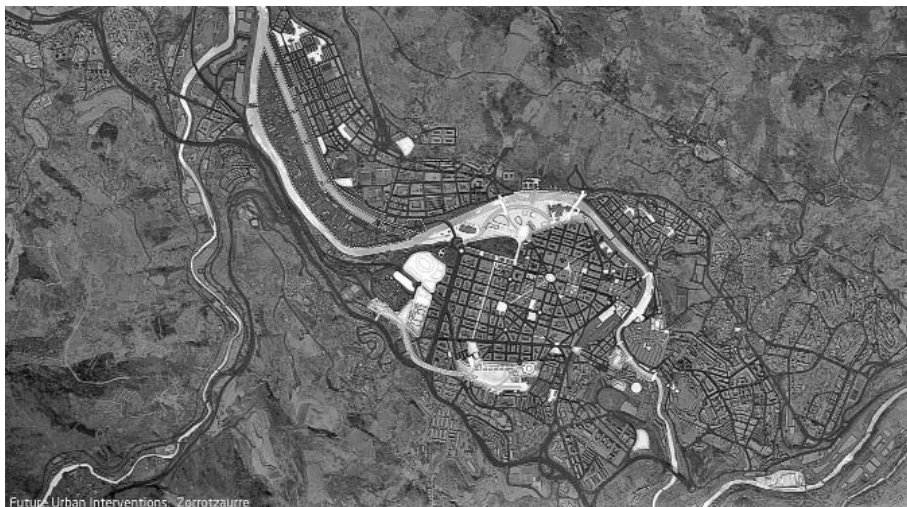
но реагировать на способность урбанистической системы к самоорганизации, а значит, и к проявлению тех свойств городской среды, которые невозможно запланировать. Адаптивное управление представляет собой предупреждающий, процессуальный подход к стратегическому управлению территориальным развитием, провоцирующий накопление нового опыта и создание системы обратной связи для слежения за состоянием и для оценки происходящего. Этот подход направлен на поддержание интегрированных градостроительных форм и инфраструктуры, процессы обеспечения и обслуживания с целью изучения происходящего как движения к заданным перспективам, уточнение и постоянное совершенствование управленческих ответов на новые вызовы.

Бильбао. Если в США роль государства сводится к грантовой поддержке муниципальных и межмуниципальных проектов, то в Европе роль государства остается существенно большей. В «старых» странах Евросоюза подобные задачи в целом решены в прошлом веке и речь идет, как правило, о корректировке уже осуществленных региональных планов. Соответственно, заново такие задачи ставятся в ранее периферийных странах — при очень значительной помощи агентств Евросоюза.

Большой Бильбао — агломерация, объединяющая 30 муниципалитетов разного размера. Большая часть из них расположена на берегу реки Нервион, впадающей в Бискайский залив, или на океанском побережье. Население агломерации составляет около миллиона человек. Валовой региональный продукт агломерации, наполовину представленный сектором услуг, составляет половину ВВП Баскской автономии. К началу XX в. город-порт, основанный в 1300 г., вырос в крупный индустриальный центр, но в начале 70-х гг. начался затяжной спад, вызванный изменением географии морских перевозок. Город лишился основных источников дохода и начал быстро деградировать.

В конце 70-х гг., в рамках политики модернизации Испании после эпохи Франко, Страна Басков, вернувшая себе статус автономии, была освобождена от уплаты налогов в национальную казну, что позволило накопить значительные средства и на основе широкой публичной дискуссии выработать долгосрочную стратегию развития столичной агломерации. Бильбао, зажатый меж двух горных хребтов, веками застраивался вдоль узкой долины реки, где у воды располагались портовые, промышленные и складские сооружения. Свободных участков под застройку в городе не было.

Ключом к радикальной реконструкции было решено определить территории вдоль реки, освобождаемые от производственных и пор-

Бильбао (Испания, Бискайя). Схема генерального плана реконструкции города с охватом и модернизацией всей долины реки Нервион, в рамках национальной программы модернизации.

товых функций. Согласно плану река превращается в структурирующую ось агломерации.

Принятые в 1992 г. градостроительная программа и «Стратегический план» обозначили четыре основные цели. Во-первых, усиленное развитие получала транспортная инфраструктура связи между муниципалитетами. Во-вторых, следовало очистить реку и ее дно, осуществить программу улучшения ситуации в области образования, культуры и досуга. Подготовить специалистов, сделать город более привлекательным для проживания и туризма, улучшить его международный имидж.

Для достижения этих целей была учреждена Bilbao Ria – 2000, особая администрация, объединившая усилия правительств Испании, Баскской автономии, Совета провинции Бискайя, городских советов Бильбао и соседнего Баракальдо и выступившая посредником между государством и бизнесом. Эта администрация была почти сразу же преобразована в акционерное общество, и важнейшим инструментом модернизации Бильбао стали широкомасштабные инфраструктурные, планировочные и архитектурные проекты.

Bilbao Ria – 2000 первоначально столкнулась с недоверием частных инвесторов, однако компании удалось склонить администрации порта и железной дороги уступить права на несколько городских участков

Бильбао. Компьютерная реконструкция города на стадии концептуального проекта.

в обмен на строительство нового порта в устье реки и прокладку железнодорожной ветки в обход центра. Переход ранее производственных территорий под контроль Bilbao Ria—2000 позволил компании успешно реализовать первый проект—перепродажу участков прежней железнодорожной товарной станции под жилищное строительство. Полученные доходы сразу же были инвестированы в последующие проекты. Сильным стимулом к развитию рынка недвижимости стало строительство музея Гуггенхайма, порученное модному архитектору Фрэнку Гэри, что обеспечило международный интерес к проекту. Ежегодно музей (не только и не столько коллекция, сколько само здание с его необычными формами) привлекает до 800 тысяч туристов. Значительный финансовый вклад в реализацию крупномасштабных проектов внес Европейский союз, что создало гарантию надежности Bilbao Ria—2000, обеспечив приток частных капиталов в сферу строительства. Вторым крупным участником процесса модернизации Большого Бильбао стала корпорация Metropoli-30, учрежденная в 1991 г. властями автономии и объединившая муниципалитеты провинции Бискайя и около сотни частных компаний.

Проектирование метро было заказано британскому консорциуму, и две его линии были созданы под руководством другого архитектора с мировым именем—Норманна Фостера. Новый аэропорт был создан еще одной знаменитостью—архитектором Сантьяго Ка-

Бильбао. Мост через Нервион и здание Музея Гугенхейма (арх. Ф.Гэри), задуманного и реализованного как ключевая туристическая приманка в рамках программы реконструкции.

латравой. Реконструкция транспортной инфраструктуры продолжена прокладкой новых трамвайных линий и строительством мостов, способных пропускать морские суда.

В центральной части города разбит парк Рибера, связанный с расположенным по соседству парком Итурришар, обустроен трехкилометровый променад вдоль реки, от Дворца конгрессов до здания городской ратуши. Через Нервион перекинут пешеходный мост, соединивший территорию Абандоибарра с университетским комплексом на противоположном берегу. В настоящее время Бильбао приступает к реализации новых крупных проектов, среди которых выделяется реконструкция прибрежной территории в городе Баракальдо, а также промышленной зоны, расположенной ниже по течению Нервиона. Застройка осуществляется по генеральному плану, который разработан еще одной звездой мировой архитектуры — Захой Хадид.

«Проект Бильбао» получил широкий резонанс за пределами Испании и может быть сочтен одной из крупнейших удач городского планирования начала нынешнего века.

Все решения по проекту принимает совет, однако исполнительная структура проекта, наряду с координацией деятельности по реализации проекта, имеет собственные задачи, проводя научные исследования, подготавливая и осуществляя образовательные програм-

мы, разработку PR-стратегии. Важно, что Metropoli-30 имеет статус некоммерческой организации и финансируется за счет взносов учредителей, в число которых наряду с вышеназванными учредителями вошли также два университета и совет предпринимателей Бильбао. Среди ключевых задач корпорации:

- организация переобучения рабочей силы, высвободившейся в результате сокращения количества рабочих мест в отраслях промышленности;
- привлечение новых видов деятельности на территорию агломерации (прежде всего предприятий, занятых разработкой программных продуктов, экологических технологий, работающих в авиации, и т. п.);
- улучшение транспортной системы агломерации (строительство метро, расширение аэропорта и т. п.);
- улучшение экологической ситуации в агломерации путем применения новых технологий утилизации отходов;
- разработка плана пространственного развития, который бы предусматривал переобустройство старых промышленных зон в зоны многофункционального использования, в которых планируется создание парков, строительство жилого фонда, современных офисных зданий, объектов социальной и культурной сферы;
- изменение имиджа агломерации;
- обеспечение осведомленности населения и организаций внутри и за пределами агломерации о реализации «Стратегического плана», финансирование некоторых видов деятельности, а также лоббирование интересов агломерации в правительствах Испании и Европейского союза.

Стокгольм. Стокгольм, власти которого прозорливо воспользовались депрессией 1930-х гг., приобретя значительные территории как резерв для развития, в 1980-е гг. пережил радикальную смену политики развития, связанную в первую очередь с крахом социалистической модели строительства многоэтажных микрорайонов. Жители Стокгольма, из числа которых 85% работают теперь в сфере обслуживания и в сфере высоких технологий, отдали решительное предпочтение односемейным домам. Стратегия развития Стокгольма, принятая в 1999 г., объявила главной целью пересмотр характера землепользования. Принцип «построить все в границах города» был положен в основу скорректированного свода правил застройки, включившего список памятников и территорий ценного наследия.

Под давлением общественного мнения, обеспокоенного ростом числа иммигрантов, было принято решение об отказе от застройки социальным жильем территорий, ранее зарезервированных для этой цели. Номинально программа развития именуется генеральным планом, но в действительности это законченная модель того, что (без раскрытия содержания) именуется стратегическим планом развития в Градостроительном кодексе Российской Федерации (рис. 64, 65).

«Построить все в границах города» означало ревизию использования застроенных территорий с целью повышения городского статуса, т. е. архитектурных качеств застройки. Предстояло трансформировать старые промышленные ареалы в новые многофункциональные планировочные зоны, включающие жилье, обслуживание, средний и малый бизнес. Задачи устойчивого развития для Стокгольма получили следующую редакцию: определить наиболее важные экономические, социальные и экологические аспекты; рассмотреть стратегию развития города с позиций устойчивых элементов (планировочных, культурологических, социальных); распознать конфликтующие цели; определить отправные точки для перспективного генерального планирования.

В генеральном плане 1999 г. были определены приоритетные территории реконструкции и нового масштабного строительства. Среди них научный город Киста на северо-западе, с подключением четырех прилегающих муниципалитетов. Сюда выносятся новый университет, деловой центр, ведется строительство нескольких микрорайонов и новой ветви скоростного трамвая, связывающего все четыре муниципалитета. Старый район Королевского технологического института и Каролинского госпиталя рассматривается как территория, специализированная на развитие научного центра (за счет уплотнения застройки), а также как место нового жилого микрорайона с низкой плотностью застройки на коммунально-складской прирельсовой территории города. Хаммерби Стод – новый микрорайон, первая очередь которого возведена на месте складов нефтепродуктов грузового порта. Планировщики посчитали, что следует восстановить нарушенные ландшафты, но сохранить рисунок пирсов. Следуя задачам связывания разобщенных территорий и сохраняя «память места» вдоль берега внутренней лагуны, построена набережная-пирс для частных яхт. Первые этажи жилых зданий, выходящих на набережную, отданы под предприятия обслуживания и малого бизнеса. На наиболее эффектных ландшафтных точках, включая искусственный полуостров, размещены деловые и общественные здания. Жилые дома ограничивают чередующиеся дворы-садики и дворы-парковки. Парал-

Стокгольм. Системное развитие столицы Швеции с 1930-х годов по настоящее время обязано своим успехом вовремя зарезервированной территорией развития.

лельно линии застройки набережной построен линейный парк, куда помимо площадок отдыха вынесены контора жилищного управления и технического обслуживания, церковь и клубное помещение.

Совершенствование связности Стокгольма означает сохранение экосистемы города, входящей в единую систему региональных парков, лесов и национальных парков. Эта система уже есть, и добавить к ней нечего. Под центральным городским ядром прокладывается новый туннель и несколько добавочных подземных уровней для железной дороги, новых линий метро и скоростного трамвая. Все вновь проектируемые транспортные пути через столицу интегрируются в единую систему экономического коридора Стокгольм — Упсала. Этот коридор рассматривается как межмуниципальная территория для развития всех видов кооперации в сфере высокотехнологического бизнеса.

В Большом Стокгольме оба уровня муниципальной власти выбираются населением, проживающим на соответствующих территориях. Функции между двумя уровнями жестко разделены, за каждым уровнем власти закреплены самостоятельные источники доходов. Большой Стокгольм⁸ покрывает территорию 20 муниципалитетов и представ-

⁸ Norton A. (1994) International Handbook of Local and Regional Government. A Comparative Analysis of Advanced Democracies, Cheltenham: Edward Elgar, UK. P.320.

В отношении Стокгольма можно сказать, что в его развитии в наибольшей степени удалось воплотить идею гармонии суши и воды с отличной системой регулирования трафика.

ляет собой особую форму графства⁹. Отличием Большого Стокгольма от остальных графств является необходимость стратегического планирования развития региона и планирования землепользования. Другие графства—это прежде всего сфера деятельности муниципалитетов нижнего уровня. Совет Большого Стокгольма состоит из 149 человек, и именно в его компетенцию входят вопросы регионального планирования, здравоохранения, транспорта, социальной политики. Все остальные функции закреплены за муниципалитетами. На территории Большого Стокгольма также действуют добровольный региональ-

⁹ В Швеции 24 графства, которым передана часть государственных полномочий, они являются одновременно и государственными административными регионами, и органами местного самоуправления. Как звенья в цепочке государственной системы, их правительства возглавляются лицами, назначаемыми центральным правительством на шестилетний срок. Как органы местного самоуправления они избирают свой совет и занимаются решением вопросов местного значения, в частности в сфере здравоохранения.

ный комитет, ассоциация муниципалитетов для обеспечения жилищного строительства через межмуниципальные контракты, межмуниципальная корпорация по электроснабжению, специальный округ для обеспечения населения теплоснабжением и горячим водоснабжением.

Представляется резонным завершить очерк эволюции агломераций темой Шанхая.

При всей масштабности обширной стратегической программы создания зоны развития Дубай в Арабских Эмиратах, начатой в 1971 г. и рассчитанной до 2015 г., она представляет ограниченный интерес в силу совершенной уникальности. Гигантские средства, закачанные в эту работу с чистого листа, могут давать полную отдачу лишь при условии сохранения режима отказа от налогов с недвижимости, режима беспошлинной торговли и монархического режима, гарантирующего повышенную безопасность проживания. Это, скорее всего, обеспечит заселение районов вилл и высотных отелей¹⁰, однако расчеты на формирование делового центра всемирного масштаба представляются сомнительными. Свобода и терпимость к иному, без чего никак нельзя себе представить подлинно современный центр высокотехнологичной деятельности, категорически не совместимы с магометанством ваххабитского толка. К тому же есть обоснованные опасения, что насыпные острова в форме пальм создадут значительные сложности для поддержания экологического здоровья новой урбанизированной территории в неполных 4 тысячах кв. км.

Шанхай. Гораздо интереснее новейший опыт Китая, где наряду с ускоренным строительством череды городов вдоль границы с Россией, реализацией программы развития провинции Гуандун и национальной программой формирования сети скоростных железных дорог формируется обширная агломерация Шанхая с населением порядка 20 миллионов человек.

Несмотря на либерализацию китайской экономики, локомотивом модернизации Шанхая остается государство, инвестирующее в новое строительство колоссальные средства. Большой Шанхай – моноцентрическая агломерация, центральное ядро которой площадью 670 кв. километров концентрирует около 10 миллионов человек постоянного населения (без учета примерно 3 миллионов мигрантов).

¹⁰ Финансовый кризис 2008 г. сильно ударил по размаху спекулятивного развития в Дубае, так что судьба этого эксперимента становится все менее определенной.

Благодаря выгодному географическому положению и мощным инвестициям из-за рубежа Шанхай с середины 90-х гг. пережил стремительный экономический рост, сопровождаемый ухудшением экологического состояния, недоразвитостью транспортной инфраструктуры и растущей безработицей.

Старый городской центр, отстроенный европейскими и американскими концессионерами в 1880–1930-х гг., был не в состоянии вместить новый размах деловой активности. В начале 1990-х гг. город «перешагнул» через реку Хуанпу, начав активное освоение территории Пудонга — обширной территории (520 кв. км), отделяющей более обжитую часть города от моря и занятой складами и деревнями, разбросанными среди рисовых полей. Деловой район Луцзяцзуй, возникший в западной части Пудонга, стал эпицентром высотного строительства в Китае и внешне выглядит как один из типичных американских даунтаунов.

В перспективе Пудонг будет административно разделен на четыре функционально специализированных района: торгово-финансовый район Луцзяцзуй (31,78 кв. км), экспортно-перерабатывающую зону Цзиньцяо-Циннинсы (19 кв. км), зону свободной торговли Вайгаоцяо (10 кв. км) и технопарк Бэйцай-Чжанцзян (17 кв. км). Стремительное развитие Пудонга создало мощный фокус экономической активности, побудив тысячи предприятий вывести свои производства за пределы города. На освободившихся территориях строятся объекты обслуживания и жилье.

Из-за неконтролируемого роста Шанхай оказался в плотном кольце хаотически застроенных предместий, которые заполнили все свободные пространства и усугубили транспортные проблемы. Начиная с 1920-х гг. городские власти пытались упорядочить развитие Шанхая. Однако реальные меры начали принимать лишь на рубеже 1980–1990-х гг., с началом работы над Генеральным планом реконструкции и развития Шанхайского района. Программа, рассчитанная до 2020 г., была принята в 2001 г.

Главной задачей генплана, алгоритм которого явно восходит к проекту Большого Лондона по Патрику Аберкромби, было прекращение дальнейшего расползания центрального ядра агломерации, которое предполагается окружить широким зеленым поясом. Второй целью проекта стало преобразование моноцентрической шанхайской агломерации в полицентричную путем создания новых городов-спутников в пригородной зоне и в районах планируемой урбанизации, включая развитие существующих поселений в этой зоне. И, наконец, согласно плану развитие агломерации должно быть на-

правлено вдоль основных железных дорог и автомагистралей, перемежая массивы высокоплотной застройки рекреационными природными зонами. Основой транспортной сети Шанхайского района должна стать решетка из шести меридиональных и шести широтных трасс, соединенных с кольцевыми автомагистралями.

В конце 90-х гг. было принято решение о строительстве 34 новых городов на расстоянии от 10 до 75 километров от центра Шанхая. Сначала предполагалось, что 12 из них к 2020 г. должны достичь весьма крупных размеров (от 200 тысяч до 1 миллиона жителей). Впоследствии число крупных городов-спутников ограничило девятью, поскольку их характер должен отразить архитектурные стили, характерные для различных стран¹¹. Население прочих спутников планируется ограничить 50–100 тысячами человек. Новые поселения должны уравновесить разросшуюся метрополию, побудив ее жителей переселиться в пригороды, куда в конечном итоге будут выведены все основные производства. Кроме того, на территории ядра агломерации будут построены четыре «полусателлита» на 80–100 тысяч жителей, которые должны будут упорядочить развитие шанхайских предместий, сделав их дополнительными полюсами обновления пригородной зоны. Расчетная плотность населения новых городов колеблется в пределах 4,5–10 тысяч человек на 1 кв. км, что существенно ниже, чем в самом Шанхае (15 тысяч человек на 1 кв. км).

Таким образом, шанхайские планировщики проводят политику рассредоточенного развития, используя три ее разные модели: систему городов-спутников Говарда-Аберкромби, концепцию полуавтономных городских районов Элиэла Сааринена, популярную в Швеции и Финляндии, и, наконец, стратегию развития города вдоль направленных осей урбанизации — по образцу Парижской агломерации.

Большинство градостроительных программ в Китае создается государственными, муниципальными или ведомственными институтами, но по образцу Барселоны, Бильбао и Роттердама власти Шанхая активно привлекают именитые архитектурные бюро из Европы и США.

Новые города, как правило, размещаются вблизи существующих поселений или производственных кластеров. Ценные ландшафты (реки, каналы, озера, лесные массивы, холмы) должны быть сохранены и включены в городскую композицию. Значительные размеры новых городов делают их самодостаточными, полностью обес-

¹¹ Решение было внушено зарубежными консультантами, стремившимися найти простейший выход из ситуации, порожденной высокой скоростью процесса, заданными планами правительства КНР.

печивая повседневные потребности жителей. Они будут обладать развитой системой коммуникаций и разветвленной сетью объектов обслуживания и торговли. Городские кварталы изначально планируются полифункциональными, они будут состоять из зданий различных типов, включая традиционную застройку плотными кварталами из двухэтажных блокированных домов, выстроенных вдоль узких внутренних проездов и небольших квадратных дворики.

Гибкость планировочной структуры спутников допускает изменения и дальнейший рост. Вместо детального генерального плана разрабатывается планировочная схема, определяющая лишь размещение городских центров, транспортных коммуникаций, жилья, офисов, торговли, досуга, и основные векторы развития. Особое значение придается общественному транспорту, который будет осуществлять большую часть перевозок, несмотря на стремительный рост личного автопарка.

Крайняя спешка в процессе проектирования ведет к тому, что, как и в Дубае или в Дохе, на первый план выступают сугубо формальные планировочные решения, авторы которых отталкиваются одновременно от литературно-символических метафор и известных планировочных образцов любой исторической эпохи.

Так, при создании центра города Сонъян в основу положена идея стилистической имитации условной Старой Англии, хотя в подражание тематическим паркам Диснея отель на 400 номеров будет возведен в глубоком заброшенном карьере. Город Гаокао в районе Пудонг будет возведен в голландском стиле, а его новый порт и свободная экономическая зона должны стереть с лица земли город с историей в восемь веков. Небольшой город Антыинг, проект которого разработан германским бюро, основателем которого был Альберт Шперер, обретает, естественно, стилистику германского городка, в котором смешиваются модернизм и готика. Луодъян – в скандинавском стиле, так как рядом с деловым центром обустраивается географический парк в опоре на карту Скандинавии в масштабе один к десяти тысячам. Есть еще испанский город, канадский город – центр швейной промышленности, и итальянский (ателье Марио Греготти) – рядом с территорией «ЭКСПО-2010» и копией диснеевского тематического парка Universal Studio. И, наконец, китайский город как центр производства канцелярских принадлежностей.

Несколько обособленно формируется Линъян, в 75 километрах от центра агломерации, рядом с новым, глубоководным портом на островах, уже связанных с материком мостом длиной 32 километра для восьми полос движения транспорта. При проектировании

Линъяна, рассчитанного на 800 тысяч жителей, германское архитектурное бюро взяло за основу литературное описание плана Александрии периода расцвета и вместе с тем литературную планировочную схему Говарда. Городское ядро получило радиально-концентрическую структуру, организованную вокруг большого круглого озера. Кольца застройки, разделенные на сектора, перемежаются открытыми озелененными пространствами. Вдоль озера устроен широкий променад с пляжем. Примыкающие кварталы образуют городской центр — средоточие офисов, магазинов и открытых пешеходных пространств с вкраплениями жилой застройки. Его окружает городской парк с библиотеками и школами. С внешней стороны находятся жилые микрорайоны, расположенные вдоль радиальных магистралей и зеленых лучей. В центре каждого разбит небольшой сквер с магазинами и кафе. Более плотная застройка примыкает к транспортным магистралям, а к зеленым лучам выходят дома на одну семью. Крупные сооружения располагаются в юго-западной части города между вторым кольцом и берегом моря. Территории в северной и западной частях города, выходящие к внешнему транспортному кольцу, отводятся под строительство объектов высокотехнологичных отраслей промышленности. В юго-западной части, между автострадами, связывающими город с портом Яншань, расположены логистический парк и производственная зона. Первая очередь строительства, рассчитанная на 80 тысяч жителей, закончена к 2010 г.

Наконец, тоже на удалении, трудами шанхайского института планировки и германской фирмы *Stadtbauatelier* возникает Чэнцяо — на острове в устье Янцзы. Это современная версия традиционного китайского поселения, прототипами которого послужили, с одной стороны, исторические города на воде, вроде Тунли и Лицзяна, а с другой — города-сады Европы и США. Высота застройки не должна превышать четырех-пяти этажей. Лишь отдельные участки нового городского центра или выходящих к реке территорий будут застроены 20-этажными башнями.

Планировка нового города, наподобие формальных планировочных схем в России екатерининской эпохи, образована веером улиц, расходящихся от реки. Центральную ось города формирует широкий бульвар, протянувшийся с севера на юг от здания вокзала к реке, вдоль существующего канала. Вокруг него дугой выстраиваются новые городские кварталы. Северный отрезок бульвара занимает торговый квартал с пассажами, ресторанами и офисами. На полуострове, на восточном берегу канала, находится центральный деловой район, застроенный многоэтажными офисами. С юга главную

ось замыкает группа из нескольких башен, расположенных в центре культурно-развлекательного квартала. На ее продолжении разбит большой парк, выходящий к берегу Янцзы широкой эспланадой и яхтенной гаванью. Кварталы, примыкающие к городскому центру, застраиваются секционными домами, на периферии же преобладают особняки или традиционный тип китайского жилища, и т. д.

В целом любопытный эксперимент, в котором рациональное строение общей структуры города-региона, современный уровень экологических требований к городской среде соединились с постмодернистским смешением всего и вся, сильно отдающим китчем диснеевского толка. В случае Шанхая одновременное отречение и от модернизма, и от гранд-стиля, и при этом заимствование образцов из многовековой истории градостроительного искусства, акцентирующего формальный характер планировочного решения, знаменует собой начало нового тысячелетия...

Россия. В нынешних российских условиях финансовая слабость муниципальной власти и следующая из этого ее политическая незаметность лишают сюжет сложения агломераций действительной актуальности. Этот сюжет возникал у нас в академических кругах, в них он и остается, хотя время от времени эта тема всплывает в региональных дискуссиях в связи с политическими видами губернского начальства, стремящегося упрочить свои полномочия в сфере использования земли городов и окрестных районов¹².

Даже в новейших работах, посвященных теме агломераций, сохраняется привычное рассмотрение их как, в первую очередь, пространственных систем, границы которых определяются не муниципалитетами — субъектами кооперации, а некими «объективными» факторами, вроде изохрон транспортной доступности ядра агломерации. Г. М. Лаппо писал, к примеру: «Агломерации возникают и развиваются в ходе объективного процесса — саморазвития расселения. Формирование агломераций происходит в странах с разным общественным строем и на разных этапах их социально-экономическо-

¹² Превосходной иллюстрацией процесса служит эпопея бурного начала дискуссий об агломерации Иркутска, Ангарска и Шелехова. Эта дискуссия была пресечена в связи с одной сменой губернаторов, отчасти возобновилась в связи с выборами в городские советы городов — потенциальных членов агломерации и вновь замерла в 2010 г. Давние по времени мечтания о Самарско-Тольяттинской агломерации категорически лишены смысла, пока в стране не будет сформирована полноценная система скоростных железнодорожных сообщений.

Крупнейшие города Китая вступили в фазу радикальной реконструкции позже, чем в других странах, но за счетное число лет сумели выйти в авангард решения проблем транспорта

го развития»¹³. В том же сборнике Е. Н. Перцик настаивал: «Не город, а городская агломерация должна стать на данном этапе развития форм расселения главным звеном системы расселения страны, главной единицей статистического учета, планирования, проектирования и управления»¹⁴.

Без тени колебаний автор приводит далее список 36 крупнейших и крупных агломераций, с его точки зрения, уже наличествующих в России. Другие авторы приводят еще иные основания для исчислений: «Согласно одному из критериев определения границ агломерации, сформулированных И. М. Маергойзом и Г. М. Лаппо, за основу при определении границ агломераций принимают положение о за-

¹³ *Лаппо Г. М.* Целенаправленное формирование городских агломераций // Проблемы развития агломераций России. М., 2009. С. 10. Публикации в сборнике, изданном РААСН – Российской академией архитектуры и строительных наук, программным образом служили антитезой концепции развития «точек роста», выработанной в Минрегионе, когда авторы этой концепции уже ушли из министерства, где тема тут же заглохла к моменту издания сборника РААСН.

¹⁴ *Перцик Е. Н.* Крупные городские агломерации. Там же. С. 37.

мыкании в пространстве городской агломерации недельного цикла жизнедеятельности населения»¹⁵, и т. д.

Нет смысла вести детализованную полемику с авторами — достаточно констатировать, что все подобные рассуждения не имеют решительно никакой связи с процессами реконструкции сети расселения в России. Опыт реальной работы по созданию программы формирования агломерации¹⁶, равно как и опыт экспертизы подобных программ, заставляет приблизиться к реальности этих процессов.

Опыт массовой передачи полномочий от сельских поселений администрациям муниципальных районов, осуществляемый под большим или меньшим нажимом сверху, но вызванный в первую очередь финансовой немощью поселений, является фактом.

Фактом является и массовый прессинг на сельские поселения в целях побуждения их к объединению независимо от того, усиливает это или ослабляет относительно более сильные поселенческие муниципалитеты.

Не менее реален мощный прессинг на малые города со стороны районных администраций, которые в теории не имеют больших прав, но в соответствии с привычкой, унаследованной от советских времен, трактуется губернской властью как высшая инстанция по отношению к городским администрациям. Известно множество случаев, когда малые города с многовековой историей не могут добиться статуса городского округа (Углич или Тутаев, к примеру), а если им все же это удастся по результатам референдума, как это было в случае Рыбинска, за эту волюность расплачиваются главы их администраций.

Является непреложным фактом обратная ситуация поглощения района городом с формированием нового городского округа, включающего в свою орбиту земли района.

Становится все более распространенной практика расчленения функций между главой города, избираемым всенародно (или город-

¹⁵ *Заграничная А. С., Семенова О. С.* Многокритериальная методика определения границ агломерации. Там же. С. 72.

¹⁶ См.: *Глазычев В. Л., Стародубровская И. В.* и др. Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск, 2008. Группа экспертов провела значительную работу по подготовке переговорного процесса между Челябинском, двумя городскими и шестью сельскими муниципальными образованиями, сыграла ключевую роль в подписании меморандума о дальнейшем взаимодействии и т. д. Однако после того как мэр Челябинска был переизбран, сюжет исчез из повестки дня, вновь прозвучал в инаугурационной речи того же М. В. Юревича, когда он был утвержден в должности губернатора области, и вновь затих.

ским советом), и главой администрации – сити-менеджером, назначаемым городским советом. Такая практика известна прежде всего из американского опыта, но в США это временная, антикризисная мера¹⁷, тогда как в России она грозит превратиться в универсальный инструмент управления, хотя трения между главой города и главой городской администрации являются скорее нормой, чем исключением.

Наконец, все большее распространение получает практика перехватывания областными администрациями распорядительных функций в отношении городских земель с изъятием этих полномочий у городской власти.

Нельзя усомниться в том, что во множестве случаев все эти меры имеют обоснование в практике расхищения земель районов и в практике не слишком целесообразного использования городских земель, что, впрочем, не гарантирует улучшения ситуации при отъеме распорядительных полномочий у муниципалитета. Так или иначе, но приходится признать, что совокупность перечисленных фактов на длительное время становится стандартным условием территориального планирования, поскольку нет оснований ожидать в близкое время изменения принципа межбюджетных отношений в пользу муниципальных образований.

В связи с этим бóльший интерес для нас представляют не агломерации, при любой их модели предполагающие известный суверенитет муниципалитетов, а города-регионы или большие города, количество которых все еще превышает количество официально закрепленных агломераций. Поскольку города Европы представляются нам ближе в культурной традиции, несравнимость условий муниципальной жизни между ними и городами России в большинстве случаев дает лишь пищу для размышлений, тогда как американский опыт, несмотря на культурную чуждость, объективно оказывается нам ближе.

Разумеется, используя словосочетание «большие города», мы имеем в виду не только и не столько площадь и численность населения, сколько опыт управления развитием. Воспользуемся тремя характерными примерами, показывающими, что и вне России опыт участия региональной власти в развитии городских систем как своего рода субрегионов не только достаточно распространен, но и является до-

¹⁷ В 1997 г. автор принимал участие в международной экспертной группе по анализу кризиса управления в городе Вашингтоне, на основании результатов этого анализа тогдашний мэр Марион Берри был лишен девяти из десяти его полномочий, и специальным решением Конгресса США был назначен сити-менеджер.

минирующим. Опираясь на добротную монографию Питера Калторпа и Вильяма Фултона¹⁸, выберем из обширного американского материала Портленд, Солт-Лейк-Сити и Сиэтл.

ПОРТЛЕНД. Еще в 1970-е гг. штат Орегон установил границу предельного роста для города с целью предотвратить бесконтрольный перевод сельскохозяйственных земель в земли застройки с неизбежным в этом случае скачком земельных спекуляций. Задача контроля была возложена на новую организацию – «Метро». Впрочем, граница была отодвинута столь далеко от города, что очерченной территории хватило для развития в течение 20 лет. В начале 1990-х гг. был выдвинут ряд инициатив одновременно с двух уровней. Власти штата приняли билль о планировании транспорта, в рамках которого была составлена обязательная программа сокращения километража внутрирегиональных поездок. Штат принял программу роста ВРП на душу населения, «Метро» предприняла попытку сформировать стратегический план «Регион-2040», а некоммерческая группа «1000 друзей Орегона», не ограничившись протестом против строительства нового хайвэя, приступила к разработке альтернативной транспортной стратегии.

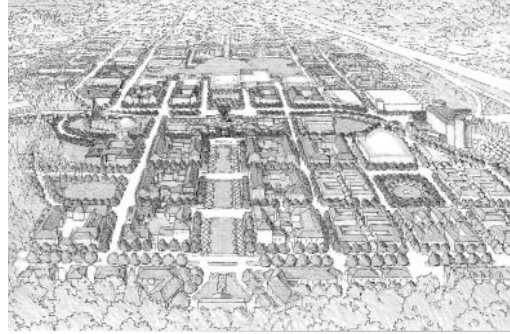
К 1997 г. работа над альтернативной схемой была завершена, и «1000 друзей» сумели доказать эффективность замещения хайвэя легкой системой рельсового транспорта, а продолжение расширения пригородов – схемой развития девелопмента, основанного на общественном транспорте. Начав с корректировки генеральных планов двух графств, эта программа, предусматривавшая создание эффективных альтернатив автомобильному движению за счет формирования кластеров застройки, во многом повторяла схему «трамвайных соседств», некогда существовавших в Портленде. Со временем между «Метро» и «1000 друзей» установились настолько конструктивные взаимоотношения, что они совместно приобрели более сложное программное обеспечение, чем то, которым пользовались транспортные инженеры. Удалось построить существенно более изоциренные компьютерные модели, которые позволили учесть демографические особенности различных территорий. При этом в основу расчетов было положено разделение транспортных потоков на потоки автомобильные; автомобильные совместного (соседского) использования; автобусные; рельсовые; велосипедные и пешеходные.

Сравнение первичного и альтернативного вариантов показало, что второй обещал снижение плотности автомобильного движения

¹⁸ *Calthrope P., Fulton W. The Regional City. Washington, 2001.*

Оренко — один из шести региональных центров Большого Портленда (США, Орегон). К северу от городка при железнодорожной станции выросли технопарк и офисный «парк»

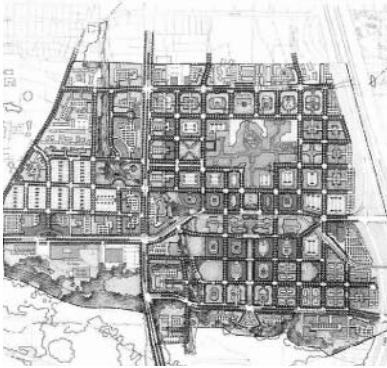

Оренко. Проект — панорамный вид, объяснявший жителям, как именно давний городок и новые «парки» должны быть соединены в единое целое легким метрополитеном.

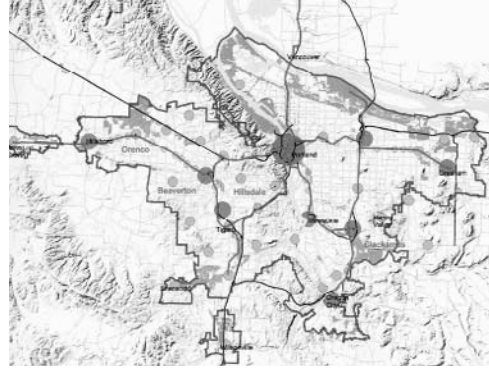
на 18%, тогда как количество поездок на общественном транспорте должно было вырасти почти на треть. Любопытно, что первичные опросы населения, проведенные «Метро», предъявили множество внутренних противоречий в позиции портлендцев. Им не нравилось разрастание субурбии, но они были против того, чтобы их соседства меняли свой характер, они высказывались в пользу общественного транспорта, но не хотели отказываться от поездок на автомобиле, желали укрепления экономики города, но не хотели его роста. «Метро» изменило тактику, и людям были предложены иные вопросы:

- Следует ли осуществлять развитие существующих соседств или вынести его на новые территории?
- Куда следует делать вложения средств — в хайвэй или в общественный транспорт?
- Что лучше: коммерческий девелопмент по обычной схеме субурбии или формирование кластеров застройки городского типа?
- Следует четко разграничивать жилые и коммерческие зоны или создавать микс?
- Нужна публичная политика поддержки строительства доступного жилья или пусть рынок определяет цены?

Были получены весьма интересные результаты. Лишь 14% опрошенных предпочли инвестиции в хайвэй, 13% высказались в пользу разви-

Клакамас – региональный центр Большого Портленда. Схема поясняла, каким образом обычный торговый «молл» может стать ядром нового, многофункционального центра.

Большой Портленд. Схема, изображающая взаимосвязь ядра агломерации с шестью региональными центрами и малыми городами агломерации.

тия на новых территориях. 40% высказались в пользу микса в использовании земли, но столько же людей было против; голоса за и против поддержки недорогого строительства также разделились почти поровну.

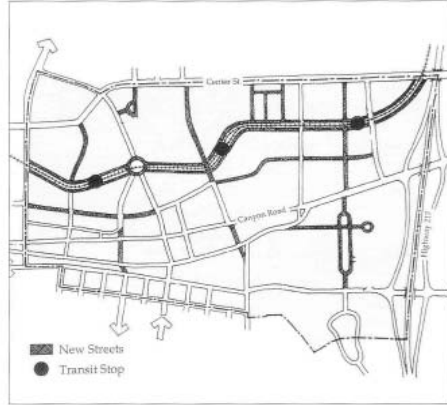
Третья фаза состояла в детальных исследованиях, показавших, в частности, что под застройкой была половина земель, четверть территории – под парками и дорогами, но почти пятая часть земель оказалась пустующей, что открыло ясную перспективу развития без расширения границ. Обнаружилось, насколько ранее принятая схема зонирования отстала от времени. 27% земли были некогда определены как земли промышленного использования, тогда как в реальности промышленность занимала только 16%. В этом секторе осталась лишь треть рабочих мест, тогда как бизнес планировал создание 90% новых рабочих мест в непромышленных видах деятельности. Более того, к 1993 г. 12% рабочих мест оказались рассеяны в жилой зоне – работа на дому уже становилась весомым фактором¹⁹.

После тщательного сопоставления трех вариантов уточненного плана развития и выполнения предпроектных работ по шести «соседствам», находившимся в различных условиях, стратегический

¹⁹ По данным обширных выборочных исследований, десять лет спустя доля занятых на дому в США возросла до четверти от общей численности рабочих мест. См.: Пинк Д. *Нация свободных агентов*. М., 2005.

Бивертон — еще один региональный центр Большого Портленда. Предпроектная ситуация: слишком редкая сеть улиц, из-за чего единственная дорога была забита пробками.

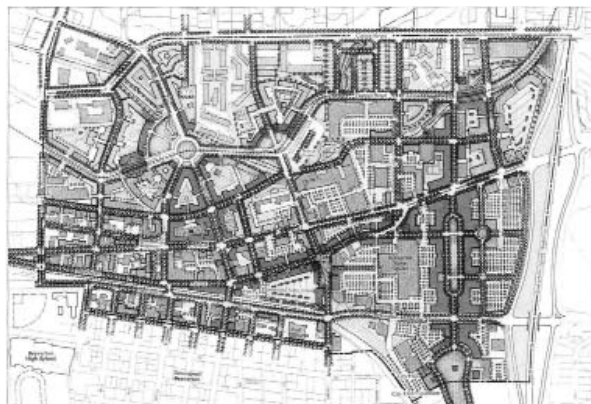

Бивертон — проект прокладки новых улиц, позволяющей снизить нагрузку от трафика и насытить жилой район дополнительными услугами разного назначения.

план «Регион-2040» был существенно переработан. Фактически заново была открыта знакомая нам схема Геддеса—Аберкромби с ее зелеными поясами и программным убыванием плотности по средней площади участка от ближнего пригорода к дальнему: от акра с четвертью в первой зоне до двух с четвертью во второй. Стратегический план заложил формирование иерархии деловых центров — от даунтауна Портленда, через районные центры к новым городским центрам и систему коридоров общественного транспорта, максимально приближенных к этим центрам. Если до того планирование велось от хайвея, то теперь — от линий общественного транспорта в первую очередь.

В 1996 г. был принят «План внедрения — 2040», и его текущие результаты выдвинули Портленд на ведущее место в США по доле роста городского центра по отношению к входящим в «Метро» шести графствам. За десять лет эта доля, своего рода вторичная урбанизация, возросла с неполных восьми процентов до восемнадцати с лишним.

Солт-Лейк-Сити. Этот регион, сложившийся вокруг ранее чрезвычайно консервативного центра деятельности церкви мормонов, является собой иной вариант выращивания программы территориального развития из зерен общественной инициативы. Относительно Портленда работа в штате Юта началась с большим запозданием —

Бивертон – результирующий проект реконструкции: бульвар вдоль линии легкого метро, улицы переведены в режим одностороннего движения, ценная старая застройка сохраняется.

лишь в 1990-е гг., что, однако, позволило инициаторам плана развития опереться на опыт штата Орегон. Коалиция за будущее Юты объединила сотни гражданских организаций, нацеленных на выработку общественного консенсуса в отношении необходимости смены модели развития, до того традиционно ограничившейся утверждением абсолютного приоритета застройки низкой плотности.

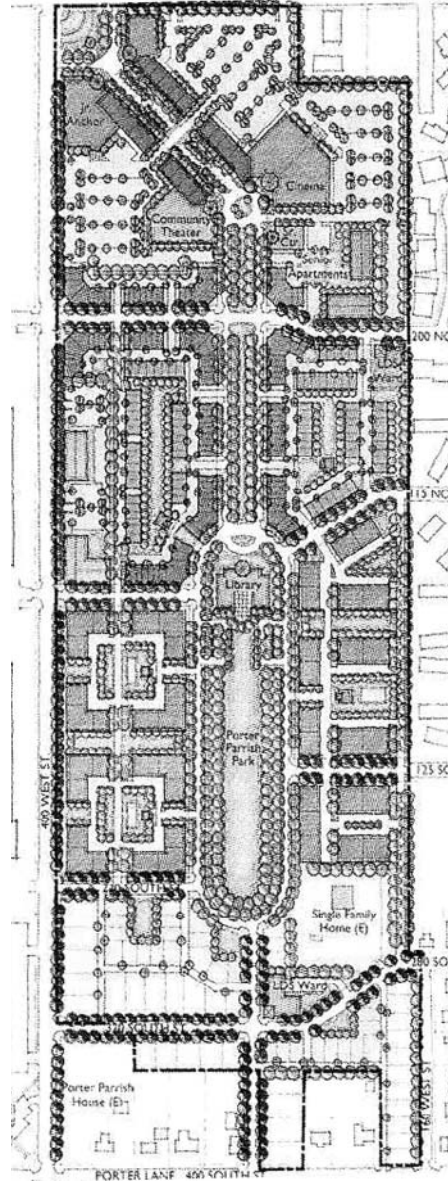
Коалиция поставила задачей сформировать проект, получивший название «Юта: образ будущего», и прежде всего обратилась к профессиональной фирме «Уиртлин»²⁰ для проведения широкомасштабного исследования ценностной структуры сознания местных жителей. Исследователи не ограничились выявлением банальных ожиданий. К примеру, вместо того чтобы удовлетвориться высоким рангом безопасности жизни, они выявили, что под этой универсальной категорией скрывалось не столько требование повышения качества работы полиции, сколько желание жить в сильном сообществе, в котором общие ценности выступают на первый план по сравнению с однородностью уровня дохода, возрастом или социальным статусом²¹. В отличие

²⁰ Консалтинговая фирма Wirthlin Group, осуществлявшая основную работу по подготовке избирательной кампании президента Рональда Рейгана.

²¹ Здесь, несомненно, сказалась традиция мормонской церкви с ее вниманием к социальному единству паствы, соединенному с необычайным вниманием к генеалогическому дереву семьи.

от большинства американских регионов, с характерной для них высокой мобильностью населения, здесь проступила на поверхность глубина заботы о качестве жизни следующих поколений на том же месте. Было выявлено, что жители болезненно воспринимали потери времени, порожденные пробками на дорогах, естественными в условиях рыхлой субурбии, и необходимостью приработка в связи с высокой стоимостью содержания жилищ и т. д.

Следующую фазу работы составили серии публичных семинаров, на которых предъявлялись карты региона и фишки, каждая из которых представляла 10 000 человек в масштабе, приведенном к традиционной низкой плотности застройки. При целевой установке штата на прирост миллиона жителей участники первого семинара должны были разместить эти фишки на новых территориях или на ранее освоенных. Ключевой вопрос семинара был: «Где мы должны прирастать?» В результате обсуждений от 42 до 77% участников высказались в пользу наращивания плотности. Вторая серия семинаров была посвящена теме «Как мы должны расти». Теперь участники семинара должны были на тех же картах расположить фишки семи разных типов. Четыре из них были всем знакомы — низкая плотность или повышенная плотность в рамках «со-

Сентервилль, пригород Солт-Лейк Сити (США, Юта). Проект формирования второго общественного центра (вокруг мини-парка, внизу) на территории «спального» района городка.

седств», рассеченных магистральными проездами. Три типа были для участников новыми: смешанная по функциям застройка типа «сити» (120 жилищ на гектар), типа «таун» (40 жилищ на гектар) и типа «виллидж» (20 жилищ на гектар).

В результате серии семинаров возник сложный мозаичный рисунок, который при сохранении парковых пространств и наращивании публичного пространства проявил явное предпочтение «пешеходных соседств», приближенных к коридорам общественного транспорта, относительно традиционных для Юты «проездных соседств». Третья серия семинаров, охватившая значительно больше участников, чем картографические, была сочетанием обсуждений с демонстрацией фотографий типичных моделей жилой и общественной среды. К немалому изумлению девелоперов и их лоббистов, в администрациях существенное большинство участников обсуждений высказалось в пользу тех моделей среды, с которыми они раньше по преимуществу не имели дела: дома с террасами, а не гаражами по фронту; Мейн-стрит с магазинчиками, а не торговый стрип при дороге; малые внутренние парки; узкие аллеи, а не широкие улицы, заложенные генпланом 40-х гг. прошлого века, и т. д.

Во всех случаях жилая среда, организованная вокруг пешеходных пространств, получила предпочтение перед организацией пространства вокруг автомобильного движения. Хотя 70% жителей решительно предпочли односемейные дома, восемь из каждых десяти были согласны с тем, что в пределах «соседства» нужно смешение по возрасту и уровню дохода на семью, и только 7% настаивали на том, чтобы в пределах «соседства» были лишь односемейные дома. Меньше 40% были за то, чтобы новое строительство осуществлялось в удаленных городках, и лишь двое из десяти предпочли бы застройку на сельскохозяйственных землях. Более того, при пресловутом консерватизме Солт-Лейк-Сити, выражавшемся, среди прочего, в недоверии к любой администрации, кроме самоуправления, более 85% опрошенных согласились с тем, что именно правительство штата должно содействовать смешанному типу развития территорий и сокращению зависимости людей от автомобиля.

Финалом предпроектной стадии стала разработка четырех альтернативных сценариев развития регионального города, два из которых были продолжением традиции, а два предъявили варианты более плотной, более городской по характеру структуры организации пространства. Существо сценариев должно быть понятно из предыдущих стадий проработки, так что достаточно сказать, что по сценарию С 70% нового заселения должно быть в формате соединения од-

носемейных и многоквартирных домов в «пешеходных соседствах», а сценарий *D* поднимал долю нового девелопмента до 83%. Напротив, в сценарии *A* «пешеходные соседства» не предусматривались вовсе, а по сценарию *B* они составили всего 4% от общей застройки.

Развитие по сценарным вариантам было оценено по множеству параметров, включая расход воды, выброс газов, стоимость (за вычетом цены земли, публичных служб и стоимости строительства), и различие между сценариями *A* и *C* составило порядка 40% в пользу новой структуры. Сценарий *D* оказался несколько дороже, чем сценарий *C*. Все альтернативы вместе с расчетами были опубликованы, после чего отклики жителей (почти 20 000) были обобщены. Подавляющее большинство выразило поддержку вариантам *C* и *D*, что не могло быть проигнорировано ни властями штата, ни местными властями. Соответственно, после доработки, еще несколько улучшившей сценарий *C*, именно он, под названием «Сценарий качественного роста», принял форму однозначно и детально сформулированного технического задания на планирование.

Это техническое задание было преобразовано в пакет карт, описавших желаемые формы использования природного окружения, транзитных коридоров, общественных центров, кластеров застройки и зеленых барьеров между ними, оставив местным властям детальные решения внутри заданных рамок. Акт о качественном росте был в 1999 г. принят Законодательным собранием штата Юта. Акт утвердил создание Комитета качественного роста, в полномочия которого вошло предоставление местным властям грантов на внедрение плана, получившего широчайшую общественную поддержку. Дополнительным импульсом к развитию послужило проведение в регионе зимних Олимпийских игр 2002 г., и план успешно осуществлялся до финансового кризиса 2008 г., притормозившего этот процесс.

Сиэтл, испытавший бурный экономический рост в 90-е гг., в своем движении к городу-региону во многом опирался на опыт Портленда, но двигался иным путем, чем Портленд или Солт-Лейк-Сити. Здесь построение образа будущего предшествовало выработке конкретных законодательных мер, тогда как реализация этого образа возникла в эффекте принятия закона штата Вашингтон.

Еще в 1970-е гг. общественные организации и избранные городские власти Сиэтла предприняли попытки остановить деградацию окружения, порожденную бурным расползанием пригородов. Этому движению способствовало то, что штат Вашингтон принял акт, жестко ограничивший развитие городов в прибрежной зоне и впервые вклю-

чивший систему экологических ограничений в сферу девелопмента. В конце десятилетия графство Кинг, на территории которого расположен Сиэтл, предприняло беспрецедентное усилие, чтобы обеспечить сохранность сельскохозяйственных земель, две трети которых были поглощены жилой застройкой в послевоенные годы. В 1979 г. жители графства подавляющим большинством приняли решение о выпуске облигаций ради того, чтобы выкупить у фермеров права застройки, и в течение следующего десятилетия удалось выкупить три тысячи гектаров, что позволило обозначить контур зеленого пояса вокруг Сиэтла.

Однако в 1980-е гг. Сиэтл испытал мощнейший строительный бум, в результате которого центр города заполнился небоскребами, на месте старых пригородов возникли офисные центры, включая «Майкрософт», плотность застройки в соседних пригородах выросла скачкообразно, а за пределами зеленого пояса разрастались новые «виллиджи». Если население Сиэтла выросло за десять лет на 22%, то общий объем автомобильного движения вырос двукратно, так что город стал одной из метрополий, в наибольшей степени задуманных автомобильными пробками. Крепнувшее движение защитников окружающей среды набрало достаточную политическую силу, чтобы городские власти приняли закон, в два раза срезавший допустимую офисную застройку в центре, а властям штата передавший жесткий контроль над допустимым направлением роста города – в опоре на пример штата Орегон. С 1987 г. активисты и городские власти вместе приступили к разработке плана «Vision-2020», процесс формирования которого радикально изменил политику развития города-региона.

Цели плана нам уже известны по предыдущим примерам. Это: использование границ для сдерживания расползания субурбии; формирование компактных сообществ с их локальными общественными центрами; защита сельскохозяйственных и природных зон от застройки; увеличение разнообразия жилой застройки; наконец, создание региональной стратегии развития транспорта с акцентом на скоростные системы автобусных и рельсовых маршрутов, соединяющих локальные центры. Примечательно, что местные власти, привыкшие действовать без координации с соседями, впервые объединились в поддержку «Vision-2020», распустили Совет локальных администраций и учредили Региональный совет, включивший представителей департамента транспорта штата и трех портов огромного логистического комплекса Сиэтла.

Тем не менее у Регионального совета не было достаточных полномочий, чтобы сделать соблюдение принципов плана обязательным, тогда как девелоперское лобби, поддерживаемое активистами

NIMBY²², яростно сопротивлялось формированию города-региона. Ситуация изменилась в 1991 г., когда Законодательное собрание штата утвердило закон о регулировании развития. Закон закрепил четыре базовых принципа:

- Новое строительство должно быть сконцентрировано в утвержденных зонах городского развития, непосредственно примыкающих к существующей застройке.
- Девелоперский проект не может быть утвержден, если транспортные и иные услуги не предоставляются в полноте одновременно с застройкой.
- Местные власти обязаны включать строительство доступного жилья в свои программы развития.
- Утверждаемые природные территории, в особенности критически важные для охраны окружающей среды, должны быть сохранены в полноте.

В отличие от Орегона штат Вашингтон отказался от централизованного контроля над исполнением закона. Все четыре принципа должны внедряться местными администрациями, а споры по поводу планов и проектов должны рассматриваться в специальных региональных апелляционных судах, в состав которых непременно входят планировщики. В дополнение к перечисленным принципам закон потребовал у трех городских графств, примыкающих к заливу Пьюджет с востока, совместно выработать стратегический план развития. Эти три графства – Кинг, Сномиш и Пирс, к которым вскоре присоединилось графство Китсэп, расположенное на западном берегу залива, – немедленно решили развернуть план «Vision-2020» так, чтобы придать закону штата предметную детализацию. К четырем базисным элементам, перечисленным выше, план добавил пятую позицию – регулярный мониторинг ситуации, позволяющий обеспечивать полноту знания города-региона относительно соответствия всякого нового шага развития интересам регионального целого.

Работая совместно, локальные власти утвердили границу городского роста, в конечном счете охватившую около 24 000 кв. км, или шестую часть общей площади региона. Внутри этой границы оказалось и единое пятно застройки Сиэтла, и города или городки и «виллиджи», иногда соседствующие друг с другом, но нередко разделен-

²² Not in my backyard – только не в моем дворе: присловье, ставшее общепотребимым выражением с середины прошлого века.

ные зелеными пространствами. В 1997 г. разрешение на строительство индивидуальных домов за пределами границы было дано лишь по каждому пятому запросу, и с тех пор доля таких разрешений неуклонно сокращалась. Закон содействовал включению самостоятельных муниципалитетов в состав «Метро» Сиэтла, позволяя также аннексировать города и поселки за чертой Сиэтла и других центров региона. В результате доля обитателей инкорпорированных городов за десять лет возросла с 50 процентов до 70. План «Vision-2020» создал надежное основание для локальной политики в сфере планирования, так что, к примеру, стратегический план развития города Редмонд — пригорода второго кольца, где расположена штаб-квартира «Майкрософта», — твердо установил запрет на присоединение территорий за границей региона и меры поощрения развития территорий в пределах этой границы.

План «Vision-2020» закрепил иерархию городских центров, верхнюю позицию которой занял 21 центр регионального значения (включая даунтаун Сиэтла), играющие прежде всего роль центров занятости. В совокупности около полутора сотен узлов концентрации рабочих мест, обеспечивая треть занятости в регионе, насчитывают всего 4% населения региона. План предполагает поднять эту долю до 6,5% к концу расчетного срока, что вполне выполнимо, если учесть высокую плотность жилой застройки на территории центров. В 1996 г. началось финансирование транспортного плана «Метро», и работы продвигались настолько быстро, что через десять лет почти все городские центры первого ряда удалось обеспечить автобусным, железнодорожным или легким рельсовым транспортным узлом²³, вплетенным в региональную сеть.

Благодаря серии продуманных действий удалось дополнить офисы даунтауна Сиэтла заведениями развлекательного и коммерческого характера, придав ему круглосуточный режим функционирования и роль быстродоступного центра для всего региона. Это, однако, не только не привело к ослаблению центров старых городков и пригородов, но, напротив, вызвало регенерацию этих центров в их первичной функции, которая была на грани исчезновения из-за оттока активности в дальние пригороды до начала внедрения плана «Vision-2020». Так, к примеру, в Редмонде осуществлен проект Лайонсгейт, где высокая плотность жилья дополнена разного рода коммерческими услугами, вход в которые осуществляется прямо с тротуара, а городской

²³ Линия легкого рельсового сообщения протянута от аэропорта через центр Сиэтла до кампуса университета штата Вашингтон.

центр объединил торговлю вдоль Мейн-стрит и строительство новых жилых, офисных и смешанных по функции комплексов.

План «Vision-2020» продолжает трансформироваться по мере расширения требований к экологии и комфорту и уже принял название «Vision-2040». Как легко выяснить через развернутый интернет-портал, в мае 2010 г. Региональный совет залива Пьюджет при единственном поддержавшемся принял и утвердил финансирование программы «Транспорт-2040», содержание которой укладывается в несколько пунктов:

- Инвестиции в общественный транспорт, автомобильные дороги, пешие и велосипедные дорожки должны обеспечить ожидаемый к 2040 г. прирост населения региона на 1,5 миллионов человек с приращением 1,2 миллиона рабочих мест.
- Инвестирование в стратегии сокращения эмиссии выхлопных газов и в защиту здоровья населения залива Пьюджет. Эти стратегии дополняют программы, принятые на федеральном уровне, и соответствуют программам штата.
- Инвестирование в транспортную поддержку стратегии развития региона «Vision-2040» путем концентрации роста в энергично развивающихся городских центрах при поддержке качества среды в регионе.
- Создание новаторского и справедливого финансового плана, меняющего формы финансового обеспечения и замещающего традиционные источники, которые либо сократились, либо стали более недоступными.

Есть основания полагать, что и новый вариант плана будет в основном выполнен, несмотря на последствия финансового кризиса 2008 г.

Нью-Йорк. Прежде чем рискнуть некоторым обобщением, целесообразно обратиться к тому специфическому опыту, который выделяется уникальностью на фоне чрезвычайно большого разнообразия региональных ситуаций, складывающихся вокруг крупнейших городов. Это опыт «Метро» Нью-Йорка²⁴, рождение которого обычно относят к 1929 г., когда был опубликован первый Региональный план. Этому

²⁴ Материал заимствован из насыщенной фактическим материалом монографии: *Benjamin G, Nathan R. Regionalism and Realism. A Study of Governments in the New York Metropolitan Area. Washington, 2001.* Эта книга тем интереснее, что ее автор является последовательным критиком идеи регионализма, отстаивая ценности местного самоуправления, поддерживаемого властями штата.

предшествовала драматическая борьба централистов, выступавших за объединение всех пяти боро Нью-Йорка²⁵, с сепаратистами, причем позиции демократов и республиканцев неоднократно менялись местами в рамках политических интриг конца XIX в. В 1897 г. Хартия о создании единого Нью-Йорка была, наконец, принята Законодательным собранием штата в его столице Олбани. Со временем, несмотря на сопротивление сепаратистов, значение нью-йоркских боро все более сокращалось, самоуправления на уровне «соседств» в объединенном городе не было и нет до настоящего времени; политические машины обеих партий работают в системе избирательных округов, соответствующих давним графствам, включающими части города и пригороды. Еще в 1960-е гг. известный политолог Роберт Дал, утверждая, что применять к Нью-Йорку понятие «местное самоуправление» совершенно бессмысленно, настаивал на придании городу статуса города-штата²⁶. Этому статусу Нью-Йорк не получил, однако централисты в конечном счете одержали верх над локалистами, апеллировавшими к опросам, явно указывавшим на распространение чувства отчужденности жителей от власти и осознания бессилия что-либо существенно изменить. Единственным исключением из правила стало масштабное общественное движение обитателей Нижнего Манхэттена против прокладки фривэя через его территорию. Попытка Стейтен-Айленда восстановить свою независимость к успеху не привела.

Уникальность Нью-Йорка состоит не столько в его мощи как финансового и культурного центра глобального масштаба, в чем с Нью-Йорком могут состязаться еще пять-шесть мировых городов, сколько в том, что территория «Метро» охватывает город Нью-Йорк и части трех штатов – Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут. В совокупности на этой территории функционируют более 2000 муниципальных образований, что с формальной точки зрения сопоставимо, скажем, с Московской областью, но по существу отличается от нее радикально, поскольку в случае «Метро» мы имеем дело с реальным самоуправлением. Более того, к этому множеству следовало бы причислить десятки специальных округов, из которых наиболее понятным выступает школьный округ²⁷. К тому же это самоуправление структурировано различным образом во всех четырех территориальных системах.

²⁵ Манхэттен, Квинс, Бронкс, Бруклин и Стейтен-Айленд.

²⁶ *Dahl R. The City in the Future of Democracy // American Political Science Review. Vol. 61. P. 968.*

²⁷ На территории «Метро», иначе именуемого «Трехштатный регион», в начале 90-х гг. насчитывалось 742 специальных округа, границы оперирования кото-

Схематическая карта Большого Нью-Йорка, охватывающего территории, находящиеся под юрисдикцией трех штатов: Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут: управленческая головоломка.

Так, в городе Нью-Йорк отношения горожанина и власти строятся по элементарной двучленной схеме: горожанин – город. В штате Нью-Йорк две схемы. Одна, в поселениях внутреннего кольца, пятичленная: горожанин – школьный округ – «виллидж» – малый или крупный город – графство, а на периферии один элемент, виллидж, выпадает. В штате Нью-Джерси схема иная: горожанин – школьный округ – крупный (city), или средний (town), или малый (borough) город – графство. Наконец, в штате Коннектикут схема вновь упрощается, поскольку уровень графств был в нем упразднен: горожанин – школьный округ – крупный или средний город. Уже этого перечисления достаточно, чтобы понять, с какой сложной реальностью имеет дело «Метро», однако на все это многообразие накладывается след-

рых в большинстве случаев не совпадают с административными границами муниципалитетов. В Нью-Йорке внешняя простота двучленной схемы в действительности компенсируется формированием множества «Районов делового развития» (BID – Business Improvement District).

ствие финансового кризиса в восьми из каждых десяти крупных городов. Как везде в США, этот кризис был порожден бегством солидных налогоплательщиков в пригороды, развившиеся на территории графств. Это неизбежно усугубило этнический контраст: бедность цветного населения в городах против достатка в преимущественно белых по составу боро и «виллиджах» за городской чертой.

Сложность целого оказывается еще большей, поскольку на территории трайстейт-региона оперируют крупные агентства, подчиненные властям штатов. Среди них мощные агентства управления общественным транспортом Нью-Йорка и Нью-Джерси и администрация портов Нью-Йорка и Нью-Джерси, учрежденная в 1921 г. в целях предотвращения разрушительной конкуренции между ними. Чтобы лучше уяснить паутину отношений между штатами на территории трайстейт-региона, достаточно упомянуть, что граница между Нью-Йорком и Нью-Джерси была установлена в 1834 г. по оси фарватера Гудзона и залива после долгого судебного процесса, так что дно по западной стороне границы было обозначено как собственность Нью-Джерси. Эллис-Айленд, остров, на который с 1890 г. непременно высаживались с кораблей иммигранты, поначалу не превышал по площади полутора гектаров, но поток иммигрантов нарастал, и площадь острова нарастили до семи гектаров. При этом использовали грунт, вынутый при строительстве метрополитена, но так как его ссыпали на дно, принадлежащее штату Нью-Джерси, тот подал судебный иск, окончательное решение по которому было принято Верховным Судом США в 1998 г. Исходные полтора гектара оставили за Нью-Йорком, все прочее отошло Нью-Джерси (рис. 79).

И все же тайстейт-регион в целом успешно функционирует — за счет усилий администраций штатов, специальных агентств и, что в данном случае играет важную, а иногда и решающую роль, — за счет активной роли судебной системы, способной отстаивать общественные интересы как перед местной властью, так и перед администрацией штатов. Без этого взаимодействия не удалось бы создать и модернизировать сложную схему водоснабжения Нью-Йорка, выстроить и развивать в целом вполне эффективные системы общественного транспорта и т. д. К этим сюжетам мы еще вернемся, замкнув раздел общими замечаниями.

Приведенные в тексте примеры попыток формирования города-региона, успешных в большей или меньшей степени, как представляется, могут служить убедительным аргументом в пользу утверждения, что прямое использование накопленного опыта в сегодняшних российских условиях невозможно. Именно для понимания этого зна-

комство с такого рода опытом существенно и полезно. Усилия заимствования предпринимались – достаточно бегло просмотреть работы советского времени, чтобы обнаружить уже знакомую нам идею иерархии городов – центров обслуживания окрестного населения, однако эта идея так и осталась на бумаге. Развитие шло иным путем, через все большую концентрацию и функций, и ресурсов для их выполнения в городах, являвшихся областными столицами, а ныне – столицами субъектов федерации различного наименования. Исходным основанием для формирования города-региона является действительный федерализм, независимо от того, поименован он именно таким образом, как в Германии, или нет – как в Италии, Канаде или США.

В системе налогообложения и межбюджетных отношений, которые сложились в России в последнее десятилетие, потенциальному городу-региону стать действительным практически невозможно, поскольку такая трансформация предполагает несомненную субъектность всех участников процесса – муниципалитетов. Вторым условием является публичная активность полноценных граждан, осознающих себя налогоплательщиками, способными существенно влиять на принятие политических решений властями всех уровней. Такого условия у нас еще нет. Наконец, третьим условием является наличие независимого механизма приобретения и пополнения знания о смысле и содержании рационального использования территории – знания, освоенного тысячами людей и в первую очередь властями всех уровней. Это условие пока еще тоже отсутствует, и надежды на быстрое его формирование невелики.

Главное, что следует из хотя бы поверхностного понимания новейшей истории города-региона, можно свести к одной ключевой фразе: город-регион – это не объект произвольного манипулирования на карте, чем с увлеченностью занимались теоретики градостроительства советского времени, и не субъект административного управления. Это *программа взаимодействия*. Это не оценочное суждение, но констатация: время города-региона, во многом способствующего преодолению разрыва между собственно крупным городом и его функциональным окружением, в России еще не пришло, что не означает отсутствие смысла в его интеллектуальной подготовке и организационном приближении.

Города и генеральное планирование. Городская среда как средоточие цивилизации, с остановками, нередко с попятными движениями, эволюционирует пять тысяч лет. Представления о городе как объекте управления развиваются медленно, обладая колоссальной инер-

цией. Не повторяя то, что уже было опубликовано в «Урбанистике», попробуем выделить ключевые алгоритмы управленческих схем, лежащих в основании регулятивных механизмов, придающих городу высокую степень устойчивости, несмотря на постоянно возникающие разрывы между желаемым и актуальным состоянием городской жизни.

Мы уже говорили о том, что вопреки широко распространенному мнению, учреждение города в большинстве случаев было проектируемым действием, хотя примеры органического разрастания небольших поначалу поселений в крупные городские центры также имеются в достаточном количестве. Веками городские сообщества тяготели к закрытости как по соображениям безопасности, так и в интересах защиты городских привилегий. Следы этой закрытости заметны и сегодня, так что понятие «граница города» имеет внятный смысл, и только формирование современных городов-регионов отчасти нарушает эту преобладающую тенденцию. При этом не столь существенно, что именно отсекает город от окружения — частокол с валом перед ним, кольцо оборонительных стен, затем многогранники земляных укреплений, рогатки въездных застав или, наконец, граница между зонами по американскому образцу. Важно иное, на что в книгах по истории урбанистики обращалось значительно меньше внимания, хотя фазы эволюции конкретных городов всегда аккуратно фиксируются. *Город динамичен*, он периодически переходит от проектируемого состояния к органическому и от органического состояния к проектируемому, будь то в целом или только в отдельных его частях.

Есть в этом долгом процессе чрезвычайно существенная особенность — как правило, фаза развития согласно тому или иному проекту, задавая мощный импульс метаморфозе города, длится меньше, чем фаза следующего за ней приспособления органики городской жизни к новациям планировочного характера. При этом фаза развития в соответствии с проектом выражает по преимуществу символические ценности, нередко сакрального характера, тогда как фаза органики — ценности повседневной практики существования. Более того, достаточно часто эта органика успешно противодействует реализации проектов, и только в тех случаях, когда воля абсолютной власти сочеталась с гениальной коммерческой схемой, способной привлечь множество сторонников, органика городской жизни уступала давлению²⁸.

²⁸ Превосходный пример — реконструкция Парижа, предпринятая императором Наполеоном III и префектом Османом, когда снос старых кварталов и прокладка новых бульваров были осуществлены путем соединения средств казны с деньгами, поступившими от продажи акций всем желавшим, по всей Франции.

Примеров сказанному безграничное множество. На аэросъемке центра Флоренции отчетливо проступает римское регулярное ядро решетчатой планировки, в дальнейшем деформированное развитием в этом городе ремесленных цехов и коммерческих гильдий, а вот на съемке Багдада, еще не разрушенного Иракской кампанией США, найти следы круглого как диск города султана Мансура решительно невозможно. Регулярная, радиально-кольцевая его планировка была полностью перекрыта сетью извилистых улочек, ответившей нуждам средневековой метрополии. Невозможно на плане японского Киото в полноте отследить шахматную доску (64 клетки) плана столицы эпохи Хэйан, поскольку и эта красивая схема была размыта торгово-ремесленным городом, когда он лишился столичного статуса. Ни рациональный талант Кристофера Рена и лорда Эвелина, ни усилия английского короля не смогли помешать восстановлению Лондона, сгоревшего в 1666 г., в системе той же средневековой трассировки улиц. Вся воля и энергия Петра Первого не могла строить «Новый Амстердам» по высочайше утвержденному плану, что отчасти удалось достичь лишь череде наследников императора вплоть до Николая Первого...

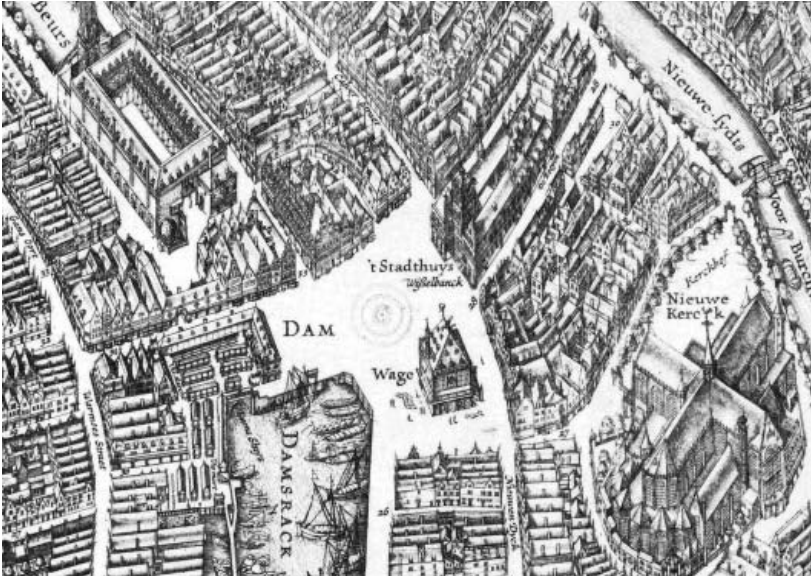
Часто энергия органического развития города была настолько велика, а масштаб желаемой трансформации настолько превышал возможности даже абсолютной власти, что эта власть предпочитала оставить старый город в покое, строя рядом с ним новый. Так было, когда римский император Адриан пристроил новые Афины к древним Афинам, обозначив границу между ними триумфальной аркой с соответствующей надписью. Так же строились новые города, начиная с эпохи Хрущева, когда создание жилых микрорайонов велось на пустых местах, не затрагивая старые городские районы.

Главное для нашей темы заключается в том, что мыслить процессами значительно сложнее, чем мыслить неким конечным эффектом, реальность которого, выраженная теми или иными графическими средствами, всегда обладала очевидной привлекательностью и часто иллюзорной убедительностью. Сама графическая форма представления проекта некой предметной формы города изначально статична. Попытки изобразить процесс изменений с помощью череды планов на единой картографической основе за пределами узкого круга специалистов воспринимаются с большим трудом. Поскольку же естественным намерением авторов изобразительной модели являлось и является стремление доказать преимущества нового над старым, тогда как критерии сопоставления предлагаются в усложненном текстовом и численном виде, только упорядоченные демократические процедуры обсуждения могут преодолевать обаяние чертежа и рисунка.

Вполне естественно, что в рамках проектного подхода, как правило, не затрагивавшего основную жилую ткань города, символические устремления власти, принимавшие характерное для каждой эпохи эстетическое выражение, вели к тому, что задача упорядочения хаоса традиционно возлагалась на архитектора. Набор возможных конфигураций планировочного решения конечен, восходя к шумерским, египетским или древнекитайским образцам, так что только архитектурное оформление канонических схем, вершиной которых можно счесть итальянское барокко XVII в., могло придать им индивидуальный характер, по сей день вызывающий интерес туристов. Парадные проспекты и парадные площади – вот основной объект планировочных решений, затрагивавший всегда лишь часть городской ткани, которая эволюционировала самостоятельно, подчиняясь логике повседневности²⁹. Ее упорядоченность подчинялась регулятивным нормам, которые вырабатывались в системе городского самоуправления, в условиях Европы сохранявших значительную автономность даже при абсолютистских по устремлениям режимах государственного управления. Уже поэтому европейский город, отчасти город и в других частях света, в роли управляемого / регулируемого целого практически всегда пронизан духом компромисса между волей государственной власти и волей корпорации внутригородских сообществ. В «Урбанистике» подробно предъявлен блестящий пример такого компромисса – это осуществленный проект прокладки улицы Риджент-стрит в Лондоне (архитектор-девелопер Джон Нэш).

Если архитектор, играя роль планировщика, придавал форму пространству власти, то корпорация сообществ, представлявшая, разумеется, интересы городской буржуазии, не выступала заказчиком планировочных решений целого. Она концентрировала внимание на выработке и соблюдении детальных регламентов организации городской ткани, исходя из сугубо прагматических соображений: отсюда нормы ширины проходов и проездов, предельные высоты построек и допустимый вынос верхних этажей за пределы фасада и т. п. У такой корпорации были свои символично-эстетические предпочтения, но они дли-

²⁹ Гений Антонио Аверлино, у которого многое заимствовал Леонардо да Винчи, простирался далеко за рамки практики Ренессанса, и его проект идеального города обладал редкостной полнотой, захватывая и жилую застройку для разных сословий, и организацию торговли, и логистику, и даже систему школ и мест заключения, на века опережавшие гуманностью осуществленную реальность. См.: *Филарете (Антонио Аверлино). Трактат об архитектуре* / Пер. В. Глазычева. М., 2000.

Центр Амстердама периода наибольшего расцвета на гравюре XVII в. Грузовые барки причаливали в самом сердце города, а доминантой площади является здание городских весов.

тельное время относились к частным и немногочисленным публичным владениям. Однако культура едина, трансляция норм от верхних уровней социальной организации к нижележащим слоям осуществляется в культуре непрерывно, так что по мере ослабления абсолютизма корпорация городских сообществ перехватывала роль регулятора развития города как целого. В Великобритании и Нидерландах это произошло еще в XVII в., но во всяком случае к 1830-м гг. этот процесс был завершён в Европе почти повсеместно. Не имея собственных культурных предпочтений, городские корпорации заимствовали язык планировочных решений эпохи абсолютизма, формируя идеологию *city beautiful*, чему посвящено немало страниц в «Урбанистике».

Должно быть самоочевидно, что в Новом Свете, где крепнувшие городские корпорации были свободны от давления абсолютной власти или монолитной церкви, города первоначально планировались по той же давней схеме, что и колонии древних греков или лагеря римлян. Со временем, однако, те же корпорации, сохраняя состоятельность формально демократических институтов, заняли функциональное место абсолютной власти, что столь ярким образом отразилось в планировании новой столицы США Вашингтона, имперский

стиль планировки которого опознается мгновенно и безошибочно. Тот же тренд, хотя и в несколько смягченном виде, проявился в Чикаго, Бостоне, Филадельфии и других городах Атлантического побережья, тогда как к западу от Миссисипи повсеместно господствовала прямоугольная решетка улиц, а в графическом формате генплана отражался учетный план недвижимости, облагаемой налогом.

Это очень важное обстоятельство. Подавляющая часть графических документов, именуемых в подписях к иллюстрациям генеральными планами, являются учетными описями в графической форме, констатирующими состояние города на определенный момент. Сохранилось некоторое количество графических листов, относящихся к малым европейскими городам трех- и даже двухвековой давности, на которых внутри обобщенных изображений каждого дома вписаны имена и занятия владельцев. Для наиболее известных городов такие изображения собраны в обширные тома, обладающие самостоятельным смыслом исторического свидетельства³⁰.

Еще раз подчеркнем: это не проектные документы. В России таких генеральных планов множество и они создавались одновременно с теми проектами планировочных схем, которые должны были неукоснительно воплощаться в жизнь при перестройке городов в эпоху Екатерины Великой. До конца XVIII в. применительно к городам Сибири, куда преобразовательная энергия императрицы доходила позже, листы — графические описи были единственной формой отображения, сохранившейся до нашего времени. Здесь важно отметить, что в плане-описи автоматически содержалось некое проектное начало, ведь графическое изображение отображает наличие пустот, незавершенных контуров кварталов, дорог, обрывающихся или резко заворачивающихся перед кромкой оврага, и т. п. Это констатирующие документы, но само их создание взывало к тому, чтобы предпринять некие упорядочивающие действия.

В Европе регулятивные планы, отчетливо выражающие намерение упорядочить дальнейшее развитие города, что чаще всего было спровоцировано частыми пожарами, или залечить очевидные язвы в городской ткани, были исходным элементом общей нормативной конструкции правил землепользования и застройки. Программа, тем самым, выработанная корпорацией сообществ и муниципали-

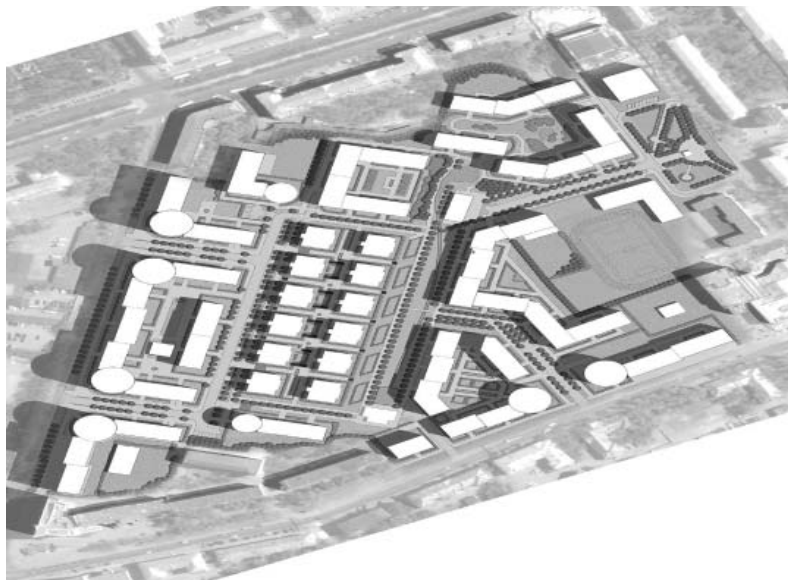
³⁰ К примеру: *Les Plans des Paris*. P., 1989. Некоторое затруднение чтения таких планов заключается в том, что, подобно видам городов на старых гравюрах, в них нередко были пририсованы проектные решения, которые впоследствии либо осуществлялись полностью или отчасти, либо не осуществлялись вовсе.

Эскиз Шарля Ле Корбюзье: мегаломания архитектора простиралась настолько, что он дерзнул предложить снести все небоскребы Манхэттена чтобы на их месте поставить свои.

тетом, фактически избираемым этой корпорацией, предшествовала планировочной схеме и выражалась на языке юристов. Однако с начала XX в., как мы отмечали ранее, социальная критика буржуазного города породила всплеск концептуального проектирования городов-садов, что затем переросло в концептуальное проектирование строительства новых городов или тотальной реконструкции старых, в чем первая роль, несомненно, принадлежит Шарлю Ле Корбюзье.

Культурные нормы, до того обязательные для образованных классов, после Первой мировой войны были решительно отброшены, кульминацией чего стал так называемый План Вуазен, разработанный Ле Корбюзье для Парижа. При сносе всей застройки города, за исключением нескольких памятников истории, Париж, по Корбюзье, должен был превратиться в озелененный пустырь, унизанный отдельно стоящими небоскребами. Сходной самоуверенностью отличались и иные концептуальные предложения, ни одно из которых не имело

Один из четырех проектов (лондонская фирма Деврё) реконструкции микрорайона в Перми, представленных на заказной конкурсе, организованный правительством Пермского края.

шансов на реализацию, однако этот подход в жанре тотального проектирования захватил воображение целого поколения послевоенных архитекторов и сказался на строительстве новых частей многих старых городов. В США такого типа экстремизм вызывал глубокое недоумение и, как мы уже отмечали ранее, функцию разработчика генерального плана взяло на себя зонирование, тогда как планировочная разработка отдельных «виллиджей» осталась в парадигме города-сада.

В России, где со времен Петра Первого и до реформ 1860-х гг. местное самоуправление допускалось исключительно в форме добровольно-принудительного самообложения купечества и мещанства, такой корпорации не существовало, что вело к централизации изготовления генеральных планов как в их констатирующей, так и в проектной частях. После короткой интерлюдии, когда пореформенные городские думы приобрели немалые распорядительные полномочия и могли самостоятельно обсуждать программы и планы развития городов, царистская традиция была воспроизведена советской властью в полноте. Сначала инициатива была захвачена авангардистами, настроенными столь же экстремистски, как Корбюзье или Гропиус, следствием чего стало изготовление бумажных схем, некоторые

из которых весьма любопытны, вроде схемы Ладовского, предлагавшего придать развивающейся Москве форму параболы, раскрытой и растущей в сторону Ленинграда. Затем одновременная разработка планировки новых промышленных городов на пустом месте (Магнитогорск или Новокузнецк) или рядом со старым городом (Автоград при городе Горьком) и сталинский вариант *city beautiful* применительно к Москве. Наконец, относительно недавняя фаза, когда при номинальном наличии городских советов разработка генеральных планов развития городов была с хрущевских времен прерогативой центральных и зональных институтов³¹ и все генпланы утверждались Государственным комитетом гражданского строительства³².

Генеральные планы изготовлялись во множестве, поскольку это было предписано. Начальство Госгражданстроя всякий раз с трибуны произносило заклинание: «Генеральный план – это закон!», однако законом этот обширный документ, включавший сотни страниц текста и цифр, а также множество схем, в советское время не был и быть не мог. Еще до начала перестройки в публикациях мелькали суждения, что ни один город не может быть сочтен развивающимся согласно утвержденному генеральному плану. Иначе быть не могло, коль скоро реальное планирование осуществлялось ведомствами и финансирование нового строительства включалось в ведомственные планы. Эти планы часто менялись, финансирование всегда отставало, и реальность ограничивалась строительством определенного объема жилья, так что в том же Тольятти кинотеатр строился двадцать лет, а в Набережных Челнах спортивный комплекс фигурировал в отчетности как цех № 17 Камского автозавода.

Многолетний опыт включенного наблюдения дает автору возможность жестко зафиксировать: после утверждения генерального плана к нему обращаются чрезвычайно редко (к тому же в советское время это был секретный документ), и его главное назначение – служить

³¹ Преимущественно Московский и Ленинградский «Гипрогоры». В особо ответственных случаях, вроде проектирования городов Тольятти или Набережные Челны либо реконструкции Ташкента после землетрясения, задача передавалась Центральному научно-исследовательскому и проектному институту градостроительства. Закрытые города проектировались специальным институтом, входившим в состав Министерства среднего машиностроения (нынешний Росатом), военные городки – институтами в составе Министерства обороны.

³² Госгражданстрой существовал *при* Госстрое СССР, что точно отражало структуру планирования, в основе которой были ведомственные планы промышленного строительства, координируемые Госпланом СССР.

отсылочным обоснованием суждения «в соответствии с генеральным планом». Сегодняшний российский опыт отличается от советского опыта лишь номинально. Согласно градостроительному кодексу генплан непременно предъявляется для общественного обсуждения, которое если и проводится, как это было в 2010 г. с очередным Генпланом развития Москвы, то неизбежно приобретает сугубо фиктивный характер. Из того, что во всех управах столицы с материалами генплана могли ознакомиться все желающие, и главный архитектор города с гордостью утверждал в многочисленных интервью, что поступило свыше 70 000 откликов, не следует решительно ничего. Разобраться в десятках карт мелкого масштаба в состоянии только специалисты, предъявляемый план безальтернативен, что не позволяет сопоставить варианты решений, заключения независимой экспертизы отсутствуют, тогда как замечания, высказанные на предварительных обсуждениях со специалистами, не предъявляются. По факту речь идет о профанации идеи общественной поддержки заранее принятого решения, тем более что предъявленный генплан в своей констатирующей части признает все, что было совершено в столице за прошедшее пятнадцатилетие, свершившимся фактом.

Здесь необходимо сделать важное пояснение. Между генеральным планированием за рубежом и в России было и остается принципиальное различие. То, что у нас именуется генеральным планом, не имеет прямого аналога в международной практике, где имеет хождение понятие *comprehensive plan* (всеобъемлющий план), которое относительно точно передано в тексте российского градостроительного кодекса как стратегический план. При обсуждении больших городов (городов-регионов) мы сталкивались именно с такой трактовкой содержания документа, появляющегося на свет в результате длительного процесса согласования интересов всех заинтересованных сторон, среди которых весьма значительную, а иногда, как мы видели, определяющую роль берут на себя общественные структуры разного типа. Картографическая часть всеобъемлющего плана невелика по объему и, как правило, довольно схематична, поскольку план задает алгоритм поведения на территории в рамках реализации целей, по которым достигнут консенсус, или, в худшем случае, получена поддержка большинства горожан. Всеобъемлющий план подвергается многоуровневой экспертизе, осуществляемой, во избежание конфликта интересов, внешними группами профессионалов³³.

³³ Это особенно важно в нынешних российских условиях, когда разработка планировочной документации федеральным законом 94-ФЗ приравнена к приобре-

Как отмечалось, градостроительный кодекс обозначает необходимость разработки стратегического плана, однако эта констатация не влечет за собой прозрачной цепи процедур. В то же время стандартная сегодня разработка так называемых стратегий развития городов не имеет картографической привязки, не описывает механизм реализации обозначенных в них целей и имеет характер деклараций о намерениях. Во всех рассмотренных автором концепциях не усматривается внятное вычленение приоритетов уже потому только, что их подготовка осуществляется традиционным административным способом — через отраслевые подразделения. В генеральных планах российских городов львиную долю объема занимает констатирующая информация, тогда как сама форма предъявления проектных намерений в силу мелкого масштаба экспозиции (речь идет о городе как целом) не позволяет различить принципиальные и второстепенные решения. Ни основные игроки (стейкхолдеры), ни механизмы реализации решений в генплане не упомянуты, вследствие чего практическая работа по развитию города и ее соответствие декларируемым целям отдается в целости на усмотрение городской власти. В действительности, разумеется, стейкхолдеры, будь то ключевые работодатели и плательщики налогов из числа компаний-резидентов или потенциальные инвесторы извне, играют существенную роль, однако за исключением так называемых монопрофильных городов, где реальный хозяин известен всем и каждому, это сугубо внутреннее знание, известное только руководству³⁴. Наконец, поскольку главной целью разработки и стратегий, и генеральных планов является получение финансовой поддержки от региональной администрации и — в особых случаях — от федеральной власти, акценты в этих документах расставляются таким образом, чтобы они во всяком случае не вызвали реакции отторжения. Еще лучше, если планировочные документы не вызовут вопросов.

Широта и размытость содержания понятия «генеральный план» в советской и российской специальной литературе³⁵ позволили ото-

тению партии канцелярской мебели и выставляется на тендер, выиграть который может кто угодно, если выставит демпинговую цену работы.

³⁴ Отличный пример из новейшей практики — ситуация в Обнинске, когда потенциальный инвестор (Росатом) сменил собственные планы и отказался от крупного инвестирования в научный и медицинский центр первого в стране официального наукограда, что потребовало фундаментальной переработки и стратегии, и генерального плана.

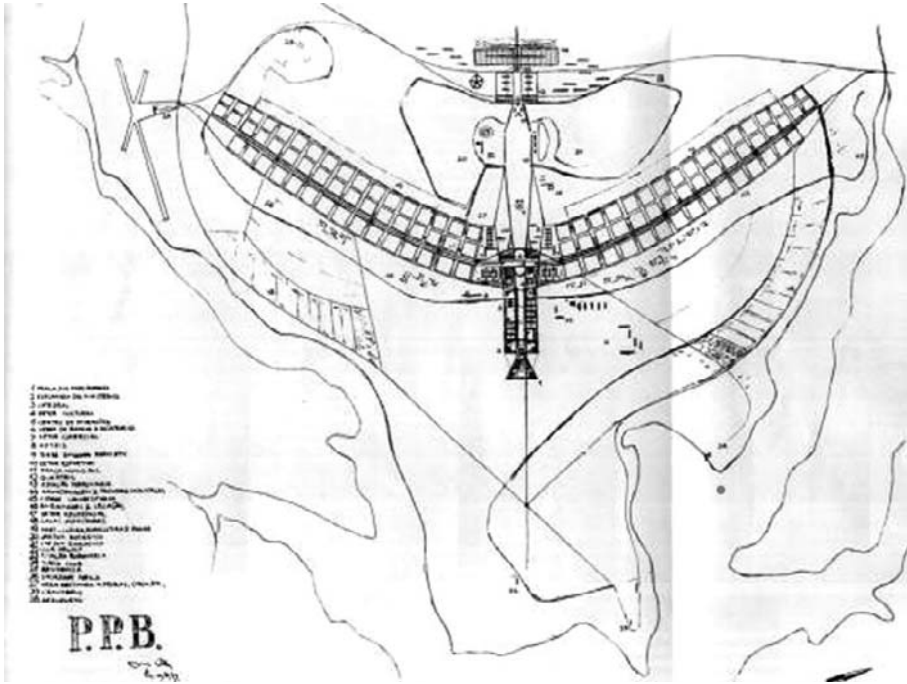
³⁵ Генеральный план города, но также генеральный план фрагмента города или сельского поселения.

ждествлять его с содержанием международного термина *master plan*. В действительности, хотя и в международной терминологии планирования нет полной четкости, под понятием *master plan* имеется в виду приблизительно то, что в советской терминологии, отброшенной новым градостроительным кодексом, именовалось проектом детальной планировки. Речь и в том и в другом случае идет о детальном проекте распределения построек, озелененных пространств, парков и прочего на конкретной территории, габариты которой задаются обычно пределами комфортной пешеходной доступности. Слово «приблизительно» акцентирует качественное отличие. В советской практике подразумевалось пространство освоения согласно государственным нормативам, тогда как в зарубежной такое же по габаритам пространство выступает как объект согласованной деятельности многих девелоперов при наличии региональных и муниципальных нормативов и под неусыпным общественным контролем.

Все названное чрезвычайно существенно, и здесь целесообразно высветить неоднородность интерпретаций природы и методов такого развития, все еще сосуществующих в мировой практике, хотя технология тонкого сочетания органического и проектного подходов в последнее время заметно теснит традицию авангардистского насилия над городской тканью. Для чистоты сопоставления разумно воспользоваться двумя примерами из Бразилии. Это столица страны, город Бразилиа, и один из крупных региональных центров — Куритиба³⁶.

Бразилиа. Идея создания новой столицы на земле федерального округа, вырезанного из территории штата Гойас, ради прекращения распри между Рио де Жанейро и Сан-Паулу была включена в состав Конституции страны 1891 г., утверждена только в 1937 г. и обрела проектную форму лишь 20 лет спустя. Символические ценности легли в основу проекта «города — надежды бразильского народа», что было ярко отражено в пышной риторике официальных заявлений. Город был порожден объединенной волей трех ярких персонажей — президента Бразилии Кубичека, планировщика Лусио Коста, считавшего себя учеником Ле Корбюзье, и архитектора Оскара Нимейера. Они были убеждены в том, что Бразилиа должна была стать настоящим городом будущего, где людям было бы комфортно работать, уютно жить и беззаботно отдыхать. Помимо колонизации внутренних районов предполагалось возвести город, свободный от неудобств и про-

³⁶ Использованы материалы дипломной работы А. Однородной, выполненной в Московском архитектурном институте под руководством В. Глазычева.

Принципиальное проектное решение планировки столицы Бразилии, города Бразилиа (Л. Коста, О. Нимейер) «стрела, вложенная в арбалет» — эспланада правительственного центра.

блем старых перенаселенных центров — скученности, транспортных неурядиц, а главное — от фавел. Генплан столицы, нарисованный Коста на клочке бумаги, отразил имперскую традицию, о которой мы говорили выше. План города уподоблен схеме арбалета, ложем которого служит огромная эспланада, наконечником стрелы — здания двух палат Конгресса и собор, а луком — комплексы министерств. В рамках обаявшей риторики стрела указывала нацеленность Бразилии в будущее.

Две главные пересекающиеся магистрали, названные Костой монументальными осями, образуют систему четырехполосных шоссе с необычайно широкой пустой полосой зелени и красной земли между ними. Здесь нет светофоров, все автомобильные и пешеходные развязки предполагалось сделать многоуровневыми. Город рассчитан на автомобилистов и на восприятие из автомобиля. После «лука» министерских кварталов, по другую сторону Дворца Конгресса, находится Площадь Трех Властей, имеющая форму равностороннего

треугольника, символизирующего равенство и единение трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной³⁷.

Правительственный центр Бразилиа стал своего рода живописным холстом, на котором Оскар Нимейер сформировал симметричную композицию из прямоугольных призм и грандиозных бетонных чаш. Этот комплекс, обладающий самоценностью художественной абстракции, вошел во все учебники архитектуры, вызвал жажду подражания у советских планировщиков, но как обитаемый город Бразилиа — катастрофа³⁸. Жилые районы, начертанные твердой рукой Коста, разнообразны по этажности и приемам застройки. Солнечные стороны домов защищены от перегрева, дома большой этажности подняты на железобетонных опорах. Здания расположены так, что из окон одного дома не видно окон другого. Между комплексами жилых домов на окруженных зеленью участках расположены школы, детские сады, магазины. Апофеоз концепций архитектурного модернизма создан. Все это так, но вскоре город естественным образом начал расти, захватывая новые территории красной пустыни. В первую очередь стали осваиваться обширные зоны вокруг водохранилища, где появились районы комфортабельных вилл. Одновременно в некотором отдалении от города разрастаются фавелы, заселяемые малоимущими. Дальнейший рост города в основном происходит в юго-западном направлении, где на пути к железнодорожному вокзалу и аэропорту возник периферийный район, населенный обслуживающим персоналом, по территории равный центральной жилой зоне города.

³⁷ Такое возвышенное, утопическое представление о будущем городе созвучно с идеями Клода Леду (1736–1806), французского архитектора и теоретика, предвосхитившего многие принципы модернизма. Последнее десятилетие своей жизни Леду потратил на разработку визионерских замыслов идеального города в Шо — городе королевских солеварен. Этот город рисуется ему живущим стройной общественной жизнью, в которой сбываются утопические мечты Руссо о естественном и свободном человеке. Поэтому ключевые позиции отданы общественным зданиям — «Дому братства», «Дому добродетели», «Дому воспитания».

³⁸ Образ Бразилиа довлеет над эпопеей преобразования старого Акмолинска в новую столицу Казахстана Астану. Генеральный план, разработанный по эскизу японского архитектора Кисе Курокавы, был сначала одобрен, затем, в результате сложной борьбы, заменен проектом казахских архитекторов. Затем снова вернулись к проекту Курокавы. Советскую архитектуру Акмолинска наскоро одели в фасады из стекла и металла, новые ансамбли обращены к водоему, для наполнения которого недостает воды и т. д.

Время показало, что тщательно продуманная транспортная система с ее многоуровневыми развязками не справляется с нынешним потоком автомобилей, появились пробки, из-за проблем пешеходного движения пришлось установить светофоры. Жители вынуждены использовать автомобили, так как передвигаться в городе без автомобиля очень трудно — расстояния при палящем солнце недопустимо велики. Очевидно, что «город для автомобилей» не стал комфортным ни для пешеходов, ни для автомобилистов. Концепция Коста потерпела поражение главным образом из-за того, что он не спрогнозировал стремительные темпы развития города, которому уже потребовался метрополитен...

Куритиба. Еще в 1855 г. для проектирования нового плана Куритибы, быстро разраставшейся за счет иммигрантов и нуждавшейся в улучшении санитарной ситуации и грамотном землепользовании, потребовался новый план. Город приобрел регулярную структуру, четкую сетку улиц; были построены театры, школы и клубы. Дальнейший прирост населения города в XX в. потребовал усиления координации развития частей Куритибы и строительства новых, широких улиц. Эти работы финансировались правительством Estado Novo³⁹, когда форсированная (по советской модели) индустриализация страны вызвала стремительную трансформацию сельского хозяйства, что привело к резкому притоку населения в города. В 1943 г. был принят генеральный план города, созданный французским архитектором-урбанистом Альфредом Агашем, ранее составившим генплан Рио-де-Жанейро. В плане отчетливо прослеживалось влияние модернистских идей начала XX в., включая уничтожение исторического наследия.

Сделав ставку на рост автомобилизации, Агаш рекомендовал направить средства на сооружение системы кольцевых и радиальных магистралей непрерывного движения. Отрезки радиусов, проходящих через центр города, предполагалось расширить за счет сноса значительной части исторической застройки. Помимо транспортных объектов Агаш наметил местоположение промышленной зоны за железнодорожным вокзалом, нового общественно-административного центра к северу от исторического ядра, политехнического кампуса к юго-востоку от него, а также центрального рынка. Как и в других странах, перелом наступил в 1960-е гг., когда общественность города выступила с массовым протестом против решения

³⁹ «Эстадо Ново» (новое государство) — полуфашистская диктатура, утвердившая Конституцию 1937 г.

Планировочная схема города Куритибы (Бразилия), разработанная по руководством Д. Лернера — образец решения транспортной проблемы и сбалансированного развития.

мэрии проложить автомагистраль через исторический центр города. Идеи Агаша содержали рациональное зерно с сугубо техницистской точки зрения, но очевидным образом вступили в противоречие с реальностью практически неконтролируемого разрастания города, тем более что параллельно со строительством муниципальных объектов, тормозившимся нехваткой средств, неуклонно росло число фавел, занимавших все новые территории.

Центральная часть города, страдавшая от перенаселенности, приходила в запустение, назревал транспортный коллапс. Появились проблемы, вызванные загрязнением окружающей среды и участвовавшими наводнениями. Проявилась подлинная любовь горожан к старой Куритибе, которую они не соглашались терять. Инициативная группа молодых архитекторов-урбанистов и инженеров из Федерального универ-

ситета штата Парана во главе с Джеймсом Лернером создали независимый Исследовательский институт городского планирования. После длительных дискуссий городские власти делегировали этому институту обязанности генерального планировщика, что означало разработку основных принципов развития города и их регулярную актуализацию.

В 1965 г. муниципалитет провел открытый конкурс на предварительный генплан, в котором победил проект планировщика из Сан-Паулу Жоржи Вилема, после чего предложенный проект дорабатывался институтом Лернера еще четыре года, и к 1970 г. были обозначены приоритеты развития:

- формирование уникального городского ландшафта;
- сохранение культурного и природного наследия;
- улучшение экологической ситуации;
- облагораживание городской среды;
- обустройство общественных пространств;
- охват инженерной инфраструктурой всей территории города;
- удержание населения в территориальных границах муниципалитета;
- экономическое обеспечение градостроительного развития.

Несмотря на остро стоящие проблемы, на необходимость срочного принятия решения и конкретных действий, Лернер и его коллеги затратили около пяти лет на разработку генплана (строительство Бразилиа, от создания генплана до официального открытия столицы, заняло такой же срок, чему способствовало неограниченное выделение средств администрацией президента Кубичека). В результате возник генплан, стержнем которого стала интеграция трех систем: улично-дорожной, общественного транспорта, землепользования и застройки. При разработке плана Лернер и его коллеги вели работу в опоре на исследования географов, гидрологов, топографов, историков и экологов.

На смену радиальной конфигурации пришла линейная модель городского развития. Были определены пешеходные, парковые, прибрежные заповедные зоны, границы исторического центра. В соответствии с принятым законом были созданы жилые районы с различной плотностью населения. Этажность домов распределялась в соответствии с функциональной зоной и пропускной способностью автодорог, так что в жилых зонах высота домов была ограничена шестью этажами⁴⁰. Главные транспортные оси были разработаны

⁴⁰ По мере удаления от магистрали высота снижается до двух этажей.

на основе существующей уличной сети, благодаря чему удалось сохранить практически всю историческую застройку. Основным достижением стала новая тройная система автодорог, при которой линия общественного транспорта стала приоритетной. Правилами землепользования и застройки Куритибы предписано, чтобы нижние этажи зданий, выходящих на проспекты с выделенными автобусными линиями, отводились под коммерческие функции. Главной особенностью планировки Куритибы стала новая транспортная система: по оси проспектов организовано двустороннее движение автобусов-экспрессов, а по его боковым полосам — местное, одностороннее движение к центру или от центра города с высокой пропускной способностью. Строительство было выполнено за четыре года.

Учитывая пороки Бразилиа, город в 1972 г. запланировал и через три года, прежде чем спохватились спекулянты землей, купил более 40 кв. километров земли в 10 километрах к западу от центра для формирования промышленной зоны, в которой площадь леса равна площади фабрик. Чтобы обеспечить доступное жилье вблизи рабочих мест, были построены дома для семей с низким доходом, школы, службы сервиса, культурные центры, улицы, автобусные маршруты (включая специальный маршрут к самому крупному бедному пригороду) и защита незастроенных площадей. Благодаря этому значительно сократилось число поездок в центральную часть города.

Пятьдесят кварталов в центральных районах города были превращены в пешеходные зоны⁴¹, что снизило коммерческое давление на центр, которое могло бы привести к чрезвычайной его плотности, возник возвращенный пешеходам центр общественной жизни города. В результате четкости зонирования панорама Куритибы

⁴¹ Создание пешеходных зон началось в 1972 г. и поначалу было встречено в штыки владельцами магазинов, опасавшимися утраты доходов. Тогдашний мэр города Джеймс Лернер решил начать, не дожидаясь решения суда. Поздно вечером в пятницу на улицах появилась строительная техника. К утру понедельника два пешеходных квартала были готовы. Продавцы и их хозяева были поставлены перед свершившимся фактом. В четверг было обнародовано решение суда о запрете строительства пешеходных зон, но было уже поздно. Разъяренные владельцы автомобилей решили устроить марш протеста, но, подъехав к месту строительства, обнаружили, что на прежней проезжей части раскатаны огромные рулоны бумаги, на которой рисовали дети, собранные из окрестных домов. «Праздник рисования» стал затем традиционным субботним действием. Пешеходные зоны привлекают множество людей, объемы торговли возросли, и торговцы превратились в мощных сторонников администрации.

производит обманчивое впечатление: издали кажется, что город застроен небоскребами, тогда как большинство зданий не выше двух этажей. Историческое ядро города было деликатно отреставрировано, обновлены парки, некоторые здания взяты под охрану. За достижения в области охраны среды жизнедеятельности город получил специальную премию ООН. К сказанному можно добавить многое, включая систему из пяти типов автобусных маршрутов, которые маркированы раскраской и т. п., но, как представляется, прочее легко домысливается.

ДЕНВЕР. Если вернуться к материалу США, то весьма интересен опыт, осуществленный в Денвере, не менее продвинутом, чем Портленд, который обсуждался выше. В 80-е гг. Денвер в отличие от стандартной американской практики сдержал натиск крупнейших торговых сетей и сохранил свой Даунтаун — исторический деловой и торговый район, превратив его в ядро региональной системы услуг. Проект Степлтон на месте военной авиабазы, закрытой в связи с концом холодной войны, стал естественным для Денвера продолжением развития в логике тесного взаимодействия между городскими властями, властями графства и мощными общественными организациями. Специфика работы исходно заключалась в том, что в данном случае и город, и графство выступают не только как регулирующие инстанции, но и как собственники, формирующие благоприятный климат для прихода частных инвесторов, активно использующие гранты, но во всех случаях сохраняющие полноту контроля над процессом.

Реализация проекта началась с издания в 1995 г. «Зеленой книги», соединившей развернутое задание на проектирование и концептуальные проектные проработки всех структурных элементов территории в две тысячи гектаров. Коллективный автор книги оттолкнулся от констатации негативных демографических трендов в городе, вследствие которых сократилось число горожан с доходами выше среднего. Выезд состоятельных семей в дальние пригороды жестоко ударил по качеству городских школ. Треть жителей были слишком юны, слишком стары или слишком бедны, чтобы пользоваться автомобилем, тогда как вся структура коммуникаций была настроена на автомобильное движение и т. п.

В основу плана развития положены принципы, по которым сообщество Денвера достигло исходного согласия. Принципы сгруппированы по блокам, первым из которых, что естественно для этого города, является ответственность перед природой:

- Сокращение расходования ресурсов, максимальное использование ресурсов на месте, максимальное повторное использование ресурсов. Восстановление и укрепление природного комплекса. Создание природной, экономической и социальной системы, которая обладала бы внутренним многообразием и устойчивостью. Не столько контроль над вредными выбросами, сколько их сокращение у самого источника. Развитие эколого-ориентированных технологий таким образом, чтобы они стали существенным элементом экономической системы города и региона.
- Формирование справедливого сообщества, культивирующего разнообразие людей всех возрастов, рас, доходов, видов занятости, стилей жизни. Условия для активного участия меньшинств и малого бизнеса в процессе развития. Создание качественных «соседских» школ и возможностей для процесса непрерывного образования. Обеспечение многообразия рабочих мест, чтобы дать шанс множеству социально-культурных групп. Обеспечение доступности жилья за счет предоставления широкой гаммы типов жилищ, плотности застройки и цен.
- Экономические возможности. Превратить Степлтон в основной центр занятости в регионе, в минимальной степени ущемляя интересы других территорий и даунтауна. Сфокусировать внимание не только на количестве, но и на качестве рабочих мест. Обеспечить вложение публичных средств в инфраструктуру и предоставить административную поддержку, чтобы привлечь частные инвестиции. Искать партнеров, чьи демонстрационные проекты позволили бы сократить коммунальные расходы на инфраструктуру. Ориентироваться на сочетание различных типов землепользования, плотностей и цен, чтобы создать необходимое социальное и экономическое разнообразие⁴². Создать среду, благоприятную для продвинутых транспортных коммуникаций, связи, производственных и иных технологий с учетом предвидимых возможностей рынка и требований экологии.
- Предметное проектирование⁴³. Использовать рельеф, поверхностные и подземные водотоки как основу для изменений ландшафта. Запрограммировать систему озеленения публичных пространств на эффективное использование ливневых вод, систем

⁴² Отметим прямое отторжение классической для США схемы функционального зонинга.

⁴³ Physical design — грубо соответствует тому, что мы именуем архитектурно-градостроительным проектированием.

Большой Денвер (США, Колорадо) — проект застройки территории старого аэропорта Степлтон в результате 8 лет аналитической и проектной работы города и девелопера.

очистки воды, учет условий сохранения животного и растительного мира, создание условий для пассивного и активного отдыха и наилучшее размещение объектов публичного пользования.

- Создать планировочную структуру, которая обеспечит пешеходную доступность центров активности, подключенных к региональным системам общественного транспорта — в будущем с помощью

- рельсовых систем, в настоящее время — с использованием местных и региональных автобусных маршрутов. Обеспечить интермодальность при формировании систем легкого и тяжелого рельсового транспорта, связав узлами пересадок маршруты автобусов, легковых автомобилей, грузовиков, пешеходов и велосипедистов.
- Продлить существующую сеть улиц и кварталов. Завести парквэй в районы, чтобы превратить их в главные улицы с индивидуальным обликом. Планировать район так, чтобы сложилось сбалансированное сообщество скоординированной группировки «соседств». Использовать концепт «деревни»⁴⁴ в создании каждого «соседства» так, чтобы оно соединяло в себе разные формы использования, общественные пространства, пешеходную доступность услуг. Сохранить постройки исторического значения, стремясь к их наиболее эффективному приспособлению к новым нуждам и интересам. Оценить потенциал вокзала как регионального многофункционального центра. Обеспечить гибкость предметного проектирования, чтобы иметь возможность откликаться на меняющиеся требования к плотности застройки, озеленению и транспорту.

К этому длинному списку добавлены специфические требования к созданию системы парков и, главное, к технологии реализации проектов, отзывчивой к требованиям рынка и вместе с тем преследующей цель достижения устойчивости в каждый момент развития. Как и следовало ожидать от Денвера, опорой планировочного развития здесь выступила не уличная сеть и не группировка «соседств», а парки и общая система озеленения, в целом занимающие треть всей территории. Второй слой образует схема транспорта с учетом существующей железной дороги (создание двух интермодальных вокзалов), сети автобусных маршрутов, автомобильных дорог (резервирование озелененного коридора шириной порядка ста метров), пешеходных путей и велосипедных дорожек. В основу плана землепользования положена гибкость, поскольку прогнозирование видов деятельности на десятки лет вперед было сочтено несбыточной мечтой. Рамкой для планирования определены порядка 10 тысяч домохозяйств и создание 30 тысяч рабочих мест; планируемые плотности застройки варьировут от 8 до 150 жилых единиц на гектар.

Уже на основании приведенных выше исходных принципов осуществлено проектирование восьми «больших соседств» и их многофунк-

⁴⁴ Отметим чрезвычайную устойчивость идеи города-сада, отчасти слитой с концепцией Нового урбанизма.

циональных центров. Каждое «соседство» настроено на смешанные функции, один специальный район ориентирован преимущественно на офисные функции и отели, другие — на научно-производственные и производственные комплексы. Завершение проекта было запланировано на 2010 г., но несколько затянулось в связи со сложностью системы финансирования, в котором участвуют федеральные агентства, агентства штата Колорадо, власти Денвера, фонды, выпустившие специальные облигации, Денверский школьный округ (независимый от города и графства), отчисления от местных налогов в пользу Администрации обновления Денвера и пр. Дело усложнилось трудностями частных инвесторов, вызванными ипотечным кризисом 2008 г., тем не менее, на сегодняшний день Денвер-Степлтон может с полным основанием считаться образцом современного городского планирования: от разработки и публичного одобрения стратегического плана до его пошаговой реализации.

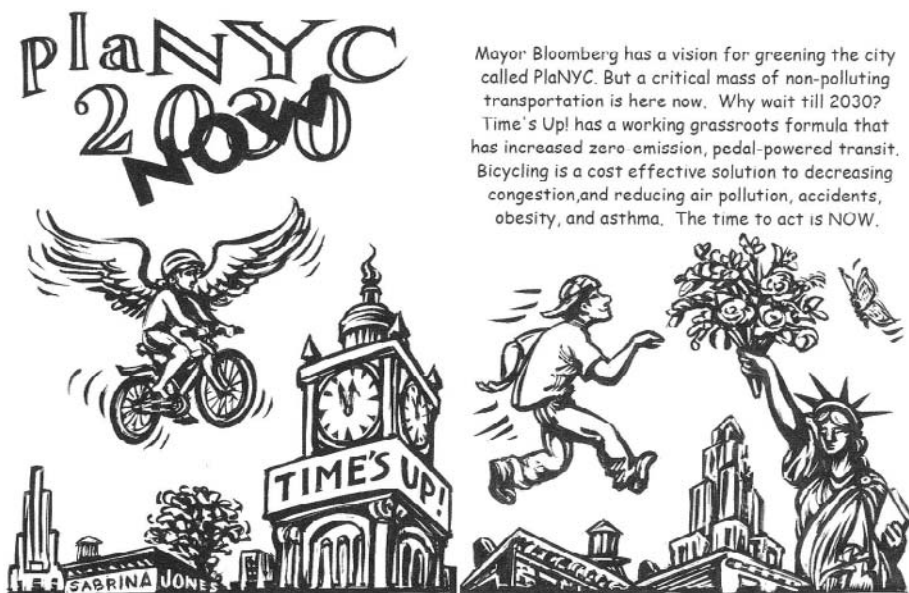
Число примеров нетрудно умножить, но и сказанного достаточно, чтобы уяснить: кое-какие детали схем развития могут быть заимствованы, но в целом не только экономическая, но и цивилизационная стадия, переживаемая Россией, все еще не позволяют воспроизвести эти успешные алгоритмы в текущей практике ближайшего будущего. Это необходимо ясно понимать, но, еще раз подчеркнем, такое понимание не является негативистским — тем более необходимо готовить аналоги, приемлемые для российской культуры общежития и культуры управления.

Несколько иначе обстоит дело с развитием городов-регионов — уже потому, что, как мы видели, в их развитии важная, а иногда ведущая роль принадлежит ландам, штатам или провинциям, что, очевидно, сближает российскую ситуацию с лучшей зарубежной практикой.

В связи с этим целесообразно вернуться к Нью-Йорку, где в ноябре 2007 г. Институт городского проектирования организовал масштабный симпозиум, посвященный обсуждению программы «Нью-Йорк-2030», выдвинутой мэром города Майклом Блумбергом в качестве третьей предвыборной программы за два года до выборов⁴⁵.

⁴⁵ Блумберг — один из богатейших людей США, получающий в качестве мэра символически один доллар годового жалования. Ряд успешных акций, включая наведение порядка в нью-йоркском метрополитене, создал Блумбергу столь устойчивую репутацию, что ради его избрания на третий срок в 2009 г. была принята поправка к статуту города.

Программа «New York — 2030» и ход ее реализации в полноте представлены на официальном интернет-сайте.

Mayor Bloomberg has a vision for greening the city called PlaNYC. But a critical mass of non-polluting transportation is here now. Why wait till 2030? Time's Up! has a working grassroots formula that has increased zero emission, pedal-powered transit. Bicycling is a cost effective solution to decreasing congestion, and reducing air pollution, accidents, obesity, and asthma. The time to act is NOW.

Рисунок в буклете, раскрывающем суть плана развития «Нью-Йорк. 2030», принятого городом по инициативе мэра Майла Блумберга, после серии экспертных обсуждений.

Материалы симпозиума заслуживают специального анализа⁴⁶, однако здесь нам достаточно отметить, что в обсуждении наряду с представителями администрации города и техническими экспертами приняли участие такие жесткие критики политики крупных городов США, как социолог Ричард Сеннет и урбанист Рон Шифман. Три года спустя, несмотря на все трудности, сопряженные с финансовым кризисом, мэр Блумберг представил публичный отчет о проделанной работе, вводный абзац которого мы здесь цитируем:

«За прошедшие три года мы осуществили 19 корректировок зонирования, что направило развитие застройки на территории, хорошо обслуживаемые общественным транспортом. Мы обустроили 200 миль велосипедных дорожек и приняли закон о доступности для велосипедистов, который заметно упростил проезд по городу. Мы приняли закон о чистом воздухе для школьных автобусов, и он действует, что защищает наших детей от вредных выбросов и удлиняет срок службы автобуса. Мы купили 12 000 гектаров земли в штате Нью-Йорк, чтобы улучшить охраны наших источ-

⁴⁶ The New York 2030 Notebook #01. Ed. Institute for Urban Design. 2008.

ников водоснабжения. Мы приняли и задействовали „Зеленый план“ – наиболее целостный вариант зеленого законодательства в стране, позволяющий сократить выброс парниковых газов. Мы запустили первый скоростной автобусный маршрут и успешно сформировали пешеходные площади на Таймс-скуэр и Хералд-скуэр. Мы высадили более 322 000 деревьев как часть нашей целевой программы «Миллион деревьев Нью-Йорку» и завершили 86 проектов повышения энергоэффективности как часть задачи сократить к 2017 г. на 30% выброс парниковых газов в зоне ответственности правительства города, что, к тому же, дает более 2,3 миллиона экономии расхода энергии. Мы озеленили⁴⁷ 25% желтых такси, что сократило выбросы от автомобилей, которые эксплуатируются наиболее интенсивно, и разработали первую в истории города программу противодействия климатическим изменениям. Эти действия напрямую влияют на жизнь ньюйоркцев. Сейчас 84% жителей города живут в десяти минутах ходьбы от парка, что означает прирост в 8% к 2007 г. За это же время нам удалось весь прирост поездок в город перевести с частных автомобилей на общественный транспорт, тогда как численность ньюйоркцев, которые едут на работу на велосипеде, удвоилась. После роста в течение многих лет расходование электроэнергии на душу населения в Нью-Йорке сокращается, тогда как сокращение выброса парниковых газов превысило эффект от временных колебаний погоды и повседневной экономии».

Отчет содержит также данные прироста жилого фонда города на 200 000 квартир и множество других сведений, однако наиболее интересным представляется лишь вкратце обозначенная система критериев, с помощью которых можно проследить развитие города-метрополии. Такого рода критерии, переводимые в легко воспринимаемые индикаторы развития качества городской среды, в отличие от нагромождения статистических показателей представляют для нас наибольший интерес и могут быть применены в разработке перспективных программ и планов в наиболее продвинутых городах России.

⁴⁷ Имеется в виду перевод двигателей на газ.

ГЛАВА 5

ПУТЬ К «УМНОМУ» ГОРОДУ-РЕГИОНУ

Технократическая ориентация сознания, унаследованная от XIX в., до сих пор настолько довлеет над сознанием, что под словом «инфраструктуры» автоматически понимаются исключительно инженерные сюжеты: снабжение водой и энергией, транспорт и связь и т. п. Разумеется, мы должны вкратце коснуться эволюции инженерных систем, однако в еще большей мере нас будут интересовать социальные и управленческие инфраструктуры, составляющие самую сущность города.

Защита периметра. С сегодняшней перспективы, когда единственными средствами защиты городов являются космические средства слежения и ракетные системы ПВО, требуется некоторое усилие воображения, чтобы осознать, насколько способ защиты городской территории определял организацию городского сообщества. Огромный объем работ по возведению городских стен с их башнями и воротами требовал четкого распределения обязанностей между горожанами, что в большинстве случаев непосредственно сказывалось на членениях городской структуры. Численность населения «концов» древнего Новгорода, членившихся на «улицы», равно как численность «частей»¹ западноевропейских городов, соответствовала трудовой и финансовой нагрузке, обеспечивавшей поддержание надежности и военную защиту участков оборонительных стен. В городе зрелого средневековья, когда его ключевую структуру образовали ремесленные цеха и гильдии, такая нагрузка распределялась среди них, однако поскольку цеха и гильдии по преимуществу распределялись в пространстве города по улицам и кварталам, давняя схема в основном сохранилась, обретя новое качество.

¹ Английское слово *ward*, означающее вахтенную стражу, остается в употреблении до настоящего времени, и, скажем, современный Вашингтон в организационном смысле делится на такие «стражи», в пределах которых осуществляется членение на «соседские согласовательные комиссии».

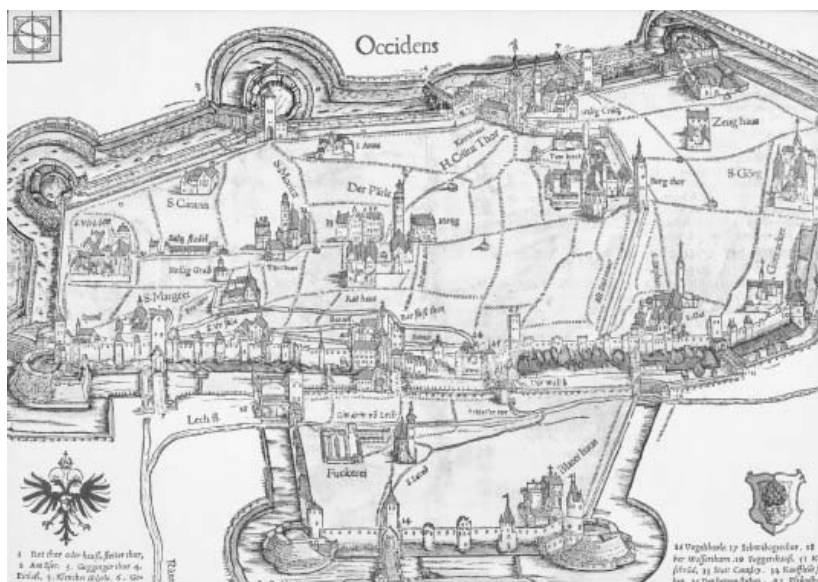

Общий вид Каркассона (Франция). Непрístupная крепость была взята измором во время крестового похода против (еретиков) в 1209 г. Восстановлена в XIX в. Виолле Ле Дюком.

Осознание такой зависимости было осуществлено тысячи лет назад — достаточно процитировать Аристотеля: «Что касается укрепленных мест в городе, то польза от них неодинакова при всех формах государственного строя. Например, акрополь пригоден для олигархических и монархических государств, одинаковая укрепленность всех пунктов — для демократических, для аристократических же не годится ни то ни другое, но лучше, если имеется несколько укрепленных пунктов. Расположение частных домов считается более красивым и более отвечающим жизненным нуждам, когда улицы идут прямо, по новейшему, то есть по Гипподамову, способу. Однако для дела безопасности в военном отношении, наоборот, лучше тот способ планировки города, какой существовал в старину; эта планировка была такова, что при ней с трудом могли найти выход из города чужеземные войска, и нападающим на город трудно было в ней ориентироваться»².

Веками городские стены возводили из камня, что обеспечивало относительную легкость расширения территории города: камен-

² *Аристотель*. Политика. VII, 4.

План города Аугсбурга (Германия) середины XVI в. Внизу слева, у церкви Св. Иакова можно видеть огромный комплекс, построенный Фуггерами для престарелых горожан.

ные стены разбирали и собирали вновь на другом месте³. Распространение артиллерии радикально изменило ситуацию. Теперь оборонительный периметр формировался земляными укреплениями, проектирование которых осуществлялось военными инженерами, а возведение требовало мобилизации всего населения города. Плотность застройки начала стремительно возрастать. Если до середины XVI в. европейская городская застройка имела двойственную структуру (сплошная линия фасадов вдоль улиц и сады с огородами внутри квартала), то столетие спустя внутренние скотопрогонные дорожки стали новыми улицами и обстроились домами, а сады почти полностью исчезли. Еще через сто лет, когда национальные централизованные государства переносят тяжесть военных действий на постоянные армии, а города слабеют в политическом смысле, земляные укрепления начинают срывать, формируя на их месте новую публичную ценность — бульвары. При этом, однако, охраняемые заставы сохраняются в континентальной Европе до конца XVIII в., исполняя

³ То же относится к деревянно-земляным укреплениям колониальных городков в Америке или в Сибири.

как полицейскую роль, так и функцию таможенного барьера, веками бывшего главным источником пополнения городской казны.

Вторая мировая война и послевоенная ядерная истерия породили строительство бомбоубежищ, поглотившее огромные ресурсы во всех развитых странах. Наконец, в связи с ростом террористической угрозы уже в последнее время возобновилась практика обустройства застав — на российских дорогах, ведущих в города, на дорогах Ближнего Востока и в аэропортах всего мира.

Водное хозяйство городов. Обустройство водного хозяйства городов — столь же древнее инженерное искусство, как и фортификация⁴. Питьевые водоводы от надежных источников создавались с древнейших времен, так что до сих пор, скажем, палестинский Иерихон снабжается водой по многокилометровому водоводу, построенному в библейские времена. На греческом острове Самосе сохранился уникальный памятник инженерного искусства, о котором Геродот записывал: «У самосцев есть три сооружения, самые большие из всех эллинских сооружений. Первое из них — в горе, поднимающейся на полтораста оргий: это тоннель, начинающийся из-под горы, с отверстиями по обеим сторонам ее. Длина тоннеля — семь стадий, а высота и ширина — по восьми футов. Во всю длину тоннеля выкопан канал в двадцать локтей глубиной и в три фута шириною; через него проведена вода из обильного источника; по трубам она доставляется в город. Строителем тоннеля был мегарянин Евпалин...»⁵.

История строительства водоводов Рима, первым из которых был акведук Аппия⁶, пресекавший древнюю практику забора воды из грязного Тибра, детально представлена в книге инженера Фронтин. По-

⁴ Более того, это связанные вещи: блистательный болонский инженер Аристотель Фьораванти укрепил воротную башню Мантуи, фундамент которой размывали воды озера, а когда он организовал правильный сток под стенами Московского кремля дождевых вод с холма, периодическое обрушение этих стен навсегда ушло в прошлое. Фьораванти создал Пушечный двор, используя каскад плотин и мельниц на реке Неглинной.

⁵ *Геродот*. История. III, 60. Оргия равна 6 футам. Мегара — полис близ Афин, что лишний раз указывает на внешнеполитический характер инженерного искусства внутри эллинской культуры. Наиболее изумляет то, что туннель пробивали с обеих сторон, о чем явственно свидетельствует его полуметровое колено почти на самой середине километрового пути.

⁶ Первый, построенный в 312 г. до н. э. Последним по времени из двенадцати водоводов Рима стал акведук Антонина, заверченный в 235 г.

Гардский мост (Франция) — трехъярусная конструкция: мост по нижнему уровню, акведук по верхнему уровню, снабжавший водой из источников город Ним. Построен римлянами в I в.

мимо массы технических сведений книга содержит чрезвычайно интересные свидетельства о функционировании системы водоснабжения города, население которого в эпоху империи приближалось к миллиону человек. Обширное хозяйство требовало постоянных ремонтных работ и неусыпного контроля: «Это огромное количество воды вплоть до божественного императора Нервы распределялось указанным нами способом. Ныне же иждивением рачительнейшего правителя количество ее возросло за счет уничтожения всех обманов водопроводчиков, перехватывавших ее, и уничтожения всей утечки, происходившей по косности, словно обретенны были новые источники <...> Остается сказать о наблюдении за акведуками. Каждая команда состоит из людей, которые несут разные обязанности: управителей, наблюдающих за водохранилищами, караульных, мостовщиков, штукатуров и других мастеров... Для того чтобы восстановить порядок и вернуть к исполнению общественных обязанностей обе эти многочисленные команды, привыкшие из корысти или от небрежности начальников работать на стороне для частных лиц, мы порешили, что накануне будем объявлять, какие работы нужно произвести завтра, и записывать то, что каждый сделал за день. Общественной команде выплачивается вознаграждение из обществен-

ных средств: средства эти берутся из налогов, связанных с правом пользования водою. Этими налогами обложены сады и здания, находящиеся около акведуков, водохранилищ, мест для зрелищ и водоемов. В итоге они дают около 225 тысяч сестерциев... Цезарева команда содержится за счет казны; за счет казны идут также весь свинец и все расходы на акведуки, водохранилища и водоемы»⁷.

Тексты Фронтиня говорят сами за себя — подобного совершенства служба водопровода достигает снова лишь к середине XIX в. До зрелой стадии средневековья европейские города в большинстве были столь невелики, что проблемы водоснабжения практически не существовало. Впрочем, римские традиции не были забыты вполне, и хронисты донесли до нас сведения о ремонте акведуков в южной Франции, раскопки выявили деревянные водопроводы Великого Новгорода и нескольких германских городов. Венецианские инженеры отработали изощренную систему фильтрования воды, поступавшей в колодцы, выкопанные внутри деревянных кессонов, заглубленных в дно лагуны. В конце XIV в. в Любеке, Кельне и других северогерманских городах достаточно широко распространилось создание простейших машин, черпавших воду из реки, поднимающих (силой той же реки) ее на уровень, позволявший обустроить непрерывное пополнение водоразборных бассейнов. Рост мануфактурного производства ухудшил ситуацию. Все города стремились размещать грязные производства вроде красильного или дубления кож ниже по течению, однако при незначительной дистанции между городами, выстроившимися вдоль речного берега, вода в реке неизбежно загрязнялась. Более того, множество водяных мельниц означало множество запруд, а с ними происходил подъем уровня грунтовых вод и ухудшение качества воды в колодцах. Прирост городского населения в отсутствие канализации наращивал загрязнение воды до опасного уровня, хотя связь между эпидемиями и качеством питьевой воды не удавалось установить до середины XIX в., когда бактериологи сумели доказать абсурдность давней уверенности в том, что все беды от миазмов в воздухе.

Париж, ставший при первых Бурбонах крупнейшим городом Европы, надолго захватил первенство, когда при Людовике XV был построен сорокакилометровый водовод, обеспечивший столицу чистой водой. Лондон долго отставал, чем во многом объясняется формирование к западу от него первых крупных пригородов, куда устремилась богатая публика. После страшной вспышки чумы

⁷ *Фронтин.* Об акведуках города Рима, 87. Цит. по: Архитектура античного мира / Сост. В. П. Зубов, Ф. А. Петровский. М., 1940. С. 116–118.

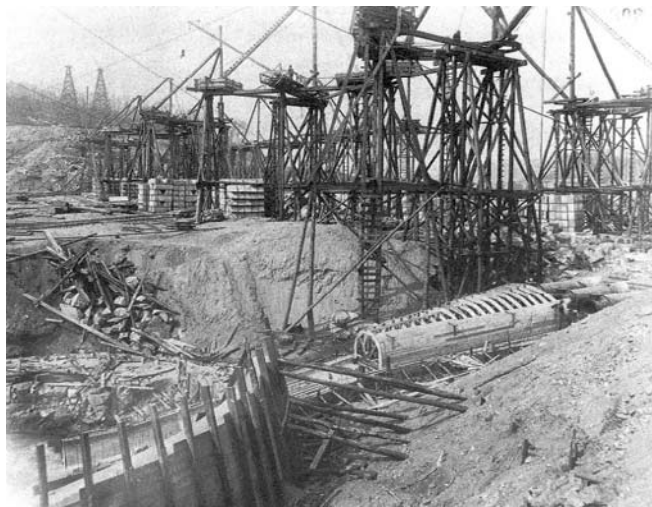

Кёльн (Германия). Фрагмент панорамы города, гравированной на 4-х досках в XVI в. По центру реки хорошо различима плавучая водяная мельница с поддвигным колесом.

в 1771 г., истребившей до трети ее жителей, Москва выдвигается в первый ряд: построенный на средства казны Мытищинский водовод длиной 17 верст, в точности следуя технологии Фронтина, провел воду по аркаде к фонтанам в центре города. Затем первенство переходит к американским городам, которые страдали не только от холеры, но и от желтой лихорадки⁸. Поначалу отдав водоснабжение в руки частных компаний, города один за другим выходили на создание публичных институтов водоснабжения, в чем лидировала Филадельфия (1798 г.), за которой последовал Цинциннати (1817 г.). Наконец, в 1833 г. штат Нью-Йорк сформировал Комиссию по воде, которая провела системные исследования, а ее рапорт убедил поли-

⁸ Во время эпидемии 1805 г. треть жителей Нью-Йорка бежала из города, так что под угрозой остановки оказался огромный его порт.

Нью-Йорк, Манхеттен. Строительство Кротонского водовода, по которому чистая вода пришла в изнывавший от жажды город. Начато в 1935 г., торжественно завершено в 1842 г.

тическую и деловую элиту Нью-Йорка в необходимости выбрать источники чистой воды за чертой города⁹.

Первоначальное сопротивление элит города увеличению публичных расходов было сломлено, что важно отметить, совпадением интересов между 30 тысячами владельцев участков под застройку, готовыми участвовать в подписке на присоединение к будущей системе водопровода, владельцами страховых компаний¹⁰ и промышленниками, так как перевод производства на паровые машины нуждался в значительных объемах чистой воды. В 1834 г. законодательное собрание штата приняло закон, давший городу право соорудить муниципальную систему водоснабжения, а годом позже общегородской референдум поддержал это решение, что позволило ратуше выпустить бонды займа на два миллиона долларов под строительство Кротонского водовода. Как писал историк города Юджин Меринг, «город одержал победу над нехваткой воды, которая угрожала его здоровью, недвижи-

⁹ Немалую роль в достижении консенсуса сыграла очередная эпидемия чумы, завезенной иммигрантами.

¹⁰ Пожар 1835 г. уничтожил 674 многоквартирных дома, чему способствовала острая нехватка воды в обмелевших водоемах Нижнего Манхэттена.

мости и процветанию. Несмотря на увеличение затрат и оппозиционных политиков, власти совладали с кризисом, дав пример другим городам. Громоздились горы проблем: жульничество при исполнении контрактов, судебные процессы и дискуссии юристов относительно трассы водовода, но Нью-Йорк успешно одолел их все»¹¹.

Завершение работ в 1842 г. отмечалось в Нью-Йорке с размахом, сопоставимым с празднованием столетия Независимости США. Через несколько лет Нью-Йорк имел все основания заявить о своем первом месте в мире по суточному потреблению воды на одного жителя, что в немалой степени способствовало формированию чувства превосходства, характерного для этого города в течение полутора столетий. Разводка воды по квартирам многоэтажных зданий способствовала закреплению моды на чистоту тела, ставшей характерным элементом американской культуры — поначалу лишь для среднего класса. К концу столетия Кротонская система была дополнена водоводами с гор Кэтскилл, что позволило городу до 1990-х гг. обойтись без очистки воды через систему фильтров. Рост Нью-Йорка вызвал новые проблемы, и в 1905 г. закон штата породил новую структуру — Совет по водоснабжению, который получил беспрецедентные полномочия.

Кризис 1929 г. отложил реализацию следующего проекта, по которому дополнительным источником воды стала река Делавар, что в свете протестов штата Нью-Джерси потребовало специального решения Верховного суда. Делаварская система водоводов была завершена лишь в 1967 г. в опоре на кредит федерального правительства, выданный еще в рамках Рузвельтовской программы *New Deal*. Формирование системы водоснабжения Нью-Йорка стало первым масштабным шагом к созданию гигантского города-региона, в пределах которого до сих пор, несмотря на периодические засухи, удается совместить рекордный расход воды, экологический императив охраны окружающей среды и достаточно эффективные принципы предотвращения потерь воды. Всякая грандиозная система, звенья которой имеют существенно различающийся срок службы, нуждается в постоянном ремонте и обновлении, прорывы происходят часто, но в целом она содержится превосходно. Заметим, что среди сотни задач, включенных в программу «Нью-Йорк-2030», есть и переход к отдельным системам для питьевой и для технической воды в системе водопроводов огромного мегаполиса.

В другом мегаполисе, в Москве, прогресс водоснабжения наступил только со становлением городского самоуправления, после ре-

¹¹ Цит. по: *Gandi M. Concrete and Clay: Reworking Nature in New York City*. MIT Press, 2002. P. 32.

Водовзводные Крестовские башни, Москва 1900–1903 г. К сожалению, при расширении виадукса по оси проспекта Мира этот памятник инженерного искусства снесен в начале XXI в.

форм Александра Второго. В отличие от Нью-Йорка и других западных городов система муниципального водопровода длительное время завершалась водоразборными фонтанами на перекрестках. Частные пользователи-домовладельцы должны были самостоятельно оплачивать присоединение к магистралям, и только закон 1912 г. «Об обязательном присоединении к сетям» ознаменовал собой начало нового этапа развития московского водопровода. До этого, после долгих торгов с западными концессионерами, в городской думе возобладала позиция инженера Зимина, настаивавшего на том, что новый водовод должен построить сам город¹². Проект русских инженеров Шухова, Кнорре и Лембке предлагал соорудить два резервуара Крестовских башен, откуда вода должна была расходиться по сети магистралей общей длиной 108 верст. В 1892 г. новый Мытищинский водопровод заработал, а через четыре года были проложены еще 163 версты труб по всем улицам в пределах Садового кольца.

Воды не доставало, ее качество оставляло желать лучшего, и в 1898 г. думой было принято решение о строительстве нового, Московского, водопровода еще без утвержденного проекта, с забо-

¹² Здесь и далее использованы материалы обширного сборника: Москва начала века. М., 2001.

ром воды из реки Москвы у Рублева, что потребовало создания системы очистки воды. Уже в 1900 г. началось строительство, для нужд которого было необходимо выкупить полосу земли шириной от 20 до 30 сажен при длине 14,5 верст. Дума обратилась в Министерство внутренних дел с просьбой запретить строительство фабрик выше Рублевского водозабора и о недопущении в этой зоне спуска фабричных вод, и такой закон был без промедления принят. В 1903 г. первая очередь нового водопровода¹³ дала воду в город.

Параллельно магистральным трубопроводам были проложены дополнительные, к которым присоединялись пожарные краны и домовые водопроводы. Для учета потребления воды домовладельцы должны были устанавливать водомеры, для осмотра и снятия показаний которых городская управа наняла штат контролеров. Плата за воду была значительной — 12 копеек за 100 ведер. Таких домовых вводов в 1916 г. было в Москве более 9 тысяч, тогда как для нужд беднейшего населения устанавливали бесплатные колонки на перекрестках¹⁴. Для покрытия расходов на их содержание был выпущен облигационный четырехпроцентный заем. Проект расширения Москворецкого водопровода на 1911–1917 гг. был дополнен сметой, которая должна была определить размер нового займа. При этом часть затрат предполагалось возместить за счет доходов действующего водопровода, который в 1915 г. дал около миллиона рублей чистой прибыли, несмотря на выплаты по первому займу и на то, что казенные учреждения и семьи служащих, призванных на фронт, оплачивали подачу воды по льготным тарифам.

Строительство канала Москва — Волга было начато в 1932 г. с создания Дмитровлага для «перековки» заключенных. Лишь задним числом его включили в состав задач Генерального плана 1935 г. Строительство канала и цепи водохранилищ было завершено через пять лет. Судосходный канал протяженностью 128 километра с его одиннадцатью шлюзами, семью земляными и тремя бетонными плотинами обеспечил половину воды, поступающей в системы московского водопровода. Остальной расход обеспечен Москворецко-Вазузской водной системой и артезианскими скважинами. Станции водоочистки считаются вполне удовлетворительными, состояние сетей пла-

¹³ Новый водопровод не соединялся с Мытищинским, по которому поступала нефилтрованная вода, так что обе системы остались независимыми одна от другой.

¹⁴ Такими колонками продолжали пользоваться в окраинных районах Москвы вплоть до 1970-х гг., тогда как во многих городах России эта схема продолжает работать в зонах так называемого частного сектора по сей день.

чевно, и именно этому мы обязаны обилием примесей, которые приходится устранять домашними фильтрами. Объем утечек, по официальным данным, достигает 40%, с разрушительными последствиями, включая затопление существенной части подвалов и усиление карстовых процессов в грунте¹⁵. При всех недостатках московский водопровод лучший в России, где, по щадящим подсчетам, четверо из десяти не имеют доступа к питьевой воде нормативного качества.

Канализация и отходы. Системы, посредством которых города освобождались от продуктов своей жизнедеятельности, развивались одновременно с системой снабжения водой, и по-прежнему их развитие представляет собой сложнейшую задачу управления для муниципальной, региональной, а иногда и для национальной власти. Поскольку эти системы необходимым образом выходят далеко за рамки границ города, только создание города-региона, обсуждавшегося ранее, позволяет выработать согласие множества муниципалитетов относительно способов решения общей проблемы.

Естественно, что первичные системы были ориентированы на предотвращение катастроф, вызванных наводнениями или ливнями, что требовало создания систем ливневой канализации уже в глубокой древности. В городе-государстве Мохенджо Даро (XV в. до н. э.) раскопки выявили рафинированную систему заглубленных ливневых канав, по всей длине накрытых каменными плитами, что позволяло проводить осмотр и расчистку стоков с максимальной экономией сил. Освоение крутых склонов греческими городами-полисами длительное время обходилось без устройства ливневой канализации, так как дождевые воды, сбегая по улочкам, обеспечивали периодическую очистку городов от грязи и пыли. Этруски и вытеснившие их латины создали в Риме грандиозную систему подземных галерей, именуемых клоаками, о которых римские писатели отзывались не без поэтического восторга. Так, у Дионисия Галикарнасского мы читаем: «Тарквиний... первый начал строить клоаки, по которым вся вода с улиц стекает в Тибр, — сооружения удивительные, не поддающиеся описанию. По моему личному мнению, они относятся к числу трех великолепнейших сооружений в Риме...»¹⁶ У Страбона: «...Римляне считали наиболее важным то, что у эллинов было в пренебрежении, а именно: моще-

¹⁵ Существенная доля подтопления должна быть отнесена на счет безобразного качества или полного отсутствия дренажных работ, необходимых при строительстве новых зданий, фундаменты которых часто перекрывают подземные водотоки.

¹⁶ Архитектура античного мира. С. 432.

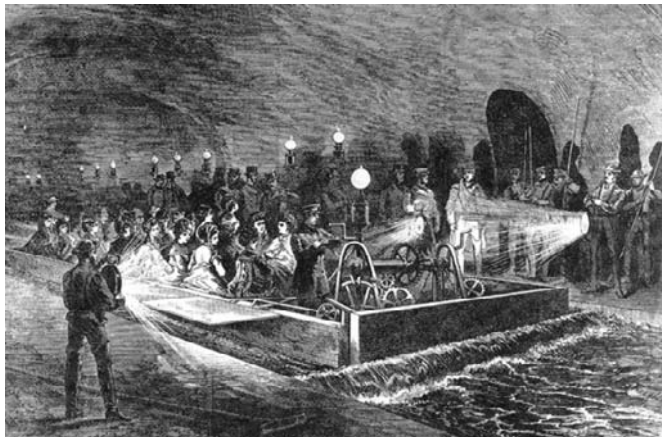
Геркуланум (Италия). Каменная емкость на углу улицы курортного города, погибшего при извержении Везувия. Из нее периодически сливали воду, промывая мостовую от пыли и грязи.

ние дорог, проведение воды, устройство клоак, уносивших нечистоты из города в Тибр... Клоаки со сводами из правильных камней настолько широки, что по ним могли бы проехать возы с сеном...» Наконец, у Плиния Старшего: «...удивляли длина городского вала, невероятные опорные сооружения Капитолия, затем клоаки—создание, можно сказать, величайшее из всех: для него подрыты были горы, и, как мы сообщали немного раньше, город оказался на весу, так что под ними в эдилитет Марка Агриппы (после его консульства) плавали суда»¹⁷.

Заметим, что, восхищаясь клоаками, давние историки не забывали подчеркнуть, что гигантский труд, затраченный на их сооружение, мог быть организован путем тотальной мобилизации жителей Рима, а попытки уклонения нарушались с предельной жесткостью: отказавшимся грозила не только смертная казнь, но и распятие, почитавшееся величайшим позором, ложившимся на весь род казненного.

В комфортном курортном Геркулануме, погибшем при извержении Везувия одновременно с Помпеями, мы и сегодня можем видеть систему цистерн, в которых накапливалась вода, которую в сухой сезон периодически спускали по улицам, чтобы промыть их. Неудивительно, что в решении и этой проблемы лишь к середине XIX в. уда-

¹⁷ Там же. С. 470.

Париж. После завершения реконструкции ливневой канализации в 70-е годы XIX в. по главному коллектору можно было прокатиться на экскурсионном понтоне. Литография.

лось приблизиться к уровню, достигнутому в городах Римской империи. На долгие века после ее распада проблема исчезла, так как обитатели маленьких средневековых городов Европы использовали выгребные ямы для удобрения своих огородов, а очистки скармливали свиньям, тогда как общая бедность жизни заставляла с огромной бережливостью относиться к вещам, переходившим от поколения к поколению, так что объемы мусора были невелики. В целом те же бережливость и бедность¹⁸ характерны для разраставшихся городов Нового времени, и до бума индустриализации в Нидерландах и Англии, а затем и в других странах на грязь и нечистоты старались не обращать внимания. Так, в «Письмах русского путешественника» Н. Карамзина уже в самом конце XVIII в. перед нами предстает безмерная грязь дурно пахнувших парижских улиц, хотя, надо полагать, русский путешественник дома не был избалован чрезмерной чистотой улиц и переулков. Иными были его впечатления от Лондона, однако всего пятьюдесятью годами ранее в промышленном Манчестере впечатления путешественников были кошмарными (рис. 94).

Так, Ипполит Тэн записывал: «Земля и воздух, кажется, пропитаны смогом и сажей... Что за ужасные улицы! Через полуоткрытые окна

¹⁸ Столетия до половины регионального продукта, по подсчетам историков, уходило на строительство грандиозных храмов и городских укреплений.

можно видеть жалкие комнаты, расположенные вровень с землей или чаще ниже поверхности влажной земли. Кучи бледных детей, тощих и грязных, заполняют пороги домов и вдыхают гнусный воздух улицы, все же менее губительный, чем внутри дома... Даже прогулка в богатой части города оставляет гнетущее впечатление»¹⁹. Богатые промышленники и торговцы спасали здоровье своих семей бегством в новые пригороды с подветренной стороны. Брать воду для промышленных нужд из рек и каналов стало невозможно, что заставило провести водопровод, но не изменило общую ситуацию, прямым следствием которой стала ужасающе малая средняя продолжительность жизни — 17 лет для рабочих и всего 38 лет для высших классов.

В Лондоне объединенная система канализации была завершена в 1875 г., и одной из функций новых набережных Темзы было обустройство нижнего уровня коллекторов, по которым стоки направлялись за город вниз по реке. В Париже до начала XX в. существовала система одной только ливневой канализации. По образцу древнеримской Клоаки Максима по главному коллектору в специальных понтонах перемещались экскурсанты. При этом столица Франции продолжала жить с выгребными ямами и бочками золотарей.

Пока застройка российских городов по большей части была двухэтажной, а сами эти города оставались по преимуществу небольшими, вопросы канализации в них оставались академическими. Исключением были Варшава, входившая в состав империи, Одесса, бывшая портом-франко, и Киев. Однако рост городов и в первую очередь обеих столиц вынудил приступить к этой задаче с необходимым размахом, чтобы заменить архаичную практику, когда спуск нечистот производился домовладельцами если не прямо на тротуары (нередко), то в так называемые поглощающие колодцы, откуда периодически производилась откачка в бочки золотарей. Задача приобрела практическое измерение с 1875 г., когда в ведение Москвы были переданы мостовые города, содержание которых ранее лежало на самих городских обывателях. За два года была осуществлена полная топографическая съемка Москвы, и после долгой дискуссии в 1886 г. был, наконец, утвержден проект раздельной системы, доработанный инженерами городской Управы.

Работы по единому проекту и под централизованным надзором осуществлялись полусотней подрядных организаций. Город был разделен на две части: внутреннюю, в пределах Садового кольца, и внешнюю, с учетом неизбежного дальнейшего роста Москвы. Часть ма-

¹⁹ Цит. по: *Girouard M. Cities & People. L., 1985. P. 258.*

Москва. Первая станция перекачки городской канализационной системы, охватившей не только центр, но и Сокольники. Строительство завершено в 1900 г.

гистралей была самотечной, часть — из-за холмистого рельефа города — потребовала построить насосные станции перекачки. Чугунные детали изготовляли на месте, гончарные трубы большого диаметра заказали в Германии, получив разрешение Министерства внутренних дел на освобождение их от ввозной пошлины. Источником финансирования стали, как и в случае водопровода, облигационные займы на 49 лет. К 1895 г. проложили половину магистралей (порядка 140 верст), а еще через пять лет, когда было принято решение о канализации Сокольников с их множеством благотворительных учреждений, там понадобилось строить дополнительную насосную станцию. К этому же времени была задействована первая очередь полей орошения близ станции Люблино²⁰.

Как и в случае водопровода, вся система делилась на магистральную и ту, что внутри владений, причем вторая осуществлялась на средства домовладельцев по жестким правилам, утвержденным городской думой. Как только выполнение внутренних работ подтверждалось актом, подписанным специальными агентами управы, владелец был обязан в двухмесячный срок ликвидировать выгребные и помойные ямы, содержимое которых удалялось городским ассенизационным обозом. К 1911 г. к сети было присоединено 6775 владе-

²⁰ Первоначально предполагалось соединить биологическую очистку стоков с производством овощей, что, однако, оказалось малооходным предприятием, так что выращивание капусты и свеклы стало сугубо дополнительным делом.

ний, таким образом, 90% населения, проживавшего в зоне первой очереди канализации, получили к ней доступ. К этому следует добавить обустройство 40 общественных писсуаров и 9 ретирад, т. е. публичных туалетов. Началось стремительное расширение использования ватерклозетов и полноценных ванн.

Плата за пользование городской канализацией была дифференцированной в зависимости от объема стоков и обеспечивала, за вычетом эксплуатационных расходов, некоторый доход. В 1905 г. расширили поля орошения, еще через два года принято решение о строительстве биологической станции на дополнительно приобретенном участке. Для вывоза твердых бытовых отходов были созданы три обозных парка, вывозившие мусор на городские и частные свалки, на городских были устроены сливные осадочные бассейны. Семёновскую сливную и очистительную станцию начали строить в 1913 г., заложив в проект постройку мусоросжигательной печи и механические устройства для сушки ила из осадочных бассейнов.

По всей видимости, проблема твердых бытовых отходов приобретает наивысший ранг для всех городов, а для мегаполисов в особенности. Скачкообразный рост сбыта продуктов в упаковке, подстегнутый политикой больших сетей розничной торговли, породил значительную литературу, полную чисел с множеством нулей²¹, из анализа которых в ряде стран Европы (в гораздо меньшей степени в Великобритании и США) выросли стратегии, шаг за шагом воплощаемые в жизнь. Достаточно указать, что, скажем, по Лондону только 8% мусора перерабатывается или идет на компост, тогда как 19% сжигается, а 73% закапывается — при плече перемещения мусора до 120 километров. При этом в Великобритании в среднем перерабатывается 23% мусора, в Германии — 57%, а в Нидерландах — 64%. Более того, ширится производство пластиков, подвергающихся разложению бактериями, усиливается движение в пользу возврата к бумажной упаковке, уже в продаже малогабаритные бытовые печи для сжигания мусора, приспособленные для использования владельцами односемейных домов и дач. Уже и в России наметился отказ от централизованных сетей канализации в пользу индивидуальных очистных тэнков аэробной и анаэробной нейтрализации бытовых стоков...

И все же проблема далека от решения. Грандиозная свалка Фреш Килз на острове Стейтен-Айленд за полвека функционирования на площади около 800 кв. километров накопила массив мусора высотой до 70 метров. Свалку закрыли в 2000 г., временно приоткрыв для

²¹ См., напр.: *Лэндри Ч. Искусство создавать города*. М., 2008.

вывоза горы строительного мусора, образовавшегося вследствие печально известной атаки террористов на башни нью-йоркского торгового центра, и теперь плечо вывоза мусора, производимого Нью-Йорком, в три соседние штата растянулось до 200 километров. Дело дорогое, но зато на месте свалки формируется огромный городской парк.

Положение с вывозом твердых бытовых отходов в Москве на порядок хуже, прежде всего в связи с отсутствием общей политики для города-региона, к чему добавляется криминализованность этой сферы бизнеса, масштабы незаконных свалок и тотальное отсутствие современных полигонов. Их создание и содержание по лучшим образцам нуждается в значительных капиталовложениях, на которые серьезный частный бизнес в России все еще не способен. Массовые протесты экологов и врачей притормозили программу строительства серии мусоросжигательных заводов (по одному на каждый административный округ Москвы), что при реализации несло бы с собой опасность содержания вредных веществ в воздухе столицы при любом направлении ветра. Сделка по закупке явно устаревших систем за границей грозила серьезным наращиванием выброса диоксинов. Более того, в отсутствие системы дифференцированного сбора отходов по месту жительства и их переработки сжигание означает получение огромной массы золы, захоронение которой, безопасное для окружающей среды, представляет собой трудноразрешимую проблему. Впрочем, в России создана технология сжигания в высокотемпературной плазме, резко снижающей выход золы, однако, как, увы, бывает нередко, единственное применение этой технологии осуществлено... в Израиле.

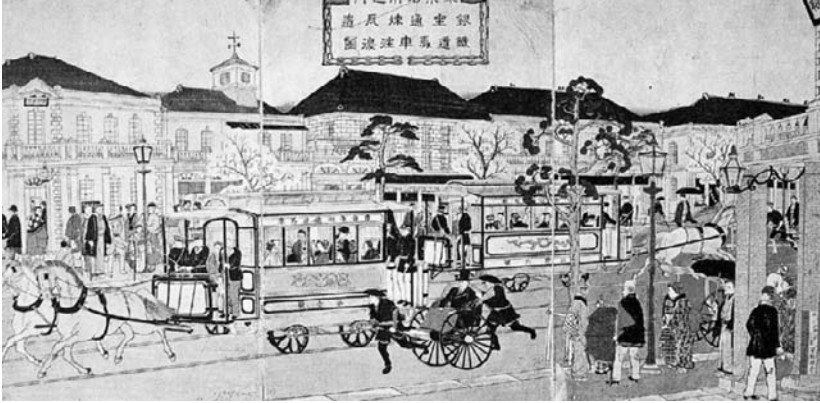
Оставим в стороне энергетические инфраструктуры городов — они достаточно хорошо известны и с неуклонным ростом потребления электроэнергии в городах научились справляться, хотя знаменитые отключения света в нескольких штатах вокруг Нью-Йорка в 1987 г. и в нескольких областях российского центра в 2006 г. заставляют помнить, что разрастание систем порождает новые риски. Не будем здесь касаться также инфраструктуры связи, которая благодаря мобильной связи и Интернету разрешила, казалось бы, нерешаемую проблему проводной телефонизации в мегаполисах, хотя периодические сбои случаются и здесь. Не будем затрагивать меры безопасности жизни и имущества. У них своя любопытная история, ее начало было положено полицией Афин, состав которой набирался из скифов-наемников, и пожарными службами Рима. Наша задача — удержаться в кругу инфраструктур, которые непосредственно сопряжены с повседневностью, традиционны и вместе с тем подвержены наступлению кризисов — кратковременных или длящихся долгое вре-

Помпеи (Италия). Пешеходный переход через главную улицу с одного тротуара, замощенного мозаикой из обломков керамических плиток, на другой. Не позднее I в., когда Везувий убил город.

мя. Это городской транспорт, системы благоустройства, структурирование социального целого и собственно управление в его основных элементах.

Городской транспорт. Отрезки мощеной улицы выявлены еще в Вавилоне, но эта улица предназначалась не для повозок, а для торжественных процессий. В городах древней Греции, обычно карабкавшихся по склонам, долгое время обходились без обустройства проезжих улиц и грузы развозили на осликах или таскали за спиной, что по сей день можно видеть в древних частях ближневосточных городов. Проезжие улицы появляются как естественное продолжение мощеных дорог в городах обширных империй — сначала в Персии, затем в эллинистических Египте и Сирии. Римляне отнеслись к обустройству улиц с высочайшей требовательностью и достаточно рано ввели в это дело стандарты: проезд двух повозок для центральных улиц, одной повозки — для улиц второстепенных. Более того, в римском городе вдоль заглубленной проезжей части устраиваются тротуары, нередко выложенные узором из камешков, и места перехода в виде череды крупных каменных блоков, верхняя плоскость которых выровнена с тротуаром, а промежутки между блоками оставляли место для колес, быстро протиравших колеи в каменном основании, и для стока воды.

Конка на улице Токио. 80-е годы XIX в. После Революции Мэйдзи Япония перенимала достижения западной цивилизации. Гравюра — компромисс традиционной и новой манеры.

Впрочем, все это относится к спланированным городам расширившейся Римской империи, тогда как в ее сердце, в Риме, сохранялся лабиринт древних улиц, днем и ночью заполненных толпами людей, повозками и паланкинами, в которых несли по городу тех, кто мог себе это позволить. Как писал по поводу этой суеты Ювенал: «...А в каких столичных квартирах можно заснуть? Ведь спится у нас лишь за крупные деньги. Вот потому и болезнь; телеги едут по узких улиц извивам, и брань слышна у стоящих обозов — сон улетит...»²² В то же примерно время, в начале II в., яркую характеристику перемен записал Марциал:

Прежде весь Рим захватывал лавочник наглый
И загораживал вход в каждый из наших домов.
Ты же, Германик, велел расширить все переулки:
Вместо тропинок теперь всюду дороги ведут.
Нет уже больше столбов, увешанных цепью бутылей,
И не приходится лезть претору в самую грязь.
Стиснутый всюду толпой, не бреет цырюльник вслепую,
Не занимает теперь улицы грязный кабак.
Повар, цырюльник, мясник, трактирщик сидят по порогам.
Сделался Римом наш Рим, был же он лавкой большой»²³.

²² Ювенал. III, 234–238.

²³ Марциал. Эпиграммы. VII, 61.

Трамвай на улице Берлина. 1910-е годы. Вытеснив конку, трамвайные линии начали стремительно протягиваться по улицам американских и европейских городов.

Города Византии продолжили римскую традицию, тогда как в Европе на много веков улица и грязь стали неразделимы, тем более что по улицам перегоняли скот. Только с XVI в. к мощению центральных площадей начало добавляться мощение главных улиц, но средства передвижения не менялись. Фиакры или двухэтажные омнибусы — все это двигалось на конной тяге. Уже когда лондонский метрополитен стал привычным способом перемещения (первая линия была открыта в 1863 г., уже в 1884 г. было замкнуто первое кольцо подземного города, а с 1890 г. метрополитен перевели на электрическую тягу²⁴), на улицах продолжали господствовать конные экипажи. Суета и уличные пробки нарастали вместе с ростом городов и умножением числа тех, кто мог себе позволить оплату проезда, количество несчастных случаев на улицах нарастало в арифметической прогрессии, и потребность в умножении ресурсов общественного транспорта становилась все более очевидной.

Первые линии конки появились в США еще в 1830-е гг., но лишь после того, как в 1852 г. французский инженер Луба изобрел трамвайное колесо с ребордой и рельсы, утопленные в мостовую, этот предшественник трамвая широко распространился в Европе, включая Россию. На 1890 г. протяженность путей конки в городах США составила почти 9 тысяч километров, в Германии — около 1300 километров, в России — около 600 километров, что было больше, чем во Франции, Англии

²⁴ Парижское метро заработало в 1900 г., берлинское — двумя годами позже.

или Италии. К этому времени уже были созданы немецкие и американские системы трамвайного сообщения на электрической тяге. После долгих экспериментов с созданием надежной и безопасной системы подачи напряжения Фрэнк Спрейг в США создал троллейный токоъемник, и первая трамвайная сеть Спрейга была открыта в 1888 г. в Ричмонде, тогда как Сименс в Германии создал бугельный приемник тока, и стартовала эпоха трамвая, которой прочили блистательную перспективу. После полувека бурного развития трамвай, казалось, был убит согласованными усилиями лоббистов, представлявших интересы производителей автомобилей, автобусов, шин и горючего и политиков-энтузиастов, видевших в автомобиле символ прогресса.

Существование и соперничество между системами общественного транспорта с одной стороны и между ними вместе взятыми — с взрывным умножением количества индивидуальных автомобилей с другой стороны продолжалось весь XX в. В 1914 г. в американском Кливленде появилась первая система автоматических светофоров с электрической подсветкой, но только в 1920-м в Детройте догадались добавить к красному и зеленому сигналам желтый²⁵. Пока автомобилями пользовались лишь лица с высокими доходами, имевшие возможность содержать шофера, проблемы парковки не существовало — прежние конюшни при домовладениях превратились в гаражи, тогда как машина с водителем не блокировала движение на временной стоянке. Как только автомобилизация к 1920-м гг. стала в США массовой, ситуация изменилась и вопрос, где запарковаться, стал жизненно важным.

Еще в 1907 г. Чикагский автомобильный клуб возвел многоэтажное здание, на каждом этаже которого было возможно поставить автомобиль, въехав по спиральной рампе. Через десяток лет пятиэтажная конструкция была возведена при отеле «Лассаль» в Чикаго, еще через десять лет Американский конгресс городов констатировал: «Наряду с погодой вопрос автомобильной парковки решительно выдвинулся на первое место»²⁶. Поначалу выход искали в создании открытых парковок, место для которых стали резервировать или выкупать муниципалитеты — габариты временной парковки на Чикагской выставке «Столетия прогресса» в 1933 г. обеспечили место для 24 тысяч машин. Уцелевшим памятником эпохе могут служить грандиозные парковки Далласа, занимающие 40% территории его даунтауна, что означает полное визуальное разрушение города, или парковки у пляжей Лонг-Айленда, каждая из которых занимает площадь двух-

²⁵ Первые электрические светофоры появились в Ленинграде и в Москве в 1930 г.

²⁶ Kay J. A Brief History of Parking // Architecture Magazine. February 2001.

трех футбольных полей. Возникает своего рода эпидемия заведений «драйв-ин» — закусочные, магазины, банки, кинотеатры.

Перелом наступил в 1942 г., когда при Юнион-Скуэр в Сан-Франциско был открыт муниципальный подземный паркинг на 1700 мест (четыре подземных уровня), причисленный к системе гражданской обороны. Через полвека подземные паркинги, принадлежащие крупным компаниям, располагаются в среднем на расстоянии порядка 300 метров в крупных городах США, чему начали следовать и в Европе. В прошлом остались попытки встроить паркинг в тело новой архитектуры, подобно двойному небоскребу в Чикаго, где сорок нижних этажей заняты паркингом, однако более скромные проекты, вроде реконструкции Аптауна в Далласе, где паркинги занимают подвалы пятиэтажных жилых домов по всей длине улицы, получили достаточно широкое распространение.

Все эти меры, включая обустройство мелких платных стоянок, снабженных счетчиками, и прокладку скоростных магистралей через города, несколько ослабив напряженность транспортной ситуации в больших городах, панацей не стали, и, начиная с 1980-х гг., самоуверенность транспортных инженеров была поколеблена. В ход пошли меры двух типов. Это смешанная, запретительно-поощрительная работа, нацеленная на сокращение пользования личным автомобилем в городе, и дополнительное к этому вторичное развитие систем общественного транспорта. Первый тип включает зоны запрета для личного транспорта²⁷, зоны платного доступа в центральные части города, как в Лондоне или Стокгольме, или сокращение количества парковок в центре (Париж), или полный запрет гостевой стоянки при офисах. Среди прочих мер пропаганда совместного пользования машиной соседями, в условиях крупного города чаще всего устанавливающими контакт через Интернет. Здесь же запрет на строительство новых паркингов и стоянок, если те не обеспечивают соблюдение жестких стандартов чистого воздуха (Хьюстон), или весьма экзотические меры, вроде выплаты годовой субсидии на покупку обуви для тех, кто готов ходить на работу пешком (Санта-Ана в Калифорнии). Другой тип, требующий больших капиталовложений, к концу XX в. вызвал к жизни второе рождение трамвая — бесшумного и безопасного благодаря низкой посадке вагона: Цюрих, Бордо, Страсбург, голландские города и пр. Немалая роль отводится повышению привлекательности общественного транспорта: тотальное снабжение автобусов

²⁷ В десятиmillionном Тегеране введена система пропусков, действительных только в определенной зоне города, — за исключением такси.

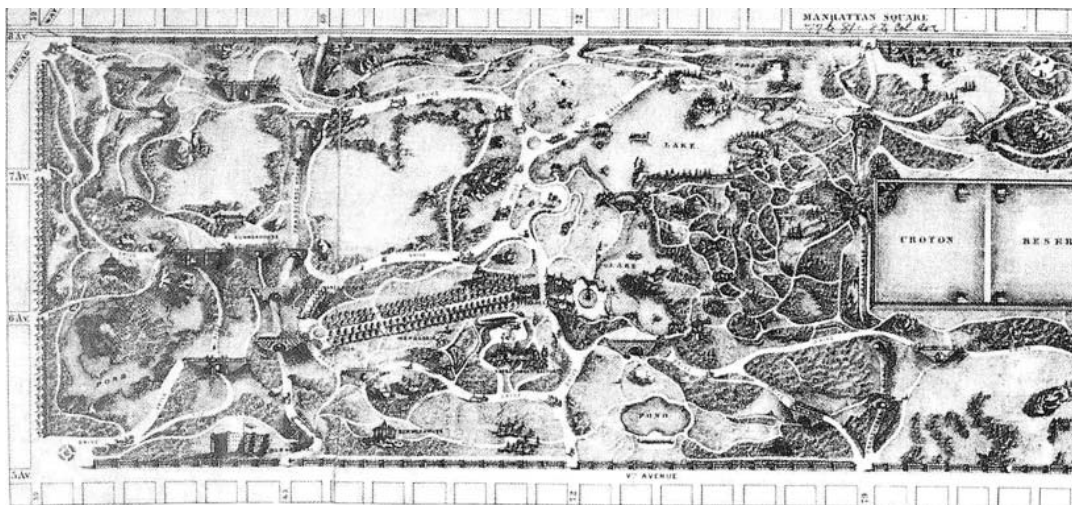

и метрополитена системой кондиционирования воздуха; реализации давних мечтаний модернистов о разделении путей пешеходов и транспорта. Эта мечта частично воплощена в Торонто, Ванкувере, Миннеаполисе, Сингапуре и наиболее полно реализована в Гонконге, где весь городской центр можно пройти на уровне третьего этажа по галереям и через холлы небоскребов, открытые для прохожих.

Благоустройство. Мы достаточно затронули эту тему в «Урбанистике», что позволяет акцентировать внимание преимущественно на управленческой стороне дела. В античных городах, предшествовавших формированию и внедрению римских стандартов, благоустраивались единственно храмовые участки и места собраний, так что историки специально отмечали как удивительную новинку посадку ряда деревьев на персидский манер по краю агоры Афин при Кимоне, предшественнике Перикла. Власти Рима, отчасти республиканской поры, но в особенности в эпоху империи, сформировали знаменитый комплекс публичных пространств форумов, цирков, амфитеатров и терм (о чем подробно в нашей «Архитектуре»). Однако еще важнее то, что набор публичных благ неуклонно воплощался в каждом римском городе — от Северной Африки и Евфрата до Британии и городов на Рейне. Стандарты трассировки улиц, детальное законодательство относительно запрета затенять пространство соседа от солнца или закрывать ему вид, обустройство терм и прочее, и прочее — все это не только записано в форме законов²⁸, но и многократно истолковано в лингвистических трудах Варрона и других римских писателей. Благодаря этой литературе даже в большей степени, чем было возможно вычитать из созерцания руин, идеальное представление о городском комфорте не исчезло и в самые темные времена средневековья.

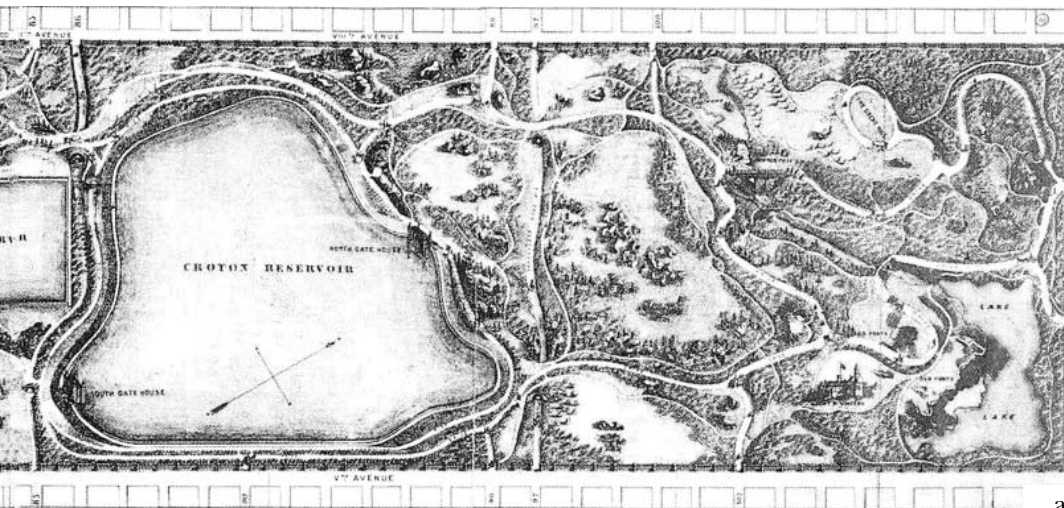
Достаточно вчитаться в тексты Либания, Аммиана Марцеллина или письма Плиния Младшего, чтобы понять, какое сильное желание подражать древним возникало в душе властителей итальянского Ренессанса и их вторичных подражателей в европейских странах, как только концентрация ресурсов позволила приступить к воплощению мечты в действительность. Первоначально эта мечта осуществлялась в загородных виллах, но к началу XVIII в., с укреплением монархий, публичные пространства столичных городов становятся своего рода палитрой из камня, на которой королевские зодчие начинают вы-

²⁸ По большей части эти законы известны нам по выжимкам (Дигесты), составленным в византийское время и отчасти отредактированным применительно к условиям Восточной Римской империи.

кладывать ласкающие взгляд узоры из живой зелени. Кур ля Рейн, прогулочный бульвар для экипажей, устроенный в Париже Марией Медичи в 1616 г., задал образец, которому вскоре последовали всюду, включая американские колонии испанцев, голландцев, французов и англичан. Последовали тем интенсивнее, что вынос фортов за пределы городов позволил скрыть земляные укрепления, на месте которых создавались кольца бульваров, из которых самым знаменитым остается Ринг в Вене. Затем энергию благоустройства подхватывает Лондон, где с использованием частной инициативы формируется регулярная система небольших парков — скверов, со всех сторон обстроенных дорожим жильем, а на публичные средства и пожертвования земли Коронай создаются крупные внутригородские парки, включая знаменитые Гайд-парк (с 1733 г.) и Риджентс-парк (с 1811 г.).

С запаздыванием на сто лет новая мода доходит до России, где Невская «перспектива» Петербурга стала первым бульваром. Еще более века потребовалось для того, чтобы оформились новые образцы — городские парки и парковая «мебель». При грандиозной реконструкции Парижа, осуществленной в середине XIX в. путем успешного частно-государственного партнерства были не только снесены ветхие кварталы и обустроена цепь новых бульваров. На них появились киоски, питьевые фонтанчики, малые скульптуры и скамьи, промышленным способом отлитые из чугуна, а на краях города возникли тщательно спланированные Булонский и Венсенский леса. И все же, поскольку возможности королевской власти, даже будучи ограниченными парламентом, заведомо велики, наибольший интерес для нас

а

б

в

Нью-Йорк, Манхэттен. Центральный парк (проект Ф. Л. Олмстеда), осуществленный в полноте, техника перевозки взрослых деревьев, современный вид из парка на город.

представляет создание Центрального парка в Нью-Йорке, где эту задачу следовало решить через демократические институты²⁹.

С 1811 г., когда был принят простейший решетчатый план авеню и стритов, в Нью-Йорке по лондонскому образцу создавались малые частные парки, недоступные для людей со стороны. К 1840-м гг.

²⁹ Подробно см.: *Gandy M. Op. Cit., Creating the Garden of a Great City. P. 83–113.*

издатели нью-йоркских газет развернули кампанию в пользу создания «публичного парка – великому городу». Лоббистами проектной идеи были крупные земельные собственники, знакомые с европейскими образцами и уверенные в том, что близость к большому парку способна увеличить капитализацию их владений³⁰. Они не ошиблись: так к примеру, незастроенные лоты на пересечении Пятой авеню и 86-й стрит, стоившие в 1847 г. около 500 долларов каждый, к 1868 г. оценивались по 20 тысяч долларов. В 1851 г. мэр города Эмброс Кингсленд запросил у штата право использовать городской налог для создания Центрального парка, который станет «вечным монументом мудрости, практичности и предусмотрительности его создателей». Двумя годами позже Законодательное собрание штата дало согласие на использование того же инструмента, что был применен при сооружении системы водоснабжения, для приобретения 700 акров (280 гектаров) в центре Манхэттена, и, наконец, в 1857 г. власти штата создали Комиссию Центрального парка – первый орган планирования развития на Манхэттене.

Оппозиция была сильной и разносторонней. Владельцы недвижимости настаивали на том, что цена вопроса велика, тем более что вокруг Нью-Йорка множество лесных территорий и открытых водоемов. Спикеры от среднего класса выражали опасение, что парк может стать очагом криминальной деятельности, а либералы из Ассоциации улучшения условий жизни бедных тревожились, что создание парка, вытесняя обитателей трущоб с выкупаемой территории, приведет к увеличению и без того чрезвычайной тесноты в жилых кварталах бедноты. Более того, создание Комиссии властями штата, где доминировали республиканцы, вызывало раздражение и подозрения у защитников идеи парка из числа демократов, видевших в этом покушение на самостоятельность города. К тому же разразился очередной экономический спад, начавшийся в 1854 г., так что мэр Якоб Вестервельт выступил с предложением урезать размеры парка ради экономии, и Совет олдерменов Нью-Йорка это предложение одобрил³¹. И все же следующий мэр Фернандо Вуд сумел сформировать мощный

³⁰ Популяризации идеи публичного парка во многом способствовало создание крупных ландшафтных некрополей Бостона, Филадельфии и позднее национального Арлингтонского кладбища в Вашингтоне.

³¹ До 1898 г. в Нью-Йорке действовала давняя голландская форма городского Совета с этим названием, в 1938 г. возникла двойная конструкция: Совет и Экспертный совет (Board of Estimate), существование которого было отменено решением Верховного Суда США только в 1989 г.

лоббистский напор в пользу парка³² и в 1855 г. добился успеха, вслед за чем заново избранная Комиссия Центрального парка организовала национальный конкурс на его проект. Победителями конкурса стали Фредерик Олмстед и Калверт Во, соединившие в одном решении пастораль «Овечьей лужайки», «дикий» ландшафт так называемого «Нагромождения камней», сугубо «версальский» участок «Променада» и большой резервуар, которым завершался новый водовод. Как уже отмечалось, при создании парка впервые была использована система заглубления поперечных улиц между авеню, проходящих сквозь парк, в траншеи с перекинутыми через них мостами для пешеходов.

Создав иллюзию естественного ландшафта на территории, с которой было выселено более полутора тысяч обитателей трущоб, концепция парка отвергла и пышность обрамлений парижских бульваров, и сухую дидактичность парков, где под каждым деревом есть табличка с латинским названием. Олмстед ясно подчеркивал стремление создать парк, способный ответить идеалам демократии. В то же время парк никогда не мыслился как место для публичных дебатов, будучи скорее своего рода выносом в публичное пространство частного начала в его буржуазном и отчасти пуританском выражении. Правила поведения в парке исключали устройство пикников и групповых забав, однако популярность его, начиная с открытия в 1859 г., сразу же была феноменальной. В 1863 г. Фредерик Перкинс, отмечая, что затраты на создание парка составили уже свыше 7 миллионов долларов, подчеркивал, что прирост капитализации трех районов вокруг парка составил в три раза большую сумму. Через эти четыре года число посетителей Центрального парка за год составило более 4 миллионов, еще через два года их было уже 7 миллионов, а в 1871 г. — 11 миллионов.

Разумеется, материал, связанный с благоустройством городов, безграничен и неустанно пополняется вместе с расширением представлений о городском комфорте. Отдельные истории написаны о набережных и пассажах, об уличном освещении и т. п.³³, но пересказывать эти истории не входит в нашу задачу, поэтому нам любопытнее, как к этому полю задач подходили в России, когда зачатки мест-

³² Вуд, которому принадлежало немало земельных участков, примыкающих к фронту будущего парка, отстаивал в этом случае и собственные финансовые интересы.

³³ К примеру, в Гонконге на относительно крутой рампе, являющейся одним из входов в парк района Коулун, уложен синтетический ковер, чтобы никто не поскользнулся во время дождя.

ного самоуправления стали реальностью. В 1864 г. на улицах центра Москвы появились газовые фонари, через четыре года усовершенствованные благодаря применению калильных сеток. В 1909 г. газовый завод, перешедший в собственность города, был модернизирован и расширен³⁴, тогда как на Тверской улице сотня электрических фонарей была установлена уже в 1896 г., а в квартирах центра электрическое освещение появилось с 1888 г. Как и в других европейских столицах, за исключением Берлина, ставшего надолго электрическим центром Европы, к началу Первой мировой войны на окраинах горели керосиновые фонари, на перекрестках — более яркие керосино-калильные, от окраин к Садовому кольцу — газовые, а в центре и вдоль трамвайных путей — электрические.

Такую же пестроту являли собой московские мостовые. К 1911 г. Мясницкая улица, Петровка и Сухаревская площадь были покрыты асфальтом, гранитной брусчаткой замостили Тверскую-Ямскую, Моховую улицы, Охотный ряд, Кузнецкий мост. Многие московские улицы, по образцу петербургских, имели торцовые деревянные мостовые, большинство же оставалось булыжными. Городской бюджет, в котором медицина, образование и общественное призрение поглощали все большую долю бюджета, не мог справиться с задачей масштабного замещения дорожного покрытия, тем более что значительные средства уходили на строительство и капитальный ремонт городских мостов, на заключение в трубу многочисленных речек.

Создание одиннадцати бульваров было включено в план Москвы еще в 1775 г., а первый бульвар по этому плану (Тверской) был разбит лишь через двадцать лет. Александровский сад у кремлевской стены был создан только в 1821 г. В 1879 г. город, частью на бюджетные средства, частью на средства городского головы С. М. Третьякова, выкупил у Министерства государственных имуществ Сокольнический парк. Парк на Воробьевых горах тоже принадлежал городу. Во дворах Москвы было множество деревьев и кустарников, но город пережил вырубку множества крупных садов под новое строительство, и по удельной площади озеленения Москва сильно отставала от других столиц. В 1912 г. в Москве на одного жителя приходилось чуть более половины квадратного метра зелени, тогда как в Париже — 0,9 кв. м, в Берлине и Вене — 2,7 кв. м, а в Лондоне — 5,4 кв. м. Городская дума, создавшая Комиссию по внешнему благоустройству с очень профессиональным составом, планировала существенно расширить программу озеленения города с 1914 г.

³⁴ Газовые фонари окончательно были убраны с московских улиц в начале 1930-х гг.

Нью-Йорк, Центральный парк. Один из двух малых прудов, тогда как роль основного водоема уже более 150 лет играет финальный бассейн Кротонского водовода

Оставим в стороне торговлю — тонкое регулирование этой сферы сложилось в зрелых формах к XIV в., все существенные изменения в нее были привнесены не столько внутригородскими, сколько государственными изменениями регламентации. Как уже отмечалось выше, в США торговые сети, за редчайшими исключениями, сумели вывести свои гипермаркеты за пределы городов, при этом разорив магазинчики даунтаунов, тогда как в Европе в целом удается удержать баланс между вынесенными гипермаркетами и мелкорозничной торговлей по схеме франчайзинга. Россия слишком недавно вошла в сферу действия реальной торговли (вместо недавних систем распределения), и здесь картина все еще слишком зыбка, чтобы рисковать обобщениями.

В силу высокой инерционности классического набора культурных ценностей сфера массовых развлечений очень долгое время сохраняла черты средневековой культуры. По отношению к ней носители «высшей культуры» проявляли сдержанный интерес — «хождение в народ», на праздничные гуляния было экзотикой. По мере христианизации Европы сращивание языческих традиций, привязанных к смене сезонов, и христианского календаря произошло еще до расцвета средневековых городов и пронизало городскую жизнь длинной чередой церковных празднеств, так что выращивание собственно городских форм досуга было тесно связано с торговлей и организацией цеховой жизни. Закрепленные традицией формы сбра-

сывания напряженности, будь то пляски вокруг Майского дерева, костры и купания на Иванов день или кулачные бои на Масленицу, получили особо рафинированное выражение в традиции венецианских карнавалов, неизменным атрибутом которых стала анонимность, подчеркнутая ношением масок.

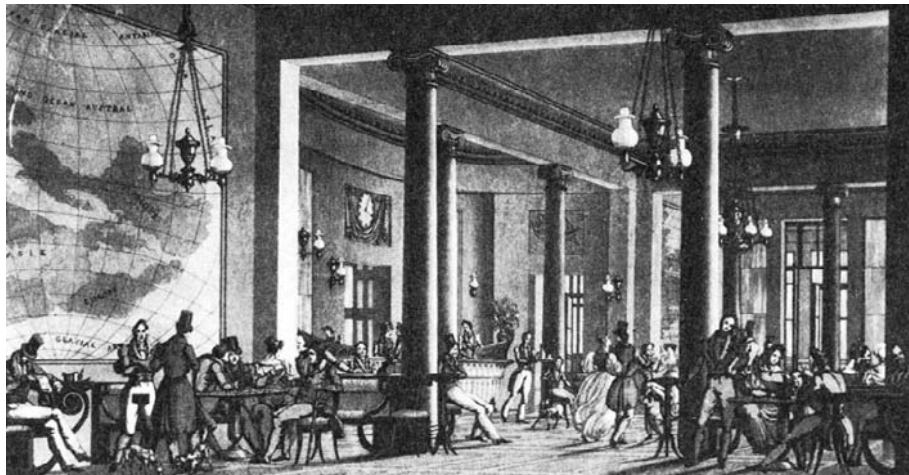
Главной, стационарной инфраструктурой досуга в городе были сети постоянных дворов, трактиров, харчевен, кабаков или пабов. Поскольку во всех ветвях христианской веры воскресенье трактовалось как день молитвы, собственно досуг занимал вечернее время будних дней³⁵. Отчуждение работы от дома (лавки или мастерской ремесленника), бурная индустриализация и удлинение рабочего дня на фабриках радикально меняют картину. Временем для досуга располагает высший слой горожан, заполняя его не только частными приемами, но и ассамблеями в приспособляемых для этих целей залах ратуш, этим временем располагает и низший слой, люмпены, тогда как все остальные предоставлены сами себе, разнообразя впечатления лицемерием ритуалов публичной казни³⁶ и пьяными драками.

Наиболее отважной попыткой подчинить сферу досуга идеологическим целям стали массовые действия эпохи Великой французской революции, когда оформление этой задачи было впервые поручено профессионалу — художнику Давиду. В целом же в наиболее упорядоченной городской жизни Великобритании или германских государств происходит четкое расслоение инфраструктуры досуга по социальным strata. Чайные дома, а затем и кофейни, совмещенные с чтением и обсуждением прессы, прогулки в парках, открытых для уважаемой публики, долгие часы, проводимые в клубах, закрытых для женщин, обязательное посещение театра и скачек, светские салоны — на одном полюсе. Пабы или трактиры — на другом. Все слои городского общества объединял азарт: ставки на скачках или у боксерского ринга, за столиком для игры в кости или на петушиных боях, наконец, в казино. Инвективы церкви и вялые попытки государственной власти пресечь сферу азарта не приводили ни к чему. Постепенное ослабление сословного контроля над сферой досуга в пользу сугубо финансового расслоения развивалось медленно, но неуклонно

³⁵ Притом в Австралии продажа пива в пабах после 17.00 была разрешена только в середине 1980-х гг., а разрешение на торговлю по воскресным дням в большинстве стран Европы дано лишь в самом конце XX в.

³⁶ В Англии излюбленным развлечением публики было посещение тюрем, рабочих домов и Бедлама — сумасшедшего дома, где несчастные пребывали в чудовищных условиях почти до конца XIX в.

Падуя (Италия). Интерьер Кафе Педрокки (проект П. Джапелли), открытого в 1826 г. Огромная высота помещения свидетельствует о том, что кафе размещено в старинном дворце.

не только в отчетливо буржуазных странах, но даже и в России, так что понятие «публичное» заметно утрачивало пренебрежительный оттенок. Естественно, что в наибольшей степени этот процесс развивался в США, что не означает, разумеется, исчезновения и там закрытых, более или менее аристократических конструкций.

Склонность XIX в. к дидактике оказала существенное влияние на сферу досуга, добавив к ней массовые библиотеки, музеи и зачатки массового спорта в виде скейтинг-ринка, но переломным можно считать 1851 г., когда в Гайд-парке открылся грандиозный павильон Всемирной выставки. После этого прорыва череда всемирных выставок, а затем и олимпиад стала атрибутом массовой культуры наших дней, затягивая в свою орбиту едва ли не каждого. И все же всемирные выставки, чемпионаты мира или олимпиады были и остаются государственным делом, так что города, становящиеся на пару недель или даже на полгода, как Шанхай в 2010 г., местом всемирного собрания, пребывают скорее в страдательном залоге. Разумеется, им остаются значительные улучшения инфраструктуры, повышается их всемирная известность, но город и горожане участвуют в этих праздниках в скромной степени. Подлинный перелом произошел тогда, когда за реорганизацию массовой культуры взялись бизнесмены. Пионером в этом процессе стал Финейс Барнум, начавший с традиционного ярмарочного балагана, затем ставший владельцем музея

своего имени (400 тысяч посетителей в 1846 г.) и завершивший карьеру шоумена и продюсера как создатель передвижного цирка, занимавшего железнодорожный состав, приобретенный им в собственность. Апогеем этого процесса принято считать серию диснейлендов, однако в действительности вершиной предпринимательства в сфере досуга следует считать Кони-Айленд.

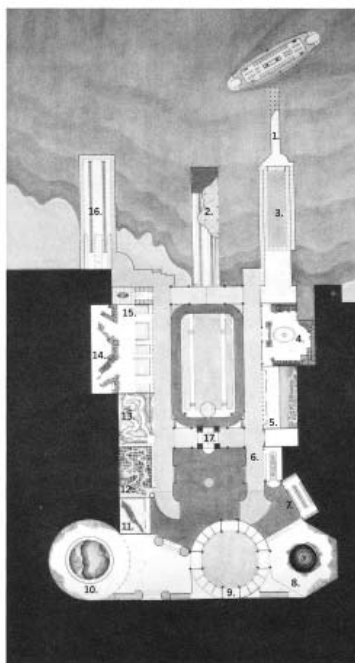
Вопреки названию это полуостров, который с 1823 г. становится курортной зоной для богатых обитателей Манхэттена, а с 1865-го, когда железная дорога дошла до линии пляжа, — для всех и каждого. В 1876 г. 100-метровая башня, воздвигнутая в Филадельфии как символ празднования столетия независимости США, была демонтирована, а затем, неожиданно для всех, ее выкупили и собрали заново в центре Кони-Айленда. Еще через семь лет, с завершением строительства Бруклинского моста, началось развитие крупнейшего в мире парка острых ощущений — неуклонно нараставшего множества захватывавших дух аттракционов. Страсть американцев ко всему «самому» нашла, наконец, выход: посетителей приветствовал отель в виде весьма правдоподобного слона, в передних ногах которого помещались табачный магазин и диорама. Здесь же была механическая корова, дававшая стакан молока в обмен на монетку. Главное — здесь ночью все было залито светом так, что день, казалось, длился 24 часа³⁷. Здесь были устроены «Стволы любви» и «Туннели любви», в которых незнакомые особи обоего пола оказывались внезапно в телесном контакте друг с другом; стипль-чез на механических лошадях, которыми седоки могли управлять движением собственного тела. В 1903 г. рядом возникает луна-парк с возможностью «полета на Луну», фантастический город башен, шпилей, минаретов и куполов общим числом 1326, сияющих на фоне ночного неба благодаря 1,3 миллиона электрических ламп...

В 1904 г. экс-сенатор Уильям Рейнольдс создает свой «Дримлэнд» по соседству с луна-парком, прямо на берегу залива, так что от причала на южной оконечности Манхэттена можно было попасть сюда, не езжая на Кони-Айленд. Это безумная смесь всего со всем: помимо грандиозных аттракционов в «Дримлэнде» был «самый большой в мире» бальный зал площадью в четверть гектара, «Лилипутия», в которой триста маленьких людей имитировали жизнь средневекового Нюрнберга в сомасштабном им окружении (как заранее предупреждали посетителей, правила обычной морали в этом мире не действовали). За «Лилипутией» следовали «Гибель Помпеи», «Прогулка на подвод-

³⁷ Подробно в кн.: *Koolhaas R. Delirious New York*. N. Y., 1994.

Нью-Йорк, Бруклин, Кони-Айленд. План гигантского комплекса Дримленд, включавшего «все на свете» из мира аттракционов и вид ночного Кони-Айленда с его миллионом электрических ламп. Парк развлечений, работавший круглые сутки, пропускал через себя до 50 тыс. человек ежедневно, сгорел дотла в 1914 г., когда Уолт Дисней был еще подростком.

Plan of Dreamland.

1. Steel Pier
2. Shoot the Chutes leading into Lagoon
3. Ballroom
4. Liliputia
5. Fall of Pompeii
6. Ride in a Submarine
7. Incubator Building
8. End of the World
9. Circus
10. Creation
11. Flight Over Manhattan
12. Canals of Venice
13. Coasting Through Switzerland
14. Fighting the Flames
15. Japanese Teahouse with Santos Dumont Airship No. 9
16. Leap Frog Railway
17. Beacon Tower

ной лодке и встреча с чудовищами морских глубин». Затем «Инкубатор» — реальный медицинский центр для выхаживания недоношенных младенцев. И это не все. Там были еще огромные купола «Сотворения мира» и «Конца света»; между ними, для передышки, разместился огромный цирк; «Полет над Манхэттеном»; «Каналы Венеции» — огромный макет центра Венеции с его Канале Гранде и дворцами; «Швейцария» с макетом Альп и реальными фигурками альпинистов на фоне снегов, созданных гигантским холодильным устройством. За этим следовал «Пожар», разыгранный с пугающим реализмом, вплоть до обрушения кровли, и финал — аттракцион, исторгавший вопль ужаса у всех, кто садился в кабины, мчавшиеся по рельсам навстречу друг другу. Кульминацией была башня «маяка» высотой 115 метров, с которой открывался вид на Кони-Айленд, залив и Манхэттен.

Когда через много лет Рейнольдс участвовал в финансировании строительства небоскреба Крайслер-билдинг, он настоял на том, что-

бы его венчание повторило формами шатровое завершение того самого «маяка». В 1906 г. на Кони-Айленд появился Максим Горький, разразившийся по поводу увиденного статьей «Тоска»: столкновение с реальными радостями пролетариата вызвало у пролетарского писателя ужас, который он пытался замаскировать рассуждениями об эксплуатации трудящихся. Луна-парк мелькнул в паре новелл О'Генри и сгорел через несколько лет, а в 1914 г. сгорел и «Дримлэнд». С 1938 г. Кони-Айленд трудами Роберта Мозеса вновь превращается в зеленую курортную зону.

Кони-Айленд — кульминация завершившейся эпохи и вместе с тем шаг в новую, когда аттракцион заметно перемещается в кино и в компьютерную игру, все очевиднее переходящие одно в другое. Город оказывается в этом действе излишним элементом, хотя так называемые тематические парки продолжают множиться по свету. Уолт Дисней никогда не был в парках Кони-Айленда, он мог видеть кинохронику подростком, мог что-то читать в газетах о гибели в огне этого выдуманного мира, но свой Диснейленд он придумал сам, будучи уже знаменитым руководителем студии мультфильмов. Но Диснейленд и его клоны³⁸ — это уже другое: леденцовый мир для родителей с детьми, рассчитанный на то, что, выросши, эти дети приведут своих детей к Замку Белоснежки и к Реке в Джунглях.

В советской России была предпринята масштабная попытка радикально изменить всю сферу досуга, отталкиваясь от эклектического смешения дидактики, характерной для XIX в., с императивами коммунистической идеологии. После нескольких лет «военного коммунизма», когда организация массовых действий в стиле фантазий Робеспьера и художника Давида сочеталась с трудовой мобилизацией «бывших» на работы по уборке улиц, наступила интерлюдия НЭПа, в рамках которой произошла временная реституция дореволюционных форм растраты времени, свободного от работы. Однако в разгар НЭПа большевистские идеологи готовили свой большой проект, согласно которому буржуазным формам досуга не должно было остаться места. Этот проект охватил три взаимосвязанных системы. В первой из них существенную часть свободного времени заняли бесконечные собрания по месту работы и по месту жительства, дополненные вездесущим радио, так что промывка мозгов продолжалась неустанно. Во второй — ставка на спорт, начиная с групповой зарядки по месту труда, продолжая обязательностью военно-спортивной

³⁸ Подробно в книге главного дизайнера Диснейленда: *Hench J. Designing Disney*. N. Y., 2003.

подготовки и завершая массовизацией спортивных игр. Наконец, в третьей системе была предпринята грандиозная попытка вообще устранить досужие занятия в пользу непрерывного образования и самообразования трудящихся. Для решения такой тройственной задачи создавалась новая структура, в которую отчасти включались элементы просветительской инфраструктуры отвергнутой эпохи — ее музеи, библиотеки, народные дома и учебные курсы. Опорными звеньями заново собранной инфраструктуры стали рабочие клубы (вскоре ставшие ведомственными учреждениями) и парки, получившие новое наименование: Парк культуры и отдыха, образцом которого было определено преобразование старой свалки между Крымским мостом и Нескучным садом. В том или ином сокращенном виде эта программа охватывала все города страны, вплоть до сонных городков, оказавшихся в стороне от советской индустриализации.

Как и в прочих случаях, воплотить идеальную схему в ее полноте не удавалось, хотя и клубы, и парки не могли пожаловаться на нехватку посетителей. Помимо прочего, на их популярность работала теснота коммунальных квартир, из которой хотелось бежать при первой возможности. В парках возводили парашютные вышки, устраивали тиры и культивировали состязания в городки, родственно близкие метанию гранаты. Здесь были эстрады и читальни, и шахматы, почитавшиеся игрой, развивающей интеллект. Однако тут нашли место безыдейные качели и карусели, показательные трюки мотоциклистов на вертикальной стене, колеса обозрения и «чертовы колеса», с которых инерция вращения выкидывала желающих, с чувствительным ударом о кожаные подушки. А также танцевальные площадки, пивные и очень популярные лодочные станции, равно как и бильярдные, находившиеся под особым покровительством маршала Ворошилова. Уцелели ипподромы, бывшие под покровительством маршала Буденного, так что азарт не был узаконен, но отчасти терпим, тем более что продажу игральные карт в Советском Союзе не прекращали и в периоды полного запрета на карточную игру³⁹. В клубах постепенно происходило разрастание невинных секций рукоделия и любительских оркестров, а в их программах деятельности все большую долю занимал кинопоказ, включая любимые соотечественниками голливудские ленты и их аналоги в немом кинематографе периода НЭПа, а в 1940-е гг. — трофейные фильмы. Тем не менее до эпохи широкого распро-

³⁹ После 1917 г. игорные дома были запрещены, однако закрытые заведения процветали. В 1950-е гг. власти декларировали борьбу с азартом, но игорный бизнес процветал, летом перемещаясь на причерноморские курорты.

странения телевидения, в условиях дефицита мест в ресторанах и пивных залах, главной формой досуга в приемлемую погоду оставалось фланирование взад и вперед по тротуарам излюбленных улиц.

И все же молекулой городской среды в крупном городе был двор. Подворотня, отделявшая двор от переулка, означала ясную границу между своим пространством (общим для всех, безотносительно к различиям в статусе семей) и «ничейным». Дворовое пространство просматривалось множеством пар глаз, здесь все обо всех было известно, но по отношению к власти, представленной участковым милиционером, осуществлявшим еженедельный формальный обход всех жилищ, дворовое сообщество держало дистанцию. Своих надомников (легальных, числившихся в артелях, и нелегальных – портных, прачек или столяров) дворовое сообщество не выдавало. Конфликты по преимуществу гасились внутри этого сообщества, а в отношении детей и подростков оно культивировало своего рода коллективную педагогику, неписаным правилам которой подчинялись, как правило, и сугубо асоциальные персонажи. Ситуация решительно изменилась, когда в 1960-е гг. переселение в отдельные квартиры стало массовым. Происходит своего рода одомашнивание сферы досуга. Во-первых, долгое время люди наслаждались самим фактом интимного существования за собственной дверью, а во-вторых, все тот же дефицит скромных благ советского общественного питания, при всех сложностях снабжения, обернулся возможностью приема гостей на малогабаритных кухнях. Эпоха кухонного общения протянулась до конца 80-х гг., породив собственный фольклор и культивируя освоение магнитофона, а затем и кассетных видеопроигрывателей.

Было еще одно существенное обстоятельство. Среди свойств советской системы распределения благ, казавшейся вполне приемлемой людям, не имевшим материала для сравнения, было одно несомненное достоинство – дешевизна железнодорожного транспорта и относительная дешевизна авиационных перелетов. Вследствие этого для подвижных людей география досуга далеко расширилась за рамки собственного места проживания, захватив едва ли не весь Советский Союз и несколько зацепив страны тогдашнего социалистического лагеря. Наконец, при вялом сопротивлении аппарата официальной культуры поистине гигантский размах приобрел внутренний туризм, в существенной степени сцепленный с особой субкультурой так называемой авторской песни и любительского музицирования.

Сфера досуга отчетливо обособлялась от государства, так что наступление новых экономических порядков в 90-е гг. легло на хорошо подготовленную почву. Наряду с традиционными институтами «выс-

шей культуры», с каждым годом слабевшими, но в целом удержавшимися на плаву, стремительно формируется инфраструктура досуга по западному образцу. От этого образца было неизбежно заимствование наиболее легких жанров — с естественным тяготением ко всему низкопробному, что было накоплено за десятки лет бравирования фольклором «зоны», при безоглядной коммерциализации эфира. Этот сложный процесс далеко не завершен, и расслоение по принципу «каждому — свое» только продолжается. Так или иначе, благодаря формированию сетей кофейных домов и клубов, совмещенных с книжной торговлей, уже сложилась инфраструктура общения вне дома. При непристойной дороговизне ресторанного дела в этой сфере хотя бы возникло избыточное предложение. Молодежная субкультура окончательно обособилась от взрослой и, в свою очередь, расщепилась за счет обособления совершенно специфической культуры тинейджеров. С другой стороны, чрезвычайное удорожание дальних поездок привело к отсоединению верхнего дециля российского общества от всех остальных. Внутри этого меньшинства гамма досуга расширилась вместе с освоением немалой доли мирового опыта, охватив ранее экзотические виды спорта, фитнеса и прочих элементов культуры здоровья. Вне его в толще большинства происходит дальнейшее расслоение, которому, с другой стороны, противостоит растущая доступность Интернета.

В целом можно заключить, что мы в значительной степени вписались в мировой тренд развития сферы досуга, приспособивая к этому наши города, архитектурная ткань которых (гигантские жилые дома и распад очерченных границ «своего») все еще сопротивляется формированию тонко дифференцированной, мелкоячеистой, комфортной инфраструктуры. Исключением можно счесть краткую и очень яркую эпопею сложения и распада индустрии азарта. Нигде в мире не наблюдалось такого размножения игровых автоматов в порах городов, поселков и даже крупных сел. Когда власть попыталась пресечь игроманию, охватившую все слои общества, закрыв официальные казино и залы игровых автоматов, все вернулось в нормальное состояние. Под нормальным состоянием мы имеем в виду бесконечную битву с полуподпольными заведениями, доступность которых все же существенно снизилась, и еще — наследство в виде множества помещений, коммерческое или внекоммерческое использование которых поставило местные власти в большое затруднение. Отметим на полях, что эта ситуация возвращает нас к странностям отечественной системы территориального планирования в связи с решением о создании особых игровых зон. Затея,

изобретенная из лучших побуждений, изначально обречена на фиаско. При нынешней политике цен перемещения в отечественном пространстве проще и дешевле отправиться за границу с целью испытать судьбу в игре; создание с нуля инженерной инфраструктуры в чистом поле не может окупиться, тем более что устроить в России Лас-Вегас не проще, чем создать здесь свой Диснейленд. Бизнес все это отлично понимает, и последствия не заставили себя ждать⁴⁰.

Социальная инфраструктура. Мировая история этой сферы изучена недурно, ее неустанно пополняют и уточняют, хотя в отношении российского города такая работа ведется лишь с недавних пор. Что касается российской современности, то при всей ее важности это наименее изученная и потому наименее освоенная в интеллектуальном отношении сфера городской жизни. В советское время формальное признание социологии состоялось лишь к середине 70-х гг., но и тогда включать в план НИИ исследования подлинных процессов удавалось с огромным трудом. Теперь финансирование конкретных социологических исследований за рамками избирательных кампаний удается заполучить только через редкие и малые гранты, так что мир российского города в его динамике остается *terra incognita*. Отсюда ясно, что суждения автора отражают единственно его собственный опыт тридцати лет работы в городах и отчасти — опыт коллег, доступный более в форме выступлений на семинарах, чем в публикациях⁴¹.

Отрывочные сведения, содержащиеся в текстах античных писателей, позволяют обнаружить достаточно продвинутое структурирование городского сообщества. У греков достаточно долго сохранялось расселение по племенным группам — филам, при этом негражданам (метекам) из числа торговцев и ремесленников выделялась обособленная территория. По мере разрастания городов и усложнения торгово-ремесленной жизни эта схема явно утрачивала жесткость, коль скоро Платон для своего «идеального города» обозначал среди прочего: «Граждан также надо разделить на двенадцать частей <...> Эта часть будет носить название филы <...> Ремесленников надо разде-

⁴⁰ Губернатор Краснодарского края уже предпринял попытку добиться переноса разрешенной новым законом игровой зоны к Анапе, что, однако, вступает в решительное противоречие и со стремлением первых лиц государства укротить азарт, и с логикой жизни курорта, по традиции семейного в первую очередь.

⁴¹ Подробная библиография по советско-российской социологии города дана в реферате О. Н. Яницкого, доступном в Интернете: www.ecsocman.edu.ru/db/msg/110680.html.

лить на тринадцать частей и распределить их по всей стране; одну же тринадцатую их часть надо поселить в городе...»⁴² Платон — концептуалист, достаточно безразличный к обыденности, но и прагматик Аристотель считал нужным подчеркнуть: «Так как все граждане должны быть поделены по сисситиям, т. к., с другой стороны, придется снабдить стены в удобных для того местах сторожевыми пунктами и башнями, то сама собою напрашивается мысль устроить некоторые из сисситий именно в этих пунктах»⁴³.

По-видимому, точным является позднее свидетельство относительно царского периода Рима: «Квартал патрициев [на Виминальском холме] в Риме получил свое название оттого, что там поселились патриции по приказанию Сервия Туллия, дабы если они что-либо замыслили против него, их можно было бы усмирить с более высоко расположенных мест»⁴⁴. Но уж во всяком случае в республиканском Риме группировка жителей по родовым союзам сначала дополняется, а затем и вытесняется группировкой по социальному статусу. К середине V в. до н. э. относится следующая запись, сделанная тремя столетиями позже: «Трибун Ицилий просил о том, чтобы плебсу предоставили для застройки холм, называемый Авентинским... В то время он еще не был весь заселен, принадлежал государству и порос густым лесом. Сенат принял решение, предоставлявшее плебсу это место. Затем, в присутствии понтификов, авгуров и двух жрецов, совершивших положенные молитвы и обеты, в собрании центурий, созванном консулами, утвердили закон, начертанный на медной колонне, которую римляне поставили на Авентинском холме в святилище Дианы. По утверждению этого закона плебеи, собравшись, поделили по жребию участки, отведенные им под постройку домов. Каждый застроил столько, сколько мог. Некоторые, объединяясь по два, по три и даже в большем числе, строили один дом; кинув жребий, одни брали нижние помещения, другие — верх»⁴⁵.

Чрезвычайно сложное социальное устройство Рима сохранялось и во времена империи, когда древние институты сосуществовали с более новыми (цеховая структура ремесел и занятий) и с институтом имперской бюрократии, отчасти соблюдавшей традиции автономии го-

⁴² Платон. Законы. V, 14, 745.

⁴³ Аристотель. Политика. VII, 8. Сисситиями именовались обеденные товарищества, на ранней стадии демократии участие в ежедневных общих трапезах почиталось долгом, однако употребление выражения «должны быть поделены» явно указывает на ослабление этой архаичной традиции.

⁴⁴ Фест. О значении слов. Цит. по: Архитектура античного мира. С. 438.

⁴⁵ Галикарнасский Ц. Римские древности. X, 31–32.

рожан. Иначе строились отношения в городах римских провинций. За их гражданами сохранялась известная автономия, как и в античной Греции, значительная часть общественных работ и построек осуществлялась за счет частных пожертвований, однако имперская налоговая система была построена уже таким образом, что без субсидий имперской казны города, как правило, не были в состоянии решать задачи развития. Даже в тех случаях, когда местных средств было достаточно, разрешение выдавалось от имени императора. Об этом ярче всего свидетельствует деловая переписка императора Траяна и Плиния Младшего, легата императора в провинции Вифиния, даже маленький фрагмент которой дает достаточное представление о взаимоотношениях имперского центра и отдельной муниципии.

Гай Плиний императору Траяну: «Жители Прусы, государь, имеют баню грязную и старую. Посему эту баню они желают перестроить с милостивого твоего дозволения. Однако я полагаю, что ты сочтешь нужным построить новую и что мне можно благосклонно отнестись к их желанию. Ведь деньги для постройки будут: во-первых, недоимки, которые я уже начал требовать и взыскивать с частных лиц, во-вторых, жители сами готовы обратить деньги, выручаемые за масло, на постройку бани. Этого, впрочем, требует и достоинство города, и блеск твоего века».

Траян Плинию: «Если постройка новой бани не ляжет бременем на жителей Прусы, мы можем внять их желанию, лишь бы они не израсходовались и не оказались потом без средств на необходимые траты»⁴⁶. Незначительному в масштабах империи сюжету строительства бани в Прусах посвящен обмен еще четырьмя письмами.

На продолжении всего европейского средневековья рост документооборота между городами и территориальными властями, светскими или церковными, сочетался с все более тонкой регламентацией внутригородской жизни. Интереснейший материал по Венеции, сумевшей семь столетий удерживать равновесие между всеми слоями и группами интернационального города, достаточно подробно обозначен в «Урбанистике». В целом материал огромен, и потому мы ограничимся лишь несколькими яркими примерами, не затронутыми в предыдущих публикациях. Фундаментом городской жизни, по меньшей мере до конца XV в., были цеховые регламенты, которые менялись и усложнялись по мере того как мастера стремились стабилизировать свою численность, а число подмастерьев умножалось.

Вот отрывок из устава цеха сукноделов Франкфурта от 1377 г.:

⁴⁶ Плиний Младший. Письма. X, 23–24.

Помпеи, термы. Структура публичных бань римской цивилизации была единой от Британии до Марокко и Сирии, однако по масштабу термы провинциального городка не шли в сравнение с огромными комплексами Рима, так что в Помпеях только двор, отгороженный от улицы аркадой служил гимнастическим залом под открытым небом.

«Кто до сих пор не занимался шерстоткацким ремеслом, не может заниматься им, если он не бюргер... Вступающий в цех вносит 3 фунта, которые идут на общие нужды, и четверть вина; последнее распивается всем цехом; после этого как он, так и его дети приобретают право пользоваться всем, что дает принадлежность к цеху»⁴⁷. Или отрывок из прокламации 1412 г. цеха шелкопрядильщиц, родственного первому, но обособленного: «Да будет известно, что к нам явился Вальтер Кезенгер, предложивший построить колесо для прядения и сучения шелка. Но, посоветовавшись и подумавши со своими друзьями... совет нашел, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было постановлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии»⁴⁸. Или отрывок из третьей редакции устава ткачих шелковых изделий Кельна 1469 г.: «Все прослужившие три года в этом цехе могут стать главными мастерицами по выделке шелка... независимо от того, законного ли они или незаконного происхождения. Главная мастерица имеет право обучать своих детей у себя дома в течение вышеуказанного времени; затем они могут вступить в цех, внося один рейнский гульден. Другие же ученицы, закончившие срок учения, могут вступить в цех

⁴⁷ Там же. С. 38.

⁴⁸ Там же. С. 33.

Совместная пирушка одной из рот Гильдии Св. Георгия, Амстердам. Групповой портрет кисти Корнелиса Антониша, 1533 г. Члены гильдий и цехов служили городским ополчением.

лишь под условием взноса двух рейнских гульденов, считая, что рейнский гульден равен 2 маркам и 5 шиллингам наших кельнских денег»⁴⁹.

Понятно, что в условиях совмещенности места проживания и места работы цеховая конструкция производства напрямую отпечатывалась на планировочной структуре города, тем более что каждый цех должен был иметь свой зал для общего собрания. Однако социальная конструкция была сложнее, и уже в XIV в. на политическую сцену города выдвигается борьба городских советов с подмастерьями: «Мы, бургомистр и большой и малый советы Ульма, рассмотрели вопрос о том большом вреде, который произошел во многих городах благодаря клубам подмастерьев. Так как в настоящее время такие клубы распространяются и у нас, то мы, чтобы предупредить вред, который они могут породить, единодушно постановили в общем собрании отменить и запретить их. Мы скрепляем присягою постановление о том, что впредь в нашем городе не должны основываться никакие клубы...»⁵⁰.

Разумеется, еще более детальные росписи правил были выработаны для торговцев, в гильдиях которых появляются собственные членения на сословия, в ходе развития которых слой «заслуженных братьев» формирует городской патрициат, во многом копирующий одежду

⁴⁹ Цит. по: Немецкий город XIV–XV вв. / Под ред. В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936. С. 26.

⁵⁰ Ульм, 1394 г. Цит.: Там же. С. 63–64.

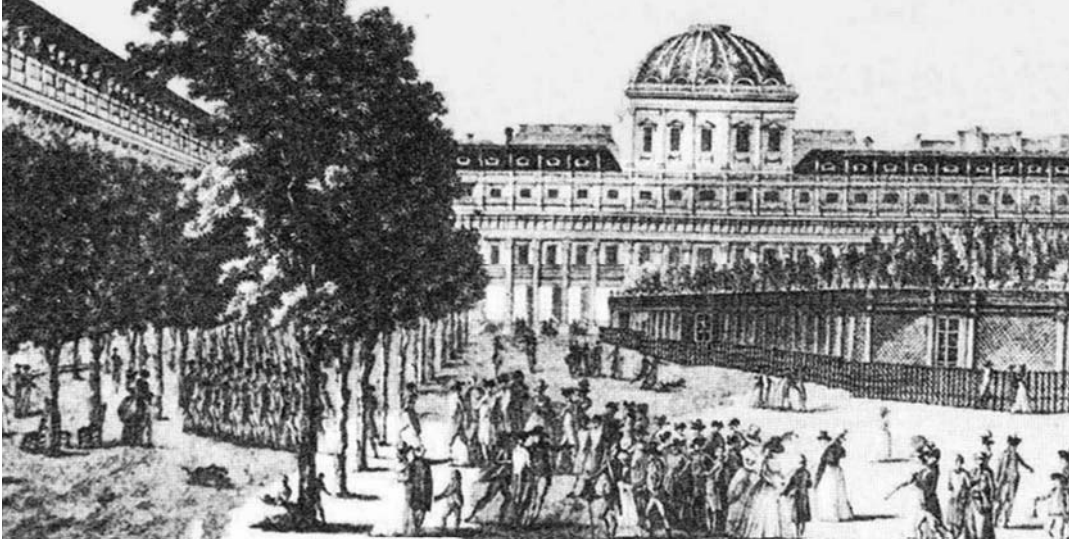
и привычки дворянства: «Незаслуженный брат, отец которого в настоящее время или был когда-либо заслуженным братом, может приобрести права заслуженного брата, внеся 22 тяжелых гульдена»⁵¹. Постоянная военная опасность вынуждала мирных купцов и ремесленников нести труды военных действий, определяя состав ополчения по жребию. По этой причине городское управление включало в свой состав фиртельмейстеров — квартальных военачальников, под командой которых были военачальники улиц. Наконец, следует иметь в виду, что между общиной, представленной цехами, и городским советом, удерживаемым патрициатом, периодически зрело напряжение, иногда разрешавшееся локальной революцией, опрокидывавшей власть патрициата, как, к примеру, это произошло в Кельне (1396 г.).

Если, к тому же, принять во внимание бурный рост автономных университетов в крупных городах, влияние университетской профессуры и сообществ школяров на городскую жизнь, а с другой стороны — формирование значительной люмпенской прослойки, то многослойность социальной инфраструктуры развитого средневекового города проступает вполне очевидным образом.

Развитие капиталистических отношений, наталкиваясь на сопротивление цехов, неуклонно вело к дальнейшему усложнению социальной инфраструктуры городов — тем большему, что оно происходило на фоне и под влиянием идей, а затем и институтов реформации. На долгое время речь должна идти о двух структурах, эволюционирующих параллельно в католических и в протестантских зонах Европы. Если в первых гораздо заметнее преобладание по отношению к средневековью, сильнее влияние королевской власти и аристократии, то во вторых дело обстояло сложнее. В самом деле, в Амстердаме, к примеру, население которого в течение XVII в. выросло десятикратно, достигнув 200 тысяч человек, церкви оказываются в руках церковных общин, здесь нет ни монастырей, ни замка, ни университета, зато торговля, а затем биржи и банки выдвигаются на первый план. Оживленный порт, огромная складская инфраструктура⁵² и вместе с тем значительная производственная зона, где место мастерских, размещенных в жилых домах, все заметнее занимают крупные мануфактуры, совершенно по-новому структурируют пространство города.

⁵¹ Там же. С. 89.

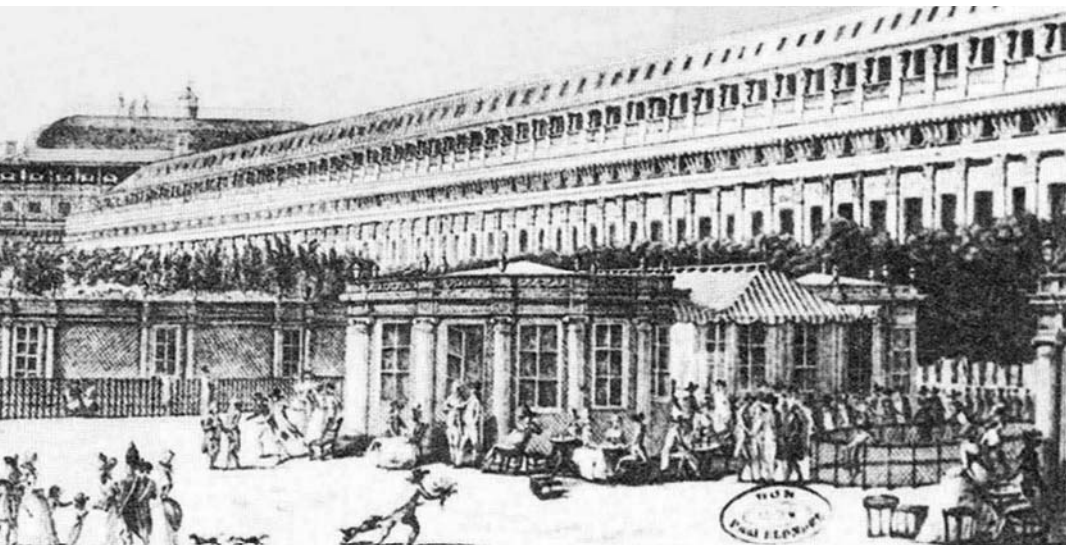
⁵² Наличие в Амстердаме основных складов Ост-Индской компании и ее депозитов в банках города означало рост влияния этой всемирной по масштабу корпорации в деле преодоления узко местного взгляда на ход вещей в пользу универсализма.

Властям Амстердама приходится решать сложные проблемы зонирования города, прокладки дополнительных каналов на разных уровнях по высоте, чтобы обеспечить работу водяных мельниц, а ввиду роста цены городской земли вводить чрезвычайно жесткие нормы деления ее на лоты и последующей их застройки. Высший слой городской буржуазии выстраивает иерархию позиций — от бюргера до члена магистрата, советника и, наконец, бургомистра. При этом первой ступенью этой лестницы становится членство в городской гвардии. Залы собраний отрядов гвардии образуют несущий каркас социального порядка в городе⁵³. При внешней сухости пуританства этот каркас служил основой для достаточно свободных нравов в городе, тем более что на этой основе сложилась обширная сеть музыкальных гостиных, которых в Амстердаме времен Рембрандта было более пятидесяти. Город славился свободой книгопечатания, и его книжные лавки, нередко сопряженные с кофейнями, образовали особую инфраструктуру, которой активно пользовались не только голландцы, но и приезжие извне — из стран, где книгопечатание было ограничено цензурой.

Городской совет, твердой рукой удерживая в повиновении низы, из сугубо прагматических соображений проявлял редкую для тогдашней Европы толерантность: в городе массово селились евреи, кото-

⁵³ Именно для украшения зала отряда алебардистов Рембрандт написал свой известный «Ночной дозор».

Пале Рояль, Париж. Этот огромный общественный комплекс ресторанов, театров, магазинов, ателье художников и пр. был девелоперским проектом Герцога Шартрского.

рых здесь не замыкали в гетто, а воздвигнутая в 1670 г. синагога своей внушительностью превзошла церковь Неуве Кирк⁵⁴. Администрация оставалась глуха к нападкам кальвинистских пасторов на размах деятельности кабаков и борделей, которые были сконцентрированы в «квартале красных фонарей». Когда Амстердам стал официально кальвинистским, недвижимость церковных орденов была муниципализована, и наряду с вексельным банком городской Совет напрямую управлял несколькими больницами, двумя сиротскими домами, двумя богадельнями для одиноких стариков, тремя школами, включая гимназию, двумя муниципальными гостиницами для важных гостей города и, наконец, ломбардом. Разумеется, Амстердам XVII в. — это высший уровень, достигнутый протестантскими городами, но и прочие заметно тянулись к этому образцу⁵⁵.

⁵⁴ В отличие от Венеции, входившей в эпоху упадка в связи с переносом мировой торговли на океаны, где компактное проживание землячеств было одним из столпов поддержания полицейского контроля.

⁵⁵ См. подробно: *Girouard M.* Op. Cit. В условиях доминирования англиканской церкви британские города занимали промежуточную позицию, не дотягиваясь до уровня протестантских городов, где, как, к примеру, в Аахене, дома призре-

Переход к мануфактуре происходил повсеместно, порождая глубокие сдвиги в городских сообществах, но в городах католической Европы просматриваются иные рисунки формирования социальной инфраструктуры. Здесь заметнее всего Париж при Бурбонах, стянувших всю аристократию к королевскому двору в Версале, но не покушавшихся на высокую степень автономности города с его собственным парламентом, который сохранял право утверждать королевские эдикты. Около двухсот членов Парламента (членство в котором наследовалось и продавалось) с их семьями образовали новый слой городской аристократии, которая все чаще вступала в брачные связи с давним дворянством. Городские владения этого верхушечного слоя образовали своего рода город внутри города в его центральных районах, вокруг разросся мощный слой сервисных услуг от портняжных, белошвейных и каретных до юридических. Разумеется, отсюда расцвет индустрии роскоши и торговли роскошью, что дополнялось (век Просвещения) сетью литературно-политических салонов и газетных издательств. Фактически впервые возник город, главной особенностью которого было изящное по формам проведение досуга. Рядом с ним существовал пролетарский Париж, длительное время игравший роль толпы зрителей и столь радикально заявивший о себе в 1789–1793 гг.

Впрочем, надлежит иметь в виду, что концентрация аристократии в Париже и Версале оборотной стороной сказалась на интенсивном развитии городов во французских провинциях, где ядром городской жизни стала промышленная, торговая и судейская буржуазия, знакомая с Парижем и тяготевшая к нему. Именно из этого слоя были родом ключевые фигуры французской революции, ведущие дискуссии в галереях и ресторациях Пале Рояля, остававшегося в частном владении принца крови и потому недоступного для вездесущей полиции. Все столичные города европейских государств, больших и самых маленьких, включая десятки германских княжеств, стремились воспроизводить модель Парижа, и Россия, начиная с Петра Первого, исключением не была.

По видимости унитарная картина русского города допетровской эпохи скрывает за собой изрядную пестроту социальной инфраструктуры. Если оставить в стороне Псков и Новгород, развивавшиеся в сфере влияния Ганзы до насильственного присоединения к Москве при Иване III и подавления их остаточной самостоятельности при Грозном, то еще острее проступает контраст между Москвой

ния для стариков, устроенные знаменитыми Фуггерами, были спроектированы столь совершенным образом, что они используются по назначению и сегодня.

и прочими городами. Вся Москва была по существу необычайно разросшимся двором государя, от чего до нашего времени дошли названия множества улиц и переулков, отведенных ремесленным слободам, работавшим в первую очередь на нужды двора. Поскольку город наполнился множеством боярских усадеб, сведенных в столицу ради лучшего «пригляда», он кишел челядью и, несмотря на внешние строгости, торговым крестьянством и всевозможным бродячим людом, включая множество безместных попов. Стрельцы, жившие в своих слободах с семьями, прирабатывали незаконной торговлей или ремеслом, и на эту конкуренцию без конца жаловались и купцы, и ремесленники. Практически все прочие города, за исключением Нижнего Новгорода, Астрахани и Архангельска, были в первую очередь военными поселениями, хотя к XVII в. в международную торговлю втягивались купцы из всех почти городов, связанных волжским путем с Персией и с все более оживленным сибирским трактом⁵⁶. Основная внутренняя торговля осуществлялась через многочисленные ярмарки, которые в некотором смысле являли собой наиболее подлинные города, но с переменным, временным населением.

Петровские преобразования чувствительно затронули поверхностный слой жизни городов, в которых наряду с целовальниками появились магистраты, бурмистры и ратманы, но по сути ничто не изменилось. Вся эта имитация местного самоуправления служила фискальным целям государства, поставляя ему низовое чиновничество, не получавшее жалования. В то же время, как блистательным образом показано в книге А. Б. Каменского на примере провинциального Бежецка, реальная структура социальных отношений была чрезвычайно усложнена⁵⁷. Несмотря на жесткость паспортного режима, множество горожан фактически проживало в совсем других городах, конфликты между магистратами и губернскими чиновниками, между магистратами и офицерами гарнизонов были постоянными, правоприменение было и тогда далеким от идеала, имущественные споры решались как в судебном порядке, так и грубой силой и пр.

Строительство новой столицы, оплаченное перенапряжением сил всей страны, спустя полвека дало известный эффект имитации

⁵⁶ От крошечного Лихвина, изучению быта которого автор посвятил немало времени, будучи прельщенным тем, что в этом городке (ныне Чекалин) в 1991 г. насчитывалось столько же жителей, сколько в 1911 г., а именно 1240 человек (к 2010 г. около 1000), до Кяхты, на границе с Монголией, через которую шел импорт чая.

⁵⁷ *Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.*

Вид Твери на гравюре XVII в. До эпохи петровских преобразований, русские города, за исключением Москвы и Нижнего Новгорода были мелкими военно-полицейскими центрами.

облика европейских столиц, но в самом Петербурге обособленный от страны чиновно-придворный мир соседствовал с все той же патриархальностью окраин, вроде Коломны, этой старомодностью, привлекшей внимание Пушкина. Напротив, старая столица, освободившись от постоянного внимания царей, культивирует сплав традиционной патриархальности с новизной университетского сообщества. Эта история хорошо известна всякому начитанному человеку, так что мы можем ограничиться лишь несколькими замечаниями.

Первое: Манифест о вольности дворянства 1762 г. в известной мере вывернул карту социальной жизни наизнанку, привнес в нее ярко выраженную сезонность: зимний съезд в Москву или в губернские столицы и остальное время в усадьбах, разбросанных по огромной территории Европейской России, за исключением ее северных земель. В то же время бесконечные тяжбы, разрешавшиеся исключи-

тельно в Сенате, создавали интенсивное движение между усадьбами и Петербургом — в большинстве случаев с заездом в Москву, что придало социальной жизни высокую динамичность, подогревая ее изустными пересказами событий, журналами и множившимися, несмотря на цензуру, плодами книгопечатания.

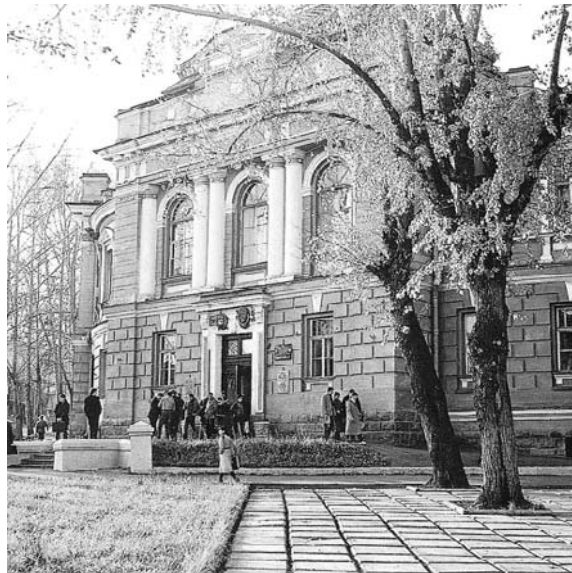
Второе: казенное или полуказенное (Строгановы, Демидовы) промышленное производство привязано к воде и сырью, так что в основном развивается вне городов, формируя особый тип завода-города. Частная промышленность привязана к имениям, находящимся в выгодном географическом положении, и, используя труд крепостных, подрывает свободную предпринимательскую инициативу, тогда как производство простых товаров на широкий внутренний рынок сосредоточено в промысловых селах (Кимры Тверской губернии, к примеру).

Третье: начавшись с имитации европейских форм, университетская жизнь захватывает не только столицы, но и провинциальные города, в том числе сибирский Томск, что способствует быстрому разрастанию разночинной прослойки в городах. К тому же практика ссылки декабристов, участников польских восстаний и ранних инакомыслящих в отдаленные места весьма способствует радикализации общества, встающего в оппозицию к правительству (рис. 10).

Четвертое: до 1861 г. городские сообщества юридически тождественны крестьянским и ответственны за своих членов по той же схеме круговой поруки⁵⁸, что распространяется и на купеческие гильдии, существенно тормозя развитие городской экономики и культуры. Вполне устойчивой казалась мозаичная структура крупного города, где, как в Москве, дворянским Пречистенке или Остоженке противостояло купеческое Замоскворечье, ярко описанное в пьесах Островского, Охотный ряд лавочников соседствовал с новомодными магазинами на Кузнецком мосту, а пролетариат заселял Марьину Рощу или район Сукиного болота.

Реформы 1860-х гг. оказали наибольшее немедленное воздействие на российские города, и в первую очередь — на уездные города провинции. Для городского мещанства, освободившегося от круговой поруки, открывается возможность для значительно большего, чем ранее, раскрытия индивидуальности каждого. Упадок усадебного хозяйства и получение выкупных денег приводят к интенсивному переселению помещиков в города, вслед за чем следует быстрый процесс насыщения городской среды торговлей, ресторанами, малыми театрами и пр. Формируется сеть гимназий и эмансипация начальной

⁵⁸ См.: Серия монографий П. Г. Рындзюнского, опубликованных начиная с 1955 г.

Томск, одно из зданий старейшего в Сибири университетского комплекса в городе, где в наше время каждый пятый житель — студент.

школы, земских учреждений. Достаточно быстро закладываются основы закупочной и сбытовой кооперации, втягивающей уезд в постоянную связь с городом. Фактически только с этого времени мы имеем основания считать, что в России началось становление подлинного городского сообщества, в котором, однако, сохраняется значение землячеств, часто привязанных к определенным занятиям. Строительство, осуществлявшееся в летний сезон, наполняло город крестьянами-отходниками, привязывая деревню к городским нравам, чему также способствовал приток женской прислуги в города.

В крупнейших городах страны этот процесс шел ускоренным темпом, так как сюда начинает перемещаться крупная промышленность, что усиливает поток мигрантов из перенаселенного и малоземельного села. Прежний мозаичный город, в котором старые усадьбы соседствовали с бедными домиками, начинает уступать место новому городу, четко расчлененному на деловой центр, бывшие дворянские, но теперь смешанные по составу центральные районы, и три типа рабочих районов. Один тип сохраняет планировочную структуру провинциального города — малоэтажные дома с садами, в которых часть комнат сдавалась в найм. Другой тип сохраняет структуру прежних пол-

ковых (некогда стрелецких) поселений: параллельные улицы, вытянутые по шнуру, небольшие доходные дома со съемными квартирами. Третий — так называемые рабочие казармы при фабриках. Четвертый, предельным воплощением которого была московская Хитровка, — это место обитания люмпенов. Наконец, формируется российский вариант субурбии через быстрый процесс сложения дачных поселков вдоль железнодорожных линий, и специфические дачные сообщества становились мощным генератором культурного процесса, практически свободного от вездесущего полицейского присмотра.

Российский город очевидным образом вступал на путь воспроизведения западной модели, однако в условиях самодержавия, в особенности во времена Александра III и Победоносцева, это движение тормозилось. Уже тот факт, что правом голоса при выборе в городские думы располагали только крупные домовладельцы, и в этом праве было отказано даже вполне обеспеченным представителям свободных профессий, включая адвокатов, говорит о многом⁵⁹.

В Западной Европе эта модель эволюционирует настолько быстро, что кратко обозначить развитие социальной инфраструктуры в столичных центрах невозможно. Вновь вернемся к Манчестеру. Уже к 1840 г. здесь происходит существенная перегруппировка, сказавшаяся на планировочной структуре города и его облике и, в свою очередь, подстегнутая этой переменной. Лучше всего дать слово современнику: «До недавних лет Мосли-стрит была обстроена исключительно частными домами — теперь она почти полностью застроена складами. Рост бизнеса в городе быстро преобразует все большие жилые дома в коммерческие предприятия, вытесняя большую часть респектабельных жителей в пригороды. После 1836 г. спрос на такого рода конверсию был столь велик, что участки по Мосли-стрит, намеченные к строительству складов, арендовались по цене 14 шиллингов за квадратный ярд в год. На земле, приобретаемой в аренду по столь высокой цене, уже построены новые здания, и, чтобы выжать максимум дохода, все большее количество складских зданий втискивалось на ограниченной площади, так что узость участка по фронту компенсирована стремлением ввысь»⁶⁰.

За этим бумом следовали существенные сдвиги в образе жизни, и если до этого коммерсанты обедали дома, по соседству со своими

⁵⁹ О многом говорит и тот факт, что и в 1907 г. лишь половина московских домовладельцев считала целесообразным воспользоваться этим правом во время выбора гласных в городскую думу.

⁶⁰ Love and Barton. Manchester as It Is. Manchester 1839 (переиздание 1971 г.).

Берлин. XVIII в. Начало индустриального города. Улица «рабочих казарм».

Чикаго. XX в. Зрелость города офисов.

предприятиями, то теперь, переехав за город, они в обеденный час стали пользоваться услугами размножившихся в городе клубов с хорошей кухней, что в Англии привело к расцвету кулинарного искусства.

Рабочий люд Манчестера делился на аристократию и прочих. В роли рабочей аристократии выступали фабричные рабочие, заработок которых был в три раза выше, чем на фермах, но периодический спад производства заставлял их искать дополнительный источник дохода. Вследствие этого непригодные для жизни подвалы маленьких домиков, построенных девелоперами или владельцами фабрик, сплошь и рядом сдавались покомнатно менее счастливым обитателям города, перебивавшимся случайными заработками. Однако уже в 1845 г., когда Энгельс выразительно описывал ужасы жизни в Манчестере, там начались перемены. За первым биллем об улучшении санитарного состояния города последовали другие законодательные акты. На следующий год открыты три публичных парка, еще через два года улучшено водоснабжение и, поскольку удобств в рабочих домах по-прежнему не было, Манчестерская компания бань и прачечных открыла сеть публичных бань с доступной ценой. В 1860-е гг. были завершены рабочие госпитали, по отзыву Флоренс Найтингейл⁶¹, лучшие в стране, а в 1870 г. заработало акционерное общество по строительству для рабочих жилья, благоустроенного и доступного по цене аренды. Общества, объединявшие филантропов из среды банкиров, фаб-

⁶¹ Знаменитый организатор отрядов медицинских сестер во время Крымской войны с Россией, сыгравший одну из ключевых ролей в зарождении движения суфражисток.

рикантов, врачей, архитекторов, юристов и священников, становятся растущей силой. Отметим, что через десяток лет этот тренд находит яркий отзвук и в российских городах. Достаточно сказать, что к концу века, наряду с казенными благотворительными учреждениями, которые по традиции носили имена членов царской фамилии, в Москве было 164 благотворительных общества, содержавших 453 заведения, а в Петербурге — 334 общества и 638 заведений соответственно.

В первых главах немало было сказано о формировании концепции города-сада и ее эволюции, однако в стороне оставалась одна из боковых ветвей практики осуществления этой идеи, хотя ее развитие оказало в XX в. существенное обратное влияние на взаимосвязь социальной инфраструктуры города и его планировочной структуры. Речь идет о небольших городах и поселках, создававшихся просвещенными промышленниками вне зоны влияния крупных городов, в которых законодательство и традиции управления препятствовали реализации проектных концепций⁶².

Одним из первых был поселок при предприятиях Дольфуса в эльзасском Мюлузе (1853 г.). Первая группа домов строилась по схеме «back to back». Позднее был разработан иной тип группировки, по четыре дома, из которых каждый занимал в плане одну из секций квадрата, разделенного на четыре части. К 1867 г. было построено около 700 таких домов — одно- и двухэтажных, окруженных садами, с квартирами в две-три комнаты, с подвалами. Дома были снабжены уборными и имели газовое освещение. Титус Солт, соорудив поселок для рабочих при текстильной фабрике Шипли в Йоркшире (1851–1876 гг.), заранее предусмотрел строительство церкви, школы, больницы, библиотеки, магазина, публичных бань, куда вода подавалась по трубам, разбивку парка. Здесь было и газовое освещение. При этом в поселке Солта не было паба, и он запретил рабочим вступать в профсоюзы. Дома в поселках фирмы Круппа в германском Эссене состояли из одной или нескольких изолированных квартир, имевших отдельный выход и небольшой садик, и были оборудованы водопроводом и канализацией. С 1870-х гг. начинает практиковаться строительство домов, которые сдавались рабочим с возможным выкупом в собственность. И в Мюлузе, и в Эссене уже в 1860–1870-х гг. были устроены бани, прачечные, булочные, столовая, школа, библиотека. Аналогичная схема применена при создании городка рабочих компании «Пульман», возведенного близ Чикаго в 1885 г.

⁶² Использован материал курсовой работы Н. Соротокиной, выполненной в МАРХИ в 2010 г. под руководством автора.

В России вскоре подхватывают это новое движение. И. С. Мальцов, приняв решение строить стекольную фабрику и поселок в чистом поле, на речке Гусь (ныне город Гусь-Хрустальный), направился во Францию, где был поражен громадностью и красотой фабрик и фабричных поселков. Его наследник Ю. С. Нечаев-Мальцов продолжил строительство рабочего поселка, для чего пригласил Леонтия Бенуа — одного из видных архитекторов того времени. В поселке помимо рядов каменных добротных домов, размеры и планировка которых отвечали фабричной иерархии мастеров и подмастерьев, был возведен большой храм. К началу XX в. Гусь-Хрустальный мог бы с полной уверенностью называться городом — по праздничным дням в нем устраивали торговые ряды, куда съезжалось все крестьянское население с целью купли-продажи товара.

Братья Нобель возвели в России ряд «Нобелевских городков» (Нижний Новгород, Рыбинск, Самара, Царицын, Астрахань), из которых наиболее известен поселок Вилла Петролеа в Баку, построенный в 1882–1883 гг. От поселка практически ничего не осталось, но, к счастью, сохранилось пространное свидетельство — это письмо одного из служащих компании Густава Тернудда от августа 1882 г., к которому был приложен чертеж: «Парк и дома расположены в очаровательной долине, с южной стороны которой возвышаются две горы, живописно спускающиеся к морю. Мы возводим поселок для примерно ста служащих компании. Все дома расположены на одном склоне, так, чтобы из каждого окна, обращенного на восток или на юг, было видно море — иногда поверх домов, иногда между ними. Все здания сооружаются в византийском стиле из белого, тонко обработанного песчаника, некоторые будут в один, другие в два этажа, а вокруг раскинутся сады и парки рабочих. С южной и восточной сторон, как на первом, так и на втором этаже, дома окаймлены изящными просторными верандами. Пресную воду ежедневно доставляют с Волги, заливают в резервуар, откуда она по трубам поступает в кухни, ваннные комнаты, к фонтанам и брандспойтам. Там будет гостиная, кегельбан, хозяйственный блок с ваннами, баней, прачечной, помещением для катания белья и гладильней. Есть даже клуб, в котором размещается ресторан, музыкальный и бальный залы, бильярдная и библиотека с читальней. Погреб до отказа набит льдом с Волги, и этот ледник стал для нас всех истинным спасением. Впоследствии будут построены оранжерея, конюшня, сараи для экипажей, птичий двор, пруды для уток, коровник и свинарник. С завода к домам подведен газ для приготовления еды и отопления комнат. Освещение и на заводе, и в поселке уже частично электрическое. Телефонная ли-

ния тоже есть. Но от нее нужно сделать отводы к каждому из подразделений и в конторы — городскую и в Балаханах. Чуть было не забыл — мы устанавливаем очень дорогое оборудование, чтобы посредством сжатого воздуха снижать температуру в комнатах Виллы Петролеа до 15–20 градусов, то есть нормальной температуры, к которой мы, северяне, привычны. Мы строим отличную казарму для нашей охраны — 40 человек отборных петербургских гвардейцев, все хорошо вооружены, а часть к тому же на конях. Разве это не похоже на сказку из „Тысячи и одной ночи“? Тем не менее это и правда подтверждает, что Людвиг Нобель не пожалел трудов и средств для того, чтобы сделать Баку как можно приятнее для нас, скандинавов».

Совокупный опыт прифабричных поселков не столь велик, однако он оказал большое влияние на развитие городов. Если пригороды-сады в основном пользовались инфраструктурами большого города, то в автономных поселках во множестве вариантов было опробовано то, что в дальнейшем назвали комплексностью застройки. После окончания Первой мировой войны один из активных членов Американской Ассоциации Регионального Планирования⁶³ Кларенс Перри занялся исследованием роли школы в жизни горожан, первым обратив внимание на то, что кроме роли сугубо дидактической машины образования школа играет роль центра социальной связности в среде крупного города, где одиночество в толпе стало нормой. Благодаря совместной исследовательской работе с социологами Нью-Йорка и Чикаго была сформирована концепция «соседства» как инструмента социализации индивида и прежде всего недавнего иммигранта. Многолетнее наблюдение жизни в пригороде-саде Нью-Йорка подтолкнуло Перри к тому, чтобы перевести концепцию на язык проектной схемы, и в монографии 1929 г.⁶⁴ «соседство» стало означать «молекулу» городской среды — планировочную единицу города. Концепция была положена в основу подготовки регионального плана Нью-Йорка, в списке авторов которого Перри был обозначен как социальный проектировщик.

Согласно Перри, размерность «соседства» определяется радиусом удобной доступности средней школы и, тем самым, уровнем плотности застройки. Школа и примыкающие спортивные площадки, дистанция до которой не должна превысить полмили, т. е. 800 метров, становятся ядром планировочной «молекулы». Общественный центр, состоящий из магазинов повседневного спроса, зала и площа-

⁶³ РРАА, обсуждавшаяся в начале книги. Подробнее см.: «Урбанистика», глава 3.

⁶⁴ *Perry C. A. The Neighborhood Unit: A Scheme of Arrangement for the Family-Life Community.* N. Y., 1929.

ди собраний, располагается в узле соприкосновения нескольких «соседств», на углах перекрестка, так что предельное расстояние до него не превышает четверти мили. Перри не архитектор, а социолог, и для него американский гражданский идеал оставался краеугольным камнем, вследствие чего он утверждал особенную роль малой публичной площади, на которой следовало установить мачту для торжественного подъема американского флага, памятник солдатам, погибшим в войне, эстраду и прочие атрибуты собраний на открытом воздухе.

Считаясь с автомобильной эрой, Перри предписывал, что красные линии вдоль транзитных улиц должны быть естественными границами «соседств», тогда как внутри допустимы зауженные проезды для пользования исключительно жителями. Любопытно, что в США планировочная схема Перри не получила широкого распространения, так как ее вытеснила схема субурбии по модели города-сада. Однако лежащая в основе схемы социальная конструкция закрепилась прочно, так как легла на подготовленную почву традиции, хотя ни в одном из крупнейших городов, несмотря на энергию активистов, она не смогла перерасти в низовую форму местного самоуправления.

В своей первой книге, ставшей бестселлером⁶⁵, Джейн Джекобс подвергла жесткой критике попытки планировщиков организовать социальную инфраструктуру, исходя из умозрительных графических схем, и акцентировала внимание на частностях поведения семей, и в особенности детей. В своей последней книге⁶⁶ она анализировала мощь социальной инфраструктуры крупнейшего города на материале редкой атаки зноем, которой Чикаго подвергся в 1995 г. Когда жара спала, исследователи из федеральной инспекции не могли установить подлинные причины высокой смертности одиноких стариков, хотя предупреждения о тепловой волне и разумные рекомендации жителям были широко распространены⁶⁷. Социолог Эрик Кляйненберг, сопоставив районы Северный и Южный Лонгдейл, обратил внимание на то, что резко более высокие показатели смертности были характерны лишь для некоторых районов города. Северный Лонгдейл утратил большинство прежних обитателей, выехавших в пригороды, и на их место пришло совсем немного новых жителей. Южный со-

⁶⁵ *Jacobs J. Life and Death of Great American Cities. N. Y., 1962.*

⁶⁶ *Jacobs J. Dark Age Ahead. N. Y., 2004.* На русском языке, в переводе В. Глазычева, книга издана в 2006 г. под названием «Закат Америки: впереди Средневековье».

⁶⁷ Все публичные заведения получили распоряжение создать уголки прохлады для любых посетителей, неимущим раздали вентиляторы, волонтеры обзванивали квартиры, спрашивая, не нужна ли помощь, и т. д.

хранил прежних жителей, и потому там не закрылись магазины. В целях экономии бюджетных средств власти Чикаго сократили численность социальных работников, сочтя, что пожарные и полицейские могут справиться с любой чрезвычайной ситуацией, что было роковой ошибкой, поскольку социальная работа в среде этих профессионалов трактуется низко и формальное обучение не дало ничего.

Старики Северного Лонгдейла, утратившие социальные связи, опасались выйти из квартир, боясь, что квартиры ограбят. Они не могли найти укрытие от жары в магазинах и кафе, поскольку ни тех, ни других поблизости не было, не рисковали откликнуться на звонки волонтеров, опять-таки из-за страха перед ворами... Распад связей внутри «соседства» показал, насколько эти связи хрупки и зависимы от общего состояния инфраструктур по месту жительства. Опыт исследования социальной инфраструктуры разных районов Вашингтона в 1994 и 1997 гг. показал автору, насколько эффективность поддержания качества среды зависима от достатка и уровня компетенций с одной стороны и от качества социальных служб — с другой. Как везде, наличие формальной структуры является условием необходимым, но недостаточным, и на первый план выступает наполнение организационной формы.

В тех «соседских согласовательных комиссиях», которые состоят из представителей среднего и высшего среднего класса, этим же классом избранных, ведется первоклассная работа анализа и обсуждения инвестиционных проектов на территории «соседства», равно как тщательное рассмотрение законодательных инициатив городского Совета. В тех же комиссиях, где представлены активные, но малообразованные представители бедного населения, не располагающие достаточной компетентностью и широким веером социальных связей в городе, работа сводится к бесконечным пустым препирательствам по поводу жалоб. В свою очередь, для сопоставления эффективности работы казенных социальных служб американской столицы с работой независимых, non-profit управляющих компаний достаточно указать на то, что при более высоком качестве последних удельные расходы на тысячу жителей оказываются ниже в три раза⁶⁸...

⁶⁸ Нетипичный пример Вашингтона для нас особенно интересен, поскольку до начала 1980-х гг. в столице не было местного самоуправления и ею управляло трио комиссаров Конгресса США, так что формирование системы МСУ происходило лишь на десяток лет раньше, чем в России. Заметим, однако, что система соседских согласовательных комиссий сформирована и в других крупнейших городах США, включая Сан-Франциско.

Ни промежуток между событиями 1905 г. и февральской революцией в России, ни тем более короткая интерлюдия между этой революцией и октябрьским переворотом не могли, разумеется, сколько-нибудь существенно сказаться на социальной инфраструктуре городов с ее мощной инерцией, хотя городские думы строили множество интересных планов реорганизации среды обитания. Напротив, силовые методы власти большевиков успели взорвать эту инфраструктуру за несколько месяцев. Мы имеем в виду не столько то, что имущие горожане были фактически поставлены вне закона, который на практике был замещен революционной целесообразностью, сколько то, что системное подселение семей из рабочих окраин в квартиры буржуа и интеллигенции⁶⁹ нанесло мощный удар как по тем, так и по другим семьям. Слом быта в зажиточных домах самоочевиден. Важнее, что подселенные семьи, оказавшись вдали от мест работы, что для них влекло за собой дополнительные сложности, утратили привычную среду и соседские связи. Дворовые сообщества распались на старом месте, с трудом и не полностью воспроизводясь на новых местах. Властью была предпринята титаническая по размаху попытка включить повседневную жизнь в рамки производственных отношений путем создания так называемых производственно-бытовых коллективов. Эти усилия были отчасти ограничены в годы НЭПа и практически заброшены в годы пятилеток, когда энергия большевистской власти была направлена на создание новых жилых слобод при новых заводах. Однако эксцессы «военного коммунизма» успели нанести городской культуре травму, последствия которой ощутимы до настоящего времени.

Генри Форд применил чикагский опыт Пульмана в сверхкрупном масштабе применительно к рабочим своего автомобильного завода, видя в них покупателей не только собственной продукции, но и жилых домов, производимых компанией. Американские архитекторы, строившие советские индустриальные гиганты, привнесли фордовскую схему в Советский Союз, и практика создания фабричных городов закрепились здесь на полвека (теперь плоды этой практики осознаны как кризис так называемых моногородов, утративших стержень экономической жизни в новых условиях). Впрочем, до конца 1960-х гг. эта практика была двухслойной: строительные работы под

⁶⁹ В действительности этот процесс серьезно затронул и семьи квалифицированных рабочих, в домики которых также осуществлялось подселение. См. подробно: *Меерович М.* Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. М., 2008.

Москва, XX в. Метаморфозы стиля: от новаторского конструктивизма здания Наркомфина (арх. М. Гинзбург) до величественного классицизма «дома для специалистов» (арх. И. Жолтовский).

будущее предприятие (строители в палатках, бараках, балках) сопровождалось строительством кварталов для новой элиты. В свою очередь, в этих элитных кварталах также соблюдалась иерархия по чинам, так что пространственное расслоение социальных групп закладывалось в основание города изначально. Особенно ярко это было заметно в закрытых атомных центрах из числа старейших (Саров, Новоуральск) и в ранних наукоградах, начиная с Новосибирского Академгородка. В меньшем масштабе аналогичный процесс происходил и в крупных старых городах — с тем, однако, отличием, что до хрущевской эпохи дома специалистов подчеркнуто демонстративно являли свою обособленность от прочей застройки⁷⁰, тогда как в дальнейшем их старательно маскировали под рядовую многоэтажную застройку.

При всех сложностях совместного проживания в коммунальных квартирах, столь ярко описанного в литературе советской эпохи, тотальный дефицит всего и вся порождал новые формы кооперации людей. Прежде всего это некоммерческий или коммерческий обмен услугами — от присмотра за детьми и добычи дефицитных товаров до изготовления нехитрой мебели, а также до выполнения портновских или ремонтных работ. Заметим, что при убожестве коммуналь-

⁷⁰ Наиболее ярко это представлено «городками чекистов», являющихся теперь памятниками ранней советской архитектуры, и сталинскими домами вдоль главных проспектов.

Улан Удэ. Послевоенный, измельчавший неоклассицизм в провинциальном издании.

ных служб в малых городах и в старых районах больших городов⁷¹ их обитатели были в относительном выигрыше. Нового жилья здесь не строили, и так называемый частный сектор сохранял не только сады и небольшие огороды, но и живность — кур, кроликов, а иногда и коз. Неспособность советской власти обеспечить население продуктами вынуждало ее идти на компромисс с идеологической догмой, вследствие чего город-регион в послевоенное время получил второе рождение. Чаще всего поблизости от дачных поселков советской аристократии формируются садово-огородные товарищества⁷² — через посредство профсоюзных организаций предприятий и учреждений любого профиля. Здесь были допущены элементы самоуправ-

⁷¹ Это не только окраины — обширные зоны такой застройки сохранялись в Москве, Киеве, Одессе, Томске и других крупных центрах, в таких местах, как, к примеру, Улан-Удэ; они и в наши дни занимают огромные территории, а во Владимире, Пензе, Тамбове и прочих городах такого рода анклавы расположены в центрах города.

⁷² Садово-огородные товарищества интенсивно формировались в Англии, Германии, Австрии с конца XIX в., порождая попытки подражания в России как часть широкого кооперативного движения. В настоящее время они переживают в России жесточайший кризис, оказавшись в межумочном положении, тогда как, скажем, в Австрии процветают по сей день, хотя почти утратили там хозяйственное значение, преимущественно превратившись в распространенную форму деятельного досуга пожилых людей.

ления, невозможные в самих городах, и здесь, на почве общих нужд и обмена опытом, складывались ядра местных сообществ. Тем трагичнее выглядит судьба этих сообществ в настоящее время, когда алчность инвесторов и местных властей ведет к их съезживанию в размерах и даже к уничтожению, несмотря на массовые протесты.

Жилищная политика эпохи Хрущева не только дала толчок индивидуализации жизни советской семьи, но за счет высокого темпа процесса вырывала успевшие приобрести устойчивость слободы, перенося их на новое место, в иной тип застройки. Вместо привычной иерархии пространств (дом, двор, подворотня, переулок или проулок, улица), тесно сопряженной с разграничением своего, чужого и нейтрального, массы людей оказались в планировочных схемах, скопированных с «соседств» Перри. В отличие от оригинала эта схема была выхолощена от социальной программы выращивания продвинутых форм человеческого общежития и, за неимением лучшего слова, переименовывается в микрорайон. Такое переименование фиксирует акцентировку планировочного решения, заимствованного, в свою очередь, из модернистской концепции свободной планировки, продолжающей господствовать в российских городах и в наши дни. Некоторое время переселенцы пытались воспроизвести в новых условиях прежние навыки слободского, коллективного быта (лавочки у подъездов, так называемая форточная педагогика и т. п.), и в районах пятиэтажной застройки это отчасти удавалось. Однако ход времени и форсированное повышение этажности застройки сводят к нулю эти попытки уже к началу 80-х гг., так что к годам перестройки мы имели дело уже с населением, полностью распавшимся на отдельные семьи, атомизованным, и применительно к нему выражение «городское сообщество» не имеет смысла.

Приходится только сожалеть, что инициаторы множества реформ в минимальной степени задумывались об их вторичных, социально-культурных последствиях. Понятное стремление сформировать чувство ответственного собственника за счет приватизации жилья сопровождалось игнорированием того существенного обстоятельства, что к концу советской эпохи уже 16% горожан страны были членами ЖСК — жилищно-строительных кооперативов, бывших подлинными зародышами самоорганизации людей. Долгий процесс создания ЖСК, их повторяющиеся собрания и задачи самообложения на вновь возникавшие нужды вели к тому, что в руководстве кооперативов оказывались наиболее энергичные и практичные персонажи, а между будущими жильцами возникали начатки учтвого сосуществования. Осуществленное согласно жилищному кодексу при-

равнивание ЖСК к товариществу собственников жилья, допущение того, что новый владелец проданной квартиры может и не вступать в ТСЖ, хотя и должен исполнять его решения, разрушили очаги подлинной солидарности. В свою очередь, бесчисленные нарушения законодательства о ТСЖ, осуществляемые управляющими компаниями, в большинстве случаев уничтожили веру горожан в их способность осуществлять самоуправление. Более того, фактический отказ от нормальной во всем мире практики, когда до половины горожан проживают в съемном жилище, приравняв потенциально ответственных участников ТСЖ и людей, выросших с идеологией пассивного потребителя убогих казенных услуг, еще более затормозил процесс эмансипации городского сообщества. Наконец, чисто экономический факт предпочтения гигантских жилых домов застройщиком технически затруднил любое кооперативное сотрудничество жителей, вследствие чего их собрания чаще всего подменяются опросом, создающим превосходные возможности всякого рода манипуляций.

К этому надо добавить последовательное угнетение местного самоуправления в городах, вершиной которого стали поправки в законодательство, вследствие которых прямые выборы мэров постепенно вытесняются косвенными выборами главы города депутатами городской думы, а реальные распорядительные функции оказываются в руках контрактного сити-менеджера. Поправка, согласно которой в крупных городах местное самоуправление может теперь осуществляться на внутригородском уровне, освободила региональную власть от проблем выработки договорных отношений с городами, но при этом закрепила атомизацию городского населения. Реальная муниципализация необходима городам, поскольку только в этом случае можно всерьез говорить о росте активности горожан и повышении их ответственности за общее обитаемое пространство. Однако она столь же, если не более, необходима стране, поскольку без возрастания роли горожан в управлении средой их жизнедеятельности затруднителен рост малого и среднего бизнеса, а значит, увеличение налогооблагаемой базы и, следовательно, возможности развития. Достройка вертикали власти сверху вниз, так, чтобы в полноте восстановить советскую систему прямого контакта отдельного обывателя с подавляющей мощью государственной машины, представляется вполне реализуемой, но столь же ясно, что в этом случае сюжеты модернизации, тем более инновационного развития страны, останутся не более чем риторическими фигурами.

В начале 80-х гг. движение в защиту памятников истории вкупе с природоохранным движением впервые привели к формированию

Москва XXI в. Жилой дом, отнесенный риэлторским агентством категории бизнес-класс.

своего рода сетевого сообщества в крупных городах, а сложности повседневной жизни в 90-х породили взрыв энергии ТОСов — организаций территориального общественного самоуправления. Однако, как только власть стабилизировалась, сначала в Москве, а затем и в других городах, ТОСы либо устроились со сцены, либо фактически преобразовались в низовые ответвления администрации, вслед за чем с неизбежностью произошел вторичный распад едва рождавшегося городского сообщества. Имущественное расслоение застройки и новая форма средневекового огораживания отдельных зданий или малых групп зданий с дорогими квартирами усилили атомизацию городского пространства. Распад «соседства» произошел быстрее, чем попытки его собрать из отдельных семей, но он совпал по времени с качественно новым явлением. Распространение Интернета и мобильной связи ведет к возникновению новых сетевых социальных инфраструктур, тем более важных, что они по существу экстерриториальны и потому все в меньшей степени крепятся к местам проживания участников.

Означает ли это, что городское сообщество так и не возникнет в российских условиях? Вопрос остается открытым.

Путь к «умному городу». Модное обозначение *smart city* в последние годы заполонило страницы журналов и многочисленные блоги в Интернете. Соответствующая статья с множеством ссылок появилась в «Википедии», что явно указывает на популярность этого обо-

значения, уже ставшего маркетинговым клише, форсированного крупнейшими IT-компаниями, начиная с IBM и Oracle. Популярность этого клише не должна мешать тому, чтобы видеть в концепте smart city⁷³ зародыш подлинной революции в городах, но не менее важно уберечь сознание от иллюзий по поводу головокружительных возможностей эффективной новинки. К практике реализации концепта мы продвигаться позже, тогда как начать следует с природы того зигзагообразного, богатого отступлениями процесса, в ходе которого веками происходило столкновение оппозиционных интеллектуальных трендов.

Один из них — концептуальное проектирование, адепты которого от века строили идеальные модели и искали опору во власти, способной воплотить эти модели в строении городской среды. Другой — осмысление разрывов в ткани практики и предъявление существа процесса, иначе именуемое проблематизацией. Оба тренда взаимосвязаны: по крайней мере, часть концептуалистов искала аргументы в пользу выдвигаемой модели в более или менее строгом анализе реальности города, тогда как аналитики редко удерживаются от соблазна выдвигать собственные концептуальные предложения. Прямое соглашение между двумя этими трендами невозможно, но, как показывает исторический опыт, оно осуществляется в живой практике через многочисленные компромиссы, порождаемые сопротивлением материала, в длинной цепи корректировок. Чем прочнее демократические правила игры, чем содержательнее публичная дискуссия вокруг проблем, тем быстрее обнаруживается очередной выход из очередного заблуждения, как бы ни были сильны позиции лоббистов, по тем или иным основаниям поддерживающих перемены в политике управления городским развитием. Напротив, чем более жесткой является авторитарная установка, произвольно избирающая аргументы в пользу неуклонного оттискивания властной воли на «мягкой глине» городской среды, тем больше вероятность того, что коррективы займут больше времени, поглотят больше ресурсов и будут оплачены большими потерями. Отсюда следует, что хотя бы предельно сжатый очерк основных вех эмансипации городского управления необходим уже для того, чтобы концепт smart city не казался чем-то вроде знаменитого из античных трагедий «Deus ex machina», того божества, опускаемого на сцену в театральной машине, которое в единый миг решает все проблемы.

⁷³ Строго говоря, в словосочетании smart city скрыто лукавство, которое не передается выражением «умный город», поскольку smart скорее означает «хитроумный и ловкий».

Оставив в стороне специфический опыт Востока, надлежит в первую очередь вернуться к тому интеллектуальному фундаменту осмысления города, который был создан в античной Греции. Проведя сопоставительный анализ множества конституций греческих полисов, Аристотель в своем стремлении к универсализму не мог не обратить внимание и на соотнесение их планировочных схем. Тяготеея к нормативности суждений, он, среди прочего, записывал: «Ниже этого места надлежит устроить такого рода площадь, которая известна [не только у персов], но и в Фессалии под названием «чистая площадь»⁷⁴... Ни ремесленники, ни землепашец... не имеют права вступать на нее, разве только если они будут позваны архонтами <...> Торговая площадь должна быть отделена от упомянутой нами площади и расположена отдельно от нее; для нее нужно выбрать место, к которому был бы удобный подвоз для всякого рода товаров, доставляемых по морю и по суше»⁷⁵. Следует помнить, что каждое слово Аристотеля вплоть до середины XVIII в. почиталось абсолютной истиной, едва ли не наравне со Священным писанием, и к этому древнему корню восходит четкая функциональная специализация городских площадей, существенно облегчавшая как таможенный, так и полицейский контроль.

К концу классической эпохи относятся пересказы древних текстов, среди которых обнаруживаются умозаключения, которые через пятнадцать веков отнесут к сфере экологии. Так, у Орибасия читаем: «Если в городе параллельны все улицы, как продольные, так и поперечные, если одни улицы ориентированы в точности по равноденственному востоку и западу, а другие — по северу и югу, если они разделяют город по всей длине и по всей ширине, вплоть до его последних пределов... если дороги пригородов, являющиеся продолжением улиц, идут на далеком расстоянии по той же прямой... Если соблюдены все эти условия, то воздух в городе хороший, город хорошо освещен и чист»⁷⁶. Двумя веками позже повелением византийского импе-

⁷⁴ У Ксенофонта, внимательного наблюдателя без претензий на обобщения, мы читаем: «У персов есть так называемая Чистая площадь, на которой расположен царский дворец и другие правительственные здания. С этой площади удалены в другое место товары, на нее не пускают торговцев с их крикливыми голосами и грубым обращением... Эта Чистая площадь разделена на четыре части; одна часть отведена для мальчиков, другая для молодежи, третья для лиц зрелого возраста, четвертая для лиц, перешедших тот возраст, когда берут на военную службу». Ксенофонт. Воспитание Кира, 3–4.

⁷⁵ *Аристотель*. Политика. VII, 11–2.

⁷⁶ *Орибасий* (IV в.). Врачебный сборник. IX, 20 (извлечения из Сабина).

ратора Юстиниана создается кодекс в пятидесяти книгах, основной объем которого занимают Дигесты — выборка текстов римских юристов по всем вопросам практики. Среди этих текстов множество посвящено отношениям собственности в городах. Ознакомиться с несколькими выдержками любопытно, тем более что в современной России правила землепользования и застройки весьма далеки от четкости и определенности древних норм.

«Кто намерен преграждать соседям свет или делать что-либо иное в ущерб их удобствам, пусть знает, что он должен сохранять старые здания в их прежнем виде и состоянии. Если между тобой и твоим соседом не будет достигнуто соглашение относительно высоты намеченного тобою здания, ты сможешь обратиться к посредничеству третьей стороны»⁷⁷. Или: «Закон XII таблиц приказывал принимать меры к тому, чтобы деревья на высоте выше пятнадцати футов кругом обрезались, дабы их тень не причиняла вреда соседнему участку»⁷⁸. Наконец: «Августейшие императоры Антонин и Север издали рескрипты о том, что инсулу, не обремененную никакими сервитутами, хозяин или кто иной согласно его воле может застраивать, лишь соблюдая законное расстояние от соседней застроенной инсулы»⁷⁹.

Эти сотни статей не только любопытная литература — с 1250 г. при короле Людовике Святом среди прочих «бастид», как именовались города, основанные короной, строительство города Монпазье в Аквитании велось в точном соответствии с правилами Орибасия. Коль скоро, несмотря на бесчисленные пожары, до нашего времени дошло около сотни списков книг Витрувия об архитектуре и строительстве, не требуется больших доказательств тому, насколько внимательно вчитывались в труды этого современника императора Августа. В русских переложениях (так называемая «Кормчая книга», бывшая переложением Номоканона с последующими добавлениями) малой части Дигестов переводчик столь трепетно относился к каждому слову, что оставил в тексте требование не закрывать постройкой или перестройкой вид соседа на море (!).

Мы уже достаточно говорили о специфике управления развитием в городах европейского средневековья — во всяком случае, в тех

⁷⁷ Дигесты. VIII, 2, 11. Ульпиан.

⁷⁸ Дигесты. XLIII, 27, 8. Ульпиан. Законы были отчеканены на двенадцати медных досках в V в. до н. э. (!).

⁷⁹ Дигесты. VIII, 2, 14. Папирий Юст. Слово «инсула» (остров) означало и участок между проулками, и многоэтажный доходный дом, возведенный на этом участке.

из них, где гильдиям удавалось закрепить независимость от региональных властей, и потому все элементы жизни были подчинены логике поддержания производства и торговли. Из общего ряда выбивалась Венеция, отработавшая идеальную для своего времени систему управления. Венеция была фактически независима от византийского императора уже в X в., а три века спустя обрела и формальную независимость, приняв конституцию, которая действовала без существенных изменений до вторжения Наполеона в Италию. Будучи ограниченной поверхностью нескольких островов, Венеция сформировала обширную империю, но основной доблестью власти в самом городе была стабильность. Задолго до того, как вновь прочли утопию Платона, город формирует систему тонко сбалансированного управления⁸⁰.

Эта система заслуживает тем больше внимания, что она в наибольшей степени воплощала идею *smart city*, которая лишь сегодня кажется чем-то совершенно новым. Уже в 1297 г. знать города объявила себя наследственной и сомкнула ряды так, что за всю дальнейшую историю она лишь дважды включила несколько новых фамилий. В других городах Европы, независимо от формы правления, эта замкнутость вызывала бы периодические яростные столкновения, но не в Венеции, где знать сумела предотвратить вспышки возмущения как богатого среднего класса, так и рабочего люда. Купцы и банкиры города превосходили богатством основную часть знати, но в управлении городом они не принимали участия, не будучи представленными ни в одном из его советов. В виде своего рода компенсации им было присуждено право выбирать из своей среды Великого канцлера Венеции, служить в городских учреждениях и возглавлять так называемые школы.

Школы возникли как религиозные братства мирян еще в XIII в., каждая имела центром свою церковь, впоследствии выстроив и свои залы собраний. Они интенсивно занимались благотворительностью и были местами регулярных ассамблей, так что весь город, за исключением кварталов, отведенных иноземцам, представлял собой однородную социальную инфраструктуру. Дворяне и священники могли быть членами *scuole*, но не имели права занимать в них выборные должности. Возглавить одну из *Scuole Grandi*, Больших школ, признанных таковыми Советом Десяти, было пределом мечтаний для самых влиятельных представителей среднего класса, получавших тем самым одно из наиболее почетных мест в ежегодных торжественных процессах. Меньшие *Scuole Piccoli* веками стремились войти в круг Больших школ, что несколько раз им удалось.

⁸⁰ Подробно см.: *Girouard M. Op. Cit.*

Джентиле Беллини (фрагмент). Члены «школы» Св. Иоанна Евангелиста в процессии на площади Св. Марка в Венеции. 1496 г.

Со временем в городе развивались суконные и шелковые мануфактуры, но основным местом работы простолюдинов был Арсенал, в мастерских и верфях которого в 1423 г. трудились 16 000 человек. Этому сословию было дано право формировать отряд телохранителей дожа и команду золоченого корабля Буцинторо, на котором ежегодно совершался обряд венчания дожа с морем. Дотируемая цена хлеба была в Венеции постоянной⁸¹, условия работы, по понятиям эпохи, были вполне пристойными — во всей истории Арсенала там не отмечено ни одного бунта и ни одной стачки.

Город удерживал стальную дисциплину среди дворянской молодежи, прикрывая глаза на ее шалости до 25 лет. С этого возраста все дворяне входили в состав Большого совета, который принимал законы и избирал из своей среды судей, чиновников и членов ряда советов, полномочия которых отчасти взаимно пересекались, что позволяло сохранять тонкую систему сдержек и противовесов между коллегией, сенатом, синьорией, Советом десяти и Советом пятисот. К 1500 г. две трети дворян не имели иных источников дохода, кроме жалования, что дополнительно стабилизировало их образ жизни и четко регламентировало деятельность.

Планировочная структура Венеции в точности вписывалась в ее социальную инфраструктуру: площадь Сан-Марко, лоджии Дворца дожей и здания канцелярий как политический центр, квартал Риальто

⁸¹ Когда перипетии войны с турками или стычек с генуэзцами останавливали подвоз зерна из заморских владений Венеции, так что возникала опасность исчерпания запасов, специальным постановлением несколько уменьшался вес стандартной булки.

Ритуальная драка между «школами» Венеции на мосту. Иллюстрация к книге Джакомо Франко «нравы мужчин и женщин Венеции». Гравюра, 1610 г.

как ядро банковских операций, улицы, связывающие Риальто и Сан-Марко как торговый район, Арсенал как ядро производства, зерновые склады как база продовольственной безопасности, при этом Большой Канал и его ответвления связывали их все движением лодок и барок. К сказанному стоимт добавить, что ремесла, которыми преимущественно были заняты выходцы из разных городов Италии и заморских территорий Венеции, были сосредоточены в обособленных кварталах. Между их *scuole* разыгрывались ритуальные драки на мостах через каналы. Наконец, ежегодный карнавал, как мы помним, помогал сбросить накопившиеся в городе напряжения.

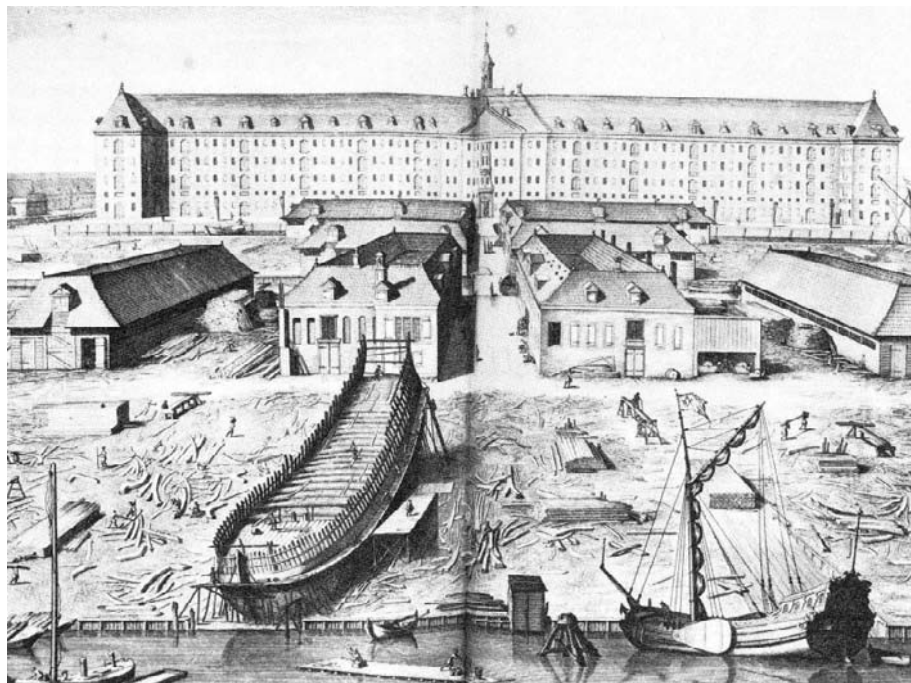
В области управления развитием Венеция не имеет равных, однако едва ли не каждый из крупных городов Европы на переломе от средневековья к Новому времени дает нам ценные свидетельства глубокой продуманности решений, рассчитанных на большую временную перспективу и подкрепленных законодательной работой высокого клас-

са. Ограничимся краткой отсылкой к Амстердаму, где впервые после медленного угасания Римской империи гавань превратили в органическую часть города. Акваторию порта расчертили изгородями, обозначающими фарватеры для разного типа судов, она была застроена бесчисленными причалами и помостами, на крупнейшем из которых была возведена зерновая биржа для оптовой торговли по образцам (!). Бюргерам Амстердама не приходило в голову менять очертания своей главной площади, и она сохранила средневековый характер. Однако и здесь, следуя антверпенскому образцу, к 1613 г. построили здание собственной биржи и ратушу, главный зал которой размером и пышностью убранства превзошел все европейские дворцы, а ширина главного фасада на семь футов превысила фасад ратуши Антверпена. Нагромождение огромных складских зданий высотой до семи этажей создало новый силуэт города, знаменуя наступление эпохи капитализма. Наконец Амстердам приступил к формированию новых жилых кварталов вдоль специально выкопанных каналов, рассчитывая на жителей выше среднего достатка. В этой зоне было запрещено всякое производство, а торговые лавки были допущены только на поперечные улицы, соединяющие между собой застроенные набережные.

Городские власти приняли закон, по которому в новых районах ширина участка должна была составить тридцать футов вместо обычных в городе двадцати. Однако предприимчивые земельные спекулянты принялись скупать по два таких участка и делить их на три для перепродажи. Приняв это обстоятельство во внимание, власти в 1660 г. распорядились разбить следующий жилой район такого типа на участки шириной 20 футов⁸². Тогда спекулянты, уловив возросший спрос на большие дома, принялись скупать по три участка и превращать их в два, что сформировало еще более престижный жилой район — наиболее комфортабельный в северной Европе. С той же обстоятельностью, после того как городские укрепления отодвинули дальше от центра, был создан промышленный район Амстердама. Мастерские и мануфактуры были возведены на сваях, над полями, лежавшими ниже города. Между осушительными канавами были открыты новые каналы, так что транспортная связь производств и складов могла целиком осуществляться по воде. Система шлюзов почти не пропускала соленую воду из залива, так что производства были

⁸² Амстердам сохранил верность этому типу застройки, так что и новые дома у каналов имеют все ту же шестиметровую ширину фасада, вследствие чего сразу же бросается в глаза чрезвычайно узкая щель входа — это ниша с встроенной в нее лестницей шириной обычно всего 90 сантиметров.

Склады Ост-Индской компании на острове Остенбург, Амстердам. Гравюра Дж. Мюллера, 1661 г.

достаточно снабжены водой, тогда как питьевую воду накапливали в цистернах и привозили барками. Иными словами, выражение «Северная Венеция», с тех пор закрепившееся за Амстердамом, было оправдано во всех отношениях, отчего понятна страсть, с которой Петр Первый стремился выстроить свой Амстердам на невских берегах, в чем преуспел лишь отчасти, так как каналы, отрытые через весь Васильевский остров, предпочли вскоре засыпать.

Российский опыт до Петра Первого дает нам мало, поскольку городов в западном смысле слова у нас не было. Дома обывателей, в основном питавшихся с собственных огородов и с выгона для домашнего скота, были необходимым элементом при крепости или остроге по двум причинам. Во-первых, они обеспечивали квартиры для гарнизона (казармы появились лишь при Николае Первом), во-вторых, пополняли казну прямыми податями и акцизом на водку, продававшуюся в казенных кабаках. Понятно при этом, что категория «умный город» здесь непригодна, поскольку городское сообщество не обладало признанной субъектностью, что, впрочем, не означало отсут-

ствия индивидуальности образа жизни, емко запечатленной в выражении «что город — то норв».

Если в ходу выражение «smart city», то резонно было бы использовать и его антоним — «dumb city», что в деликатной форме перевода означало бы «отсталый город». Этот смысл подразумевается в современных дискуссиях, но обязывающая в мире политкорректность препятствует его употреблению. Тем не менее только применение этих номинаций в паре позволяет справедливо оценивать качество управления развитием, высшее качество которого предполагает своевременное реагирование на меняющийся контекст и предвидение дальнейшего хода развития событий. При этом существенно не упускать из вида ключевую особенность эволюции заметных городов, доказательно выявленную Фернаном Бродемом: по меньшей мере с XV в. город существует не только в региональном, но и в глобальном контексте.

При учете этого обстоятельства понятнее, почему Амстердам не только сохранял, но и усиливал свои позиции, тогда как Гент или Антверпен, стартовавшие значительно ранее Амстердама, быстро погружались в упадок. Власти Амстердама, плоть от плоти его буржуазии, значительно раньше других, учась на собственных просчетах, осознали, что в конкуренции с Англией мануфактурное производство города обречено и что англичане раньше или позже вытеснят голландцев из торговли пряностями. Осознав это, интегрированное сообщество Амстердама сумело сосредоточить энергию на развитии постиндустриальных финансовых услуг, и Лондону потребовалось почти три столетия, чтобы догнать и обойти Амстердам в этом ключевом секторе экономики нарождающегося капитализма⁸³.

В свою очередь Венеция, утрачивая финансовую мощь вместе с утратой монополии на торговлю пряностями, перехваченную голландцами к концу XVI в., наращивала мануфактурное производство в наиболее дорогостоящих секторах товарного рынка. Она лишь отчасти уступает эту нишу Франции два века спустя, после чего утрачивает самостоятельность (Наполеон, затем господство Австро-Венгрии), переходя к интенсивной конкуренции с Парижем и Римом в сфере нарождавшегося туризма.

С конца XVII до середины XIX в. централизованные государства Европы, сохраняя местное самоуправление во внутригородской хо-

⁸³ Заметим, что качество управления очевидным образом наследуется из поколения в поколение, так что не приходится удивляться тому, что в XX в. именно Амстердам выделился из всех некогда ганзейских городов, создав крупнейший порт Европы.

зайственной сфере, берут вопросы развития под свой контроль настолько плотно, что тема «умного города» утрачивает актуальность. За этим естественным образом следует перенос акцента на эстетику городской среды и, соответственно, в роли ключевого агента развития планировочной структуры города и ее предметного оформления оказывается архитектор, исполняющий волю монарха безотносительно к тому, как эта воля соотносится с интересами городского сообщества. Исключение — США, где скромные попытки упорядочить развитие Филадельфии предпринимаются еще до войны за независимость, а в 1811 г., когда застроенная часть города занимала лишь южную, пятую часть площади острова, Комиссия по планированию утвердила регулярную сеть авеню и стритов для всего нью-йоркского Манхэттена. Простейший план, основанный на отважном прогнозе роста города, оправдал себя в полной мере на два столетия вперед.

Отчасти исключением можно считать и Лондон, поскольку после воцарения Ганноверской династии возможности короны были жестко ограничены парламентом и великолепная планировочная концепция перестройки Рена — Эвелина⁸⁴ принята не была. Оценив расходы, сопряженные с новым дорожным строительством, и масштаб неизбежных судебных процессов с собственниками земельных участков, город восстановил средневековую планировочную схему после пожара 1666 г.

Начало радикальных перемен приходится в Европе на середину XIX в. Ранее реконструкция планировочной схемы и улучшение архитектурного облика застройки в первую очередь были вызваны соображениями престижа власти. Развитие железных дорог осознается девелоперами как инструмент развития пригородов, и сначала в Лондоне, где в наибольшей степени созрели условия развития социальной инфраструктуры, затем и в Манчестере делают важное открытие: улучшение качества среды в разы повышает уровень капитализации городской земли. Эту логику подхватывает Париж, где наряду с реконструкцией уже не только центра, но города в целом проводится реконструкция инженерных инфраструктур и осуществляется первый такт осознанной джентрификации⁸⁵ — вытеснения бедноты из однородного буржуазного ядра. Более того, впервые ре-

⁸⁴ Эта концепция вдохновила Томаса Джефферсона, поручившего французскому военному инженеру Ланфану воплотить в Вашингтоне планировочную схему, где на сетку авеню и стритов наложена крупноячеистая сеть диагональных проспектов, а на основных пересечениях устроены «рондо», которые в XX в. стали именовать кольцевыми развязками.

⁸⁵ Gentrification — устойчивый термин для обозначения процесса редевелопмента

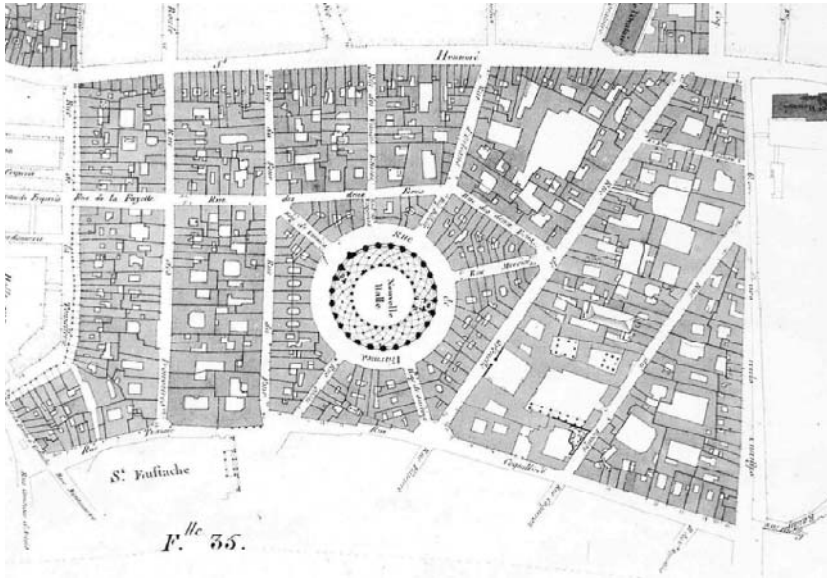
конструкция города осуществляется как коммерческое предприятие, рассчитанное на длительную перспективу — через частно-государственное партнерство и выпуск акций. В это же время Нью-Йорк реализует программу повышения капитализации тысяч гектаров земли, примыкающих к площадке создания Центрального парка, совмещая джентрификацию территории совместно с осуществлением программы оздоровления городской среды и обогащением социальной инфраструктуры. Этому примеру следует множество крупных городов, в которых концентрируется и промышленное производство, и финансовая деятельность, и обращение ценностей культуры, тогда как малые города прекращают развитие.

Есть несомненный парадокс в том, что наиболее крупный шаг становления «умного города» середины века оставался практически неизвестным за пределами Испании, оставшись изолированным экспериментом⁸⁶. Речь о центре провинции Каталонии Барселоне, где инженер Ильдефонсо Серда разработал и осуществил план развития города, переживавшего бурный экономический рост. Проект преобразования и расширения Барселоны, на полвека опередивший близкие по духу работы, был завершен в 1859 г. Не будучи связанным догмами тогдашнего архитектурного образования, Серда входил в тесный кружок интеллигенции, тяготевшей к идеям анархистов, и тесно общался с гигиенистами и социальными философами. Для него город был живым социальным организмом, и его планировочная концепция полностью отвечала принципам, которые он вынес на фронтиспис своей книги: «Независимость человека в пределах дома. Независимость дома в черте города. Принцип непрерывности движения. Независимость различных видов движения на городских дорогах. Стирание граней между сельским и городским началами. Урбанизация основана на развитии сетей».

Осуществленный проект преобразования и расширения Барселоны предлагал создание просторного современного города, расширяющегося, следуя ортогональной сетке, модифицированной необычным образом. Это ортогональная сеть из улиц двадцатиметровой ширины и двух авеню пятидесятиметровой ширины — главных артерий движения, соединяющих город с регионом. В основу плана

целых районов, вследствие чего они переживают полную смену социального состава населения.

⁸⁶ Серда первым использовал слово «урбанизация» в своих теоретических работах, начиная с «Общей теории урбанизации», но это долго оставалось неизвестным даже специалистам.

Париж. Проект реконструкции Парижа, разделенного на 48 секций и 6 районов (фрагмент листа 34). 1793–1795 гг. Париж эпохи Революции: символика диагоналей улиц, сбегающихся к круглому зданию рынка, вдохновила Т. Джефферсона и П. Ланфана при работе над планом Вашингтона, а И. Серда — при разработке плана новой Барселоны.

было положено равномерное распределение объектов и коммуникаций общественного пользования⁸⁷. Для городских коммуникаций, воды, газа, телеграфа, уличного освещения и канализации были предложены проходные подземные коллекторы. Используя оригинальную схему восьмиугольного квартала, Серда спроектировал сеть внутригородских железных дорог, которые он предлагал проложить под землей, в реализации этот прототип метро был заменен сетью уличного трамвая. Выстроив схемы планировки квартир четырех разрядов, Серда опередил британских разработчиков социального жилья, наконец, против обыкновения он стремился установить контакт с населением города и получить его поддержку, распространив по Барселоне листовку, озаглавленную следующим образом: «Несколько слов жителям Барселоны о расширении города». В этом

⁸⁷ 25 кварталов составляют район с общественным центром, 4 района образуют округ, в котором есть рынок, 4 округа образуют сектор, включающий городской парк, больницу и два административных здания.

Ильдефонсо Серда. Генеральный план Барселоны. Внизу слева — средневековый центр города, незатронутый новой планировкой, группировка стандартных кварталов разнообразна.

тексте автор рассмотрел каждую из ситуаций, которые могли бы возникнуть при изменении границ участка.

Нет сведений о заграничных поездках Ильдефонсо Серда, но в экономической стратегии реализации плана очевидно влияние парижской модели префекта Османа: земля должна быть приобретена муниципалитетом, участки урегулированы, обеспечены коммуникациями и инфраструктурой, после чего урегулированные участки земли должны быть возвращены владельцам за вычетом 10% и т. п. Крупные парки, много более мелких зеленых зон, открытых пространств и площадей и требование Серда высаживать как минимум 200 деревьев в каждом городском квартале выдержали нападки на его план, действовавший без корректировки до 1953 г. (!). Интеграция сети городских улиц Барселоны в региональную дорожную сеть фактически восстановила классическую римскую модель. Под дороги было отведено 30% городской территории, вследствие чего работа Серда выдержала испытание временем до сего дня. Реконструкция промышленных зон и прибрежной полосы, осуществленная в новей-

Барселона. Королевская Площадь (арх. Д. Молина), 1860 г. Фонари на площади — первая профессиональная работа Антонио Гауди, силуэт храма Святого Семейства в створе улицы, спроектированной Ильдефонсо Серда, — последняя работа Гауди, незавершенная по сей день.

шее время, стала продуманным и вполне естественным продолжением его концепции.

К концу XIX в. казалось, что долгая монополия автократической настройки разума на проработку чистой формы города завершалась. Либералы всех оттенков заставили власти принять во внимание, что города населены отнюдь не одним только средним классом, но и пролетариатом. В 1887–1888 гг. по инициативе ливерпульского судовладельца Чарльза Бута было проведено первое в мире крупномасштабное социологическое исследование городской бедноты в Лондоне. Результатом стало заключение: к классу бедноты следовало отнести 35% лондонцев, т. е. около миллиона человек, но главным выводом стало расслоение этого множества. Согласно Буту лишь около 50 тысяч можно было отнести к люмпен-пролетариату, который мог представлять интерес исключительно для полиции. Ко второй группе было отнесено около 300 тысяч тех, кто перебивался случайными заработками, существовал на грани выживания. Еще 250 тысяч человек были отнесены к классу жертв конкуренции и кризисов, имевших нерегулярный и низкий заработок, и еще около 400 тысяч тех, кто имел постоянную плату за труд, но та была решительно недоста-

Реклама в английском журнале конца XIX в. акцентирующая внимание потенциального покупателя на близости нового коттеджного поселка к железнодорожным станциям.

точной для поддержания семьи. Результаты исследования Бута были подхвачены социалистами, в распоряжение которых драматург Бернард Шоу предоставил свое острое перо, и в 1890 г. был принят очередной Акт о рабочем жилище, согласно которому, наконец, появилась возможность осуществлять принудительный выкуп земли и недвижимости под строительство жилых домов, включая коттеджи и таунхаусы. Можно заключить, что с этого момента начался противоречивый и долгий путь к современному демократическому городу.

Париж не отставал, и здесь законы 1894-го, 1906-го и, наконец, 1912 г. открыли путь строительству недорогого жилья. Более того, последняя из редакций закона давала право правительству проектировать и строить такое жилье за казенный счет. Впрочем, до Первой мировой войны было построено всего 10 тысяч таких квартир — в семь раз меньше, чем удалось создать по программе Лондонского городского совета. Наиболее тяжелая ситуация сложилась в Берлине и Нью-Йорке. В Берлине рабочее население было сосредоточено поблизости от заводов, в кварталах, застроенных пятиэтажными казар-

мами, между которыми оставили проезд для пожарных машин шириной пять метров⁸⁸. Комиссия по доходным домам установила в 1894 г., что трое из пяти ньюйоркцев жили в наемных квартирах — в домах, занимавших 80% участка, а плотность населения на гектар территории превысила ту, что была характерна уже не для европейского города, а для индийского Бомбея. Как мы помним, на то же время приходится региональная интерпретация города Геддесом и формирование первых городов-садов, так что поле междисциплинарного осмысления города расширилось.

Особенность российских обстоятельств тормозила становление городского самоуправления и после публикации реформ 1860-х гг. Понадобилось полвека, чтобы сформировалась внятная земельная политика новой публичной власти, позволившая сложиться институту частной собственности в городах.

Материал огромен и малоизучен, что заставляет с особым вниманием отнестись к опыту Москвы. С введением новой редакции Городового положения Москва получает право приобретения земель по их рыночной стоимости, и только с 1872 г. дума получила право издавать собственные акты в пределах своей юрисдикции. В 1898 г. городская управа вела систематическое изучение всех муниципальных земель с целью увеличить их доходность, и уже в следующем году город получил, наконец, право самостоятельно разрабатывать проекты планировки. Закон позволил расторгнуть прежние договоры аренды земли под пашни и выгоны, вслед за чем была проведена планировка городских кварталов и замощены улицы. Срок аренды продлевается до 48 лет, что вызывает подлинный инвестиционный бум в строительстве доходных жилых домов.

С 1901 г., когда доходы от аренды выросли на порядок, Москва приступила к приобретению новых земель в черте города (приобретения у казны) и в прилегающих уездах. Особое внимание уделяется арендным договорам: вводится освобождение от арендной платы на три года по завершении строительных работ и устанавливаются льготы при продлении договора с оговоренным правом городской власти расторгать договор в случае публичной необходимости, при

⁸⁸ Этот тип застройки был разработан при Фридрихе Великом для расселения солдатских семей, а в 1858 г. он был узаконен полицей-президентом как универсальный принцип. Стоит заметить, что во всех странах к реформам толкали прагматические соображения: из 10 тысяч англичан родом из промышленных городов лишь 3 тысячи были признаны годными к военной службе, из берлинских рекрутов — менее половины против двух третей сельских жителей.

Москва, ул. Арбат. Доходный дом Филатова (арх. В. Дубовский, Н. Архипов), 1912 г.

выплате внушительной компенсации. Еще к 1901 г. была завершена оценка земли в пределах Камер-Коллежского вала. Разлет цен был огромен. Так, если в самом центре на улице Ильинке цена квадратной сажени составляла 800 рублей, то в тупике у Крымского моста она падала до 30 копеек. Задача корректного налогообложения была решена путем создания оценочного отделения городской управы, которое к 1917 г. располагало 20 тысячами кадастровых дел по оценке земли, построек и их доходности.

За счет бурного развития кредитных учреждений ипотечное строительство на арендуемой земле развивалось тем интенсивнее, что срок аренды в 1912 г. в соответствии с имперским законом был увеличен до 99 лет. В том же году, когда собственностью города стал трамвай, на Международной выставке в Риме Москве была присуждена золотая медаль за городское благоустройство. Вхождение Москвы в «клуб умных городов» особенно ярко подтверждается тем, что в интересах растущего среднего класса городская дума приняла решение, согласно которому торги могли объявляться только на подготовленные участки, умножение числа которых во избежание спекуляции осознанно тормозилось. Принцип «не прибыль, но публичная

польза», характерный для устава французских коммун по сей день, был четко закреплён. Характерным для России образом городской экономике был нанесён сильнейший удар, когда в 1910 г. с изданием закона о государственном налоге с недвижимых имуществ недвижимость была подвергнута двойному налогообложению. И все же, сократив расходный бюджет⁸⁹, Московское самоуправление до его ликвидации в 1917 г. в целом эффективно умело справляться с большей частью стоявших перед ним проблем.

Хотя при новой власти формально управление города осуществляли советы, в действительности тотальное огосударствление оставляло исполнительным комитетам городских советов единственную ответственность — за реализацию постановлений центральной власти. За несколько месяцев «военного коммунизма» городское хозяйство практически распалось. Его мучительно восстанавливали в годы НЭПа, с отменой которого в городах страны, за исключением Москвы и (отчасти) крупнейших городов, низовой уровень государственной власти, создавая немного нового, занимался почти исключительно эксплуатацией инфраструктур, унаследованных от дореволюционной эпохи. Поскольку государственный разум был сконцентрирован в Кремле, говорить об «умном городе» не представляется возможным. Это не означает, что городские администрации делали мало в попытках как-то упорядочить ситуацию, в которой новые постановления центральной власти публиковались почти ежедневно, но возможности в их распоряжении были крайне малы. В 1931 г. Москва была выделена как отдельная административно-хозяйственная единица, но даже и в столице это не могло привести к сколько-нибудь существенным результатам, тем более что ее население росло одновременно за счет двух процессов: первый — привлечение новых рабочих рук на заводы промышленного узла и, что не менее важно, — новых чиновников в стремительно разрастающиеся ведомства; второй — всемерно затрудненный, не всегда законный, но всеми правдами и неправдами осуществлявшийся массовый переезд провинциальных родственников к обладателям нескольких квадратных метров в московских квартирах.

Все крупные проекты, будь то наполнение Москвы-реки волжской водой, строительство метрополитена, расширение Тверской улицы, строительство очередного ведомственного здания или создание парков культуры и отдыха, напрямую управлялись из одного кремлевского кабинета. Хрущевская эпоха, брежневская эпоха в этом отно-

⁸⁹ Среди прочего, по этой причине, а не в силу мифического тугодумства, программу строительства метрополитена пришлось отложить в долгий ящик.

шении меняли очень мало. Хотя самостоятельность ведомств выросла, о какой-либо автономии городской власти не могло быть и речи.

Меж тем городская политика в странах Запада испытывала собственные немалые затруднения. С одной стороны, были существенные позитивные сдвиги в сторону развития концепции города-региона, о чем подробно говорилось выше, и демократизации в сфере жилища. В 1916 г. Нью-Йорк принимает важнейший закон о непрерывных отступах от улицы по мере увеличения высоты небоскребов, что буквально одним абзацем утвердило соблюдение минимальных норм освещенности в домах и определило облик Манхэттена на столетие вперед. С другой стороны, администрации городов США, вынужденные менять вектор политики с каждой сменой власти и приходом на руководящие посты представителей то одной, то другой политической партии, с величайшим трудом справлялись с нагромождением новых проблем. Среди них — прирост населения, рост автомобилизации, старение инфраструктур, слабо контролируемый рост пригородов. Европейские города страдали теми же болезнями, за исключением нашествия автомобиля, которое стало в них сказываться лишь после Второй мировой войны. Послевоенное время не упростило ситуацию. Социал-демократические правительства послевоенной Европы, преследуя благородные цели, страдали низкой технологической грамотностью в соединении с популистской риторикой и расчетом действий на ближайшие выборы. Их разрывали внутренние противоречия позиций, вследствие чего необходимые решения или бесконечно откладывались, или принимались быстро, без достаточного учета прямых и вторичных последствий.

В этой сумятице естественным выходом казалось переложить ответственность за развитие города на специалистов, в роли которых были готовы выступить архитекторы-авангардисты, твердо убежденные в том, что они владели истиной. Междисциплинарная коллективная работа, фундамент которой был заложен в начале века, была если не забыта, то оттеснена на периферию внимания. Отсюда обсуждавшийся нами феномен создания города Бразилиа, однако и в странах с давней демократической традицией наблюдался тот же геометрический схематизм в сочетании с чрезвычайной спешкой, вызванной острым дефицитом жилья, накопившимся за годы войны и послевоенного восстановления экономики. Перед войной в Великобритании жить в «квартирах», т. е. в многоэтажных домах, считалось пределом падения социального статуса. Теперь в английских городах начинают строить восьми- и десятиэтажные дома, а в 1954 г. был аплодисментами встречен проект «Конструкции жизни» — дома-города длиной поч-

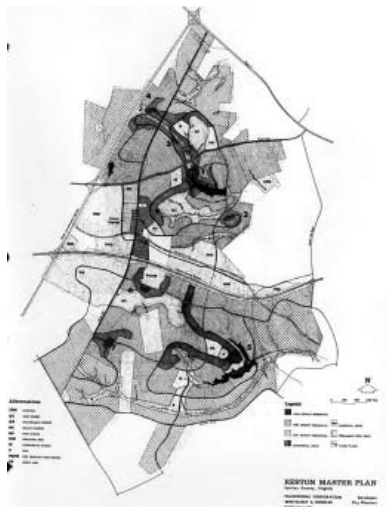

Сент-Луис (США, Миссури). Жилой комплекс Прют-Айгоу, 1955 г. Архитектор Минору Ямасаки был удостоен за этот проект Пулитцеровской премии. Превратившийся в трущобу комплекс был выселен и взорван в 1972 г.

ти два с половиной километра, шириной 200 метров и высотой 560 метров. Это была всего лишь студенческая фантазия, рожденная в «Архитектурной Ассоциации» — архитектурной школе, ставшей центром британского корбюзиянства. Однако десять лет спустя грандиозная, хотя и много меньше, «жилая стена» была построена в Шеффилде. Правительство поддерживало этот тренд, предоставляя (в удельном измерении на одну комнату) в три раза большие субсидии на строительство пятнадцатизэтажной башни относительно односемейного дома.

К началу 1970-х годов эта политика городских властей, поддержанная властью государственной, была подвергнута жесточайшей критике, однако в продолжение всего предшествовавшего десятилетия она торжествовала всюду. Даже в Швеции, где в Стокгольме появились огромные комплексы, включавшие массу помещений общественного назначения, которые очень скоро пришлось навсегда закрыть, поскольку они стали очагом хулиганства и преступности. Даже в США с их культом односемейного дома в ряде городов были построены жилые комплексы, часть которых со временем пришлось выселить и снести, поскольку образ жизни и экономика переселенных в них семей, живших преимущественно на пособие, не могли не привести к полной катастрофе оснащения дома. Кажется, концепция «умного города» погибла под руинами такого жилого комплекса в Сент-Луисе, однако именно с этого момента, от 1972 г., принято отсчитывать радикальный поворот.

Вопреки общей тенденции 60-е гг. в США отмечены замечательным прорывом — в полчасе езды от Вашингтона был заложен город, формирование которого в целом было завершено в середине 80-х гг. Этот город — Рестон, характер среды которого приближен к идеа-

Рестон (США, Вирджиния).
Генеральный план города, получившего имя по инициалам Роберта Саймона, девелопера, реализовавшего мечту о «городе для людей» в 1960–1980 годы.

лу настолько, насколько это возможно сообразно представлениям конца XX в. Рестон, численность жителей которого стабилизировалась к настоящему времени на уровне 70 тысяч человек, соединил в себе лучшее, что содержалось в концепции британского города-сада, с полнокровностью социальных услуг и выбора занятости. Благодаря этому сочетанию, пользуясь близостью к Вашингтону, Рестон, тем не менее, не стал типичным городом-спутником, каких было немало построено в Великобритании в послевоенные годы, и сохранил высокую степень самодостаточности.

В известном смысле успех Рестона — счастливая случайность: несколько новых городов, которые были заложены в США в послевоенные годы, несмотря на солидную поддержку из федерального бюджета, не состоялись либо оказались типичными элементами субурбии. Рестон возник из небытия благодаря фантастическому упорству одного мечтателя, имя которого отражено в названии города, — Роберту Саймону⁹⁰. История сложения города как девелоперского про-

⁹⁰ Инициалы Саймона в соединении с обычным town, сокращенным до ton.

екта чрезвычайно интересна, но здесь нам важнее ее концепция, завершившаяся хэпи-эндом. Соблазненная привлекательностью города администрация графства Фэрфакс переселилась в Рестон. Туда же перенесли штаб-квартиры огромной «Федерации дикой природы» и несколько крупных компаний. Саймон провел в Рестоне последние пятнадцать лет долгой жизни, проводя экскурсии для многочисленных планировщиков и архитекторов всего мира.

Как писал в предисловии к юбилейному изданию⁹¹ экс-президент Reston Land Corp. Фрэнсис Стейнбауэр, «преданность Боба Саймона идее реорганизовать структуру и качество жилой среды, с его всегдашним вниманием к индивиду, разожгла такой силы факел, что многие охотно понесли его дальше, когда он сам уже не мог это делать. „Галф Ойл“ и «Мобил» вложили огромные средства, нередко выходя за рамки нормальной бизнес-логики, чтобы поддержать создание Рестона в течение шестнадцати непростых лет. Без участия этих гигантов программа точно не удержалась бы на плаву. Графство Фэрфакс тоже внесло свой вклад, когда в 1962 г. оно утвердило новый порядок зонирования⁹² (первый в стране), благодаря чему рождение Рестона стало возможным...».

Еще с 1953 г. американское правительство разрабатывало варианты решения проблем перенаселенности крупных городов, таких, как Вашингтон. Комиссия по планированию национальной столицы разработала программу, согласно которой большая часть населения Вашингтона должна была поселиться в новых городах-спутниках. Генеральный план округа Фэрфакс предполагал создание пяти новых городских центров в западной части, одним из них стал Рестон, попавший в программу по дезурбанизации Вашингтона, и Рестон должен был стать первой в США серьезной попыткой создать полномасштабный автономный город на периферии столицы. Программа как целое провалилась, но Рестон возник — благодаря вере и упорству Роберта Саймона.

Саймон был хорошо знаком с книгой Эбенизера Говарда. Его отец с 1928 г. финансировал Редберн (штат Нью-Джерси) — первый американский город-сад, в строительстве которого принимал участие молодой архитектор Джулиан Уитлси, который вместе с Конклиным разработал Генеральный план Рестона. Но до того как пригласить архитекторов, экономистов, социологов и других специалистов, Ро-

⁹¹ Reston: the First 20 Years. Reston, 1985.

⁹² Residential planned community — гибкость в сочетании функций и плотности, девелопер принял на себя формирование публичных благ с самого начала и продолжение этого процесса по ходу развития города.

берт Саймон обозначил семь главных целей, которые легли в основу проектирования города:

1. Большое внимание должно уделяться возможностям проведения досуга, свободного времени горожан. Это означает, что новый город должен обеспечить широкий диапазон развлекательных и культурных средств наряду со средствами для уединенного времяпрепровождения.
2. Город должен предоставить возможность жить в одном и том же районе на протяжении всей жизни. Это означает большое разнообразие жилья по стилям, размерам, ценовой категории, чтобы одна семья могла менять дом в зависимости от изменяющихся потребностей. Следствием этого становится более разнообразное пространство, оживленная среда.
3. Значение и индивидуальность каждого человека становится приоритетной линией всего городского планирования.
4. Возможность жить и работать в одном сообществе.
5. Город должен предоставить широкий спектр услуг (коммерческих, культурных, рекреационных и т. д.) с самого начала развития города, а не годы спустя.
6. Красота и естественная природа являются потребностью хорошей жизни и должны поддерживаться и поощряться.
7. Рестон должен стать финансово успешным городом.

Одной из принципиальных задач при строительстве Рестона было создание сообщества, которое могло бы с помощью определенных средств и грамотной социальной организации отвечать требованиям современной цивилизации. Саймон мечтал о том, чтобы Рестон был не просто местом для жизни, но образом жизни. Он видел в Рестоне уникальное частное предприятие: город, который объединит в себе жилье, промышленность, коммерческие, образовательные учреждения, церкви, культурные, социальные и рекреационные объекты в одной практически независимой структуре сообщества, которая была бы экономически жизнеспособна и социально благоприятна.

Важно отметить, что прежние стандарты территориального зонирования округа Фэрфакс предполагали четкое разделение жилой, общественной и промышленной зоны. Саймон обосновал идею смешанного зонирования следующим: 1. Это позволит значительно снизить временные затраты при перемещении между домом, работой, магазинами, местами проведения досуга. 2. Различное функциональное назначение одного объекта в зависимости от времени суток и времени

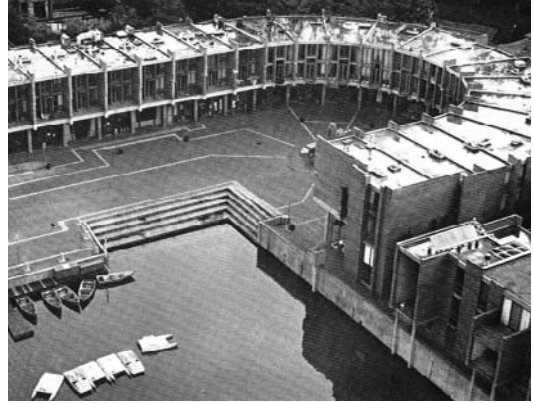

года намного более эффективно экономически. 3. Смешанное землепользование предоставляет больше возможностей застройщику, который может строить различные типы зданий, подстраиваясь под особенности рельефа. 4. Значительная экономия пространства, которое можно использовать для предоставления дополнительных услуг.

В июле 1962 г. Попечительский совет графства Фэрфакс принял закон о новом зонировании — Кодекс жилищно-планировочного сообщества (RPC). Согласно этому кодексу территория должна делиться в соответствии с плотностью населения на следующие области: высокая плотность — 60 человек на акр, средняя — 14 человек на акр и низкая — 3,8 человека на акр. Новый закон разрешил строительство жилых квартир над магазинами, соседство многоэтажных домов с особняками, а также распространение коммерческих, досуговых и общественных учреждений по всей территории сообщества. Рестон разделен на 7 самостоятельных районов, по 10 тысяч жителей в каждом. У каждого района индивидуальный характер, его архитектурный облик сформирован применительно к ландшафту. 42% от всей территории Рестона отведено под публичные нужды: парки, школы, церкви, прогулочные зоны, дороги, поля для гольфа, открытые лужайки. В каждом районе есть свой общественный центр, но есть главный городской центр — Town center, который обслуживает не только жителей Рестона, но и близлежащих поселений (еще около 50 тысяч человек). Являясь объектом восхищения, Рестон, ставший райским уголком для тех представителей среднего класса⁹³, кого отталкивает большой город и раздражает монотонная субурбия, остается исключением.

Книга Джейн Джекобс о катастрофе города, отданного на откуп союзу архитектора и девелопера, увидела свет десятилетием раньше, но, как обычно, потребовалось именно столько лет, чтобы позиция, воспринимаемая как шок, могла превратиться в почти банальность. Разумеется, для того чтобы книга могла сработать так, как это получилось в случае «Жизни и смерти больших американских городов», почва для ее восприятия должна была быть подготовлена. Важной частью такой подготовки стало движение в защиту исторического наследия, под которым стали понимать не только обособленные известные шедевры зодчества прошлого (их значение признавалось и самыми радикальными модернистами), а старые городские квар-

⁹³ Средний доход на семью в Рестоне в 2009 г. составил 98,7 тысячи долларов против 59 тысяч в среднем по Вирджинии; средняя стоимость дома или квартиры в кондоминиуме превышает среднюю величину по штату почти вдвое: 414 тысяч долларов против 252 тысяч.

Рестон. Привлекательность города близ Вашингтона кроется в том, с какой деликатностью застройка вписана в ландшафт, тогда как культурный центр стал памятником эпохе модернизма.

талы в целом. В 1962 г. во Франции министр культуры, поэт и историк Анри Мальро добился принятия закона об охраняемых зонах городов с запретом реконструкции или нового строительства, способного нарушить их исторический облик. Аналогичные законы были приняты в США (1966 г.) и в Великобритании год спустя. Вторым элементом подготовки новой политики развития стала критика крупных реализованных проектов в разных городах, опиравшаяся на социологические и социально-психологические исследования. Такой критике были подвергнуты комплексы многоэтажных зданий в британском Шеффилде, связанных непрерывными галереями – своего рода пешеходными улицами, на которые открывались двери квартир⁹⁴. Мишенью критики оказался и грандиозный проект Тулуз-Ле Мирай во Франции, при реализации которого грозди (кластеры) домов связаны вместе пешеходными улицами, а те, в свою очередь, вливаются в «стволы» бульваров⁹⁵. Эффект имеет долговременный ха-

⁹⁴ Проект Питера и Элисон Смитсонов, стремившихся преодолеть чувство отчужденности между соседями, незнакомыми друг с другом. В результате подростковая и профессиональная преступность в этих комплексах выросли на порядок.

⁹⁵ Проект Жоржа Кандилиса сознательно воспроизводил структуру ближневосточной медины, и в известном смысле автор достиг своей цели: в настоящее время основное население новой половины Тулузы составляют иммигранты из Северной Африки и их дети.

Милтон Кейнс (Великобритания). Третья волна строительства новых городов (1960-е годы) не завершает череду попыток создать полноценный город. Четвертая волна — экогорода.

Маклсфилд (Великобритания). 1970-е годы приносят успешные попытки реконструкции старых домов индустриальной эпохи с их адаптацией к современным требованиям комфорта.

рактически так, что не должно удивлять, что, к примеру, бывшие предместья Парижа, превратившиеся в города-спутники, застроенные многоэтажными панельными зданиями, повторили историю американских больших проектов и заселены теперь почти исключительно иммигрантами, живущими на пособие. Такое перечисление легко продолжить. Печальный парадокс заключался в том, что все эти проекты имели успех внутри архитектурного цеха, вошли во все учебники архитектуры, а взорванный комплекс в Сент-Луисе в свое время получил высшую профессиональную награду.

Модернизм был явлением интернациональным — не удивительно, что и реакция на него сразу же приобрела международный характер. Между профессиональным цехом и обществом обозначился острейший разрыв, преодоление которого потребовало усилий двух поколений профессионалов.

В результате набиравшего силу общественного движения за гуманизацию городской среды, получавшего растущую поддержку экспертов от множества дисциплин, привычный рисунок взаимоотношений между агентами развития города существенно перестраивается. Если раньше он включал городские власти, девелоперов и архитекторов, претендовавших на роль ведущих специалистов по градоформированию, то теперь добавилась четвертая сила — экспертные сообщества, работающие на общественные организации, организованные все лучше. Электоральный вес этой новой силы был вскоре осознан как политиками местного, регионального и национально-

го масштаба, так и деловыми кругами, которые все глубже осознают зависимость постиндустриальной экономики от качества городской среды. Тема «умного города» получает новое выражение.

Первой стадией еще в 70-е гг. стала инициированная в Великобритании волна альтернативной реконструкции старых кварталов, которые в рамках прежней политики были намечены под снос и типовую застройку. Пионером этого движения стал Род Хакни, составивший планы реконструкции для каждого дома по Блэк-роуд в некогда промышленном Маклсфилде и организовавший всех соседей вокруг идеи вложить собственный труд в общее дело реконструкции. При поддержке политиков и фондов реконструкция была осуществлена в три раза быстрее и в три раза дешевле по сравнению с ранее утвержденной программой, а Хакни приобрел сначала общebritанскую, а затем и мировую известность, осуществив подобные проекты в трех десятках городов уже в роли частного девелопера. Пример Хакни породил немало продолжателей, и в 1974 г. последовал парламентский Жилищный акт, переориентировавший бюджетные ассигнования на мягкую реконструкцию городов. В Ливерпуле рискнули перевернуть весь привычный процесс: при поддержке профессионалов-консультантов люди сами выбирали архитектора, участок, определяли его детальную планировку, планы домов и их фасады, вплоть до цвета кирпича. Главное, на чем настаивали горожане, — чтобы их дома не были похожи на то, что до этого времени строил городской совет.

Архитектор и скульптор Кристофер Дэй своим примером доказал, что при активной вовлеченности жителей возможно возрождение деревенских поселений, ранее признанных неперспективными⁹⁶. Движение набирало силу, и к концу столетия только в Британии в него включились около четырех тысяч молодых профессионалов — «политическая архитектура постиндустриальной эпохи», как определял ее Хакни, стала фактом, закрепленным учреждением Группы коммунальной архитектуры в составе Королевского института британских архитекторов. В странах Северной Европы, в развивающихся странах и отчасти в США коммунальная архитектура заняла заметное место, хотя в силу скромных масштабов реконструкций такого рода они, как правило, привлекают значительно меньшее внимание, чем того заслуживают.

Не следует думать, что традиционная парадигма тотального проектного подхода к развитию города сразу и повсеместно уступила новому подходу к постановке и решению задачи. Нередко такой переход осуществляется длительное время, в процессе осуществления прежнего за-

⁹⁶ См.: Дэй К. Места, где обитает душа / Пер. В. Глазычева. М., 1991, 2002.

мысла, когда жизнь заставляет корректировать его существенным образом. В самом деле, еще в середине 60-х гг., когда в Нидерландах были отвоены у моря новые земли, было принято решение о строительстве трех новых городов: Белмеера, Лелиштада и Алмире. Последний был призван облегчить жилищную проблему в северной части кольца Рандштада, при сохранении «зеленого сердца» Нидерландов. Главной целью было определено создание значительного объема доступного жилья. План развития предусматривал последовательное возведение городских районов разной величины, разделенных сельскохозяйственными землями и зелеными территориями. В районах планировалось создание различных по архитектуре малых жилых зон, рассчитанных на различные стили жизни с идеей формирования однородных жилых групп. В соответствии с иерархической схемой обслуживания, восходящей к концепции Раймонда Перри⁹⁷, в каждом жилом районе создавался свой общественно-деловой центр, тогда как общегородской центр был призван выступить в роли связующего элемента.

Транспортная система города была выполнена превосходно, поскольку, следуя рекомендациям Римского клуба по экономии энергии, планировщики выбрали основным транспортом автобусы и велосипеды и тщательно продумали пешеходную доступность общественных центров. Основная связь с Амстердамом планировалась по железной дороге. Алмире стал самым быстрорастущим городом Голландии, и в его краткой истории ясно прослеживаются четырехлетние периоды, связанные с местными выборами и с принятием новых общегосударственных градостроительных программ. До 1981 г. Алмире проектируют как компактный город, но через три года он получает самоуправление, поселение становится полноправным городом. Создается структурный план, по которому город с двух сторон граничит с территориями, зарезервированными для сельского хозяйства. Открытие в 1987 г. прямого железнодорожного сообщения Алмире с Амстердамом послужило дополнительным импульсом роста города и к середине 90-х гг. две трети жителей трудоспособного возраста работали в Амстердаме. К 1994 г. население Алмире достигает 100 тысяч жителей, и город планируют уже на 400 тысяч жителей, но к 2005 г. проектную численность Алмире сокращают до 300 тысяч.

В 1994 г. известное бюро Рема Кулхааса выиграло конкурс на перестройку центра, которая потребовала снести жилые дома, постро-

⁹⁷ Эта концепция была в полноте скопирована в советских нормах градостроительного проектирования – разумеется, с переводом на нормативное исчисление площадей в расчете на тысячу жителей.

енные всего тринадцать лет назад. На месте четкой, ортогональной структуры старого центра Кулхаас создает усложненную, сознательно затесненную градостроительную композицию, близкую по духу «средневековым» проектам братьев Лиона и Робба Крие. Проекты публичных зданий были заказаны разным архитекторам, и в результате Алмире стал одним из самых интересных в архитектурном отношении городов Голландии. Застройка центра растянулась на десять лет, в это время население города росло, жители привыкли делать покупки в Амстердаме, и проект устаревал, так как центр был рассчитан на город со 120 тысячами жителей, тогда как это число удвоилось. Менялись подходы к управлению процессом развития. Если вначале управление было в руках государства, потом власть перешла к муниципалитету, то теперь ведущую роль играют частные проектные бюро. Вначале строилось много социального жилья, однако в дальнейшем первое место перешло к частному и кооперативному строительству... Владельцы недвижимости, держатели акций, девелоперы, объединения предпринимателей, гостиничный и ресторанный бизнес разработали совместный маркетинговый план развития городского центра, и для среднего класса Алмире стал достаточно удобным городом. Однако увеличение числа иммигрантов десятков национальностей привело к возникновению общих для современной Европы проблем, включая формирование районов с дурной репутацией и то, что автомобиль оттесняет общественный транспорт на второй план. При этом Алмире продолжает прирастать на 3000 жилых единиц в год и вскоре может стать пятым по численности населения городом Нидерландов.

В рамках концепций так называемого нового урбанизма осуществлен анахроничный опыт формирования в США полнокровных новых городов с пешеходной доступностью всех видов услуг и — в теории — мест приложения труда⁹⁸. Несколько простых и внятных принципов характеризуют новый урбанизм с достаточной полнотой. Во-первых, убежденность в том, что относительно высокая плотность застройки — это благо, а не порок, так что участки должны быть небольшими. Во-вторых, вера в то, что публичное про-

⁹⁸ Единственный в США полнокровный новый город был задуман в 60-е гг. и сформирован двадцатью годами спустя. Это Рестон, в получасе езды от Вашингтона. Удачный опыт оказался возможен в силу уникального сочетания воображения и воли девелопера Роберта Саймона с финансовыми возможностями крупнейших нефтяных компаний. Рестон с его 60 тысячами жителей, среди которых доля бедных не превышает нескольких процентов, и сегодня остается лучшим из новых городов мира.

странство важнее, чем частное. Отсюда стремление поставить дома фасадами по красной линии, восстановив чувство движения по улице, а не по дороге, и, соответственно, возрождение классической американской террасы, на которой есть скамья-качели или шезлонги, откуда соседи приветствуют соседей-прохожих. Отсюда же возрождение тротуара, отсутствие которого шокирует европейца, оказавшегося где-нибудь в лос-анджелесском Малибу. В-третьих, достаточно строгий эстетический контроль над детализировкой фасадов, силуэтом и даже колористическим решением по каждой улице. Первым воплощением этого подхода стал городок Сисайд во Флориде, созданный по проекту Андеса Дюани и Элизабет Плейтер-Зайберк.

Когда Сисайд появился в телесериале, большинство зрителей было уверено, что это специально построенная декорация. В известном смысле так и есть — рабочих мест в Сисаиде почти нет, постоянных жителей тоже почти нет, большинство домов круглый год сдается курортникам. Городков типа Сисайда построено немало, но большинство из них являются своего рода комфортными приютами для хорошо обеспеченных пенсионеров, а предельная их малочисленность обрекает общественные здания и прежде всего коммерческие услуги на прозябание и со временем на закрытие. Стать вторым Рестоном ни одному из этих городов не удастся не только потому, что в их замысле нет таких фигур, как Роберт Саймон, но и в силу того, что их развитие на расстоянии, превышающем час пути до крупного города, оказывается невозможным.

Единственной на сегодня попыткой реализовать принципы нового урбанизма в существенных масштабах стал городок Селебрейшн, созданный корпорацией «Дисней» в той же Флориде. И генеральным заказчиком, и единственным девелопером здесь выступает могучая корпорация развлечений⁹⁹, тем не менее, выработка концепции и разработка генерального плана заняли четыре года, переговоры с властями графства Ошиола и подписание трехсот страниц документов заняли два с половиной года, проектирование — еще два года, перебор возможных подрядчиков занял еще год. Строительство началось в 1997 г. «Дисней» — отнюдь не обычный девелопер. Хотя выгоду свою корпорация не упускала и в опоре на свой бренд могла рискнуть начальными ценами на четверть выше, чем в среднем по Флориде, главным была

⁹⁹ Селебрейшн напоминает о давнем опыте «владельческих» городков, которые российская императрица Екатерина Вторая конфисковала у прежних владельцев после раздела Польши и даровала своим фаворитам в качестве своего рода имений.

Селебрейшн (США, Флорида). Генеральный план городка, возникшего на осушенных болотах как реализация мечты Уолта Диснея о совершенном образе жизни.

собственная философская доктрина. Не просто жилье для 20 тысяч человек, а город с полнокровной жизнью, способный задать образец нового урбанизма: гармония, безопасность, чувство городского сообщества — без забора вокруг поселения! И — никакого местного самоуправления на двадцать лет; в дальнейшем «Дисней» сохраняет право вето на любые попытки радикально изменить концепцию развития, пока корпорация останется владельцем хотя бы одного участка¹⁰⁰.

Уолт Дисней, грезивший о строительстве города Экпот (Experimental Prototype Community of Tomorrow), мечтал создать образец для воспроизведения. Но повторить Селебрейшн нельзя, как нельзя назвать иной городок так же, т. е. «празднество». Эта воплощенная утопия создана не только менеджерами и консультантами корпорации «Дисней», но и сотнями людей, выросших на Диснее и устремившихся, как мотыльки на свет, в осушенные болота Флориды. Они съехались сюда за совершенством механизма, который лучше всего уподобить часам с кукушкой, но словно обтянутого плюшем, и большинство этих милых людей сохраняют свою веру, несмотря на множество погрешностей в строительстве, оснащении и отделке домов. Сохраняют и с редкостным единодушием отвергают любые нападки на Селебрейшн.

¹⁰⁰ См.: *Frantz D., Collins C. Celebration, USA. Living in Disney's Brave New World.* N. Y., 2000.

Селебрейшн. Дома городка сохраняют все признаки Мейн Стрит – неперменного компонента всех Диснейлендов в мире: их мансардные этажи представляют собой чистую декорацию.

Вторым, более масштабным сдвигом стали работы конца XX в., когда организатором проекта развития и его осуществления стали выступать корпорации развития, организуемые через сотрудничество властей всех уровней, бизнеса всех уровней и общественных организаций – с привлечением международных экспертных групп.

Разумеется, практика создания новых городов преимущественно переместилась в страны Востока¹⁰¹, тогда как в высоко урбанизированных странах Европы и в США основной объем городского планирования составляет реконструкция давно запущенных территорий внутри города. Роттердам, с крупнейшим портом Европы, медленно растет после резкого снижения численности жителей в 70–80-е гг. Входя в Рандштад, Роттердам является ядром конурбации общей численностью около 1,2 миллиона человек. Перемещение порта и модернизация портового хозяйства оставили в городе обширные пустыри и высокий уровень безработицы. Наблюдалось массовое переселение людей в предместья при большом притоке иммигрантов в город, где в 2005 г. уровень безработицы составлял в среднем 11%, с намного более высокими показателями среди этнических меньшинств. Таким образом, несмотря на устойчивое стратегическое положение, Роттердам стоял перед многими из тех же вызовов, что и другие экс-индустриальные города всего мира, желавшие сохранить конкурентоспособность.

В последние годы стратегия городского совета состояла в том, чтобы, развивая порт и логистику, диверсифицировать экономику и рас-

¹⁰¹ Дубай, Доха, сингапурский наукоград North One и т. п.

Селебрейшн. Корпорация «Дисней» сохранила за собой функцию управляющей компании навсегда, и городок так и не имеет собственной системы муниципального управления.

ширять сферу услуг, чтобы сделать город привлекательным для креативных бизнесов и специалистов. Реконструкция района Коп ван Зюд — часть большой программы по преобразованию береговой зоны Роттердама. Коп ван Зюд — полуостров напротив центра города, площадью около 250 гектаров. Ранее здесь был основной порт, но к 1980 г. он превратился в изолированный район, отделенный складами и железнодорожными линиями от реки и от окружающих жилых районов. К 1987 г. по заданию городского совета Теун Кулхаас разработал генеральный план, согласно которому Коп ван Зюд стал рассматриваться как ключ к раскрытию потенциала всего города. Развитие качественной среды смешанного использования, с привлекательными зданиями и живой береговой линией, должно было дать импульс развитию всей южной части города. Было запланировано создание «Манхэттена на Маасе» в виде комплекса высотных зданий на западной оконечности полуострова, притом что сохранившиеся исторические здания следовало использовать под новые нужды. Выполнение программы инвестиций началось в 90-е гг. под прямым управлением муниципалитета и при активном участии Корпорации развития Роттердама. Проект скоординирован специально уполномоченной проектной командой, которая включает «Команду коммуникаций» и «Команду взаимной выгоды». Менеджер проекта ответственен перед руководящим комитетом городского совета и сторонней «Командой качества», которая рассматривает предложения по развитию и консультирует разработчиков относительно всех аспектов проекта. Муниципалитет одобрил Генеральный план Коп ван Зюд в 1991 г., национальное правительство одобрило его три года спустя. Ключе-

вым элементом программы стало финансирование правительством страны строительства моста Эразмус, был осознанно выбран самый эффективный и дорогой из трех предложенных вариантов, вследствие чего узнаваемая по стилю работа инженера-архитектора Калатравы стала новым символом Роттердама. Важной формой правительственной поддержки стало также перемещение в Коп ван Зюд нескольких правительственных ведомств и продолжение линии метро¹⁰².

Проект Коп ван Зюд оказался успешным в экономическом и пространственном отношении, однако его социальные цели во многом достигнуты не были. Растущая популярность района и спрос на престижное жилье сократили масштаб строительства жилья для людей с низкими доходами, которым первоначально предназначалась большая часть жилищ. Различия между отличной по качествам средой Коп Ван Зюд и его более или менее депрессивными окрестностями стали еще заметнее. В то же время в рамках традиционной конкуренции с Амстердамом, привлекательность которого сократилась из-за чрезмерно большого наплыва мигрантов и туристов, Роттердам заметно выиграл, приобретя репутацию города творческих людей.

Прежде чем перейти к краткому очерку новейшего опыта реформирования городов по модели smart city, целесообразно уделить внимание ее базисной предпосылке – функционированию сложившихся «соседств» и городов, входящих в зону регионального города. Пять лет штудирюя ежеквартальный выпуск газеты «Around Town» городка Нортхэмптон (15 000 домовладений), солидного пригорода Филадельфии, автор смог выработать углубленное представление о характере его функционирования.

В 2005 г. избирателей, которым предстояло идти на выборы президента США и конгрессмена, информировали о том, что им следует проголосовать на референдуме по существенному вопросу, согласны ли они с повышением подоходного налога на 0,15% для того, чтобы сохранить озелененные пространства и предотвратить рост школьного налога в будущем. Суть в том, что при согласии избирателей у совета хватило бы средств, чтобы выкупить пока еще свободные участки до того, как это сделают девелоперы, и оставить их незастроенными, резервными.

Авторы бюллетеня знали математические способности своих избирателей и трижды, разными способами, объясняли, как именно вычислить 0,15 от того одного процента подоходного налога, что по решению совета графства Bucks идет в казну поселка. Избирате-

¹⁰² Детали см.: «Урбанистика», раздел 4.

лям разъясняли, что в рамках действующего правила зонирования территории в Нортхэмптоне можно построить еще 1204 дома, что колько скоро каждый дом в среднем произведет на свет 1,3 школьника, это будет на 1565 школьников больше, чем сейчас. Поскольку стоимость обучения одного составляла 12 246 долларов ежегодно, местным жителям придется в совокупности ежегодно выплачивать дополнительные 19 164 990 долларов. При пересчете на среднее домохозяйство это будет означать рост школьного налога на 683 доллара с условно-расчетного дома стоимостью 10 000 долларов.

На всякий случай бюллетень еще раз объяснял, что такое правила зонирования: «Благодаря им городок выглядит вполне упорядоченно, так как все находится на своих местах, рядом с подобными же постройками. Благодаря этим правилам невозможно поставить фабрику по соседству с вашим домом». Тут же напечатан план поселка с обозначением зеленых участков, которые можно сохранить или потерять. Через полгода бюллетень сообщал: «Мы рассматривали наш бюджет, как если бы это был бюджет нашего собственного дома. Нужно ли нам именно это? Необходимо ли это именно сейчас? Можем ли мы справиться с этим сами, не нанимая экспертов извне?» Публика была, естественно, взволнована, так как графство увеличило условную оценочную стоимость дома с 10 до 40 тысяч долларов, и совет спешил тремя разными способами объяснить, что, снизив размер налога в четыре раза, он сохранил обложение недвижимости точно на том же уровне: «Если ваш дом оценен, скажем, в 3000, поделите на 1000, получится 36. Помножьте теперь ставку налога на недвижимость, 4,6625 на 36, — получится 167,85 доллара».

В бюллетене разъяснялось, что с этого года на основании закона штата о противодействии загрязнению вод всякий, кто намеревается «обеспокоить» более 1000 кв. метров земли на своем участке, откапывая или передвигая грунт (под бассейн, к примеру), должен получить специальное разрешение: «Вот как вы можете предотвратить загрязнение вод: прежде чем начать что-то делать с землей, найдите ближайший сток ливневой канализации и защитите его от попадания туда сора и других материалов. Тщательно выметайте и аккуратно вывозите цемент, раствор и т. п.» и т. д. — 12 пунктов. Местное бюро зонирования выдало за год 3533 разрешения на мелкие изменения, вроде пристройки террасы или устройства стоянки на еще один автомобиль.

Бюллетень каждый раз публикует фотографии граждан месяца, описывая их деяния на благо сообщества. Совет сообщает о том, что выдвинул четырех пожилых горожан на ассамблею графства, посвященную проблемам облегчения старения, равно как о том, какие

двенадцать школьников стали победителями конкурса на лучшее сочинение, посвященное пожарной безопасности в домах. Наконец, откликнувшись на призыв графства, совет обратился к жителям Нортхэмптона с просьбой зажечь синюю свечу или синюю лампу перед входом в дом в память девяти полицейских, погибших при исполнении обязанностей за прошедший год (заметим, что ни одного из жителей Нортхэмптона среди погибших не было). Проверка запросом по электронной почте подтвердила — лампы и свечи горели.

Понять уровень дисциплины, обязывающей собственников недвижимости в городке, населенном людьми средне-высшего уровня доходов, легче, если процитировать официальное объявление весеннего выпуска того же бюллетеня за 2010 г. под заголовком «Изменение дня сбора листвы и сучьев»: «Ветви и сучья в диаметре не должны превышать трех дюймов. С 1 апреля по 15 декабря дворовый мусор будут собирать на следующий день после дня сбора бытовых отходов, предназначенных для переработки под вторичное использование. Трава, листва, срезанные ветви будут забираться отдельно от бытового мусора и увозиться на полигон формирования компоста. Все сучья и ветви должны быть срезаны до длины 36 дюймов и собраны в вязанки. Сепарация этих отходов от прочего мусора отвечает законам Пенсильвании о ТБО, сокращает прирост объема свалок и экономит затраты на их содержание. Количество мешков с дворовым мусором, которое вы можете выставлять к бортовому камню еженедельно, не ограничивается. Вы можете использовать столитровые бумажные мешки, которые продаются муниципалитетом и коммерческими магазинами, можно также использовать контейнеры, если они весят не более 50 фунтов в заполненном виде. Дворовый мусор в мешках или контейнерах из пластика вывозиться не будет!»

В декабре 2009 г. бюллетень публиковал годовой бюджет Нортхэмптона с раскладкой на 18 статей доходной части и 30 статей части расходной¹⁰³, а в феврале 2010 г. председатель городского совета разослал жителям городка листовку с просьбой поддержать или отклонить предложение совета об изменении схемы зонирования для участка размером 3 акра. Нортхэмптонцев предупреждали, что принятие такого решения так или иначе затронет условия проживания

¹⁰³ Вопреки распространенному в нашей литературе предрассудку налог на недвижимость составляет здесь лишь 16% от общей суммы поступлений. При 40 тысячах жителей администрация Нортхэмптона насчитывает, включая мэра, всего 32 служащих, притом что число реально работающих комиссий колеблется около двадцати.

на территории в три раза большего размера. Хотя в тот момент следовало ответить только на этот вопрос, поскольку инвестиционный проект включал супермаркет, ресторан, торговый центр, банк и 40 квартир, обитателям городка предлагался схематический план освоения резервного участка и список из 22 вопросов. Прочитируем два последних: «21. Я много слышал (а) о роли Комиссии графства по планированию в этом процессе. Что она делает? — Согласно кодексу планирования в муниципалитетах Комиссия графства по планированию должна рассматривать любые предложения по изменению зонирования в том случае, если совет организует официальные слушания по этому вопросу. Во многих случаях, как в данной ситуации, запрос на такое изменение заранее посылается в Комиссию, чтобы та могла его рассмотреть. Это служит средством содействия городу в принятии решения. Однако Комиссия графства выполняет исключительно консультативные функции, и ни Комиссия города по планированию, ни его совет не обязаны следовать рекомендациям графства. 22. Если совет одобрит запрос об изменении зонирования, завершается ли на этом процесс? — Нет. Должны быть представлены детальные планы, и заявитель должен пройти процесс разработки девелоперского проекта, включающий экспертизу со стороны городской администрации и внешних консультантов. Закljučают процесс рассмотрение городской комиссией планирования и окончательное решение совета».

Все это звучит чрезвычайно просто, но только достижение такой меры различения полномочий различных инстанций и такого уровня обратной связи между местной властью и жителями, принимающими на себя ответственность за исполнение правил «сообщества», позволяет перевести обсуждение темы *smart city* из области изящных метафор в область практического действия.

Вполне естественно сосредоточить внимание на успешных реализациях успешных программ и проектов, однако следует помнить, что в сфере управления территориальным развитием последних десятилетий неравномерность качества интеллектуальной работы в городах остается значительной. Достаточно сопоставить два крупных города США, которые до недавнего времени по используемой в России терминологии можно было бы называть монопрофильными: Питсбург и Детройт.

В своей ранней книге Е. С. Шомина описывала, среди прочего, мрачную картину Детройта на начало 1980-х гг.¹⁰⁴, но это была только

¹⁰⁴ См.: Шомина Е. Контрасты американского города. М., 1986. Многие акценты в этой книге расставлены сообразно требованиям времени ее подготовки,

Детройт (США, Мичиган). Издали бывшая столица автомобильной промышленности кажется эффектной, но в действительности это город-призрак, превращающийся в руину.

прелюдия. С тех пор былой центр автомобильной индустрии превратился в кошмарный город-призрак. Издали, с канадского берега, все еще виден импозантный с вида фасад города, но внутри это руины, поглощающие ткань города, как гангрена. В городе почти не осталось белого населения (менее 10%), съедаемый наркотиками бывший город стал эпицентром ипотечного кризиса. Шансы на возрождение Детройта минимальны, если не равны нулю.

Питсбург, в прошлом именовавшийся городом стали, в 1980-е гг. тоже пережил жесткую депрессию: американские сталелитейные компании свертывали производство и закрывались. В 1970 г. здесь было около полумиллиона жителей. Через десять лет, когда город праздновал свое 250-летие, население города стало чуть выше 300 тысяч человек¹⁰⁵, тогда как общее население города-региона превысило 2 миллиона человек. Местное сообщество оказалось достаточно жизнеспособным, чтобы выстроить программу конверсии и шаг за шагом воплощать ее в жизнь, встраиваясь в эпоху нового технологическо-

но в целом в опоре на обширный американский материал картина тогдашнего кризиса городов в ней представлена достаточно верно.

¹⁰⁵ Отметим нетипичный этнический состав: белых две трети, тогда как число испаноязычных жителей не дотянуло и до 2%, черные в 2007 г. составили 28%, а выходцы из Азии — только 4%.

го перехода и обеспечив лидерующую позицию для постиндустриальных областей экономики. Достаточно сказать, что крупнейшими работодателями Питсбурга являются Медицинский центр университета (почти 50 тысяч занятых) и сам Питсбургский университет — около 11 тысяч сотрудников. Развиваются финансовый и культурный сектора, и уже на фоне этого развития идет вторичное освоение города технологическими компаниями, включая предприятия нефтегазового комплекса. В 1980-е гг. Питсбург лишился штаб-квартир крупнейших корпораций¹⁰⁶, но через двадцать лет он приобрел десяток компаний, входящих в список 500 ведущих компаний журнала «Форбс», а в 2006 г. эксперты ставили Питсбург в первую пятерку региональных городов, создавших наиболее благоприятный климат для развития бизнеса. Заброшенные ранее промышленные площадки застраиваются жильем и офисами, рынок жилья сохранил стабильность, несмотря на ипотечный кризис, и в 2008 г. город нарастил занятость вопреки ее спаду в стране. В последние два года Питсбург назван самым привлекательным для жизни городом США журналами «Форбс» и «Экономист».

Вкратце обозначив выше уже сформированные предпосылки к реализации идей smart city, мы можем обозначить некоторые из них¹⁰⁷. Стокгольм, получивший титул «Европейской зеленой столицы — 2010», представил ход осуществления своей программы «Сокращение выброса углекислого газа». Снизив выбросы с 5,3 тонн на горожанина (в 1990 г.) до 4 тонн в 2005 г., город запланировал снизить их до 3 тонн к 2015 г. и устранить выбросы полностью к 2050 г. Для достижения этой цели городские власти определили зону оплаты транспортной нагрузки на ядро города-региона, разверстав оплату по времени суток и типу двигателя автомобиля — дистанционный контроль осуществляется приборами, размещенными на столбах уличных фонарей. «Чистые» автомобили освобождены от оплаты, их доля возросла до 16% от парка машин; к 2030 г. согласно национальной программе использование автомобилей с бензиновым двигателем должно быть полностью прекращено¹⁰⁸. «Зеленые» цели иг-

¹⁰⁶ Достаточно назвать Gulf Oil, Westinghouse или оборонную компанию Rockwell Int.

¹⁰⁷ Участие в семинаре на тему «Smarter Cities» (Берлин, 2009) позволило автору ознакомиться с новейшим международным опытом, внедренным в ряде городов. Достижение муниципалитетами уровня высокой готовности к использованию IT-технологий превратило города в высокопривлекательных клиентов для корпораций типа IBM, Oracle и подобных.

¹⁰⁸ Уже в 2008 г. автомобили, работающие на топливе E85 (85% этанола), составили

рают существенную роль в программе ряда городов Европы и США, но набор задач отнюдь ими не ограничивается.

В Барселоне завершается работа по созданию трехмерной модели города, включая все его «соседства», улицы и здания. В рамках подготовки этой модели реконструировано членение города — вместо 10 районов теперь организовано 73 «соседства», что позволило убрать промежуточный горизонт управления, переведя его в сетевой формат. Если в 2008 г. на улицах города было установлено 60 пунктов информационной связи с администрацией, то уже через два года их количество достигло 750, обеспечив покрытие половины городской территории, и в ту же сеть включено 500 пунктов, организованных во всех «соседствах». Это, в частности, обеспечило в апреле 2010 г. беспрецедентный успех: в дистанционном обсуждении и голосовании по поводу реконструкции главной авеню Барселоны приняли участие полтора миллиона барселонцев. Аналогичная система обратной связи между жителями и администрацией создана в Хельсинки, где (при полумиллионе жителей) единой информационной сетью должны быть связаны 22 тысячи рабочих станций, 38 тысяч муниципальных служащих и 12 тысяч станций в школах. Работа по программе была начата в 2004 г., на 2009 г. создана единая платформа информационного портала, в которой были задействованы все 30 департаментов администрации и 150 школ¹⁰⁹. Конструкция портала и многоканальной связи позволяет осуществлять заказы по всем видам муниципальных и коммерческих услуг, приобретать билеты, карты, рассчитывать поездки, время на парковке, осуществлять закрытый для посторонних контакт с городской властью и получать юридические консультации, заказывать книги в библиотеке и продлевать срок пользования ее ресурсами и т. п.

Сложность международных медицинских стандартов (свыше 300 тысяч специальных терминов) превышает возможности практикующих медиков и препятствует продуктивной коммуникации врачей с пациентами. В Дании — пока только для дюжины госпиталей одной провинции — осуществили трансформацию медицинских карт паци-

32% проданных автомобилей при целевых 34%, намеченных на 2010 г. В 2005 г. программу были готовы поддержать 25% стокгольмцев, через год доли сторонников и противников сравнялись, а в 2007 г. пропорция перевернулась: 75% — за, 25% — против.

¹⁰⁹ В 2007 г. первую премию за организацию единой открытой информационной сети получил Сеул, вторую — Гонконг, третью — Хельсинки, за ним следовали Сингапур, Мадрид и Лондон.

ентов в визуальный формат (рентген, томография, ультразвуковое сканирование и пр.), позволяющий легко подключать дистанционное консультирование. В испанской Каталонии сходной системой уже охвачены шесть из семи с половиной миллионов жителей провинции, не только восемь крупных госпиталей, но также бригады и центры неотложной помощи, лаборатории, центры диагностики и службы реабилитации выздоравливающих и т. д.

Когда в теме smart city звучат знакомые имена городов, вроде Стокгольма или Барселоны, или речь идет о Скандинавии в целом (Хельсинки, Дания, Амстердам, в котором ведется «зеленая» реконструкция гигантского аэропорта), это не вызывает удивления, но процесс существенно шире и затрагивает южные, не слишком большие города. «Умные» технологии реализуются на Мальте, где привозное топливо и привозная питьевая вода и наряду с управлением туристическим потоком сложился крупнейший в Европе центр преподавания иностранных языков. Они используются в итальянской Модене (180 тысяч жителей), где с 2003 г. реализуется программа стопроцентного онлайн-взаимодействия граждан и предприятий с администрацией.

В Мадриде, Лондоне, Нью-Йорке и в ряде других городов уже задействованы интегральные системы безопасности и предупреждения преступлений. Они объединили геоинформационные системы, полное покрытие городского ландшафта качественными камерами видеонаблюдения, электронные базы данных в автомобилях полиции и скорой помощи, на стационарных станциях и в дублированном ситуационном центре, что только в Нью-Йорке позволило за четыре года снизить уровень преступности на четверть.

Новейшей лабораторией по созданию smart city следует считать Олимпийскую деревню Ванкувера, построенную к 2010 г. В 1998 г. был проведен трехдневный проектный семинар с участием трех десятков профессионалов. Целью семинара было выдвижение вариантов концепции Олимпийской деревни в рамках групповой работы. Таких вариантов было создано четыре, все они широко обсуждались, и обсуждение сразу же включало вопрос о необходимых организационных рисунках и поправках к городскому законодательству. Параллельно инициативная проектная группа выдвинула концепцию «Vision, tools & targets» («Концепция, целевые установки и инструменты»), ядром которой было создание полноценного «соседства», включающего жилье, места работы и обслуживания¹¹⁰. В результате дискуссий, посвященных отдельным аспектам задачи, год спустя городской совет

¹¹⁰ Подробно см.: <http://thechallengeseries.ca>.

утвердил объединенную концепцию, в доработке которой активное участие приняли бизнес-структуры и общественные организации. После этого полная, детальная проектная разработка концепции, включая бизнес-план и план реализации, длилась до 2005 г. Еще год ушел на выбор девелоперской компании, зато строительство заняло всего два года, а летом 2010 г. «соседство», сыгравшее роль Олимпийской деревни, было полностью заселено¹¹¹. «Умный» процесс постановки и решения задачи, не слишком удивительный в свете опыта Большого Ванкувера, обсуждавшегося выше, создал предпосылки, на которых развернулась собственно экспериментальная часть smart city Ванкувера. Ограничимся сводом основных положений программы, поскольку подробное изложение технологий выходит за рамки нашей задачи¹¹².

Энергия: повышение энергоэффективности зданий; максимальное использование локальных источников возобновляемой энергии; запуск программ эффективного управления использованием энергии; установка микросетевых возвратных схем с подключением микро-районной системы теплоснабжения; использование сенсорных датчиков контроля.

Парковка: предпочтительные права парковки для кооперативных машин и машин совместного использования; минимизация квот на места парковки; освобождение от необходимости покупки мест в паркинге от покупки квартиры.

Ландшафт и вода: использование туалетов, кранов и душей с малым расходом воды; применение устойчивых к засухе, преимущественно местных видов растений (в идеале — нулевое потребление воды для полива); устройство озелененных кровель на половине общей площади кровель; внедрение замкнутого цикла использования ливневых вод; предоставить места для развития городской агрокультуры; обеспечить отдельный сбор органики, отходов, поддающихся повторному использованию, и иного мусора; обеспечить места для компости-

¹¹¹ Необходимо иметь в виду, что перспективный мастер-план центра города был принят еще в 1982 г., в 1986 г. в Ванкувере проходила Всемирная выставка, под развертывание которой северная часть района Фолс Крик уже была расчищена от остатков промышленных сооружений.

¹¹² К примеру, использована принципиально новая схема кондиционирования воздуха, охлаждаемого или подогреваемого с помощью теплового насоса и подающегося в помещения через миллионы капиллярных каналов в панелях потолка.

рования в садах и парках; снизить объем строительного мусора, вывозимого на свалки, до 25%.

Транспорт: встроить в планировочную схему использование трамвая, паррома и усовершенствованных автобусов; создать удобные и полностью безопасные остановки общественного транспорта; сформировать сеть пешеходных и велосипедных маршрутов; обеспечить льготы для совместного использования автомобилей; использовать эффективные системы снижения плотности движения. Особые разделы посвящены развитию социальной инфраструктуры, архитектуре и конструкциям зданий в логике «зеленого» строительства; эффективной организации ландшафта; инженерным инфраструктурам.

Все поставленные цели достигнуты — пусть в территориально ограниченном, но достаточно крупном масштабе¹¹³, что позволяет констатировать: навстречу внедрению IT-технологий в управление городскими инфраструктурами разворачивается процесс реорганизации интеллектуальной структуры территориального планирования и архитектурного проектирования. По предварительным публикациям в Интернете есть основания полагать, что работа над подготовкой летней Олимпиады-2012 в Лондоне, вследствие которой издавна игнорируемый властями город Ист-Энд будет существенно преобразован, в известной мере приблизится к ванкуверскому образцу.

Вернувшись к российским реалиям, приходится с огорчением констатировать, что хотя семинары по теме smart city участились, для серьезного обсуждения этой темы нет начальных условий. Как показывает опыт Детройта, само наличие этих условий является необходимостью, но недостаточно. В США в целом происходит реальный переход страны к постиндустриальной экономике с ее скачком занятости в сфере малого бизнеса и расширением слоя «свободных агентов», но это не означает, что такой переход может осуществиться в каждом городе. Второе условие — сложение сильных городских сообществ, третье, зависимое от второго, — грамотное построение ум-

¹¹³ По отдельности многое из этого используется в мире около 15 лет, будь то здание банка в Амстердаме или офисный центр во Франкфурте, где кондиционирование осуществляется без потребления электроэнергии, или жилой квартал в немецком Тюбингене, где ливневые воды используются в замкнутом цикле, что позволило не только создать систему малых каналов, каскадов и прудов, но и снизить объем сброса в ливневую канализацию почти до нуля (за исключением редких проливных дождей) и т. п.

ной политики территориального развития. Очевидно, что ни одного из этих трех условий в сегодняшней России нет. Смена экономических укладов пока еще только декларируется, тогда как с конца 90-х гг. законотворческая работа и текущая практика управления в регионах были нацелены на последовательное сокращение возможностей развития муниципальных сообществ, а федеральный центр, в свою очередь, не выказывал склонности к разработке дееспособной политики территориального развития и его инструментов.

К сожалению, опыт Москвы, имевшей в 90-е гг. уникальный шанс сделать качественный рывок, сформировал образец последовательного отхода от идеологии «умного города». Превращение Московской кольцевой автодороги в невидимую, но прочную стену, отгородившую столицу от ее территориального окружения системой московских льгот для пенсионеров и работников бюджетных учреждений, отсекло возможность формирования полноценного города-региона (metropolitan area). Политика московского правительства, выстроенная в логике капиталистической корпорации, исходно спровоцировала взлет цен на жилье¹¹⁴, тогда как цены на землю, установленные волевым решением (к чему следует добавить стоимость права аренды земли), привели к дополнительному росту цены условного квадратного метра. Наконец, переложение затрат по инженерным инфраструктурам на девелопера и безудержные спекулятивные инвестиции в строительство жилья, осуществлявшиеся банками и рилторскими компаниями, взвинтили цены еще выше¹¹⁵. В большей или меньшей степени примеру Москвы последовали другие крупнейшие, а затем и средние города, и только кризис 2008 г. несколько ослабил спекулятивное давление на рынок жилья, на котором цены полностью вырвались за рамки правдоподобной соотнесенности с доходами абсолютного большинства населения. Свою роль сыграл и градостроительный кодекс, позволивший отказаться от мировой практики предварительного формирования проектов застройки свободных территорий за счет муниципалитета и проводить среди ин-

¹¹⁴ Вместо объявления программы строительства социального жилья за счет бюджета и внебюджетных доходов уже первые девелоперские программы включали в стоимость коммерческого жилья стоимость квартир, бесплатно предоставляемых очередникам, что переложило эти затраты на покупателей квартир.

¹¹⁵ Искусственная поддержка унаследованных от предыдущей эпохи домостроительных комбинатов, продолживших практику возведения многоэтажного сборного жилья в конструкциях, далеких от современной установки на энергосбережение и экономию материалов, внесла в этот процесс свою лепту.

весторов аукционы на отдельные лоты, что ликвидировало возможность планировочного контроля над освоением территории в целом.

Не говоря уже о транспортном коллапсе, названные причины и множество неназванных причин вызвали деградацию среды и в Москве, и в Подмосковье, где власти области и ближних к Москве городских округов подхватили логику правительства Москвы с существенной поправкой ценовой политики в сторону снижения цен жилья. Если «дикая» американская субурбия 50–80-х гг. прошлого века застраивалась почти исключительно малоэтажными домами с ограниченным расчетным сроком жизни домов, что оставляет шанс ее реконструкции в будущем, то мы получили свой вариант расплозания пятна многоэтажной застройки, прореживание и реконструкция которой будут чрезвычайно затруднены.

Нецелесообразно предъявлять претензии к разработчикам последнего по времени Генерального плана Москвы — они решали ту задачу, которая была перед ними поставлена, т. е. упорядочить процедуры взаимоотношений между владельцами участков и властью. Это существенный вопрос, но он имеет сугубо косвенное отношение к теме собственно *управления территориальным развитием*. Генеральный план, трактующий город в административных границах, в принципе имеет малое отношение к сложной действительности Большой Москвы, или, в международной терминологии, к metropolitan area, к городу-региону. Генеральный план разрабатывался в отсутствие стратегического плана развития города-региона, который был бы сформирован в активном диалоге с экспертными сообществами, представляющими интересы бизнеса и общественных сил, без диалога с муниципалитетами, граничащими с административно обособленной Москвой. Ввиду отсутствия развитых муниципальных институтов, какими не являются советы так называемых муниципальных районов, возможность контроля над соблюдением правил землепользования и застройки монопольно остается в прерогативах московского правительства. Это оставляет место корректировкам этих правил под конкретный инвестиционный проект и в то же время превращает идею мониторинга всех участков десятиллионной столицы в фикцию.

Стратегический план развития предполагает полную прозрачность финансового состояния города-региона, независимый аудит и публичную апробацию ключевых направлений расходования средств. Специфика управления в Москве на протяжении двух десятилетий заключалась в том, что при расходовании гигантских сумм на доплаты пенсионерам и работникам бюджетных учреждений этих

средств недостаточно для решения острейших проблем повседневного функционирования, начиная с замены перегруженных электрических сетей и кончая заменой лифтов. Три фундаментальные проблемы Москвы — реконструкция всей системы общественного транспорта, создание обширного хозяйства многоуровневых гостевых стоянок при приемлемой цене и приведение в порядок внутриквартальных территорий — так и не нашли внятного ответа ни в стратегических документах, ни в Генеральном плане.

Ни в документах, которые условно можно отнести к сфере стратегического планирования, ни тем более в обосновывающей части Генерального плана не содержится и намек на необходимость реконструкции механизмов управления хотя бы в сугубо административном плане. Единственной площадкой координации между многочисленными департаментами, службами и ГУПами (государственными унитарными предприятиями) остается кабинет московского губернатора, в средствах массовой информации по ошибке до сих пор именуемого мэром. Недавний московский градоначальник периодически обрушивал жесткую критику в адрес элементов той административной системы управления, которую выстраивал годами, так что и при произошедшей наконец смене персонажа в кресле градоначальника потребуются годы аналитической работы, чтобы сколько-нибудь приблизиться к моменту, когда всерьез можно будет говорить о подготовке перехода к построению smart city.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиция требует завершать книгу обобщением, но в данном случае делать это не представляется разумным — хотелось бы, чтобы обобщение осуществилось в сознании внимательного читателя. Важнее вычленивший доминирующий мотив работы, которая замыкает многолетние размышления над судьбой городов, прочно ввязанных в общую ткань жизни страны, рассмотрение явных, заметных и почти незаметных метаморфоз, переживаемых разными местами обитания. Этим доминирующим мотивом является обостренное ощущение убегающего времени, переживание углубляющегося отставания нашей страны в гонке на выживание, которая приобрела глобальный масштаб на протяжении жизни одного поколения. Более того, наблюдения убеждают в том, что в сфере управления территориальным развитием власти, действуя из лучших побуждений, последовательно сокращают возможности выхода из туннеля, ведущего страну в тупик, — в частности, все новыми поправками к земельному, водному, лесному и градостроительному кодексам¹.

Уже базовая редакция градостроительного кодекса, подготовленная фондом «Институт экономики города», вызвала существенные возражения по нескольким ключевым позициям. Буквалистское прочтение федеративности в этой редакции вело к тому, что крупномасштабные схемы пространственного развития можно формировать только в границах субъектов федерации, тем самым блокируя возможность прорабатывать пространственно очерченные концепции развития макрорегионов. Столь же буквальное понимание закона о местном самоуправлении закрепило необходимость создания ге-

¹ Лето 2010 г., затянутое дымом пожаров, донельзя ярко предъявило трагизм последствий скороспелых решений законодателей, принимавшихся под мощным давлением лоббистских структур. В период обсуждения этих кодексов Государственной Думой автору довелось проводить экспертные слушания на площадке Общественной палаты РФ, прогноз последствий был представлен, но не услышан.

неральных планов за обособленными муниципалитетами², не имеющими для этого средств. Закреплена конструкция, согласно которой основной процедурой планирования оказывается вычленение лотов для аукциона между инвесторами, вследствие чего муниципалитет оказывается не в состоянии осуществлять деятельный контроль над рациональностью землепользования. И эти, и многие другие претензии многократно высказывались публично отдельными специалистами и экспертными общественными организациями, включая Гильдию градостроителей. Была надежда на то, что очередная корректировка позволит приблизить положения кодекса к действительности и облегчить задачи муниципалитетов. Увы, поправки, принятые Государственной Думой в первом чтении к концу весенней сессии 2010 г., содержали в себе угрозу полного выхолащивания содержания генерального плана³.

Не вдаваясь в частности, ограничимся двумя ссылками. Первая — на текст самого законопроекта, согласно которому (п. 1 ч. 5 ст. 9) основанием для подготовки генеральных планов становятся комплексные программы развития муниципальных образований — при наличии таковых. Вторая — цитата из статьи основного разработчика кодекса в его прежней редакции: «Законопроектом предлагается утвердить ситуацию, когда в генеральном плане уже не будет ни целей, ни задач, ни мероприятий территориального планирования, не будет и программы реализации генплана. Видимо, предполагается, что цели, задачи и мероприятия будут обозначены в комплексных программах развития муниципальных образований. Но это — при их наличии, а наличие таких программ не является обязательным. <...> То есть предполагается, что территориальное планирование вообще не содержит никаких специфических задач, которые не мог-

² При внимательном чтении кодекса можно обнаружить указание на возможность совместной разработки планировочной документации несколькими муниципальными образованиями, но такая процедура не обеспечена ни организационно, ни в финансовом отношении, что делает указание на нее пустой учтивостью.

³ Заметим, что смена генерального разработчика произошла сугубо кабинетным образом, первоначальный коллектив не участвовал в разработке поправок. Ни Союз архитекторов России, ни Гильдия градостроителей, ни Российская академия архитектуры и строительных наук к обсуждению поправок не привлекались. Разработчики анонимны.

ли бы быть сформулированы без использования института территориального планирования»⁴.

Со своей стороны автор книги убежден в том, что содержание и структура генерального плана муниципального образования нуждаются в существенном пересмотре, но это убеждение отнюдь не означает отказа от функций, которые могут быть выполнены только этим документом, сопряженным со стратегическим планом и вместе с ним составляющим обязательное условие эффективного управления развитием. Может показаться, что речь лишь о кирпичике территориального планирования, каким является генеральный план, но из этих кирпичиков создается (или разрушается) целостная сфера деятельности, потребность в развитии которой, как мы старались показать, вот уже сто лет признается в мире повсеместно.

Автору довелось быть свидетелем диалога между достойными представителями профессионального цеха планировщиков традиционного типа и руководителем одного из департаментов Министерства экономического развития. Этот руководитель холодно констатировал, что схемы территориального планирования, разрабатываемые по заказу губерний, в действительности нужны им только потому, что таково требование градостроительного кодекса. По этой причине качество таких документов значения не имеет и, соответственно, губернские власти справедливо стремятся лишь к одному — снизить стоимость разработки СТП. Следовательно, это планировщики должны либо убедить региональную и муниципальную власть в том, что такого рода документы нужны им в практической деятельности, либо им следует искать себе иное занятие. Это отнюдь не частный случай, так как современная управленческая элита, выросшая на стандартных программах менеджмента, отстроенного на отраслевом (т. е. ведомственном) подходе к задачам управления, искренне не понимает природы территории как единственного сущностного интегратора для обособленных сфер деятельности и не желает ее понимать.

В сумеречной книге Симона Кордонского на основании глубокой аналитической работы безжалостно предьявлена картина сосуществования двух стран в одной России: той, что «в реальности», т. е.

⁴ Трутнев Э. Упростить, чтобы упразднить? СА. Август 2010. В июне 2010 г. на сайте Администрации Президента РФ было опубликовано заключение, согласно которому законопроект нуждается в доработке, так что не исключается, что наиболее вопиющие поправки удастся устранить, но важен сам тренд — такого рода законопроекты продолжают разрабатываться министерствами и в комитетах Государственной Думы без проведения независимой экспертизы.

в административной мифологии, и той, что «на самом деле»: «В той, первой, — констатирует Кордонский, — административный торг между членами сословий формируется в пространстве ресурсной организации экономической жизни. Это торг между представителями разных сословий при сборе ресурсов, их распределении и контроле над их сбором и распределением. Административный торг обусловлен самой структурой „реального“ пространства и ресурсной природой власти, функции которой заключаются в заботе о благе народа, т. е. в справедливом распределении ресурсов между сословиями»⁵. С этой картиной, во всяком случае, с ее частными проявлениями, знаком всякий вменяемый гражданин отечества, но ее системное предъявление имеет принципиальное значение для всякого, кто не безразличен к его судьбе.

Тема управления территориальным развитием существенна не только тем, что она служит предметным подтверждением справедливости умозаключений Кордонского, но и тем, что ее разработка позволяет указать все еще возможный, хотя и трудный для реализации, путь освобождения от морока «двух стран в одной», старательно избегающих одна другую. Фарватер этого пути, как всегда, непредсказуем, но створ задан самим ходом вещей, независимо от идеологических пристрастий.

Раньше или позже, но властному сословию придется признать, что и в пределах «страны административной реальности» сосуществуют две разные действительности. Есть сфера повседневного функционирования, в которой задачи распределения благ могут решаться относительно успешно сообразно административно-территориальному делению. И есть область развития, имеющая опору единственно в местных сообществах, хотя движителями изменений могут быть и государственные, и частные корпорации. В этой второй сфере уже есть каркас, образованный крупнейшими и отчасти средними городами, и «Россия развития» может сложиться лишь в форме особого рода федерации — федерации городов-регионов. В ней в принципе возможно раскрытие творческого ресурса миллионов людей, по мощности многократно превышающего объединенные ресурсы административного сословия и круга обслуживающих его экспертов. В этой федерации в принципе реализуем скачок предпринимательской инициативы, порождающей миллионы рабочих мест, включая особую инфраструктуру «фрилансеров». Превратить эту потенциальную возможность в действительность можно за счет радикального

⁵ Кордонский С. Г. Россия. Поместная федерация. М., 2010.

переворачивания пропорции межбюджетных отношений в пользу города-региона, следовательно, и в пользу усиления ресурсных возможностей административного управления функционированием — через умножение налогооблагаемой базы.

Такого рода трансформация нисколько не умаляет значения централизованного управления. Напротив, именно на него в российских условиях ложится ответственность за обеспечение крупномасштабного территориального планирования, объектом которого оказываются условия развития на местах. На языке управленческой практики это означает необходимость формирования фонда территориального планирования, в полномочия которого входило бы предоставление грантов на осуществление необходимых исследований и эскизного проектирования, субсидий на полновесную проектную проработку программ развития и субсидий профессиональным школам — для возрождения и развития профессии в ходе практической вовлеченности в процесс планирования.

Оптимизм автора неограничен. Понятно, что сословие администраторов, защищая свои интересы, будет всемерно противиться признанию страны «как она есть» и той реконструкции мышления, а за ней и реконструкции управленческих процедур, которые необходимы для практического освоения интегрирующей роли городов-регионов. Скорее всего, лишь осознание тщетности надежд на инновационное развитие страны в рамках сложившегося рисунка управления подтолкнет власть к реальной попытке его изменения. Нельзя, впрочем, исключить и того, что осознание такого кризиса будет подталкивать власть к соблазну еще устроить схему централизации, и тогда уже только неминуемое разочарование в стремлении сжать воду в кулаке вызовет необходимые перемены. Изменения неизбежны (лишь бы хватило времени, отпущенного историей), и потому, какие бы новации ни рождались в среде администраторов-законотворцев, следует готовить изменения и готовиться к изменениям, строя собственное сознание и в меру возможности выстраивая собственную практику по его мерке.

В. Л. ГЛАЗЫЧЕВ
ГОРОД БЕЗ ГРАНИЦ

Выпускающий редактор серии *Е. Попова*
Корректор *Е. Цыпилева*
Оформление серии *В. Коршунов*
Верстка *С. Зиновьев*

Формат 70×100 1/16
Усл. печ. л. 32,3. Тираж 1500 экз.
Заказ №

Издательский дом «Территория будущего»
125009, Москва, ул. Б.Дмитровка, 12/1, стр. 1

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-91129-072-6

9 78 5 911 2 90726